

Федеральное агентство по образованию
АМУРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Фольклорно-диалектологический альманах

СЛОВО

Материалы научных экспедиций

Выпуск 4

АМУРСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО:
РЕЧЕВЫЕ ПОРТРЕТЫ

РЕЧЕВЫЕ ЖАНРЫ

СЛОВАРЬ

ЯЗЫК ФОЛЬКЛОРА

Благовещенск
2006

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Н.Г.Архиповой, Е.А.Оглезневой – Благовещенск: АмГУ, 2006. 179 с.

В выпуске представлены диалектные и фольклорные материалы, собранные студентами и преподавателями кафедры русской филологии АмГУ в селах Амурской области во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2000-2005 гг. Альманах включает разделы «Современные исследования русских говоров и фольклора», «Материалы студенческих конференций и семинаров», «Амурское старообрядчество», «Речевые жанры», «Словарь», «Язык фольклора», «Школа». В разделе «Амурское старообрядчество» публикуются отрывки из очерка А.А.Кауфмана «По новым местам», посвященные семейским Амурской области, приводятся тексты рассказов старообрядцев и даются лингвистические комментарии к ним. Раздел «Речевые жанры» посвящен диалектным жанрам «Объяснение» и «Воспоминание». В разделе «Словарь» продолжается публикация лексики амурских говоров (буквы Д-Ж). Лирические песни, частушки, заговоры, записанные в селах Амурской области в 2003-2005 гг., включены в раздел «Язык фольклора». В разделе «Школа» собраны методические материалы лингвокраеведческого характера, разработанные лучшими педагогами г. Благовещенска. Предлагаемые материалы обладают не только лингвистической, но и историко-культурной и этнографической значимостью, представляя значительный интерес как для филологов, так и для историков, культурологов, этнографов, краеведов. К альманаху прилагается компакт-диск, включающий образцы диалектной речи и фольклора старожилов амурских сел.

Рецензенты:

Отдел диалектологии и лингвогеографии ИРЯ им. В.В.Виноградова РАН (зав. отделом д-р филол. наук, профессор Л.Л.Касаткин)

З.И.Резанова, д-р филол. наук, профессор, зав.кафедрой общего, славяно-русского языкознания и классической филологии (Томский госуниверситет)

Ю.А.Эмер, канд. филол. наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии (Томский госуниверситет)

Редакторы: Н.Г.Архипова, канд. филол. наук, доцент
Е.А.Оглезнева, канд. филол. наук, доцент

Редакция компакт-диска: А.В.Бородатов, Д.Н.Галимова

Ответственный за выпуск: Н.А.Сосина

В оформлении обложки использована икона «Иоанн Богослов в молчании» (сер. XVIII в.) – один из символов старообрядческой веры. *Фонд Музейно-научного центра АмГУ.*

ОТ АВТОРОВ

Предлагаемое читателю издание – четвертый выпуск фольклорно-диалектологического альманаха «Слово». Первый номер вышел в 2003 г., это был сборник фольклорных текстов и комментариев к ним. Второй номер определил структуру настоящего издания.

В четвертом выпуске альманаха публикуются диалектные материалы, собранные во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2000-2005 гг. преподавателями и студентами кафедры русской филологии Амурского госуниверситета в села Амурской области. Их издание представляется необходимым по ряду причин. Прежде всего, они показывают состояние современных амурских говоров – говоров переходного типа. В то же время подготовленные к публикации материалы интересны не только для лингвистов, но и для специалистов по культурологии, этнографии, истории Дальневосточного региона. Кроме того, собранные и подготовленные к изданию диалектные и фольклорные тексты воспитывают бережное отношение к народной речи и культуре, любовь к родному слову.

Первый раздел альманаха включает научные статьи преподавателей Амурского, Томского и Камчатского госуниверситетов. Работы посвящены проблемам диалектологии, лингвофольклористики и лингвокультурологии.

Второй раздел содержит записи рассказов старообрядцев (семейских) Амурской области о своей жизни, вере, быте, праздниках. Это своеобразные речевые портреты представителей особой конфессиональной группы, изучение говоров и культуры которой в настоящее время является актуальным. В комментариях к текстам представлены особенности языковой личности информантов на фонетическом, грамматическом и лексическом уровнях. Раздел предваряет вступительная статья о задачах лингвистического изучения амурского старообрядчества, о современном состоянии говоров, материальной и духовной культуре старообрядцев-семейских, также дается характеристика старообрядческих сел.

Третий раздел посвящен речевым жанрам. Представленные материалы показывают тематическое и функциональное своеобразие жанров «Воспоминание» и «Объяснение» в речи амурских старожилов. Речевой жанр «Воспоминание», вербализующий прошлый опыт, является неотъемлемой частью речи диалектоносителей. Кроме того, по объективным причинам тексты именно этого жанра преобладают в собранном во время диалектологических экспедиций материале. Выбор в качестве объекта лингвистического анализа жанра «Объяснение» не случаен: объяснение неизвестных реалий информантом в работе собирателя диалекта играет огромную роль. С одной стороны, узнавание новых реалий и их истолкование является одной из первостепенных задач диалектолога. С другой стороны, уклад деревенской жизни значительно отличается от городской, и потому для собирателя диалекта, который является жителем города, иногда трудно без толкования названия неизвестного предмета или явления понять, о чем ему сообщает носитель говора.

Раздел «Язык фольклора» включает собрание лирических песен, частушек и заговоров и демонстрирует особенности бытования этих жанров в конце XX – начале XXI вв. В комментариях к разделу кратко характеризуются особенности жанров, языка и стиля публикуемых фольклорных текстов.

Материалы к Словарю русских говоров Амурской области (буквы Д-Ж) содержат лексикографически обработанные результаты диалектологических экспедиций 2000-2003 гг. в приамурские и призейские села. Большинство слов и значений не зафиксировано в вышедшем ранее «Словаре русских говоров Приамурья» (М., 1983).

В альманахе включен также методический раздел, представляющий опыт работы школьных учителей по реализации регионального компонента в образовательных программах для средних полных школ.

К настоящему изданию прилагается компакт-диск, включающий образцы диалектной речи старожилов сел Амурской области, хранящиеся в фонотеке лаборатории региональной лингвистики. Составители альманаха не подвергали литературной правке диалектный текст, в нем сохранены все особенности спонтанной устной речи: паузы раздумий и подбора слов,

переходы от одной мысли к другой и самоперебивы, повторы и грамматические неточности, обилие препозитивных и постпозитивных частиц, вводных слов и выражений и др.

Для передачи устной спонтанной речи в основном использовалась система обозначений, принятая в работах по разговорной речи Е.А.Земской, М.В.Китайгородской, Н.Н.Розановой, Е.Н.Ширяева (1973, 1981, 1983, 1995, 1999 и т.д.).

Запись диалектных текстов представлена в упрощенной фонетической транскрипции с опорой на следующие принципы:

1. Для членения текста используются знаки препинания в соответствии с пунктуационными правилами и авторской интонацией. Новое высказывание начинается с большой буквы.

2. Самоперебивы, обрывы мысли в высказывании, паузы хезитации обозначаются многоточием (...).

3. Словесное ударение обозначается знаком «акут» над ударным гласным (напр., á, ó).

4. Реплики интервьюера даются курсивом, с новой строки.

5. Реплики диалога между информантами отмечаются начальными буквами инициалов.

6. Ремарка (нрзбр.) обозначает неразборчивость текста при воспроизводстве записи. Если адекватность расшифровки текста вызывает сомнение, то фрагмент высказывания берется в круглые скобки и отмечается знаком «вопрос»: (?).

7. При пропуске фонетических, грамматических, лексических фрагментов в речи информантов нереализованный компонент текста берется в круглые скобки: *(в)от, з(ово)рут, (о)город*.

8. Удлинение гласного или согласного передается повторением через дефис гласной или согласной буквы (напр., *ма-а-ма, р-р-раз*).

9. В острые скобки (<...>) берется пропущенный отрезок текста, не имеющий лингвистической или иной ценности.

10. Текст подается в орфографической записи. В случае «оканья» подчеркивается буква «о», обозначающая фонему /o/: *богородица, говорит*.

11. Ярко выраженные диалектные особенности в речи информантов передаются в фонетической записи с использованием следующих знаков:

γ – фрикативный звук [ɣ], ъ – неслоговой звук [ɯ], э – ослабленный редуцированный в заударных и преударных слогах, w – билабиальный [w].

11. Частотные стяженные формы даются в орфографической записи (напр., *щас, тыща*).

12. «Чужая» речь в высказываниях информантов оформляется как прямая речь.

Работу над альманахом предварял сплошной набор диалектной речи с магнитофонных кассет и цифровых носителей и последующая систематизация материалов, исходя из принципов цельности, связности, культурно-исторической значимости и диалектной показательности записанных текстов. Тексты, включенные в разделы «Речевые портреты» и «Речевые жанры», подвергались многократному прослушиванию и компьютерному анализу для уточнения диалектных особенностей речи информантов.

Отбор материала для раздела «Современные исследования русских говоров и фольклора» осуществлялся Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Написание лингвистических комментариев и вступительной статьи в разделе «Речевые портреты» – Н.Г.Архиповой. Отбор текстов для разделов «Речевые портреты» – Н.Г.Архиповой, «Речевые жанры» – Н.В.Лагута, лингвистическая обработка рассказов-воспоминаний – Н.Г.Архиповой, Н.В.Лагута, Д.Н.Галимовой, техническая правка – Н.А.Сосиной, выверка текстов и создание звуковой версии разделов «Речевые портреты» и «Речевые жанры» – Д.Н.Галимовой и А.В.Бородатовым. Создание электронной версии картотеки для словаря – О.Г.Краснощека, Н.А.Сосиной, редактирование словарных материалов – Н.Г.Архиповой, Н.В.Лагута, Е.А.Оглезневой, Е.Е.Рачко, Г.М.Старыгиной. Обработка текстов и написание комментария в разделе «Язык фольклора» – Н.Г.Архиповой. Создание исторических справок о селах и кратких сведений об информантах – Д.Н.Галимовой.

Работу по сбору диалектного и фольклорного материала вели преподаватели кафедры русской филологии, сотрудники лаборатории региональной лингвистики и студенты филологического факультета Амурского государственного университета.

Представленные в альманахе материалы могут стать объектом научного исследования и выступать как источник для изучения языка и культуры народа.

Настоящее издание и компакт-диск можно приобрести в лаборатории региональной лингвистики кафедры русской филологии Амурского государственного университета по адресу: 675027, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, корпус 7, каб. 112.

Авторы альманаха будут признательны за отзывы, критику и конструктивные предложения.

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ ГОВОРОВ И ФОЛЬКЛОРА

В данном разделе представлены материалы научных исследований русских говоров и фольклора, проводимых в Амурском, Томском и Камчатском государственных университетах, ученые которых занимаются проблемами диалектологии и лингвофольклористики.

В представленных публикациях затрагиваются вопросы соотношения литературного и народного языков (статья О.А.Глущенко); научному описанию подвергается концептосфера фольклорного текста (статья Ю.А.Эмер); рассматриваются структурно-типологические особенности лирических песен и жанрово-тематическое своеобразие девичьих рукописных альбомов (статьи И.В.Тубаловой, Н.Г.Архиповой). Метафорам в русских говорах Приамурья посвящена статья Д.Н.Галимовой.

Исследования, результаты которых представлены в публикуемых работах, проводились на региональном материале. Факты диалектной речи описываются и интерпретируются с позиций антропоцентрического, лингвокультурологического подходов, языковые факты рассматриваются с учетом специфики национальной концептосферы.

О.А.Глущенко

НАРЕЧИЯ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ И НАРОДНОМ ЯЗЫКЕ

Наречия образа действия представляют собой лексический класс слов, связанных смысловым вопросом «как? // каким образом?» и реализующих общую семантическую функцию характеристики процесса и его составляющих. В языке лексический класс существует как многоуровневая система множеств, объединяющих лексемы, связанные оппозиционными отношениями. Лексический класс наречий образа действия неоднороден, в нем есть множества и подмножества слов, характеризующихся близостью значения, общей сферой приложения наречного признака, единым объектом характеристики. Внутри каждого лексического множества и подмножества наречий образа действия слова связаны определенными типами семантических корреляций: синонимических (и квазисинонимических), гипонимических, антонимических. Минимальным фрагментом любого лексического объединения является слово. Каждое отдельно взятое наречие образа действия выступает в роли обязательного элемента системы языка, следовательно, оно связано и взаимодействует с другими наречиями внутри лексических множеств и подмножеств. Это предопределяет изучение разнообразных лексико-семантических связей (показателей системности на лексико-семантическом уровне) наречий образа действия внутри своего лексического класса.

При выделении иерархии внутри лексического класса наречий образа действия были учтены следующие особенности:

1. Термин «наречия образа действия» условный и не отражает в полной мере все семантические особенности обозначаемых им наречий; другими словами, не всегда наречная характеристика является описанием образа действия или способа протекания процесса.

2. Семантика наречий в полной мере выявляется не столько в изолированном употреблении слова, сколько в синтагме и с учетом денотативного аспекта.

3. Границы лексических множеств и подмножеств не являются четкими и жесткими, что обусловлено особенностями содержательной стороны лексики, сопротивляющейся любой строгой классификации. Выделяемые лексические множества и подмножества по сути микрополя и проявляют все особенности полевой организации.

Основным источником языкового материала послужила картотека «Архангельского областного словаря» (хранение – кафедра русского языка филологического факультета МГУ), словник «Архангельского областного словаря» под ред. О.Г.Гецовой (около 2000 контекстов). Литературный материал взят из «Словаря русского языка» под ред. А.Евгеньевой

(1984). Объем языкового материала составляет более тысячи лексем, зафиксированных в архангельских народных говорах и около двух тысяч лексем литературного языка.

Рассмотрим внутреннюю структуру лексического класса наречий «как»-вопроса в литературном языке (ЛЯ) и архангельских народных говорах (АНГ). Основное противопоставление внутри лексического класса наречий образа действия обусловлено категориальной семантикой наречия, имеющей реляционный характер в силу того, что в ее основе лежит понятие признака, который не существует в мире изолированно, сам по себе, а имплицитно вводит процессуальный признак, некую субстанцию или ситуацию, к которым он должен и может быть привязан, направлен, приписан. Так, наречия образа действия способны, с одной стороны, определять процессы, состояния сами по себе или в совокупности с характеристиками задействованных в них субъектов, объектов; с другой стороны, они могут быть приписаны всей ситуации, положению дел, сценарию. Первое членение лексического класса наречий заключается в выделении двух множеств: 1) характеристики процессов и связанных с ними субъектов и объектов; 2) характеристики ситуации. Разделение этих множеств может быть связано и с различием двух типов номинации: элементарной и событийной. Наречия первого множества образуются в результате элементарной номинации, которая обозначает определенный элемент действительности. Появление наречий второго множества, соответственно, можно объяснить событийной номинацией, которая в качестве номината имеет микроситуацию.

Наречия первого множества раскрывают особенности протекания процесса в сфере объекта, который охвачен этим процессом, вовлечен в него, или особенности процесса в сфере субъекта, который претерпевает процесс или сам его инициирует, или, наконец, специфику протекания самого процесса, действия, состояния. Все наречия этого множества можно считать актантными и сирконстантными, поскольку именно они характеризуют или предикатный признак (и в этом смысле обозначают признак признака), или члены актантной рамки предиката (и косвенно обозначают вторичный признак субъекта и /или объекта).

На втором уровне иерархии наречных значений внутри этого множества разграничены три подмножества (тематических класса) в зависимости от сферы приложения наречного признака: 1) характеристика протекания процесса, состояния; 2) характеристика явлений, процессов, состояний в сфере субъекта; 3) характеристика явлений, процессов, состояний в сфере объекта. Внутри каждого тематического класса выделяются подклассы (ЛСГ) по денотативно-понятийному принципу и объекту характеристики. Например, характеристики перемещения будут дифференцированы в зависимости от типа перемещения. Так, в первом лексическом множестве выделяется 8 тематических классов (ЛСГ) по понятийно-денотативному принципу:

1. Характеристики условий протекания процесса и разнообразные способы действия.
2. Характеристики положения в пространстве.
3. Характеристики способа перемещения.
4. Характеристики направления.
5. Характеристики сорасположения.
6. Характеристики скорости.
7. Характеристики процессов в сфере субъекта (живого существа).
8. Характеристики процессов в сфере объекта.

ЛСГ 1 «Характеристика протекания процесса и разнообразные способы действия».

Наречия модифицируют значение предикатов действия, процесса, состояния в отношении общих и частных условий протекания, бытования:

- температурные особенности процесса горения или нагревания (*дѣмно, пла́менно, тѹскло*);
- погодные условия и состояние окружающей среды (*мо́кро, ясно, хму́ро, хо́лодно, промóзгло*);
- характер и способ осуществления конкретных действий и процессов: курение (*вза́тѣ*), дыхание (*глубо́ко*), окрашивание (*приро́дно*), мытье и стирка (*ду́стно*), игра на музыкальных инструментах (*легáто, стакkáто*), письмо и рисование (*альфрѣско*), строительство

(*внакрóй, ла́базом*), обработка предмета (*всухую*), добывание воды (*тру́бно*), вспахивание (*всва́л*), косьба (*напрóмах*), удобрение почвы (*жи́рно*), стрельба (*за́лтом, влёт*), борьба (*впова́лочку, нарукопа́шную*), бухгалтерские подсчеты (*ажу́р*), товарооборот (*беспо́шлинно*), одевание одежды (*све́рхом*), вязание и шитье (*впрóстеж, гла́дко, вгладь*);

- пространственные координаты процесса (*длинно, нарóвне, высо́ко, óзель*);
- общий способ производства (*вручнóу, маши́нно*);
- характер протекания процесса: механического процесса (*самохо́дом*), процесса перемещения (*ка́чко, ю́рко, вплавь, вброд*);
- характеристика звуковой среды (*беззвúчно, шумно, скрипúче, ритмично*);
- способ произнесения (*вслух, врёвушку, громогласно, шёпотом*) и индивидуальные особенности артикуляции (*гну́сно, кривоязы́ко, картáво*);
- способ лингвистической организации информации (*по-ру́сски, по-го́лницки, словесно, письменно*);
- способ обращения к человеку (*поимённо, по-нау́личному*);
- способ использования информации (*наглядно, априо́ри, понаслýшке*);
- способ познания (*зао́чно, самоу́чкой*);
- способы физического воздействия и разные способы деформации предмета (*внатя́г, навывóрот, ту́го, навывлёт, рваньём*);
- кратность процесса деления (*на́двое, напо́лы, начетвё́р*).

ЛСГ 2 «Характеристика положения в пространстве». В основе классификации наречий данной группы на подгруппы лежит представление о положении субъекта и объекта в пространстве, поэтому структура ЛСГ организована «естественными» классами смыслов:

1. Характеристики положения в пространстве тела живого существа:

- характеристика вертикального положения (*всто́йку, стру́ночкой, навы́тяжке*);
- характеристика горизонтального положения (*ле́жкой, навзничь, ничко́м*);
- характеристика согнутого положения (*вна́гибь, внапа́дку, калáчиком*);
- характеристика сидячего положения (*сиднем, нарозвья́х*);
- характеристика висячего положения (*полусидя, наотвёс*);
- характеристика противоположного естественному положению (*комельго́й, ны́ром*);
- характеристика положения ног (*кара́бушки*);
- характеристика положения головы (*головьём, заломя́*);
- характеристика положения разворота (*вполоборóта*);

2. Характеристики положения объекта в пространстве:

- характеристика вертикального положения (*торчко́м, напо́а, стоямя́ком*);
- характеристика горизонтального положения (*ла́гом, горизонтáльно*);
- характеристика положения под углом (*накло́нно, вкось*);
- характеристика противоположного привычному положению (*татарáшкой*);
- характеристика висячего положения (*наперевёси, вйсьмя*);
- характеристика положения разворота (*пла́стью, плашмя́*).

Членение семантического пространства обеих подгрупп во многом схоже. В большей степени конкретизированы представления о горизонтальном и вертикальном положении, т.к. это основные положения субъекта и объекта в пространстве.

ЛСГ 3 «Характеристика способа перемещения». Наречия объединяются вокруг представления о перемещении, под которым подразумевается передвижение активного субъекта и перемещение пассивного субъекта или объекта. Поскольку перемещение в целом – это конкретное действие, наречия обозначают всевозможные способы совершения этого действия, что и обуславливает выделение разных подгрупп наречий в рамках ЛСГ:

- характеристика самостоятельного перемещения по поверхности при помощи конечностей (*пешко́м, бе́гом, вприпры́жку*);
- характеристика хода лошади (*вскачь, ры́сью*);

- характеристика способа самостоятельного перемещения по земле при помощи всего тела (*кувырком, ползком*);
- характеристика способа самостоятельного перемещения в водной среде (*ныром, плавки, науточках*);
- характеристика способа перемещения при помощи другого человека (*закоборшки, вшаках, тянком*);
- характеристика перемещения при помощи животного (*вёршну, ступком, гужом*);
- характеристика способа перемещения при помощи силы течения (*вздымку, плавежом, самоплавом*);
- характеристика способа перемещения при помощи механизма или приспособления, транспорта, опоры (*мотбром, лозом, вгребну, нюзом, одержачку*).

ЛСГ 4 «Характеристика направления». В семантике наречий этой ЛСГ есть компонент «направление». Наречия направления интересны тем, что они в зависимости от семантики управляющего глагола и условий контекста указывают и направление перемещения (в сочетании с глаголами движения), и характер соположения предметов (в сочетании с глаголами расположения), и направление манипуляций с предметом, и траекторию движения. В основе классификации наречий данной ЛСГ находится «естественная» типология направлений, следуя которой мы выделили следующие подгруппы наречий в рамках ЛСГ:

- характеристика прямого направления (*напрямую, напралом, напраход*);
- характеристика поперечного направления (*наперерез, поперёк*);
- характеристика направления прямого и обратного (*наоберук, зад-перёд*);
- характеристика направления, противоположного прямому (*впротйву, впротёк*);
- характеристика направления по диагонали (*наискоски, наперелучь*);
- характеристика кругового направления (*вкруговую, винтообразно*);
- характеристика хаотичного направления (*врассыпную, отнёжно*);
- характеристика относительного направления (*мимоходом, насквозь, мористо*).

ЛСГ 5 «Характеристика сорасположения». Все наречия ЛСГ обозначают пространственное расположение предметов или живых существ по отношению друг к другу – сорасположение. В зависимости от характера пространственного сорасположения понятийное пространство ЛСГ членится следующим образом:

- сорасположение контактирующих объектов (*параллельно, смежно, вглухую*);
- упорядоченное сорасположение объектов (*гусем, вперемежку*);
- упорядоченное сорасположение лошадей в упряжке (*впристяжу, цугом*);
- неупорядоченное сорасположение объектов (*вперемежку, грудно*).

ЛСГ 6 «Характеристика скорости». Дифференциация понятийного пространства наречий, связанных с понятием скорости, обусловлена разной степенью проявления свойств скорости: наречные характеристики высокой скорости противоположны характеристикам низкой скорости. Эти характеристики абсолютно полярны относительно представления о скорости как таковой. Особенностью семантической структуры обеих подгрупп является отсутствие средних характеристик скорости. С наречными определениями скорости связаны также и характеристики движений и скорости наступления событий, например: *исповольки, тихо, неспешно, ухвертью, стремительно, опрометью*.

ЛСГ 7 «Характеристика явлений, процессов, состояний в сфере субъекта (живого существа: человека, животного, птицы, рыбы)». Одна из самых объемных ЛСГ поля наречий образа действия включает в себя характеристики таких важных процессов и состояний в сфере живого существа, как:

- внутренние физические и физиологические процессы в сфере живого существа, например: смерть, болезнь, изнеможение, расслабление, сон, беременность и роды, опьянение, потение, рыдание, немота, слепота и т.д. (*живьём, безжизненно, неутомимо, обессилено, вродях, навывале, навеселе, дрожмя*);
- внешнее динамическое и статическое физическое состояние живого существа, например: готовность к движению (*нашагу*), движение (*вбегу*), полет (*влёт*), танец (*впляс*), объятия (*подохабки*) и др.;

- физическое состояние живого существа в процессе восприятия (*зёрко, впрям, вóдом, навидóк*);
- физическое состояние живого существа в процессе поглощения пищи (*всухомя́тку, вприку́ску, мачкóм, сырьём*);
- внешнее физическое состояние или процесс объединения живых существ (*втрóем, девяносторы́ма, вмéсте, нераздёльно*);
- внешнее физическое состояние или процесс разъединения живых существ (*отдéльно, поодино́чке, единоли́чно*);
- эмоционально-чувственная жизнь живого существа (*оптимистиче́ски, игри́во, элеги́чно*);
- психическая сфера жизни человека, проявляющаяся во внешнем состоянии (*причу́де, удивлённо*), поступках, поведении (*словоохóтливо, азартно*);
- внешний вид живого существа, например: особые приметы (*вприкóс, навы́кате*), возраст (*молодоли́ко*), физические параметры (*стро́йно, могу́че*), вид в одежде и без нее, способ ношения одежды (*голышóм, голоды́ром, внаки́дку, навы́пуск*);
- общественная жизнь человека: род занятий (*напосы́лках, на́ймом*), социально значимые поступки (*безотвётно, лóмом*), родственные связи (*безма́терно*), социально-экономическое состояние и уровень жизни (*дэнежно*) и др.

Специфической чертой данной ЛСГ будет тесная связь с ЛСГ характеристик процессов в сфере объекта. Для наречий типа *свежьём, внакидку* трудно однозначно определить ориентацию признака на процесс, состояние в сфере субъекта или объекта, часто такие характеристики синкретичны.

ЛСГ 8 «Характеристика явлений, процессов, состояний в сфере объекта». В ЛСГ включаются наречные характеристики физических свойств и состояний объекта, формирующиеся на основе всех видов восприятия: зрительного, тактильного, слухового, вкусового, обонятельного. Наречия называют физические состояние предметов, которые воспринимаются органами чувств как сущностные, постоянные или временные.

Внешние физические свойства объектов в большинстве случаев выявлены через внешний вид, форму, размер (*кóмом, клинообразно, кру́гло, óстро, долготце́м*), плотность (*гу́сто, ры́хло, жидко*), вес (*полновёсно, тяжело*), цвет (*исподси́ня, а́ло*), конструктивные, структурные особенности (*труба́сто, ме́лко, вдвоеря́дку*).

Физическое состояние объекта выявляется у помещения (*насте́жь, по́розно, чи́сто*), транспортного средства (*порожнякóм, вперегру́з*), растения (*насоку́, кудря́во, прозелень*), совокупности предметов (*сли́тно, целикóм*) и др.

К свойствам объекта, выявляемым при его функционировании, относятся такие, которые определяются через тактильные ощущения человека (*жеро́хово, шелкови́сто*), вкус и запах объекта (*сла́дко, те́рпко, души́сто*), перцептивные качества звука и света (*утрóбно, звóнко, монотóнно, ослепи́тельно, фосфори́чески*), а также общие функциональные характеристики объекта (*эластично, мя́гло*).

Наречия этой ЛСГ часто обозначают нерасчлененную характеристику и функциональных свойств объекта, способа использования или производства объекта, особенностей восприятия, например: *громко* – это характеристика звука и способ произнесения одновременно, *отчётливо* – перцептивная характеристика предмета и процесса восприятия.

Итак, первое лексическое множество состоит из таких наречий, которые в большинстве случаев семантически ориентированы на процесс и по отношению к нему являются модификаторами, характеристизаторами. Как правило, процессуальный признак и его наречный модификатор взаимосвязаны и воспринимаются одновременно. Так, процесс перемещения и скорость перемещения мы осознаем одновременно, скорость воспринимается не сама по себе, а через проявление какого-либо процесса. Процесс исполнения музыкального произведения и способ его исполнения сопряжены в восприятии. Следовательно, наречие модифицирует непосредственно сам процесс в отношении характера его протекания, направления, скорости, пространственных координат и т.д. Такова направленность семантического признака одной

части наречий первого лексического класса. Наречия первых шести ЛСГ мы определяем как сирконстантные наречия. Семантический признак другой части наречий тяготеет не к самому процессу, а должен быть приписан сфере субъекта или объекта, охваченного процессом, вовлеченного в него. Такие наречия можно считать актантными (ЛСГ 7 «Характеристика процессов в сфере субъекта (живого существа: человека, животного, птицы, рыбы)» и ЛСГ 8 «Характеристика процессов в сфере объекта»).

Первый лексический класс наречий образа действия имеет иерархическую внутреннюю структуру:

- выделено 8 ЛСГ в зависимости от направления семантического признака наречия;
- каждая ЛСГ членится либо на подгруппы и подмножества, либо только на подмножества наречий, тяготеющих к одному объекту характеристики;
- внутри каждого подмножества существуют тематические ряды наречий: квазисинонимические, ассоциативно связанные, квазиантонимические или ассоциативно противоположные ряды.

Между ЛСГ есть зоны пересечения, поэтому распределение определенной части материала по ЛСГ и подмножествам можно признать условным. Например, в группу характеристик вкуса объекта включены наречия со значениями «имея характерный вкус соли (о слезах, поте, крови)», «с большим количеством соли, специй, едко,пряно, жгуче (о пище)» и др., которые связаны также и с подмножеством характеристик способов приготовления пищи и состояния продуктов питания.

Ячейки семантической структуры первого лексического множества наречий образа действия неравномерно заполнены в сопоставляемых подсистемах общенационального русского языка – ЛЯ и АНГ. Так, внутри лексического класса обнаружено 180 понятийных зон (ячеек, клеточек системы значений наречий образа действия) – это тематические объединения наречий, связанных одним объектом характеристики. В 156 «ячейках» представлены лексические единицы ЛЯ и АНГ, хотя «зона покрытия» понятийного пространства словами из ЛЯ и АНГ чаще всего различается. Например, в зоне характеристик такого объекта, как способ производства чего-либо, встречаются лексемы из ЛЯ и АНГ, однако наречие из ЛЯ именуется только одну часть смыслов подмножества (значение «вручную, своими руками»), тогда как наречиями из АНГ названы все участки этой зоны (значения «вручную, своими руками» и «машинным способом»). Среди 180 зон понятийного пространства актантных и сирконстантных наречий мы выделили 30 лакун для системы ЛЯ и 14 лакун для системы АНГ. Это «пустые клетки» понятийного пространства, поименованные только в одной из сопоставляемых подсистем русского языка (или в ЛЯ, или в АНГ). Например, подмножество характеристик света, исходящего от объекта, представлено только наречиями из ЛЯ, а подмножество наречий со значением положения тела человека, охарактеризованного через положение ног, состоит только из наименований в АНГ. Употребление общерусского слова в лакуне не приводит к ее разрушению, поскольку семантический фрагмент лакуны лексически выражен однословным наименованием только в одной из подсистем русского языка (или в ЛЯ, или в АНГ).

Второе лексическое множество наречий состоит из наречных определителей ситуации (пропозиции, сценария). Семантика таких наречий (семантика свернутой пропозиции) раскрывается при помощи общей формулы «Нечто происходит // бытует // развивается (пропозиция 1). И это таково, как названо наречием (пропозиция 2)». Например, *справедливо поступить* – «Х поступает определенным образом, и это справедливо»; *физически необходимо* – «Нечто кому-то необходимо, и это важно в физическом плане»; *жалобно причитать* – «Х причитает определенным образом, и это вызывает жалость у кого-то». Наречия этого типа лингвисты называют сентенциональными, или детерминантными, или модусными (Рудницкая Е.Л., Галаншина И.К., Байдуж Л.М. и др.). Есть наблюдения над семантикой отдельных слов и групп слов (*легкомысленно, опрометчиво, действительно* и др.), однако круг таких наречий до сих пор четко не определен. С нашей точки зрения, наречия с семантикой свернутой пропозиции – достаточно многочисленный класс слов, именуемый модификаторами ситуации.

Наречные модификаторы ситуации относятся не только к действию, процессу, состоянию, отношению, свойству, субъекту или объекту, но и ко всей ситуации в целом. В отношении таких наречий трудно однозначно утверждать, что они модифицируют исключительно семантику предиката. Так, в примере *Они плохо выполнили свою работу* наречие *плохо* грамматически зависит от глагола *выполнить*, но в то же время является косвенной характеристикой и качества продукта (то, что сделали, было плохим по качеству), и уровня трудовых умений субъекта (они были плохими работниками в данной ситуации). Следовательно, наречие так или иначе семантически связано со всеми компонентами ситуации, оно словно вторично по отношению к ситуации: *Они выполнили свою работу* (исходная ситуация) + *Работа выполнена ими плохо* (модификация исходной ситуации посредством наречия).

Главное отличие наречий первого множества от наречий второго множества заключается в доминировании прагматического компонента в семантике последних: в их значении есть либо компонент оценки, либо ориентация на норму, общепринятое, привычное вообще и их частные разновидности.

Класс наречий-модификаторов ситуации многочислен, и для его систематизации были применены семантические формулы, позволяющие показать, какие общие ситуации и в каком отношении модифицирует наречие. Так, семантическое пространство множества модификаторов ситуации членится на 9 объединений (ЛСГ), для каждого из которых есть своя общая семантическая формула:

1. Наречия общей оценки.
2. Характеристики поведения // стратегии живого существа, его состояния.
3. Характеристики предназначения, перспективы воздействия и результата.
4. Характеристики качества продукта, результата труда, оформления объекта; свойства, выявленные в результате обработки.
5. Характеристики развития процесса, проявления признака, свойства.
6. Характеристики соответствия признака, свойства, процесса обычному положению дел, стандарту, истине, действительности.
7. Характеристики способа исчисления, меры, членения.
8. Характеристики мотивированности процесса, признака, условия осуществления.
9. Характеристики чего-либо через отношение, через установление критерия, основания.

ЛСГ 1 «Наречия общей оценки». Категория оценки имеет большое значение в жизни человека, она влияет на процесс формирования знаний о мире. Оценочное значение всегда ориентировано на норму как своеобразную точку отсчета. Понятие нормы можно применить к широкому кругу явлений, почти ко всем аспектам представлений о мире. По отношению к норме оценочные значения поляризуются. Хорошим считается то, что находится на «позитивном» крае нормы, причем в область положительной оценки входит и сама норма. Негативная оценка обозначает все, что отклоняется от нормы или не достигает нормы. Представления о плохом и хорошем социально обусловлены. Зона перехода между плохим и хорошим практически не детализируется – в этом также заключается специфика оценочного значения (усредненная оценка выражена меньшим количеством слов, чем положительная и отрицательная оценки). Оценочное значение отличается высокой степенью вариативности. В данную ЛСГ включены слова с семантикой общей оценки, которая дается по совокупности разнородных свойств. Все наречия ЛСГ объединяются семантической формулой 1: «Нечто имеет место // совершается // происходит. И это хорошо // плохо». Варианты реализации основной формулы:

1. Отрицательная оценка и ее смысловые модификации в контексте (*вхуже, плохо, недородно, неудовлетворительно*).
2. Положительная оценка и ее смысловые модификации в контексте (*прилично, блестятельно, порядком, ладом*).
3. Усредненная оценка (*по-среднему, средне*).

ЛСГ 2 «Характеристика поведения // стратегии живого существа, его состояния». Наречия данной ЛСГ модифицируют ситуации, в которых характеризуется осознанное пове-

дение живого существа (чаще всего человека), его состояние, определяющее поступки и действия, стратегия поведения в обществе. Основная семантическая формула 2: «X чувствует что-то // делает что-то // находится в определенном состоянии или положении. Это чувство // поступок // действие // состояние // положение соответствует // не соответствует // приближается // не приближается к общепринятой норме». Варианты реализации основной формулы 2 распределяются в зависимости от разновидностей нормы:

1. Хорошее расположение к другому человеку, вообще к кому-либо, воспитанность, вежливость как норма (*благодарно, оказисто, колко*).
2. Послушание, дисциплинированность, покладистость, способность к уступке или компромиссу как норма (*соспокóем, покладисто, строптíво*).
3. Скромность, нравственность, порядочность, благородство человека как норма (*крóтко, церемóнно, вьгольно, дёрзко*).
4. Искренность, честность, открытость, доверчивость, верность и естественность человека как норма (*прямодúшно, по-правдóму, впрóсте, скрýтью, вкрадчиво*).
5. Справедливость как норма (*беспристра́тно, незапрáв, предвзято*).
6. Благодарность как норма (*благодарно, призна́тельно*).
7. Ответственное отношение к труду, к делу, усердие, мастерство, деловая хватка, активность как норма (*набóйно, усёрдно, умёльно, даровó*).
8. Эффективная хозяйственная деятельность человека как норма (*домовíто, жíлисто, расточíтельно, оплóшь*).
9. Ответственность, серьезность как норма (*ответственно, ветрено, поха́бно*).
10. Строгость, требовательность, взыскательность как норма (*ту́го, пострóгу, наслáбё, смягчённо*).
11. Настойчивость, целеустремленность, уверенность, решительность как норма (*упрóсом, настёрно, неотстúпно, безвóльно*).
12. Самостоятельность, независимость, неограниченность как норма (*самостíйно, поохóтке, насамотёках, стеснённо*).
13. Разумность, продуманность, взвешенность поступков, действий как норма (*осóзнанно, склёписто, разумёючи, рациона́льно, непослédовательно*).
14. Наблюдательность, заинтересованность в чем-либо, внимание к чему-либо как норма (*небезучáстно, пытли́во, побока́м, невнимáтельно*).
15. Образованность, богатый кругозор как норма (*небольшó, гра́мотно, невёжественно*).
16. Одаренность, талантливость, способность к восприятию прекрасного как норма (*даровíто, артистично, бездарно*).
17. Терпеливость и терпимость как норма (*снисходíтельно, нетерпелíво*).
18. Лояльность по отношению к закону и к политической власти, высокое общественное самосознание как норма (*либерáльно, виновáто*).
19. Щедрость как норма (*щёдро, áлчно*).

Все 19 подгрупп ЛСГ организованы противопоставлением наречий, характеризующих положительный и отрицательный полюс нормы, а в ряде групп выделяется и подгруппа существенных отклонений от нормы и ее преувеличений.

ЛСГ 3 «Характеристика предназначения, перспективы воздействия и результата». Все наречия данной ЛСГ характеризуют либо предназначение процессов, состояний, действий (*жалобно стонать → стонать, вызывая жалость*), либо результат воздействия (*эффективно реализовать → реализовать так, что это принесет эффект*). Следовательно, одни наречия этой ЛСГ можно назвать «перспективными», другие – «результативными». Большая часть наречий ЛСГ связана с категорией рационалистической оценки, которая обусловлена практической деятельностью человека, его интересами и повседневным опытом. Оценки такого типа связаны с представлениями о пользе, стандарте и функциональности. Основная семантическая формула 3: «Осуществляется процесс // имеет место действие. И его результат // предназначение // воздействие на окружающих и мир // последствия являются такими //

должны быть такими, как названо наречием». Разновидности наречий в зависимости от результата, предела развития действия, состояния:

1. Результатом воздействия является чувство, эмоционально-психическое состояние живого существа (*жáлобно, нýдно, утешíтельно*).

2. Результатом воздействия является физическое или физиологическое состояние живого существа (*рагóзливо, живíтельно, утомíтельно, доúстали*).

3. Достижение необходимого эффекта, результата, пользы (*насла́вно, эффeктивнó, уда́чно*).

4. Отсутствие необходимого или положительного эффекта, результата, пользы (*помáху, нивчýю, бесплóдно, обúм*).

5. Неопровержимый результат, установление (*непоправíмо, потвёрдно*).

6. Характеристика результата через признак времени (*тóропо, на́круто*).

7. Получение незапланированного результата (*беспóчвенно*).

8. Получение запланированного или направленного результата (*отвётно, заёмно*).

9. Предел развития признака, состояния (*дочíлика, дочернá, догустá*).

10. Предназначение объекта или действия (*наобщó, позавсё, напокáз*).

11. Узкое предназначение (*гóльно, вплошнýю, специáльно*).

ЛСГ 4 «Характеристика качества продукта, результата труда, оформления объекта; свойства, выявленные в результате обработки». Наречия ЛСГ модифицируют ситуации, в которых речь идет об объекте, появившемся как результат действий, процессов: *вкратце рассказать* → процесс рассказывания и сам рассказ были кратки; *по-деревенски сделать* → сам процесс производства и его продукт были такими, как делают в деревне. Основная семантическая формула 4: «X сделан // произведен // получился в результате определенных действий, процессов. И его качество // оформление // функциональные качества таковы, как названо наречием». Варианты реализации семантической формулы 4:

1. Характеристика способа оформления объекта безотносительно к оценке его качества (*вкратце, анонимно, науглáд, кни́жно*).

2. Характеристика стоимости объекта (*дешевáто, дóрого, втридорогá*).

3. Характеристика разнообразия способов исполнения, осуществления и оформления (*нара́зно, подрúгоме, разл́чно*).

4. Характеристика подобия способов исполнения, осуществления и оформления (*аналоѓчно, одномáзно, исто, по-но́нему, догмат́чески*).

5. Характеристика содержательной стороны объекта (*обобщённо, допóданно*).

6. Характеристика логической завершенности, последовательности, смысловой связи и доступности в применении чего-либо и оформлении объекта (*лоѓчно, вдогáдку, общедостúпно, непомúдру*).

7. Характеристика соразмерности внешнего оформления предмета, его эстетического вида (*пропорциона́льно, вúкредь, на́гожо, топóрно*).

8. Характеристика оформления предмета с учетом индивидуальности и естественности (*редкостно, осóбы, банáльно*).

9. Характеристика степени выразительности предмета, силы воздействия на человека (*реч́исто, смáчно, тривиáльно*).

10. Характеристика качества исполнения, оформления предмета (*отмённо, клéйко, замысловáто, барахлэв́ито, непрóчно*).

11. Характеристика особенностей исполнения, оформления предмета (*традициóнно, мóдно, старомóдно*).

ЛСГ 5 «Характеристика развития процесса, проявления признака, свойства». Наречия ЛСГ модифицируют ситуацию разворачивания процесса, действия, состояния в отношении способа развития, проявления, бытования: *мгновенно обжечься* → кто-то обжегся, и этот процесс был мгновенным; *энергично действовать* → кто-то действует, и его действия энергичны; *тайно ловить рыбу* → кто-то ловит рыбу, и его действия совершаются тайно. Основная семантическая формула 5: «Процесс развивается // действие совершается // состояние бытует // признак проявляется. И это характеризуется такой-то динамикой // интенсивно-

стью // характером проявления, как названо наречием». В зависимости от критерия характеристики разделяем следующие частные разновидности семантической формулы 5:

1. Развитие, проявление или бытование постоянное // непрерывное // неизменное (*впрохóдь, неугомóнно, всидí, безостанóвочно*).

2. Развитие, проявление или бытование непостоянное // прерывистое (*врéменно, отрýвкой, кратковрéменно*).

3. Развитие, проявление или бытование частое // регулярное // повторяющееся (*вперемéнно, поочерéдно, регулýрно*).

4. Развитие, проявление или бытование редкое // нерегулярное // неповторяющееся (*рédко, скачкообразно*).

5. Развитие, проявление или бытование мгновенное (*жívечком, мгновéнно, скоропóстýжно*).

6. Развитие, проявление или бытование постепенное, длящееся (*подовóлу, постепенóно*).

7. Развитие, проявление чего-либо интенсивное // активное // без меры или с преувеличением нормы (*экспансívно, эмоциóнально, стихíйно*).

8. Развитие, проявление чего-либо неинтенсивное // неактивное (*флегматíчески, вполсíлы, бесстрáстно*).

9. Развитие // проявление процесса, состояния, признака не ограничивается // ограничивается какими-либо помехами // посредниками // трудностями (*свобóдно, наслáбé, трýдно, вáжно*).

10. Неорганизованный, непланомерный характер развития // проявления процесса, признака, состояния (*стихíйно, сумбúрно, самосáдкой*).

11. Характер развития // проявления связан с понятием времени (*срýду, синхрóнно, заоднím*).

ЛСГ 6 «Характеристика соответствия признака, свойства, процесса обычному положению дел, стандарту, истине, действительности». Наречия ЛСГ модифицируют ситуацию через установление соответствия истинному или привычному и стандартному положению дел, действительности: *наяву удостовериться → кто-то в чем-то удостоверился, и это действие происходило в объективной реальности; приготовил еду обычно → кто-то приготовил еду, еда и процесс приготовления были такими, как всегда*. Основная семантическая формула 6: «Нечто происходит // имеет место. И это соответствует // не соответствует обычаю // традиции // привычному положению дел // норме // истине». Реализации общей семантической формулы:

1. То, что происходит, соответствует // не соответствует действительности (*пóяву, действíтельно, понапрáсину*).

2. То, что происходит, соответствует // не соответствует обычаю // традиции // привычному положению дел // норме (*вобýчно, обýденно, феноменáльно*).

3. То, что происходит, соответствует // не соответствует истине (*взáбыль, вёрно, прилизíтельно*).

ЛСГ 7 «Характеристика способа исчисления, меры, членения». Это самая малочисленная ЛСГ во втором множестве наречий. Такие наречия модифицируют ситуацию деления, членения объекта или разделения действия на фазы в отношении кратности и критерия такого деления, членения: *порайонно голосовали → люди голосовали, и это действие происходило по районам; поровну разделить → осуществляется процесс деления объекта, и это происходит в равных долях*. Основная семантическая формула 7: «Процесс осуществляется // явлен в таких частях // мерах // пропорциях, как это названо наречием». ЛСГ не делится на подгруппы, частные реализации семантической формулы 7: *вчёт, фамíльно, наравнякí, по полáм, поврёмéнно*.

ЛСГ 8 «Характеристика мотивированности процесса, признака, условия осуществления». В ЛСГ объединены наречия, модифицирующие ситуацию бытования процесса или признака, состояния в отношении мотивации и условий осуществления, например: *рефлекторно дернуться → кто-то дернулся, и это действие произошло под влиянием рефлекса;*

полюбовно договориться → *люди договорились о чем-то, и договоренность была приятна обоим участникам*. Основная семантическая формула 8: «X имеет место // осуществляется – осуществился // развивается – развился, если соблюдается // соблюдено условие // если есть мотивация, названные наречием». Частные реализации семантической формулы:

1. Обобщенная характеристика условий осуществления чего-либо (*условно, вообще*).
2. Частная характеристика условий осуществления чего-либо (*нервически, профессионально, амбулаторно*).
3. Положительная мотивация, одобряемые обществом условия осуществления чего-либо (*сыспросу, насогласку, радливо, охотно*).
4. Отрицательная мотивация, не одобряемые обществом условия осуществления чего-либо (*самодуром, неохотливо, емом, насильно*).

ЛСГ 9 «Характеристика чего-либо через отношение, через установление критерия, основания». Все наречия ЛСГ характеризуют действия, процессы, состояния, отношения через установление критерия, определенного основания: *методически грамотный конспект* → *был составлен конспект, который верен в отношении методики; критиковал безотносительно к конкретным лицам* → *кто-то кого-то критиковал, и его действие и слова не имели отношения к конкретным лицам*. Основная семантическая формула 9: «Процесс // признак // состояние осуществляется // развивается // завершается. И это ориентировано на отношение, названное наречием». Варианты реализации семантической формулы 9:

1. Общая характеристика отношения (*практически, сравнительно, косвенно*).
2. Частная характеристика отношения (*телесно, взаимно, тематически*).

Итак, второе лексическое множество состоит из таких наречий, которые в большинстве случаев семантически ориентированы на всю ситуацию и по отношению к ней являются модификаторами, характеристизаторами. Признак, называемый наречием этого лексического множества, приписывается не отдельно процессу или его составляющим, а всей ситуации. Поэтому процессуальный признак воспринимается первым, а наречный признак – вторым. Например, в процессе понимания высказывания *Увёсисто бьют* (АНГ) сначала обрабатывается информация о том, что на кого-то оказывается физическое воздействие, а потом этот процессуальный признак модифицируется наречием. Это действие причиняет боль, оно сопряжено с ощущением боли (физической или душевной) у того, кто вовлечен в действие. В семантике наречий ситуации заключена свернутая пропозиция.

Для систематизации значений наречий второго лексического множества мы использовали семантические формулы, которые отражают общую специфику значений наречий этого множества: в каждой формуле разделены две пропозиции, два факта, и наречие называет вторую пропозицию.

Лексическое множество наречий ситуации также имеет иерархическую внутреннюю структуру. Так, выделено 9 ЛСГ в зависимости от ориентации на семантическую формулу. Далее 8 из 9 ЛСГ членятся на подмножества или подгруппы в зависимости от конкретизации основной семантической формулы, а внутри каждого объединения существуют тематические ряды наречий: квазисинонимические, ассоциативно связанные, квазиантонимические или ассоциативно противопоставленные ряды.

Между ЛСГ, как и в первом лексическом множестве, есть зоны пересечения. Например, в ЛСГ «Характеристики поведения // стратегии живого существа, его состояния» включены наречия со значением «выполняя, совершая с большим мастерством, тщательно и искусно, с вниманием к тонким деталям, умело, искусно», которые характеризуют одновременно и процесс изготовления чего-либо, и умения производящего субъекта (наречия сочетаются с предикатами действия), и качество произведенного продукта (наречия сочетаются с предикатом процесса *выходить* «получаться»). Таким образом, наречная характеристика не замыкается на одной сфере процесса, а косвенно направлена и на сферу объекта, и на сферу субъекта. Следовательно, наречия с таким значением могут быть включены и в ЛСГ «Характеристики качества продукта, результата труда, оформления объекта; свойства, выявленные в результате обработки».

Ячейки семантической структуры второго лексического множества наречий образа действия также неравномерно заполнены в ЛЯ и АНГ. Из 95 понятийных зон (подмножества и подгруппы в зависимости от аспекта характеристики основной семантической формулы) в 68 «ячейках» представлены лексемы из ЛЯ и АНГ. Если в первом лексическом множестве «зона покрытия» семантического пространства словами свидетельствовала о преобладании именовании из АНГ, то во втором лексическом множестве в большинстве случаев чаще представлены наименования из ЛЯ. 26 понятийных зон являются лакунами в АНГ, т.е. смыслы этих фрагментов семантического пространства выражены в значениях наречий, употребляющихся в ЛЯ.

Внутренняя структура поля наречий образа действия является своеобразной семантической сетью русского языка, отражающей особенности русской концептосферы. Сопоставление «семантических сетей» наречий образа действия в двух подсистемах русского языка (ЛЯ и АНГ) позволяет показать специфику членения семантического пространства наречий образа действия в ЛЯ и АНГ. Однако результаты сопоставления членения семантического пространства наречий образа действия в АНГ и ЛЯ не говорят о различии в мышлении носителей ЛЯ и диалекта. Они свидетельствуют о специфике стратегий именовании, о направлении вектора наречной номинации в ЛЯ и АНГ. Семантическое пространство наречий образа действия ЛЯ и АНГ на разных его участках «населено» с разной плотностью и имеет различную глубину проработки, что может быть обусловлено мерой освоения и степенью важности соответствующих предметных областей в общей структуре деятельности диалектоносителей.

Семантика наречия имеет реляционный характер, она лишена элементарности в силу того, что в ее основе лежит понятие признака, который не существует в мире изолированно, сам по себе, а предполагает, имплицитно вводит процессуальный признак и (реже) некую субстанцию, к которым он должен и может быть привязан, направлен, приписан. Поэтому сама структурная организация семантики наречий, выражающая «несамодостаточное» понятие вторичного реляционного признака, предопределяет способ языкового выражения – минимальную лексическую синтагму и одновременно смысловую модель «наречие + глагол» (в большинстве случаев), или «наречие + прилагательное», или «наречие + существительное», или «наречие + наречие».

В языке есть наречия, называющие обобщенный признак, объем смыслового содержания таких наречий достаточно широкий. Например, наречия оценки *хорошо*, *плохо*, наречия результативности *успешно*, *напрасно* и др. Экстенционал таких наречий пространен. Полное и недвусмысленное понимание значения этих слов возможно только с учетом синтагматической сочетаемости, с учетом контекста: *хорошо жить* – это богато, *хорошо есть кашу* – это с аппетитом, *хорошо звучать* – это благозвучно. Есть и «узкие» по значению наречия, у которых экстенционал конкретен, например: *на дыбы*, *вручную* и др. Семантика таких наречий предельно ясна и при изолированном употреблении слова. В плане сочетаемости подобные наречия оказываются связанными преимущественно с определенным типом предикатов.

Большинство наречий синтагматически привязаны к глаголам и в силу этого называют признаки процессов в сфере субъекта и/или объекта. Такая направленность наречного признака обусловлена, с одной стороны, тесной связью с семантикой подчиняющего глагола, который обладает специфической ономаσιологической формулой, раскрывающейся в направлении субъекта или/и объекта. С другой стороны, наречие способно повторить синтагматическую «привязанность» глагола, потому что наречие конкретизирует, раскрывает, уточняет, модифицирует всевозможные ракурсы глагольного признака: скорость перемещения, направление движения, результативность или предел действия и т.д.

В семантическом отношении лексический класс наречий образа действия неоднороден, в нем есть множества и подмножества, но границы между этими объединениями слов принципиально размыты, диффузны по двум причинам: 1) на значение наречия оказывает влияние синтагматическое окружение; 2) в ряде случаев сложно разделить характеристики собственно процесса // состояния и характеристики субъекта // объекта, задействованного в нем. Например, *целичкóм* («в целом виде, не разделяя на части») – это наречная характеристика состояния объекта и одновременно способа использования объекта, манипуляций с ним.

Следовательно, стоит заранее допустить возможность альтернативной интерпретации семантической типологии наречий образа действия.

Описание любых лексических классов в классификационно-сопоставительном аспекте перспективно и интересно: это позволяет выделить лакуны в сравниваемых подсистемах русского языка и показать специфику каждой подсистемы. Разработка проблемы семантической типологии наречий, представленная в статье, не может считаться исчерпывающей. На наш взгляд, многие вопросы семантической базы наречий образа действия ждут своего исследователя. Также давно назрела необходимость в полномасштабном эпидигматическом описании наречий в диалектной системе, которое позволит показать специфику номинации в сопоставляемых системах говора и литературного языка и особенности метафоризации у полисемантических наречий. Наконец, до сих пор нет социологического исследования наречий в частной диалектной системе, учитывающего социально-демографические параметры диалектоносителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
2. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г.Гецовой. Вып. 1-12. М., 1980.
3. Байдуж Л.М. Модусные наречия // Актуальные проблемы русистики. Тезисы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной 70-летию профессора Э.В.Кузнецовой. 7-9 февраля 1997, Екатеринбург, Россия. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 59-60.
4. Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация (Общие вопросы). М.: Наука, 1977. С. 230-293.
5. Галаншина И.К. Функциональный статус наречий в системе частей речи. Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1989.
6. Радченко О.А., Закуткина Н.А. Диалектная картина как идиоэтнический феномен // Вопросы языкознания. 2004, № 6. С. 25-46.
7. Рудницкая Е.Л. Сентенциальные наречия в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
8. Скрэгг Г. Семантические сети как модель памяти // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск XII. Прикладная лингвистика / Сост. В.А.Звегинцев. М.: Радуга, 1983. С. 228-271.
9. Словарь русского языка: В 4-х тт. АН СССР, Ин-т рус. яз./ Под ред. А.П.Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык, 1981-1984.

И.В.Тубалова

СОЦИАЛЬНО-РОЛЕВАЯ СТРУКТУРА СРЕДНЕОБСКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО МИРА (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

Для анализа социокультурных фольклорных моделей обратимся к материалам жанров лирической песни, частушки и пословицы, наиболее отчетливо дифференцированных в заявленном аспекте. Анализируемый материал территориально и темпорально ограничен: это только среднеобский фольклор, собранный в течение последних 10 (редко 15) лет во время фольклорных экспедиций филологического факультета Томского госуниверситета. Выбор хронологических рамок определяется относительной стабильностью этносоциокультурной ситуации в исследуемом регионе (материалы 15-летней давности привлекались, в основном, как раз для иллюстрации фольклорного отражения ярких социокультурных процессов, имевших место в 90-е гг.).

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Лингвокультурологический портрет современной сибирской деревни»), проект № 05-04-64402а/Г

Отражение социокультурной реальности в фольклоре сопровождается «обязательной ее трансформацией, «выворачиванием», включением в «свой» фольклорный мир, где она обретает новую судьбу. И происходит это не от незнания реальности, не от капризов устной молвы и даже не от преднамеренных идеологических заданий, не от сознательных устремлений отдельных лиц или коллективов, а в силу природы фольклора, его сущности, коренных законов его жизни» [1]. Процесс включения осуществляется с учетом жанровой специфики текстового материала и определяется несовпадением во взаимоотношениях различных жанровых форм с реальной этнографической действительностью.

В наименьшей степени влиянию социокультурной динамики подвержен жанр **лирической песни**: «Эта поэзия (элиминируя всякую реальность) в качестве единственного «реального объекта» имеет саму себя, т.е. ее поэтические формы не «относятся» /.../ ни к какой реальности, кроме самого поэтического языка, их образующего. /.../ ...Сама традиция понимается как субстанция содержания лирической песни, как та единственная реальность, которую изображает и выражает народная лирика. Именно традиционные смыслы и создают ту действительность, которая воспевается в песнях, создают тот своеобразный мир, который непосредственно несоотносим с миром «реальных данностей» и в известной степени противопоставит «конкретному бытию» – это мир традиции» [2, с.63].

В контексте указанной специфики жанра лирической песни становится понятным тот факт, что в среднеобской лирической песне когнитивные модели социализации (в указанном смысле) оказываются проявленными очень слабо, а семантика возрастных маркеров предстает как максимально обобщенная, символизированная.

Исследуемые социальные параметры в лирической песне немногочисленны и выражаются следующим образом.

Профессиональная принадлежность героев лирической песни практически не проявлена, некоторые указания на схожую с профессиональной социальной функцией связаны с именованьем таких социально значимых персонажей, как *рыбак* и *пахарь*, а также различных представителей воинской иерархии (*солдат, генерал, офицер, майор*). При этом в текстах среднеобских лирических песен практически не находит реализации та сторона указанных когнитивных моделей, которая связана с особенностями их деятельности. Обращенный вовнутрь себя мир лирической песни из всего когнитивного содержания вычленяет весьма периферийные элементы семантических фреймовых структур, связанных с «профессиональной» социализацией. Так, текстовое воплощение единицы *рыбак* связывается с реализацией только одного вида фрейма: «пребывание в водной среде»: *Рыбак в лодочку садится, / Говорит: «Прощай, прощай!» / Может быть, еще вернется, / А быть может, никогда! // А поутру рыбаки / Олю нашли у залива. / Надпись была на груди: / Олю любовь погубила. Рыбак как житель «плохого», «чужого» мира противопоставляется *пахарю* – жителю земного, «своего», пространства.*

Также в виде аксиологически нагруженной оппозиции реализуется социально значимая дифференциация «город/деревня», актуальная и за пределами фольклорной среды, но без постоянной аксиологической нагрузки. Именно деревня в лирической песне связана с положительным полюсом указанной оценочной оппозиции: *Жили-были два брата родные, / Отдавали сестру замуж, / Что в город – не в деревню, / Не в согласну большу семью. // Вырастешь большая, / Отдам тебя замуж / Не в город, а в деревню – / В согласную семью*. Реализуется модель идеального, «своего» мира, а семья – маркер положительного.

Возрастная стратификация в лирической песне реализуется более частотно, чем социальная, но количество текстовых форм, ее представляющих, также ограничено, а их содержание подчинено внутренним законам жанра (маркеры: *молодой, старый, дитя*).

Когнитивная структура, фиксирующая представления о возрасте, в лирической песне двухчастна. Ее текстовая реализация выполняет две функции (которые иногда действуют одновременно): установление отношений между персонажами, маркированными по возрасту, и характеристика персонажа.

Отношения, устанавливаемые между персонажами, маркируются следующим образом.

1. Возрастные отношения устанавливаются между представителями гендерной пары, причем

чаще всего муж обозначается как *старый*, а жена как *молодая*, *девчонка* (единичный пример – *Пришла весна, / Мы встретились с тобою. / Ты **молод** был, а я еще **дитя**. / Ты **молод** был, А я **красой** сияла...*), и в этом случае они образуют оценочную оппозицию (***Черный ворон воду пил, / На лету речь говорил, / Будь, девчонка, за **старым**, / За **старым**, за **старым*****). 2. Жена обязательно маркируется как *молодая* в солдатских песнях, в связи с мотивом возвращения солдата (молодость – прототипическое свойство женского начала). При этом, хотя сам образ жены солдата лишен прямой аксиологической компоненты и по отношению к нему возрастная характеристика *молодой* выполняет роль аналитического вербализатора неотъемлемого свойства фольклорного субъекта (жена солдата может быть только такой), рассматриваемый возрастной маркер приобретает оценочный вектор, выступая в качестве элемента, характеризующего желанный для солдата (и ценностно значимый для фольклора в целом) мир дома, семьи: *Отпусти домой / К отцу-матери родной. / Да к жене **молодой**. // Жена **молодая** / Закон развела, / От чужого мужа / Дитя родила*.

Аналитическим носителем оценочной семантики, связанной с романтизацией образа главного героя, является в разбойничьих и тюремных песнях определение *молодой* в приложении к наименованиям разбойников. Яркий пример этому – распространенный в среднеобском фольклоре цикл песен о разбойнике Чуркине (*Чуркин молодой*), где рассматриваемая единица сопровождает момент называния героя практически во всех зафиксированных случаях, причем ее постпозитивное по отношению к объекту характеристики положение способствует усилению смыслового акцента поэтизации свободы (универсальной оценочной категорией для лирических песен любого типа) как естественного состояния молодого, активного поколения: *В лесах, в лесах дремучих / В лесах, в лесах дремучих / Разбойнички идут. / В своих руках могучих / Товарища несут. /.../ Один лежал сраженный, / Сам Чуркин **молодой**. // Прощай, прощай, товарищ! / Сам Чуркин **молодой**. / Ты весь обокрововленный, / С разбитой головой*.

В среднеобской лирической песне мужское начало традиционно связано с образом активного, деятельного субъекта, что определяет наличие большого количества действительных глаголов, в частности, глаголов движения, при его характеристике (*мил уехал, приехал, подарочек привез, бросил, не пришел* и др.). Женское начало представлено в образе пассивного объекта взаимодействия, при этом демонстрирующего особую выраженность эмоционального состояния. Это проявляется в большом количестве конструкций, описывающих статическое эмоциональное состояние героини (*для меня отрады нет / вам счастье, а мне нет / не вижу, кроме скуки, отрады никакой* и т.д.), а также в многочисленных единицах, символизирующих актуализацию духовных устремлений (*душа, сердце, весна, белый свет* и др.).

Основное назначение **частушки** – выразить экспрессивно окрашенный отклик на реальную бытовую ситуацию, обычно в молодежной среде. Социальные ориентиры в среднеобской частушке предстают сквозь призму личностного, прежде всего любовного, начала.

В частушке как жанре «на злобу дня», вектор эстетической интерпретации которого направлен вовне, социальные ориентиры реализуются достаточно отчетливо, хотя их количество также ограничено, а содержание демонстрирует ярко выраженное жанровое переосмысление. «Основной жанровый массив фольклора чужд хроникальности, сиюминутности и даже просто откровенной злободневности, – отмечает Б.Н.Путилов, – У каждого жанра свои сферы бытия, свои общественные функции и свои возможности. Что касается злобы дня, то это прерогатива слухов, сплетен, разного рода толков, острот, живой речевой стихии. Злобе дня посвящаются *частушки* (курсив мой. – И.Т.) и, конечно, анекдоты» [1].

Так, прямая связь с реальной действительностью предполагает включение в частушку в качестве социально-ролевых именовании непосредственно названия профессий, например, таких полярных в плане отношения к сельской социальной среде, как *шофер* (*Полюбила я его, / А он, девочки, шофер, / У него насчет любви / То **машина**, то **стартер**. // Не любите шоферов, / Кто их любит, хаеся. / Как услышишь **шум мотора**, / Сердце разрывается*) и *пилот* (*Полюбила я пилота, / Думала, **летает**, / Прихожу я на завод, / А он мешки таскает...*). Сюжетно это выражается сквозь призму любовных отношений. Кроме того, из всего содержания фреймовой структуры, связанной с наименованиями данных профессий, изби-

раются некоторые характерные и в то же время случайные свойства, которые встраиваются в модель любовных отношений, разработанную в эстетической системе частушки. Частотны в реализации такого рода моделей противительные конструкции, выражающие типовую семантику неоправданных ожиданий. Интересно, что если *шофер* – привычная для деревенского социума профессия, то *пилот* – нечто в социальном отношении экзотическое, связанное с «верхним» миром, поэтому, согласно законам частушечной карнавализации, шофер не устраивает, потому что он «слишком хороший шофер», а пилот – в силу обмана «профессиональных ожиданий».

Особая группа частушек демонстрирует модели социальной стратификации, связанные с представлениями о карьерных достижениях в рамках деревенского социума, а иногда и выходящими за его пределы. Внизу, еще за пределами «карьерной лестницы», персонажи данной шкалы именуются как **Вани, Николашки**, иногда просто «милый», выше – *бригадир, председатель* и т.д., и вплоть до *президента*. Конечно, все социальные модели встраиваются в частушке в систему любовных: *Милый Ваня сел на поезд / И куда-то укатил, / А теперь ко мне ходит / Сам Василий-бригадир. // Со мной милый не простился – / На машине укатил. / Но неплохо мне живется – / Председатель полюбил! // Президент хорош собой, / В новенькой рубашке. / Где ж такую мне достать / Своему Николашке?*

Социальная категория богатства также трактуется сквозь призму любовных отношений. При этом категория богатства приобретает совершенно конкретные материальные символы, маркирующие высшие точки на шкале материального благополучия (дом кирпичный, лаковы сапожки, пальто из кожи, мерседес, хлеб белый и т.д.): *Мне не нужно дом кирпичный – / Был бы милый симпатичный, / Был бы милый по душе – / Проживем и в шалаше. // У моего милого / Лаковы сапожки. / Я за то его люблю / Косолапы ножки.*

Интересно отметить гендерную ориентацию социальной иерархизации в частушке: профессионально маркированы только мужчины, социальную лестницу занимают только мужчины, но оценивание социальной принадлежности в аспекте личных отношений реализуется только с позиции женщины. Кроме того, только мужчины в глазах женщины обладают или не обладают названными символами материального благополучия (у женщин может быть юбка *новая*, платье *белое*, кофта *рябая* и т.д.). Несмотря на отчетливую внешнюю мотивированность частушечного содержания, определяющую фиксацию социально-политической проблематики, жанровое комическое разрешение этой проблематики осуществляется сквозь призму вневременных – возрастных – проявлений: *В магазине на витрине / Триста десять колбаса. / Две старухи с голодухи / Потеряли голоса.* В данном тексте наблюдается столкновение двух видов фреймовой информации: «социальное неблагополучие» (разворачивается во всем тексте частушки) и «возрастное неблагополучие» (фиксируется единицей *старухи*) – возраст, не позволяющий приспособляться к неблагоприятным жизненным изменениям.

В среднеобской частушке возрастная маркированность персонажа – в силу молодежного характера жанра – практически не проявляется. Единственная зафиксированная модель – насмешка над старостью опять же в личностном аспекте (*Молодые курочки / С петухом гогочут. / А старые вхохчут: / Никто не потопчет!*). В ряде частушек актуализируется указание на «идеальный» возраст (*Гармонисту за игру / Надо премировочку: / Чарочку, периночку / Да лет семнадцать милочку // Ох, дайте мне / Провожатого – / Лет семнадцати мальчишку / Незанятого! // Где мои семнадцать лет? / Где моя тужурочка? / Где мои три уха-жера – / Коля, Ваня, Шурочка?!).*

Пословица, как жанр, целью которого является эстетическая фиксация народного опыта, моделирование «вечных», вневременных ценностей, создает параллельную действительности систему этических ориентиров. Социокультурные характеристики, в соответствии с этим, реализуются в этическом аспекте. Когнитивные модели социальной параметризации в жанровой системе пословицы выступают в качестве средства представления этических моделей. Функционально-символическая нагрузка самих социально-ролевых маркеров разнородна, разноаспектна и не подчиняется внутренней эстетической логике, что определяется их отчетливой ориентацией на внешнюю обусловленность, противоречащую вневременному

характеру жанрового содержания: *Каков поп, таков и приход. / Он без царя в голове. / Терпи, казак, атаманом будешь! / Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом.*

Исключение составляет последовательная эстетическая реализация когнитивной модели «богатство/бедность», что объясняется ее отчетливой этической обусловленностью в русской культуре и константной аксиологической ориентированностью. Названная когнитивная модель предстает в пословице в трех вариантах: 1) «богатство не благо»: *Не в деньгах счастье. / Не были богатыми, так и привыкать нечего. / Деньги – навоз: сегодня нет, а завтра – воз. / Деньги – мусор. / Богатый на деньги, а бедный на выдумки;* 2) «отношение к деньгам должно быть легким»: *Деньги – навоз. / Деньги – голуби, сами прилетят. / Денег нет – сами золото;* 3) «бесполезность рефлексий по поводу собственной бедности»: *Деньги к деньгам липнут. / У богатых и пелухи несутся.*

Представления о возрастных особенностях человека связаны в пословице прежде всего с представлениями о старости. При этом, хотя когнитивный фокус сосредоточивается на таком состоянии человека, как старость, оно рассматривается как элемент жизненного цикла, в структуре которого присутствуют и другие возрастные периоды/состояния (*Старый что малый / Раньше девки любили, а теперь сопли одолели / Морщины по вершине, а он все чудит*). При этом указания на другие возрастные проявления актуализируются в среднеобской пословице крайне редко (*Двадцать лет – ума нет, значит, и не будет. Тридцать лет – жены нет, значит, и не будет. Сорок лет – денег нет, значит, и не будет*).

Когнитивная модель старости в среднеобской пословице имеет двухчастную структуру. Одна из них, связанная с наличием жизненного опыта, который может оказаться социально востребованным, организуется прототипом «мудрость»: *Старый конь борозды не портит / И на старуху бывает проруха / Яйца курицу не учат / Много будешь знать – скоро состаришься.*

Подведем итоги. Среднеобский фольклор, как и русский национальный фольклор в целом, с одной стороны, не отражает всего многообразия жизненных проявлений отдельного социума, но объектом фиксации становятся наиболее значимые для него модели мироопределения. Одной из форм представления указанных моделей в их эстетическом многообразии является совокупность бытующих в рамках рассматриваемого социума фольклорных жанров, каждый из которых проявляется в системе определенных текстовых моделей (языковых средств).

ЛИТЕРАТУРА

1. Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. М., 1995.
2. Мальцев Г.И. Традиционные формулы русской народной необрядовой лирики. Исследования по эстетике устнопоэтического канона. Л., 1989.

Ю.А.Эмер

ФОЛЬКЛОРНЫЙ КОЛЛЕКТИВ И ЕГО МИР В СРЕДНЕОБСКОЙ ЛИРИЧЕСКОЙ ПЕСНЕ (ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ)*

Фольклорный дискурс представляет собой одну из форм фиксации результатов познавательной деятельности человека. В нем в особой, эстетически значимой форме отражаются ценностные представления фольклорного коллектива, реализующие, наряду с дескриптивным, аксиологический компонент модели мира.

Особенности реализации ценностной картины мира в фольклоре неоднократно привлекали внимание исследователей. Интерес к ценностному описанию указанного материала обусловлен, прежде всего, тем, что одним из важнейших свойств фольклорного дискурса является особый уровень аксиологической значимости. По утверждению А.Т.Хроленко,

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ («Лингвокультурологический портрет современной сибирской деревни»), проект № 05-04-64402а/Т

«народно-поэтическое слово не только строит фольклорный мир, но и оценивает его» [3, с.153].

Соглашаясь с исследователями фольклорной аксиологии в том, что фольклорный дискурс обладает особой аксиологической перспективой, представим ценностную модель фольклорного мира в среднеобской лирической песне, бытующей на территории среднеобского говора.

Лирическая песня – жанр традиционного фольклора, в котором «выражено, главным образом, идейно-эмоциональное отношение к событиям» [1, с.183].

Рассмотрим необрядовые лирические песни, свободные от акционального сопровождения, но тесно связанные с мелодической структурой.

Задача жанра – выразить «идейно-эмоциональное отношение к событиям» – определяет его принципиальную ориентированность на представление некоторой аксиологической модели фольклорного коллектива. При этом именно лирическая песня демонстрирует максимальное (по сравнению с другими жанрами традиционного фольклора) единство ценностной картины мира.

В основе ценностной картины мира лирической песни, как жанра традиционного, лежат представления о норме, свойственные единому фольклорному коллективу (субъект оценки – фольклорный коллектив).

Лирическая песня отличается особым, достаточно обширным кругом затрагиваемых тем (любовная, семейная, военная, тюремная и др.) и объектов оценивания. Уже самим фактом фиксации в рамках данного жанра аксиологическую нагрузку получают все события, действующие лица и их поступки, элементы мизансцены. Жанр лирической песни отражает внутренние переживания героев через описание внешних событий, вследствие этого внутренний мир человека в традиционном фольклоре практически не оценивается.

Ценностная ориентация в лирической песне связана с эстетически зафиксированными представлениями о гармоничных (нормативных) и негармоничных состояниях мира. При этом традиционный фольклор фиксирует нормативный (гармоничный) и ненормативный (дисгармоничный) миры как полярные.

В структуре аксиологической модели фольклорного мира ядерными категориями, выполняющими функцию ценностной регламентации, становятся категории пространства и времени. В необрядовом фольклоре гармоничные состояния мира возможны только в «своем» пространстве, в качестве которого в жанре лирической песни выступает традиционный мир дома, семьи. Выход за пределы этого мира рассматривается как недобровольный, следовательно, приводит к нарушению гармонии (дисгармонично «чужое» пространство), причем это характерно для песен самого разного типа: любовных (*Ее милочек уехал. / Про ее совсем забыл. / На далекой на сторонке / Он другую полюбил*), солдатских (*За Уралом есть там место, / Где кипел кровавый бой*), тюремных/разбойных (*Вся моя песенка пропета, / И не дойдет она к тебе. / Она в Сибири будет спета / Среди бродяжеской толпы*) и др.

Пространственная структура фольклорной действительности в ценностном воплощении уточняется через систему подчиняющихся гипероппозиции «свое/чужое» гипооппозиций – «близкий/далекий», «родной/неродной», «внутренний/внешний», «город/деревня» и др. (*И скрылось солнце за горами, / Стоит казачка у ворот / И в дальний путь глядит с тоскою, / А слезы льются из очей. // Вырастешь большая, / Отдам тебя замуж, / Не в город – в деревню, / В согласну семью*).

Таким образом, семантика пространства в фольклоре в качестве аксиологически нагруженной категории проявляется через систему бинарных оппозиций, фокусирующих два оценочных полюса. Указанная категория, по мнению большинства исследователей (см. работы П.Г.Богатырева, В.Я.Проппа и др.), в фольклоре связана с категорией времени, ценностно поляризованной по той же модели. Так, в рамках суточного цикла *ночь* в символической системе темпоральных единиц связана с мотивом смерти (*Приворотник усмехнулся, / Твой уж сын давно убит, / Он расстрелян прошлой ночью / И в могиле крепко спит. // Она была очень красива, / И я не мог ее любить. / Она была очень красива, / Увы, в ту ночь ее убить*). Единицы, обозначающие переходное состояние в рамках суточного цикла, связаны с семантикой

нарушения гармонии. Так, устойчивую связь с мотивом расставания демонстрирует семантика утра как перехода от ночи к световому дню: *заря/зорька, утро, солнце встает и др.* (*Только станет светать, / Зорька заниматься, / А со мной милый мой / Станет расставаться... / Милый мой, взгляни / В окно, горит заря. Пусти меня, / Как проснется мать моя / И станет спрашивать меня... // Ты вставай, / Милый мой, / Уже свет голубой. / Уже тихая заря, / Расставаться нам пора*). Отметим, что утверждение о ценностной поляризации касается, прежде всего, актуализации циклического времени, время линейное проявляет аксиологические характеристики менее отчетливо. Вероятно, это связано с природой лирической песни как жанра традиционного фольклора, отражающего мир вне его динамики, стабильный, не ухудшающийся и не улучшающийся.

Пространственно-временная организация ценностной модели фольклорного мира в лирической песне иконична: выстраивается вокруг мира дома, семьи, где и сосредоточены ценностные приоритеты фольклорного человека. При этом такая аксиологическая организация свойственна всем жанрам необрядового фольклора – ценностный статус любой сферы человеческой деятельности определяется сквозь призму семейных ценностей.

Содержание ценностно окрашенной категории «семья» выражает позицию коллектива по отношению к социальному институту, который рассматривается в системе фольклорных ценностей как неотъемлемое свойство человеческого сообщества. Семья в песне – это микромир, обязательными представителями которого являются мать, отец, дочь/сын, муж/жена, родственники мужа и жены. Ценностные модели семьи, реализующиеся в лирических песнях разного типа, не тождественны. Прежде всего, это связано с дифференцированным воплощением ценностной модели мира, и семейной модели, в частности, в мужском и женском фольклоре. При этом модель семьи (впрочем, как и другие составляющие аксиологической модели фольклорного мира) реализуется в контексте ценностно окрашенной оппозиции «своей»/«чужое». Так, в солдатских и тюремных песнях (мужской фольклор) «свой» (гармоничный – «семейный») мир выступает в оппозиции негармоничному миру войны (*Семья вся замертво лежит. / А завтра рано, чуть светочек, / Заплачет наша вся семья. / Заплачут сестры мои, братья, / Заплачут мать мой и отец. / Еще заплачет дорогая, / С которой шел я под венец*). Семейный мир населен кровными родственниками и представлен, в первую очередь, такими персонажами, как *мать* и *отец*, аксиологическая значимость которых стабильна (*Нас-то бреют – не жалеют, / Нас стригут – не берегут. / Повалились русы косы / По могучим по плечам, / По могучим по плечам, / По шелковым поясам. / Пропустите родную мать / Русы косы подбирать // Ты не плачь, родная мать, / Может, скоро ворочусь*). Нестабильностью аксиологической значимости отличается *жена* (Ср.: *Жена, жена ты милая, / Привет, привет меня. / Какой красивый был – / Теперь калека я!* – и – *Жена молодая / Закон развела. / От чужого мужа / Дитя родила*). Значимость семьи как ценностно окрашенной категории подтверждается использованием ее внутренней структуры в качестве вторичной модели «зеркального» отражения «чужого» мира – военного пространства (*Поженила его / Пуля быстрая, / Повенчала его / Сабля вострая*).

В любовных и семейных песнях (женский фольклор) ценностная модель семьи также неоднородна. Если в любовных песнях фиксируется мировосприятие незамужней девушки, то в семейных песнях выражена позиция замужней женщины. В девичьем фольклоре основными аксиологически значимыми персонажами являются *отец* и *мать* как носители традиционных патриархальных представлений. Ценностная модель родителей, отраженная в девичьем сознании, вступает в конфликт с ее собственной моделью, где родители не желают ей счастья, запрещают встречи с любимым, противятся замужеству по любви (*Покатилась головка / К отцу, матери родной, / Вот тогда отец поверил, / Что на свете есть любовь. // Заходит грозный наш отец. / – Ох, дети, дети, мои дети, / Зачем пролили кровь мою?*). Семейные песни представляют ценностную модель молодой женщины, где мир кровных родственников идеализируется и предстает как образец гармонии («свой» мир), а семья мужа противопоставляется ему как отрицательный аксиологический полюс. Наиболее аксиологически значимым персонажем в этом аспекте является *свекровь* (*Во большой семье / У нас была, куда хотела ходила, / У свекровки будешь, / Куда захочешь не пойдешь. // Родная мамка*

ранюсеньки не взбудит / И, вышедши на улицу, не обсудит. // Катюшу не любят, / Не любят ни свекор, ни свекровка, / Что ни деверь, ни золовка...).

Жанровая специфика выражения ценностной модели лирической песни заключается, прежде всего, в том, что норма в рамках данного жанра выражается имплицитно, т.к. лирическая песня фиксирует, в большинстве своем, ситуации дисгармонии (то, что по законам фольклорного коллектива «**не** должно»). При этом жанр лирической песни отражает внутренние переживания героев через описание внешних событий (*Не шейте мне белое платье, / Носить я не буду его, / А шейте мне желтого цвета – / Я с милым в разлуке живу*).

В структуре рассматриваемого жанра можно отметить некоторые эксплицитные проявления коллективной нормы также, как проявление «идеологической территории» традиционного сознания. При этом формально выражается именно антинорма. Немногочисленность этих проявлений определяется спецификой лирической песни как жанра с достаточно развернутым сюжетом, с одной стороны, и с развитой системой символических средств – с другой. Наиболее последовательно это проявляется в тюремных/разбойничьих песнях, в которых для формализации нормы используются неопределенно-личные глаголы: *Пришли, Ланцовушку забрали / И увезли его в тюрьму, / На двадцать пять лет заковали. // Посадили на недельку, / Просидел я круглый год. / Выводили на крылечко, / Окружил меня народ*. В любовных и семейных песнях такие проявления встречаются редко и не отличаются однородностью: *Нельзя, нельзя черемушку / Неспелую рвать. / Нельзя, нельзя девчоночку / Несвтану брать. // Поглядите, добры люди, / Как жена мужа не любит*.

Поскольку фольклор, как уже отмечалось, оценочен по своей природе и вся его содержательная сторона представляется как отражение ценностной картины традиционного сознания, то, рассуждая об объекте оценки в фольклоре и в лирической песне, в частности, следует сосредоточить внимание на тематической структуре рассматриваемого жанра: любовные, семейные, солдатские, тюремные/разбойничьи и др. типы песни.

Тематическая структура жанра определяет круг ценностно окрашенных категорий и специфику их оценочного выражения. Кроме категории *семьи*, универсальной оценочной категорией для лирических песен практически любого типа можно назвать категорию *свободы*. Свобода в русском фольклоре «предполагает как раз порядок, но порядок не столь жестко регламентированный /.../ свобода связана с нормой, законностью, правопорядком...» [2, с. 364].

В фольклоре в содержание категории *свободы* включается система социально регламентированных ролей традиционного общества, воспринимаемая традиционным сознанием как нормативная. На этих представлениях и основаны ценностные ориентации, выраженные в лирической песне. Несмотря на общность ценностных представлений о свободе в фольклоре, в лирических песнях разного типа рассматриваемая категория предстает в особом ценностном наполнении. Так, в солдатских песнях свобода, к которой стремится лирический герой, есть возвращение в традиционный мир нормы, порядка и к семейным отношениям как проявлению нормы. Таким образом, семья в солдатской песне рассматривается как воплощение свободы – в противовес дисгармоничному миру войны: *Как один солдат / Богу молится, / Богу молится, / Домой просится: / «Командир-майор, / Отпусти домой. / Отпусти домой / До жены родной. / До жены родной, / К малым детушкам. // Там вдали, за синим морем, / Оставил Родину свою, / Оставил мать свою старушку, / Оставил жёнку молодую*. В семейных песнях, отражающих преимущественно женское мировидение, замужество (переход в семью мужа) рассматривается, наоборот, как утрата свободы и получает негативную ценностную окраску (*У родимой мамочки / Дочь была одна. / Не собравшись с разумом, / Замуж отдана, /.../ Не моя ли доченька / Слезы горьки льет? / На чужой сторонкушке / Бедно там живет. // Мать совета не дала / Ехать мне с матросом, / Матрос замуж не возьмет, / Надсмеется, бросит. / Не послушала я, мать, / Твоего совета, / Я с матросом молодым / Еду вокруг света. / Год прошел, другой настал, / Дочь идет уныло, / На руках она несет / Матросенка-сына. / Прими дорогая, прими дорогая...).*

Объектом оценивания в лирической песне является и область этики. При этом в системе рассматриваемого жанра даже внешние оценки окружающего мира находятся в жесткой

эстетической зависимости от этических характеристик его элементов. Так, внешность положительной героини/героя всегда соответствует идеалу красоты, причем этот идеал является для данного жанра (а во многом – и для фольклора в целом) стабильным (*Своею русою ко-сою / Трепетала по волнам, / Голубою своей лентой / Украшала берега. // Только скрылся парень за туманом / И забыл про голубы глаза, / И забыл про голубы глаза. // Ой, да сказал, милая, / Моя чернобровая, да, / Я, да я не мыслю по тебе... // Хороши глаза у чернобровой, / Да мне по них не стыдно поскучать...*).

Таким образом, в лирической песне как жанре традиционного фольклора отражаются ценности стабильные, не зависящие от времени. Это определяется тем, что традиционный необрядовый фольклор представляет мир как лишенный динамики, онтологический мир идеальной нормы. Онтологический характер идеального мира определяет наличие единого, не рефлексирующего субъекта оценивания.

Ценностная ориентация в лирической песне связана с эстетически зафиксированными представлениями о гармоничных (нормативных) и негармоничных состояниях мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Литературный энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1987.
2. Шмелев А.Д. «Широта русской души» // Логический анализ языка. Языки странств. М.: Языки русской культуры, 2000.
3. Хроленко А.Т. Семантическая структура фольклорного слова // Русский фольклор. Вопросы теории фольклора. Вып.19. Л.,1979.

Н.Г.Архипова

РУКОПИСНЫЕ ДЕВИЧЬИ АЛЬБОМЫ: ЖАНРОВО-ТЕМАТИЧЕСКОЕ СВОЕОБРАЗИЕ

В настоящее время существует достаточно большой пласт культуры детства и отрочества, представленный в письменных источниках. Девичья рукописная культура до сих пор не являлась предметом системного изучения, хотя материал исследования представляет значительный интерес на разных ступенях анализа: жанровом, тематическом, собственно лингвистическом и др. На сегодняшний день опубликованы лишь отдельные работы, посвящённые латентным механизмам гендерной социализации девочек или целостным описаниям отдельных форм девичьей субкультуры. С.Б.Борисов, В.А.Базанов, С.Ю.Неклюдов – исследователи, изучающие девичьи образы в фольклорно-мифологической и архаической культурах [1, 2, 3]. В конце XX – начале XXI вв. М.Л.Лурье, М.В.Калашникова, Е.В.Кулешов, А.Ф.Белоусов разрабатывают подходы к изучению школьного фольклора [4, 5, 6, 7].

Наиболее значительное отличие девичьей культуры от культуры их сверстников-юношей состоит в том, что первая в большей степени связана с письменной формой бытования. Еще в XVIII в. достоянием русской девичьей культуры стала заимствованная из Европы альбомная традиция (подобный альбом вела еще императрица Екатерина Великая [4, с. 2]), и это обстоятельство дает исследователям возможность изучать не только типологию девичьих культурных практик, но и их эволюцию [6, с. 10].

Девичий альбом, известный еще в пушкинские времена, видоизменялся с течением времени. Из тетради со стихами, пожеланиями и рисунками примерно во второй половине XX в. он трансформируется в «Песенник», основное содержание которого составляют тексты песен, проиллюстрированные вырезками из журналов. В конце же XX в. «Песенники» изменяются в «Анкеты». Резко усиливается их коммуникативная функция, а сам альбом «под руководством» хозяйки становится плодом коллективного детского (преимущественно девичьего) творчества. Многочисленные опросники, гадания, гороскопы, в него входящие, оформляются фотографиями друзей и артистов, наклейками-стикерами и т.п.

Современный девичий альбом представляет собой разукрашенную общую тетрадь, написанную пожеланиями, афоризмами, текстами песен с вклеенными между ними фотографиями актеров и картинками из модных журналов. Это тетради, которые девочки передают друг другу, читают, заполняют дома и в школе.

Существует несколько форм девичьей рукописной культуры, представленной в альбоме: «анкета», «журнал», «дневник», «пожеланник», «гадалка» и др.

В русской девичьей среде жанр анкеты получает распространение не позже 1930-х гг. и является популярным до сих пор. Для русских девочек на протяжении вот уже более полувека заполнение и чтение анкет – своего рода институт гендерной социализации, реализующий в легитимных для данного пола и возраста (10-13 лет) формах функцию дружеской и любовно-романтической коммуникации [1, с. 19].

В.А.Базанов полагает, что основная функция анкет – коммуникативная, а развлекательная, эстетическая и когнитивная, по его мнению, «имеют подчинительный характер по отношению к коммуникативной. Кроме того, анкета является «инструментом» малой социализации, средством проникновения в социальную структуру... подросткового коллектива (не только для хозяина анкеты, но и для респондентов)» [6, с. 65-66].

Рукописные журналы представляют собой издания, сравнимые с типографскими отпечатанными журналами тем, что имеют свой номер и выходят с определённой периодичностью. Особое место в них уделяется заглавию и обложке. Но в отличие от типографских журналов, рукописные издаются на обычной школьной тетради. В таких журналах можно встретить материалы самых разных жанров: рассказы, очерки, стихи, басни, загадки, песни, критические статьи. Для оформления вклеиваются вырезанные из печатных изданий яркие картинки. Рукописный журнал является не массовым, но устойчиво воспроизводимым на протяжении более века жанром девичьей вербальной культуры [8, с. 257-260]. Так, мы встретили журналы «Тайная жизнь «Дэфи», «Ведьмы», «Любопытный осенок», «Квакеры», «Наф-Наф», которые вели девочки 11-13 лет.

Секретность, интимность личного дневника составляет одну из его наиболее существенных черт. Личный дневник как форма сокровенной культуры выполняет следующие функции: релаксационно-психотерапевтическую, квазидialogовую, культурно-игровую, литературно-творческую, аутокогнитивно-социализационную (самопознание, обретение опыта самоанализа), функцию культурной памяти (сохранения памяти о значимых событиях индивидуальной жизни), функцию завещания «понимающим читателям». Ведение личного дневника можно рассматривать как один из важнейших инструментов саморазвития девочки-подростка, как организуемый и управляемый ею самой процесс социализации [9, с. 261-262].

Новогодний «пожеланник» – это особая тетрадь, каждая страница которой свернута треугольником. Внутри «треугольника» вписывается пожелание, после чего треугольник заклеивается. Вскрываются страницы в Новый год. Новогодние пожеланники с заклеенными страницами восходят к «секреткам» конца XIX – начала XX вв. «Секретка» представляла собой лист бумаги с перфорированными краями, на которые был нанесен клеевой слой. Текст писался на внутренней стороне секретки, затем она заклеивалась, на внешней стороне указывался адрес, и секретка доставлялась по назначению. В начале XX в. секретки использовались в молодежных (гимназических) развлечениях типа «Почта Амура». Таким образом в форме новогодних пожеланников девичья культура сохранила ушедшую из бытования форму коммуникации [1, с. 23].

Тетради для гадания («гадалки»). Этот жанр, судя по косвенным данным, существующий не менее ста лет, в настоящее время как одна из форм входит в девичьи рукописные альбомы [1, с. 24].

Вымышленное письмо комического характера – «письмо-шутка». Шуточные тексты, отправляемые по почте, это ещё не изученный жанр современного письменного фольклора. Упоминание в девичьих письмах-шутках невероятных событий указывает на жанр скоморошских «небылиц-перевертышей», а обилие в текстах рифмованных конструкций – на тра-

дицию русского балагурства. Одна из их разновидностей, которая существует и сейчас, – комические письма в стихах эротического содержания [9, с. 266-268].

Встречающиеся в современных девичьих письмах эпистолярные клише восходят к сложившейся в России в конце XIX – начале XX вв. традиции стихотворных «народных любовных писем» («Письмо неграмотной девушки-крестьянки милому», «Письмо грамотной мещанки милому»). В девичьих письмах до сих пор сохраняются подобные клише. Некоторые клише в силу их частой повторяемости и семантической завершенности могут быть отнесены к разряду фольклорных явлений [1, с. 24-26].

Девичий альбом возник на основе домашнего альбома, появившего во второй половине XVIII в. В первой половине XIX в. альбомная культура стала делиться на элитарные литературные альбомы с оригинальными авторскими текстами и массовую альбомную продукцию, стремящуюся к выработке устойчивых фольклорных форм.

Изменения общественного вкуса не меняли страницы массового альбома. В нем происходила постепенная эволюция, связанная с проникновением альбома в культурную жизнь социальной группы более низкого статуса. Пансионы, женские гимназии, курсы стали местом сословного смешения и, видимо, основным каналом трансляции альбомной традиции от привилегированных социальных слоёв к слоям с более низким социальным и культурным положением [8, с. 199]. С упразднением институтов и гимназий девичьи альбомы перешли в советскую школьную среду.

Альбомы 1918-1940-х гг. имели черты, отличающие их от альбомов послевоенного периода. В них еще фиксировались песенные жанры ушедшей эпохи (дореволюционный «жестокый романс», нэповская «блатная песня»), в них вписывались военные и политические «шлягеры», с институтско-гимназических времён в них использовался жанр личных надписей хозяйке альбома с указанием даты послания. С 1944 по 1954 гг. социализация советских девочек происходила в условиях «женских школ». Возможно, именно этим объясняется слабая представленность проблемы межполовых отношений на страницах альбомов-песенников второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг. На страницах альбомов данного периода речь идёт главным образом о школьной девичьей дружбе [9, с. 176-181].

В конце 1950-х – 1960-х гг. происходят изменения в тематике альбомов. На их страницах возникает тема дружбы и любви между мальчиком и девочкой [9, с. 181].

К концу 1960-х – середине 1970-х гг. складывается девичий альбом-песенник с новыми, ранее отсутствовавшими жанрами рукописного девичьего рассказа о любви романтико-трагического и романтико-авантюрного содержания, стихотворного рассказа о любви, правил («законов») любви и дружбы, «теорем любви», «формул любви», «любовных квази-аббревиатур», «акrostихов», «адресов любви», «лекций профессора о любви» и др. Помимо собственно девичьих жанров в альбомы 1980-х гг. попадает такой жанр, как «школьные термины». Следует упомянуть и тексты эротического содержания (рассказы, басни, стихи, загадки) [9, с. 182-196].

1960-1980-е гг. – период расцвета «новой» девичьей рукописности. 1990-е гг. отмечены тенденцией к упрощению жанрового состава девичьих альбомов (возможно, это связано с развитием «индустрии девичьей культуры: куклы Барби, книги и журналы о них, появление специализированных девичьих журналов, книг «для девочек», выпуск типографски исполненных девичьих альбомов различной модификации») [7, с. 270-273]. Однако вплоть до настоящего времени рукописный альбом продолжает оставаться важной частью девичьей культуры.

Нами проанализировано тридцать три альбома последних лет, хозяйками которых являются городские девочки преимущественно 11-14-и лет.

Основным концептом, реализованным в текстах исследованных тетрадей, является любовь. Концепт эксплицируется через большое количество лексем, которые можно объединить в два тематических блока: «внешнее проявление любви через действие» и «любовь как внутреннее чувство». Внешнее проявление любви, по мнению девочек, проявляется через *измену, клевету, лесть, ложь, обман, подлый поступок*. Как внутреннее чувство, любовь – это состояние, подобное болезни, то, что причиняет *страдания, беспокойство, го-*

речь, мучения, наводит тоску, вызывает грусть, недоверие, ненависть, обиду, презрение, ревность, скуку и др. Та же мысль подтверждается и определениями любви: эти шесть букв приносят много мук; канат, который черти тянут в ад; стакан с ядом, покрытый сверху шоколадом; цветущий сад, в котором девушке легко заблудиться; букет роз, в котором попадается крапива. Очень редко любовь предстает как светлое, радостное, прекрасное чувство, счастье, восторг.

Многие девочки, вероятно, сами испытывающие в свои 13-14 лет это чувство, дают определения любви с «романтической» коннотацией: *любовь – видеть смысл жизни в глазах друг друга; океан любви, но в океане, смотри, не утони; не снег, не тает; алый парус над водой; тайна; бурное море; кольцо, у которого нет конца.*

В подростковом возрасте еще не повзрослевшим девочкам становятся интересны запретные темы из жизни взрослых. Поэтому неудивительно, что определения любви часто даются подростками через тему сексуальных отношений между мужчиной и женщиной, связанных с каким-то некрасивым, пошлым, «грязным» чувством: *встреча двух дураков с повышенной температурой; четыре пятки под одним одеялом; два дурака хотят сделать третьего; любовь – сказка, а через год – коляска.*

По нашим наблюдениям, тексты всех жанров девичьих альбомов подчинены любовной тематике. Отметим значительную тематическую и структурную устойчивость альбомных жанров, несмотря на то, что они достаточно многообразны: песни, стихи, частушки, легенды, анекдоты, городские романсы, рассказы, дразнилки, секреты, гадалки, гороскопы, кроссворды, дружеские советы, афоризмы, сказки, определения любви, теоремы любви и др.

Одной из значимых характеристик текстов является их метажанровость. Жанры современных альбомов своеобразны, и не всегда можно сразу определить, к какому из них относится текст и целесообразно ли говорить о данном явлении как об отдельном жанре.

В создании любовного настроения альбома большое место занимают «определения любви и дружбы», часто имеющие шуточный, иронический характер: *любовь – это два дурака с повышенной температурой; любовь – это пух, а кто любит – тот лопух; дружба – не служба, предлагать не нужно.* Они рассыпаны почти по всем страницам и часто помещаются среди афоризмов, четверостиший, цитат, также посвящённых любви.

Особенность многих «определений любви» состоит в их метафорическо-ироническом характере: *любовь – это букет, в котором часто встречается крапива; любовь – это адская музыка, под которую пляшут даже старики.*

«Приметы» любви (альбомные «гадалки») представляют собой пример любовной семиотизации повседневности: *если попросил ручку – любит; если чешется нос – думает о тебе; если написал записку – любит и др.*

В тетрадах встречаются «приметы о рождении» (*январь – добрый, февраль – завидующий...*), «значение волос» (*чёрные – красивые, русые – влюблённые*), «обращения», объяснения: «к чему снится парень», «что значит его взгляд» и др. Интерпретации подвергается время чихания, зуд той или иной части тела, икота, звон в ушах, размер носа и губ, тип пожатия руки и т.д. «Данные жанры демонстрируют актуализацию в девичьем сознании любовной семиотизации произвольных данностей «жизненного мира» [9, с. 280-281]. Эстрадные и дворовые песни, стихотворные (лирические и эпические) тексты также часто встречаются на страницах девичьих альбомов.

В рукописные альбомы и песенники попадают, как правило, те литературные тексты (в основном стихотворные), тематика которых близка альбомной: любовь, ненависть, взаимоотношения полов, грусть, радость, одиночество, счастье и т.д. Л.И.Петина отмечает: «Перемещаясь на страницы альбомов, литературные произведения претерпевают различные смысловые трансформации: литературные произведения попадают в альбом без указания авторов, в переадресованном, укороченном или испорченном виде. Анализ разночтений показывает, что отбор стихотворений и последующая их деформация носят регулярный характер...» [10, с. 9]. В рассмотренных нами альбомах встречаются художественные произведения, тексты которых подверглись «редактура» в разной степени. Достаточно редко стихо-

творения остаются в неизменном виде (с указанием автора, текст не искажен, сохранены особенности авторской орфографии и пунктуации). Чаще допускаются случайные изменения (ошибки при списывании или заучивании наизусть, замена одних слов другими при сохранении авторской концепции текста в целом) и переделки авторского текста (сознательный выбор отдельного фрагмента текста, перемена адресата и др., но сохранение тематики и литературной «серьезности»). Отмечены произведения в пародийно-сниженной форме (пародии-переделки, литературные реминисценции в самодеятельных текстах).

Тексты первого типа переписываются в альбом для памяти, «потому что нравятся» владельце альбома. Тематика этих произведений может быть не связана напрямую с традиционно альбомной. Так, например, были обнаружены стихотворения М.Ю.Лермонтова «Утес» и «Парус». Тексты, по сообщению владельца альбома, были переписаны из учебника по литературе за 6 класс, «так как понравились». Подобные тексты сами по себе отвечают вкусам и задачам составителя альбома эстетически, идеологически, эмоционально, ассоциативно и т.д. и поэтому не подвергаются переработке.

Круг авторов попавших в альбом произведений можно считать в основном ограниченными рамками школьной программы по литературе. Характерно, что появившиеся в последние годы в массовой продаже типографские альбомы-заготовки не расширяют круг цитирования, а придерживаются уже известного рукописному альбому набора: А.С.Пушкин, М.Ю.Лермонтов, Ф.И.Тютчев, А.А.Фет.

Как отмечает М.Л.Лурье, при помощи литературных текстов составитель альбома выражает высокие чувства, «подлинные страсти», лирическая ситуация накаляется, слог становится высоким. Таким образом, стихотворение обретает новую жизнь, далекую от контекста творчества его автора [11, с. 430-441].

Некоторые строчки могут быть не дописаны, грамматические ошибки очевидны, наблюдаются и изменения слов по сравнению с оригиналом. Однако иногда присутствует указание на автора, а текст датирован точно. Такие произведения, помимо эстетической, выполняет и функцию «подключения к ситуации». Они бывают снабжены обращениями, что делает их лично адресованными, лирическая ситуация воспринимается как сугубо индивидуальная. Произведение является как будто репликой, ответом в заочном диалоге между адресатом и составителем альбома [5, с. 3].

В девичьих альбомах можно также встретить так называемый «адрес любви»: *Мой адрес: город – любовь, улица – свидания, дом – ожидания, квартира – расставание*. «Адрес любви» свидетельствует как о романтическом характере владельца альбома, так и о её ироничном отношении к любви.

Жанр «теорема любви» представляет собой свод четверостиший, соединенных служебными «математическими» словами «Дано», «Доказать», «Доказательство»: *Теорема любви. Дано: Помни, друг мой дорогой, формулу такую, что квадрат двух алых губ равен поцелую. Доказательство: Коль боишься поцелуя, постарайся не любить, ведь любовь без поцелую никогда не может быть*. По оценкам С.Б.Борисова [1, с. 7] и нашим наблюдениям, данный жанр насчитывает не более четырёх-пяти текстовых разновидностей.

В качестве исходного образца в данном жанре используются школьные математические задачи на доказательство. В данном случае речь идёт о превращении иррациональной любви в «науку страсти нежной», о её магической легитимизации: процесс написания любовных строк в виде математической задачи осуществляет синтез рационального и любовного дискурсов [9, с. 275-276].

Жанр «формула любви» представляет собой имитацию решения математического задания с символами, дающими в результате фразу любовного признания: *Я Вас люблю*. Как отмечают исследователи, «формулы любви», как и «теоремы любви», выполняют функцию «игровой рационализации» и «легализации» полузапретной «сердечной» тематики [9, с. 276].

В девичьих альбомах нередко можно встретить «расшифровки отдельных слов» – квазиаббревиатуры: *ЛЕТО – Люблю Его Только Одного; ДРУГ – Дорогой, Родной, Уважаемый, Главный*. Возможно, что непосредственными источниками девичьих альбомных квазиаббре-

виатур являются татуировки представителей преступного мира, тем более что значительная часть девичьих квазиаббревиатур совпадает с «татуировочным тезаурусом». Как отмечает С.Б.Борисов, квазиаббревиатуры используются в качестве «шифровок», в частности, в девичьих колониях для осуществления любовно-эротической коммуникации [9, с. 278].

Еще одним из жанров современных девичьих альбомов, также основанным на декодировке текста, являются акrostихи. Тексты, получающиеся в результате чтения первых букв строк стихотворения, как правило, связаны с любовной тематикой: *ЦЕЛЮЮ ВАС, ЛЮБЛЮ: Летели бабочки на свет, Южное солнце светило, Было всего ей пятнадцать лет, Любовь вдруг пришла и Юное сердце разбила*. Тексты любовных акrostихов ведут начало из дореволюционной альбомной традиции. К акrostихам примыкают стихотворные клише с подставляемыми буквами и стихотворные клише для писем, фотографий, поздравлений.

«Законы любви» как жанр девичьего альбома являются синтезом нескольких типов предложений. Первые – утверждения, построенные по типу аксиом (*любовь девушки заключается в мыслях*); вторые – интерпретативно-логические суждения: (*если... значит... (если... то...)*); третьи – суждения императивного характера, обращенные либо к девушке (*не гаси его стичку...*), либо к парню (*Юноша! При первой встрече обращайся вежливее...*).

В девичьем альбоме представлены «секреты юноши» (*юноша должен целовать девушку не нахально*), даются рекомендации о том, как общаться, лицам обоего пола (*прощайтесь вежливо*).

По мнению С.Б.Борисова, «правила любви» призваны удовлетворить потребность девочек-подростков в познании норм «правильного» (достойного) поведения в ситуации межполового общения. Жанр «законов любви» напоминает техническое руководство, инструкцию [9, с. 282-283].

Содержательно близок к «правилам любви» и другой альбомный жанр – «доклад (профессора) о любви» (*В своем докладе, как старый профессор, расскажу, что такое любовь и дружба. <...> Любовь приходит в 14-15 лет <...>*). В 1950-1980-х гг. выходили книги, содержащие обращения общественных деятелей, ученых к молодым людям с комментариями норм морали и этики (например, сборник «Вам, девушки!») и рассуждения о любви и дружбе [12]. Возможно, жанр «лекции» возник в результате освоения девичьей средой текстов дидактического содержания.

Таким образом, девичьи альбомы принадлежат к редкому виду письменного фольклора и характеризуются жанрово-тематическим своеобразием. Девочки не ограничивают себя в выборе определённой формы, а используют всё, что им интересно. Хотя центральное место в альбоме занимает анкета, включающая вопросы и ответы, в своих тетрадях девочки используют элементы рукописных журналов, «пожеланников», различные гадания, большое количество лирических стихов и песен, основным своим содержанием имеющих любовную тематику.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисов С.П. Любовный рассказ в ансамбле девичьего альбома. Анкеты // Рукописный девичий рассказ / Сост. С.П.Борисов. М.: ОГИ, 2002.
2. Базанов В.А. Функциональный аспект бытования детских анкет // Традиционная культура и мир детства: материалы международной научной конференции «XI Виноградского чтения» Часть I. Тезисы. Ульяновск: Лаборатория культурологии, 1998.
3. Неклюдов С.Ю. Устные традиции современного города: смена фольклорной парадигмы // Исследования по славянскому фольклору и народной культуре. Вып.2. Берkeley, 1997.
4. Лурье М.Л. Пишу на корке, живу на горке, имя и число снегом занесло (несколько слов о девичьем альбоме) / [http:// www.altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/9](http://www.altruism.ru/sengine.cgi/5/7/8/9) (05.03.03).
5. Калашникова М.В. Литературные произведения в альбоме / [http:// www.ruthenia.ru/folklore/publikations.htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/publikations.htm) (12.03.05).
6. Кулешов Е.В. Предисловие // Рукописный девичий рассказ / Сост. С.П.Борисов. М.: ОГИ, 2002.

7. Русский школьный фольклор / Сост. А.Ф.Белоусов. М., 1998.
8. Ханютин А.Ю. Школьный рукописный альбом-песенник: новый успех старого жанра // Массовый успех. М., 1989.
9. Борисов С.Б. Мир русского девичества: 70-90 годы XX в. М.: Ладомир, 2002.
10. Петина Л.И. Художественная природа литературного альбома второй половины XIX в. Тарту, 1988.
11. Лурье М.Л. Пародийная поэзия школьников // Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов / Сост. А.Ф.Белоусов. М.: Ладомир, 1998.
12. Вам, девушки! / Сост. О.В.Коробкевич. М.: Медицина, 1965.

Д.Н.Галимова

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ ПОНЯТИЙНЫЕ СФЕРЫ «АРТЕФАКТЫ» И «НАТУРФАКТЫ» В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

В последнее время в лингвистике появляются работы, исследующие метафору не только как способ пополнения словарного запаса, средство образной характеристики, но и как результат ментальных операций и способ мышления о мире. Исследование метафоры как результата когнитивных процессов основывается на «теории концептуальной метафоры» американских когнитивистов Дж.Лакоффа и М.Джонсона [1]. С позиций когнитивной лингвистики метафора является одним из основных способов миромоделирования. Метафорический перенос наименования с одного предмета на другой рассматривается как результат когнитивных процессов и воплощение конкретно-чувственного и рационально-оценочного опыта человека. Человек познает окружающий мир при помощи метафор, выражает результат познания в метафорических номинациях и в процессе коммуникативной деятельности преобразует существующую в сознании языковую картину мира, вводя новую – метафорическую – категоризацию в представление уже известных и новых феноменов [2, с. 91]. Метафорический способ представления действительности отражает пути познания мира и особенности его концептуализации, а анализ метафор дает представление о специфике мировидения и ценностной системе людей [см. 2, 3, 4, 5, 6].

В отечественной метафорологии в ряде исследований для описания процессов метафоризации используются методы структурно-семантического и когнитивного подходов к языку, что предполагает анализ и сопоставление исходных и результативных значений (далее ИЗ и РЗ) метафоры и последующее определение оснований метафорического уподобления, типов метафорических переносов и характеристику фрагмента ценностной картины мира людей той или иной социальной или возрастной группы.

Исследования, описывающие метафорическое мировидение в диалектах, немногочисленны [см. 4, 7, 9, 10, 11, 12]. В данной работе описано метафорическое представление предметного и природного окружения человека в русских говорах Приамурья. Объектом исследования стали записи диалектной речи жителей сёл Архаринского, Мазановского, Свободненского и Шимановского районов Амурской области.

Как отмечает А.П.Чудинов, для когнитивной теории характерен широкий подход к выделению метафоры по формальным признакам. Например, если в других теориях среди компаративных тропов разграничиваются сравнение, то есть троп, в котором имеется формальный показатель компаративности (как, будто, похож, словно и др.), и метафора, признаком которой считается отсутствие указанных показателей, то при когнитивном подходе обе рассматриваемые разновидности относятся к числу широко понимаемых метафор. К метафорическим единицам относят и группы так называемых «генетических» («мертвых») метафор, окказиональные (авторские), словообразовательные и фразеологические метафоры [2, с. 91-92]. Поэтому в круг рассматриваемых метафор мы включаем и метафоричное производное имя (*кривоносики* – крендельки, *набровник* – выступ над окном, над дверью; карниз), и име-

нования, образованные путем внутрисловной деривации (*накипь* – наледь, *лопасть* – лист растения), и сравнение (*как рука, корешочек*) [см. подобный подход в 4, 5, 6, 7, 8].

Для анализа метафорических единиц необходимо описать систему метафорических наименований, функционирующих в определенной понятийной сфере (сфере артефактов или натурфактов). Выявить когнитивные механизмы метафорического осмысления данной концептуальной сферы помогает прием компонентного анализа, позволяющий определить дескриптивные признаки того, что послужило источником метафоризации, и установить, какие компоненты исходного значения связывают источник и объект номинации. Таким образом можно определить, что дает основание метафорическому использованию конкретной понятийной области для обозначения другой, не связанной с ней, и рассмотреть особенности концептуализации и категоризации мира диалектоносителем, отраженные в метафорических моделях.

В основе метафор лежат сформировавшиеся в сознании человека концепты, содержащие представления человека о свойствах его самого и окружающего его мира. В качестве когнитивных источников смыслов для метафоризации артефактов и натурфактов используются концепты понятийных сфер «человек» («анатомия», «физиология», «семья» и др.), «артефакты» («домашняя утварь», «инструменты», «постройки» и др.) и «природа» («животный мир», «растительный мир», «мир неживой природы»), т.е. можно выделить антропоморфные метафоры (моделирование объектов метафоризации по подобию человека), артефактные метафоры (представление реалий как предметов, созданных трудом человека) и натуроморфные метафоры (реалии осознаются в концептах мира окружающей человека природы). Антропоморфность определяют как основной принцип метафорической номинации объектов, объясняя это особенностями когнитивных процессов в сфере чувственно воспринимаемого: человеку проще понимать, объяснять и оценивать объекты, сопоставляя их с самим собой. Потому объект окружающего мира, имеющий набор определенных параметрических сущностных и структурных характеристик, может быть представлен как своего рода двойник человека. Однако среди диалектных метафор фиксируется немало артефактных и натуроморфных. Задачей нашего исследования, помимо описания метафорического миромоделирования в диалекте, будет попытка установить, каким видит человек предметный мир и мир природы.

1. Существительные, представляющие понятийную сферу «артефакты».

Большое количество метафорических номинаций артефактов относится к концептам понятийных сфер «инструменты и орудия труда» и «приспособления для механических манипуляций». Это может быть объяснено тем, что инструменты и приспособления чаще всего состоят из нескольких функциональных частей, каждая из которых, как значимая, должна быть именована. Литературный язык обычно не предлагает аналогичных обозначений, а метафорическое имя оказывается удобным категоризатором.

Описывая инструменты, орудия труда и приспособления для механических манипуляций, человек моделирует их по себе: отождествляя артефакт с человеческим существом, наделяет его «головой», «бородкой», «щёками», «зубами», «языком», «руками», «пальцами» и т.д. Метафорический перенос основывается чаще на нескольких признаках исходного значения. Так, в лексическом значении *щека* дескриптивные признак «боковая поверхность» выступил основанием метафорического переосмысления слова: в примере *Топор состоит из обуха, сада, лезья, щёк* РЗ метафоры *щека* – боковая сторона лезвия топора.

Интересно метафорическое отождествление с человеком самодельного инструмента – мялки для кожи, выделяемой в домашних условиях. Сам инструмент именуется *губой*, а детали его – *языком* и *зубами*: *Кака-то губа была у отца: какой-то чурак, в ём выдолбят, а с краю сделают дыру, сделают зубы, а по зубам она (кожа) растальчивается, делается мягка; Рубчатый языком кожу мяли, в тальках мяли: на палке таки зарубки, зубы.* Инструмент, мнувший кожу, словно разжевывающий ее, ассоциируется с человеческим ртом. При этом несоблюдение особенностей анатомического строения не важно: основанием для метафоризации выступает прямое внешнее подобие предметов и их функциональное сходство.

Один объект может иметь двойную метафорическую номинацию: *Бородка – язычок у топора, чтоб топорнице крепче было, держалось, бородка поддерживает топорнице.* В пер-

вой метафоре в основание метафоризации положено внешнее сходство: борода (подбородок) – выступающая часть лица, «завершающая» и как бы «поддерживающая» лицо. Язык – «выступающая часть» в полости рта, которая может подхватывать и поддерживать пищу. Внешние и функциональные характеристики переосмыслены в переносе на иную концептуальную сферу, таким образом, и *бородка*, и *язычок* обозначают деталь топора, поддерживающую топориче спереди.

Одна и та же понятийная область может служить источником метафорических номинаций для различных объектов: *языком* (*язычком*) именуется и деталь мялки для кожи (толстая полоска с вырубленными на ней поперечными желобками), и деталь топора (см. выше); *зуб* (зубы) – и название поперечных зарубок на рубеле (инструменте для глажения или выколачивания белья), и обозначение шипа на конце бревна, который вгоняют в соответствующую ему по размеру выемку в конце другого бревна при их соединении.

Название части тела может использоваться не только для того, чтобы именовать деталь орудия труда, но и для того, чтобы просто определить его функциональную особенность: *Косьё и черень – рука косы, одинаково*. Объект метафоризации (рукоятка косы; косовище) является деталью, которая как бы «держит» лезвие (аналогия с человеческой рукой, держащей какой-либо предмет).

Внешний вид или действия человека также могут выступать основанием метафорической экспансии, например, в метафорических номинациях *баба* (*У нас вот такая баба под мельницей – столб такой, а на ём крылья. Вода бьёт по крыльям, а баба крутится. Не жива баба, а деревянна*), *бабка* (*Бабка – это где литовку отбивали: на камне или на железном бруске*). В данных примерах задействованы культурные коннотации: в представлении русских людей баба обладает дородностью, статью, крепким телосложением, что визуально может быть соотнесено с конической или цилиндрической формой предмета.

В ИЗ *пахарь* (тот, кто пашет землю, земледелец) выявляются смыслы «рыхлить землю», «действовать при помощи чего-либо заостренного». Именно они связывают исходную концептуальную сферу «человек» с понятийной областью «приспособления для механических манипуляций»: РЗ *пахарь* – якорь на плоту в виде бревна с заостренным железным наконечником и грузом (*Пахарь – это тот же якорь: вот бревно, оно заострёно, а на него железный конец, а сверху груз железный, он врезается в дно и останавливает плот*).

Антропоморфные метафоры, называющие инструменты, орудия труда и приспособления, представляют значительную группу единиц, однако понятийные сферы «артефакты» и «природа» для именования инструментов, орудий труда и приспособлений являются не менее богатым источником метафоризации.

Наименований бытовых предметов, использующихся в качестве номинации для артефактов рассматриваемых групп, не так много, и они используются в основном для метафорического называния различных приспособлений: *башмак* – деревянная колодка, которая надевается на передние ноги лошади, чтобы лишить ее свободы передвижения (*Башмак с дерева, загнут его, как у лошади нога. Башмак наденешь на передни ноги, и конь не убежит*); *конфетка* – трензель (*Лошадь, допустим, уздечку одеваешь, конфетка. Это вот как в рот заталкиваешь*); *клещи* – один из полуовальных деревянных брусков, стягивающих хомут (*У хомута есть дерева, её называют ешио клешиши, хомутина клешишами стягивается*). Эти и подобные метафорические переносы основываются на функциональной характеристике предметов.

Называя инструменты, орудия труда и приспособления, человек может моделировать их по образу объектов животного мира: отождествляя артефакт с живым существом, именует его *козой*, *кобылкой*, *гусаком*, *лапой*, *пером*, *жалом*, *детёнышем* и т.д., так как находит во внешнем виде определяемого артефакта или в его функциональных характеристиках сходство с соответствующей реалией.

Наименования животных и птиц, а также частей тела животного выступают чаще для метафорического переосмысления инструментов и приспособлений. В ИЗ *журавель* (*журавль*) – болотная птица с длинными ногами, шеей и клювом – существенными оказываются внешние характеристики, они переносятся на иную концептуальную сферу: *журавель* полу-

чает значение «приспособление для подъема воды из колодца – столб с прикрепленным к нему длинным шестом, служащим рычагом» (*Раньше был журавель. Такой большой столб. Там вот на этот столб как-то устраивали вот такую вот жердину большую, и сюда верёвка или цепь и ведро*). Подобное метафорическое осмысление внешних признаков реалии происходит и в других натуроморфных метафорах: коза – светильник, устанавливаемый на носу лодки для лучения рыбы (*На носу лодки козу ставили. Это решётки для шишек. Шишки горели и освещали дно реки, рыбу*); козлик – уключина (*Здесь козлик, на козлик вёсла крепить*) и т.п. Метафорой может быть отражена и функциональная особенность объекта: лапой называют инструмент для выдёргивания гвоздей, гвоздодёр (*Выдергу сейчас ещё лапой называют. Выдерга она длинна, как кочерга, ей гвозди выдёргивают*).

Категориальный класс «животный мир» также выступает источником метафоризации для обозначения составных частей инструментов, орудий труда и приспособлений. Например, жало как острие косы (*У литовки есть жало, острый конец*) – метафоризация определяется дескриптивным признаком «острый» в ИЗ слова; жабба как поперечная планка мельничного веретена, на которой держится верхний жёрнов (*На жабе стоит верхний жёрнов, верхняя форма*) – основания для метафорического использования слова дают признаки, характеризующие внешний вид животного: «широкий», «небольшой в высоту».

Названия растений или объектов неживой природы в качестве метафорических именованных орудий труда и инструментов нами не отмечены.

Довольно часто для именованных разных объектов используют одну и ту же метафорическую номинацию. При этом в ИЗ актуализируется либо один и тот же дескриптивный признак, либо разные признаки. Например, у существительного крыло (крылья) дескриптивные признаки ИЗ «плоский», «вытянутый», «совершающий махательные движения» выступили основанием метафорического переосмысления слова: крыло как вращающаяся лопасть зерноуборочной машины (*Эта жнейка – просто площадка, два крыла, одно прошло, второе, так прислонила и ножом срезала, и третья, допустим, ты третью поставила, или четвёртым крылом*) и крыло как вращающаяся лопасть водяной мельницы (*У нас вот такая баба под мельницей – столб такой, а на ём крылья. Вода бьёт по крыльям, а баба крутится*). В других употреблениях данной метафоры: крылышки – часть окучника, сельскохозяйственного орудия для окучивания, подрезающая пласт земли снизу и отваливающая его (*распахник – это окучник, крылышки как мои ладони*) и крылья – лопасти, прикрепляемые к бортам лодки для поддержания равновесия (*С боков пришивали к бату (лодке) крылья, чтобы не перевернулась*) – признак «совершающий махательные движения» становится неважным и, напротив, актуализируется значение «расположенный по бокам чего-либо». В примерах употребления метафорического имени **детёныш**, используемого для обозначения небольшого сруба на дне колодца, имеющего меньший размер, чем основной (*Детёныш-то – место в колодце, где начинается вода, уже сруба*), либо для называния деревянного каркаса, служащего формой при сооружении глинобитной печи (*Кладутся доски, вкладывается детёныш, на доски насыпается глина. Это как форма. Из досок делается детёныш*) исходное и результативное значения связаны признаком «меньший по размеру», выделяемым в исходной когнитивной области. А в случаях метафорического употребления существительного змейка номинации разных реалий основываются на различных компонентах ИЗ слова. В одном из метафорических значений змейка – длинная соха для возделывания целины (*Змейка – железна така, плоха соха: юлит; У змейки отвал змейск скрученный, чтоб лучше землю отваливал*). В основание метафоризации положено прямое подобие внешнего вида (актуализированы дескриптивные признаки ИЗ «длинный», «узкий») и сходство волнообразных движений, которыми перемещается змея и которые «совершает» соха. В другой метафоре змейка – узкая пила с мелкими зубцами (*Пила, змейка узка, у ней зубки есть*). В данном случае в результативном значении актуализированы не только компоненты «длинный» и «узкий», но и компоненты «острый», «быстрый», «резкий», относящиеся к функциональной, деятельностной характеристике объектов: инструмент режет так же быстро, как быстро и резко жалит змея.

Среди метафорических номинаций, относящихся к концептам классов «инструменты и орудия труда» и «приспособления для механических манипуляций», артефактных и натуроморфных метафор оказывается больше, нежели антропоморфных. Это может быть объяснено тем, что понятнейшие сферы «природа» и «артефакты» являются более богатым источником метафорических переносов, нежели сфера «человек», обладают более разнообразным ассоциативным полем – «предоставляют» большее количество простых и конкретных образов, которые могут метафоризироваться на основании прямого подобия, воспринимаемого визуально, либо на основании функциональной близости.

Аналогичные выводы можно сделать по отношению к метафорическим номинациям, обозначающим реалии категориального класса «охотничьи приспособления». Части тела человека выступают как исходные наименования для метафорического переосмысления в части охотничьих приспособлений и рыболовных снарядов: например, *горло* (узкое отверстие в рыболовном снаряде), *туловище* (основная часть вентеря – рыболовного снаряда), *пятка* и *пятка* (хвостовая часть невода, к которой крепятся грузила), *жилка* (тонкая леска) как части приспособлений для рыбной ловли; *язык* – деталь рыболовного снаряда или охотничьей ловушки, вставляемая внутрь устройства. Основания для метафорического использования соответствующих концептов дает сходство внешнего вида или сходство соположения именуемой части относительно всего объекта или его частей. При использовании названий артефактов и натурфактов в качестве номинаций приспособлений для охоты и рыбной ловли метафорический перенос основывается не столько на внешнем сходстве объектов (*рукав* – рыболовный снаряд в виде плетеной из прутьев продолговатой корзины; *зыбка* – приспособление для лова рыбы в виде корзины из прутьев или сети на обруче; *морда* – рыболовная снасть в виде круглой узкой корзины с воронкообразным отверстием, сплетённая из прутьев или проволоки и т.п.), сколько на совпадении в исходном и результативном значениях компонентов, называющих особенности функционирования или назначения реалий (*башимак* – ловушка на лисиц и мелких пушных зверьков в виде деревянного корыта, опрокинутого кверху дном, которая ставится обычно у нор; *мотылёк* – деталь охотничьей ловушки – заостренная палочка, на которой держится груз; *пасть* – охотничья ловушка (чаще с приманкой для зверя) в виде расщепленного бревна с клином-насторожкой; *детёныш* – деталь рыболовного снаряда, вставляемая внутрь устройства и т.п.).

Среди метафор, называющих реалии категориального класса «постройки» – жилые строения и хозяйственные сооружения, а также их части, – примерно равное количество антропоморфных и тех, которые «не повторяют» человека. И натуроморфные, и артефактные, и антропоморфные метафоры используют в качестве основания метафорического переноса различные исходные признаки: особенности внешнего вида, в т.ч. формы, или назначение реалии. Например, *затылок* – внешняя, задняя сторона чего-либо (*Затылок этот у крыши кирпичный был*); *лоб* – фронтон деревянного дома или хозяйственной постройки (*Это изба со всех сторон одинакова: и со лбов, и с боков, четыре ската у ей*); *набровник* – выступ над окном, над дверью; *карниз* (*За надбровником посмотри ключ*); *кочет* – стойка, столбик в постройке (*Кочета забьёшь, поперечину, вот и загородка*); *кобылина* – жердь, служащая опорой в каком-либо сооружении (*Кобылины ставили крепки, дубовы, на кобылины жерди*).

Отмечены случаи, когда один объект имеет двойную метафорическую номинацию: метафоры *князёк* и *конёк* называют продольный брус, прикрывающий стык плоскостей двускатной крыши (*Брус на верху крыши называли князёк, а счас конёк. Князёк выше всех сидит, вот князёк и называется*). Одна и та же понятийная область может служить источником метафорических номинаций для различных объектов: *подушкой* именуется и подоконник, и порожек в дверном проеме (между этими реалиями можно установить сходство по внешнему виду (широкий плоский брус) и назначению (опора в каком-либо сооружении)).

Названия растений или объектов неживой природы в качестве метафорических именованных построек и их частей практически не встречаются (единичное: *прожилина* – поперечная жердь, доска в деревянном строении, на которую кладут продольные брусья (*Прожилина – это вот жердь поперечна, к которой прибивают доски*); а также оценочное *гнездо* – о доме (*Ранешние дома какие? Каждый себе своё гнездо уже как умеют, так и выделяют*)).

2. Существительные, представляющие понятийную сферу «натурфакты».

Основное количество метафорических номинаций натурфактов относится к концептам класса «растительный организм».

Антропоморфные метафорические названия растений встречаются не часто. Среди отмеченных метафор – существительные, называющие семейное или социальное положение человека: *невеста* (комнатное растение с белыми цветами), *бабка* (гриб подберезовик), *поп красный* (гриб подосиновик) и т.п. Основанием для переноса может выступать характерная черта внешнего вида растения (*А это невеста, говорят. Она, видишь, коуда расцветётся вся, так она вся белая-белая, как невеста*), особенности продолжительности срока существования (*Эти грибы счас бабкам называют. Оне стареют быстро, как маленько остарет, она уже не годна. Их молоденькими собирают*), «значимость» среди других объектов данного класса (*Грибы всяки были: были попы красные, это красны таки грибы, шляпка красна, их жарили*).

В качестве названия может использоваться имя собственное в сочетании с указанием характерного признака метафоризируемого объекта: цветок *Ванька мокрый*, имеющий и другое наименование, собственно человеческую характеристику, – *плакун* (такие наименования растение получило за то, что перед дождем его листья покрываются капельками растительной жидкости).

Описывая растительный организм, человек моделирует его по себе: наделяет натурфакт составными частями человеческого тела – *головочкой, косами, космами, пальцами*: *У брюквы космы обрежут и в печку; Стебли у огурцов называли косы. Вон как косы-то распустили огурцы; Цветок у льна – пушок, а головочка – это с семенами*. Растение, как и человек, имеет *деток* (*Раньше самосад садили, у его жёлтый свет и детки; отросточки детками звали*), а составные части растительного организма сопоставимы с органами и системами тела человека: *Сердечная трава как отцветает, то у неё шишечки как сердечки; Аверьянка – трава у нас росла... Высока растёт, а станешь копать – как рука корешочек; Цветёт дудка белым, высокая, толстая, как палец*.

Часть человеческого тела может выступать источником для метафорического переосмысления в качестве названия растения: *Берёзова губа – это на берёзе твёрдый гриб вырастат; Пятипальник запаривают и пьют, он как пять пальцев; Царские кудри от сердца пьют. Ой, кака она душиста! Цветёт, как кудри*. Нередко одно и то же растение имеет несколько названий: *Пятипальник у нас соломошкиной ладошкой зовут: лист как ладонь; Заготавливали соломошкину ручку. Эту травку называли так, потому что доктор был такой; Царские кудри вон на окне стоят, их «богатыри» называют: шляпы розовы, красны, оне долго цветут*. В основание метафорического переноса положено сходство внешнего вида либо значимое качество объекта сферы-источника.

Интересно метафорическое отождествление растения с речевыми действиями человека: *Бабьи сплетни – трава така, землю заплетат, всю покрыват. Оне белым светочком светут*. Метафорический перенос имени обусловлен ассоциативным сходством скорости и особенности роста травы (растение стелется по земле) с «ползущим» распространением слухов, пересудов среди людей.

Артефактные метафоры называют растения и реалии мира неживой природы, чаще всего актуализируя в результативных значениях компоненты, указывающие на особенности внешнего вида: *Что у вас за цветок стоит на окне? – Это свечка называется, потому шо видишь, вроде жёлтая свечка, как свечка; Старики раньше от резу в животе ножницы собирали в горах. Трава така, на ножницы похожа; У братской трубки стебелёк, как курительная трубка, он фиолетовым цветом, как пучок с колючками; Лёд дыбом становится и так замерзает, не гладко, значит. Быстрая река, это, напират, сдавливат, и получают такие шубы. Это кипит, говорят, тогда река, накипь; Есть у нас тако место, кода сходятся две реки. На Невере вон штаны огибают остров*. Основанием метафоризации могут выступать признаки, называющие особенность внешнего вида, и ориентационные признаки, выделяемые в исходном значении (см. например, *подол*, ИЗ которого «*Нижний край платья, пальто и т.п.*»), а РЗ «*Равнина, низкое место под горой*»: *Подол – это подход к сопке, равнина*

така) или признак, называющий тактильно воспринимаемое качество (см. например, *мякоть*, ИЗ которого «Мясо убойного скота без костей и хрящей», а РЗ «Вспаханная земля (в отличие от целины, залежи)»: *Мякоть пахать и целину две сохи было*).

Наиболее частотны при именовании натурфактов метафорические переносы из класса «животный мир». Метафорическое осмысление некой реалии основывается не на полном подобии двух объектов, а на визуальном воспринимаемом сходстве какой-либо отдельной характерной внешней черты, признака, выделяемого в сфере-источнике. Например, наименование *медвежьи уши* растение грушанка получило за внешнее сходство с этой частью тела животного, рыба *конёк* получила такое название за сходство с изогнутой конской шеей.

Стремление обозначить объект, относящийся к малоосвоенной или не очень близкой человеку области, используя более простой и близкий образ из хорошо знакомой области, отражается в следующих метафорах: *шелуха*, ИЗ которого «Кожица, скорлупа, счищенная с овощей, плодов, семян и т.п.», а РЗ «Чешуя рыб»: *Чубак? У этого шелуха покрупнее; пёрышки*, ИЗ которого «Роговые надкожные образования у птиц, представляющие собой полый стерженек с пушистыми отростками по бокам», а РЗ «Плавники рыбы»: *Салега (рыба) напоминает чебака, только пёрышки, плавники, красные; шкурка*, ИЗ которого «Наружный покров тела животного», а РЗ «Лыко»: *Ланти так вот сплетены. С дуба. Вот этот шкурка срывается, под низом котора, белая*. Тем же стремлением категоризировать природный мир посредством конкретных близких образов объясняется использование названий домашних животных – собаки и кошки – для именовании растений череды и репейника: *Череду у нас собачкой называют, она, как собачка, цепляется, но она пользительная; Трава кошка есть, цепляется за чулки* (ср. названия цветущих растений *барашек, петушок*, название травы *курочки*).

Издаваемые животными звуки могут быть метафорически переосмыслены как звуки, сопровождающие какое-то метеорологическое явление, а название самого живого существа становится именованием явления природы: *жаба*, РЗ которого «Далёкая гроза без громовых раскатов»: *Жаба бывает, когда хлеб убирают, жаба – гроза без грома, вдали где-то, стороной, потом тучи уходят*.

Одна и та же понятийная область может выступать в качестве источника метафорических номинаций для различных (близких) реципиентных областей. Например, выделяемые в значении слова *грива* дескриптивные признаки «вытянутый в длину», «возвышающийся над основной поверхностью» связывают источник и объект метафоризации в следующих метафорических употреблениях слова: 1) лес, растущий полосой на возвышенности (*Грива – это небольшой лесок на горе. Я по этой гриве шёл, не сплошным лесом*); 2) вершина горы, сопки (*А выше всего грива, на самом верху. На гриву часто забирался*); 3) длинный узкий мыс у подножия горы, сопки (*Косячок у сопки вышел, голый он, вот и грива*).

В заключение следует отметить следующие особенности системы метафорических номинаций в исследуемых предметных областях.

1. Метафоризация основывается на реальном сходстве явлений, исходное и результирующее значения связывают компоненты, отражающие общность внешнего вида подобных друг другу реалий (по форме, размеру, цвету и т.п.) или общность их функционального проявления (характер использования, особенности функционирования (бытования) и т.п.).

2. Предмет может иметь как единичную, так и двойную метафорическую номинацию; одно и то же метафорическое имя может быть отнесено к одной или нескольким реалиям.

3. Метафорический перенос может происходить в пределах одной понятийной сферы – в пределах одного или различных категориальных классов, что отражается, например, в использовании названий различных предметов, созданных человеком, в качестве именовании инструментов или в употреблении названий частей тела живого существа как наименований растительного организма. Однако чаще метафорический перенос осуществляется между разными понятийными сферами, например, между сферами «человек» и «артефакт», «природа» и «артефакт» (так, названия частей тела человека или животного используются как метафорическое наименование орудия труда), между сферами «артефакт» и «природа» (названия предметов бытового обихода употребляются в качестве названий растительных организмов).

4. Рассмотренные метафорические единицы большей частью представляют собой результат переноса значения с одних внешних по отношению к человеку реалий мира на другие. Таким образом, облик и функциональное назначение предметных реалий в исследуемом диалекте, по нашим наблюдениям, чаще биоморфны или повторяют облик других артефактов, нежели антропоморфны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Язык и моделирование социального взаимодействия: Переводы / Сост. В.М.Сергеева и П.Б.Паршина; Отв. ред. В.В.Петрова. М.: Прогресс, 1987. С. 126-170.

2. Чудинов А.П. Когнитивно-дискурсивное исследование политической метафоры // Вопросы когнитивной лингвистики. №1, Тамбов, 2004. С. 91-97.

3. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2000.

4. Резанова З.И. Диалектный вариант универсальной метафорической модели «мир – это человек» // Язык и культура в евразийском пространстве: Сборник научных статей XVI Международной научной конференции. Томск: ТГУ, 2003. Раздел II. С. 148-154.

5. Ермоленкина Л.И. Метафорическое моделирование этико-эстетической оценки человека в русских народных говорах. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. Томск, 2002.

6. Мишанкина Н.А. Феномен звучания в интерпретации русской языковой метафоры. Дисс. на соиск. уч. степ. к.ф.н. Томск, 2002.

7. Оглезнева Е.А. Метафорическое словообразование как способ номинации (на материале производных имен существительных амурских говоров) // Альманах «Говор». 1996. Часть 2. Говоры России: словарь, текст, современное состояние. Саратов, Сыктывкар, 1996. С. 24-32.

8. Лютикова В.Д. Языковая личность и идиолект: Монография. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 1999.

9. Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск: ТГУ, 2002.

10. Юрина Е.А. Комплексное исследование образной лексики русского языка. Томск: ТГУ, 2004.

МАТЕРИАЛЫ СТУДЕНЧЕСКИХ КОНФЕРЕНЦИЙ И СЕМИНАРОВ

Активное изучение языка и фольклора русских говоров Приамурья проводится в рамках студенческой научно-исследовательской работы – на занятиях в научных просеминариях и семинарах, во время фольклорно-диалектологических экспедиций, на конференциях.

В данный раздел помещены материалы студенческих докладов на научных конференциях 2006 г. по проблемам русской диалектологии и этнолингвистики. В публикуемых работах рассматриваются вопросы гетерогенной природы амурских говоров на материале фольклорных произведений (А.Филина); изучаются особенности наименования человека в русских говорах Приамурья (А.Мисак); описываются отдельные фрагменты языковой картины мира амурчанина (К.Пушкарева); проводится культурологический анализ свадебного обряда (О.Краснощека); рассматриваются некоторые стереотипы русского национального сознания (К.Крыжанская).

Н.Г.Архипова, А.Филина

ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКА ФОЛЬКЛОРА В УСЛОВИЯХ ГОВОРОВ ПЕРЕХОДНОГО ТИПА (НА МАТЕРИАЛЕ ЛИРИЧЕСКИХ ПЕСЕН, ЗАПИСАННЫХ В ПРИАМУРЬЕ)

Русские говоры Приамурья как говоры переходного типа, сформировавшиеся в условиях межъязыкового и междиалектного контактирования, представляют собой интереснейший объект для лингвистического наблюдения.

В Приамурье русские говоры начали складываться в середине XIX в. в связи с заселением Дальневосточного края. Первыми сюда приезжали казаки из Забайкалья, затем – переселенцы с юга России, из Украины и Белоруссии [1, 2]. Говоры более поздних переселенцев были иного типа, чем казачьи (по большей части северорусские): это были говоры южнорусского типа, а также малоросские и белорусские. Своеобразие говоров Приамурья проявлялось в том, что на одной территории стали сосуществовать носители разных языков и народов [3]. Как отмечают исследователи, «в Приамурье конца XIX – начала XX вв. происходило активное формирование языкового сообщества, обусловленное сходством фонологических и грамматических структур взаимодействующих славянских языков» [3, с. 6-7].

Предмет исследования в настоящей работе – проблема взаимодействия восточнославянских фольклорных произведений в условиях межъязыкового контактирования.

Отметим, что южнорусские, украинские и белорусские диалекты имеют много общих черт [4, 5], и в задачи работы входит выявление общего, а не различного в этих языковых системах, проявляющегося при исполнении фольклорных произведений. Объект исследования – записи лирических песен, сделанные в ходе фольклорно-диалектологических экспедиций преподавателей и студентов кафедры русской филологии АмГУ в 2000-2005 гг. Общий объем проанализированного материала – более 500 текстов.

Анализ фольклора, бытующего в Приамурье, обнаруживает высокую вариативность межъязыкового свойства, что обусловлено, с одной стороны, свободным функционированием фольклорного текста в сельской среде, использованием его по усмотрению исполнителя; с другой стороны, тем, что на территории амурских сел во взаимодействие вступают произведения устного народного творчества разных регионов России, Украины и Белоруссии. Причем варианты при исполнении того или иного произведения могут быть различными – от несущественных лексико-стилистических изменений до кардинально переработанных на уровне идеи текстов [6, с. 8-9].

В настоящее время в селах Амурской области, наряду с русскими, очень популярны украинские лирические песни, являющиеся одним из самых любимых жанров устного

народного творчества. Исполняются они обычно в смешанном коллективе и поэтому претерпевают изменения на всех уровнях языковой системы. Сосуществование русского и украинского фольклора привело к конвергенции текстов, вследствие которой произошли изменения, главным образом, украинского фольклора под влиянием русского языка.

Укажем на такие изменения в текстах украинских лирических песен, возникшие, по нашему мнению, в результате влияния русского языка, а именно:

1. Произношение *что* [што] вместо украинского *що, шо*: *Очи, мои очи, что вы думаете; Что ж мы будем заутракать; Что мени Ваня говорил; Что буду тебе спокидаты.*

Подобные и другие изменения, однако, не распространены повсеместно, хотя и являются частотными. Отмечены случаи сохранения украинских особенностей в этом и других случаях. Например, *Що там парочка була; Що ты кажешь, милый мой; Що мое сэрце бьется так; Що буду тебе спокидать.*

2. Произношение [к] на месте украинского [х]: *Кто ж нас буде будиты.*

3. Русские неполногласные сочетания на месте украинских полногласных: *Шоб було легшее жить врагам (вместо ворогам).*

4. Вытеснение предложно-падежных именных и глагольных форм украинского языка русскими соответствиями: *до своєї* (укр.) – *к своей* (рус.); *тобі* (укр.) – *тебе* (рус.); *мені* (укр.) – *мне* (рус.); *віддав* (укр.) – *отдал* (рус.) и др. Например, *Я ж тебе кажу, прыгай однораз; Мне ведь не любо на правой ручке; Чи мне втопитися, чи с коня убитися.*

5. Замещение наиболее актуальных, составляющих ядерную тематическую зону, лексических единиц из украинских текстов русскими вариантами с той же семантикой: *чоловік* (укр.) – *муж, мужик* (рус.); *жінка, дружина* (укр.) – *жена* (рус.) и др. Например, *Гой, там на точку, на базаре жінки чоловіков продавали – Ой, там на точку, на базаре жёны мужиков (мужей) продавали.*

Такие изменения особенно часты в случаях отсутствия однокорневых эквивалентов в украинском и русском языках. Например: *Что ж мы будем заутракать (вместо укр. *снідати* – завтракать); Я ж тебе кажу прыгай одноразу (вместо укр. *стрібати* – прыгать); *Иванко, ты Иванко, Рубашка вышиванка (вместо укр. *сорочка* – рубаха, рубашка); Расцвелась барвинку (вместо укр. *розквітати* – расцветать); Буду гулевати (вместо укр. *кохати* – любить, гулять); *На надругань отдал (вместо укр. *віддати* – отдавать, отдать); Вынял платочек з рукава (вместо укр. *хустка* – платок); Не буду плакать и печалиться (вместо укр. *журитися* – печалиться, грустить, горевать); *Трое суток пид водою (вместо укр. *доба* – сутки); Надоела, надоскучила (вместо укр. *надрибати* – надоедать); *На другую, на красивую (вместо укр. *інший* – иной, другой); Хуже моей *Невдашечки* (вместо укр. *гірше* – хуже).*****

Отметим, что при значительном влиянии русского языка, в текстах украинских лирических песен сохраняется устойчивый пласт исконной лексики, не претерпевающей изменений. Например, *Она красна щей красива; Доня моя, где ты была; Ой, я буду чуратися; Ой, дівчина моя; Будешь, зозулю, в саду куковати; Я темною хмарою и др.* Сохранение лексики украинского языка поддерживается наличием таких слов в южнорусских говорах, носителями которых являлись многие переселенцы на Дальний Восток и их потомки.

6. Замена доминанты синонимического ряда менее употребительным синонимом или диалектным вариантом в текстах украинского языка при совпадении корневого созвучия в русском языке. Так, например, в украинском синонимическом ряду *гілка, галузка, вітка* доминантой является *гілка*. Однако в тексте песни отмечена русская лексема *ветка*, имеющая менее частотный, по сравнению с *гілка*, украинский эквивалент *вітка*: *Зломлю я вітку з винограда. Или приємно, міло, зручно, любо (укр.) – любо (рус.): *Мне ведь не любо на правой ручке.**

Наряду с указанными изменениями, обусловленными влиянием русского языка, наблюдается и сохранение исконных языковых черт в украинских лирических песнях, бытующих в Приамурье.

1. Произношение твердых согласных перед гласными переднего ряда: *Ой, ноченька темн[э]сенька; Яке ж в м[э]н[э] горе; Де ж візьм[э]тся зразу козак молод[э]нький.*

2. Отсутствие интервокального j: *Бабуся ріденька, ти всім помогаєш, А як він іншу має; Вранці дримаєте.*

3. Сохранение в речи украинского [y]-фарингального:

Стоит гора високая,

А під горою уай, уай,

Зелений уай, уустенький.

4. Сохранение [ÿ]-неслогового: *Ніч ўсю гуляете; Галя з розгону стрибнула ў воду.*

5. Отсутствие редукции в предударных слогах и ассимиляции по звонкости-глухости: *Вийди дівчина, вийди, дівчина, Пог_оворим з то_бою; Галя з р_озгону стрибнула у воду; Не одну я нічку пр_остояв з то_бою.*

6. Сохранение сигнификативного ударения в грамматических формах по типу украинского языка: *Я на то_го коня сіду та поїду; Прийми мене, мати, хоч за невіст_очку; Вык_опали яму широку, глибоку; Не в_ернуться года.*

7. Отсутствие перехода [e] в [o]: *Коромысло гнет_ся; Кінь по нем несе_тся.*

8. Сохранение украинского суффикса –ти в формах инфинитива: *Добылось тебе дочеч_кой не спати.*

9. Флексия -у в форме предложного падежа ед.ч.: *В том садоч_ку.*

Таким образом, язык лирической песни Приамурья – явление сложное и неоднозначное, сочетающее признаки диалектных систем разных восточнославянских языков, что можно объяснить территориальной и культурной общностью народов, заселявших амурские земли, общественно-историческими причинами и другими факторами, обеспечивающими междиалектное взаимодействие, при нивелирующем воздействии русских говоров и литературного языка.

Популярность украинской лирической песни обусловлена тем, что многие современные носители диалекта – это потомки переселенцев из южных и западных областей России, граничащих с Украиной и Белоруссией, а также из Украины и Белоруссии. «Бытование украинского и белорусского фольклора в Приамурье – косвенное свидетельство направления миграционных процессов: дети переселенцев из Украины и Белоруссии уже не говорят на языке своих родителей, но помнят песни своих предков на родном языке» [7, с. 5].

ЛИТЕРАТУРА

1. Болховитинов Л.М. Колонизация Дальнего Востока. М., 1911. С. 12-21.

2. Кауфман А.А. По новым местам. Очерки и путевые заметки. 1901-1903. С-Пб.: Изд-во тов-ва «Общественная польза».

3. Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., Старыгина Г.М. Современные русские говоры Приамурья и фольклор: из опыта полевых наблюдений // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 5-9.

4. Филин Ф.П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-филологический очерк. Л.: Наука, 1972.

5. Карский Е.Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. Вып. 2-3. М., 1956.

6. Архипова Н.Г. Фольклор в условиях говоров переходного типа // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 1. Фольклор / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2003. С. 7-10.

7. Оглезнева Е.А. Языковые аспекты народной культуры // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 1. Фольклор / Под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2003. С. 3-6.

НАИМЕНОВАНИЯ ЛИЦ МУЖСКОГО ПОЛА В РУССКИХ ГОВОРАХ ПРИАМУРЬЯ

Картина мира, в том числе и языковая, является фундаментальным понятием концепции человека и выражает специфику его существования в сложных взаимоотношениях с собой и окружающим миром. Идеальным объектом для реконструкции фрагмента народной языковой картины мира может служить группа антропонимов, отражающая широкий диапазон социальных, психологических и духовных характеристик индивида: ролевые особенности поведения в процессе коммуникации, специфику межличностных отношений, психологических установок и др. в рамках одной диалектной микросистемы [1, с. 22].

Объектом нашего анализа выступают наименования мужчины в русских говорах Приамурья. Было выявлено 455 лексем, обозначающих человека в русских говорах Приамурья, методом сплошной выборки из Словаря русских говоров Приамурья [2], Словарной картотеки Г.С.Новикова-Даурского [3] и диалектных текстов общим объемом более 250 печатных страниц (хранение – архив лаборатории региональной лингвистики при кафедре русской филологии АмГУ).

Большую часть словарного состава диалекта составляют имена существительные, что объясняется устной формой бытования языка. В значении диалектных лексем преобладает денотативный (отражательный) компонент. Наибольший интерес для изучения представляют мотивированные существительные со значением лица, поскольку их внутренняя форма демонстрирует особенности существования человека в мире через указание на предметы, признаки, процессы, сопровождающие человеческую жизнь. Отношения между словами выявляются на уровне их тематической и лексико-семантической принадлежности – лицо, животное, неодушевленный предмет. Кроме того, должен быть конкретизирован релятивный компонент, который отражает характеризующие и функциональные параметры предметов [4, с. 131].

Для мотивированного имени существительного со значением лица и его лексических мотиваторов характерны следующие типы отношений:

- «часть и целое», а именно «часть тела – предмет» (*Грудница, она грудью кормит*);
- «предмет – место расположения предмета», а именно «местность – предмет по отношению к местности» (*Калужанцы с Калуги приехали; Вот и к нам Брянь понаехали, с Брянской области; Аргуней, аргунцы – это кто жил по Аргуню*);
- отношения родства, а именно «лицо – лицо, находящееся в родственных отношениях с другим лицом» (*Братанник – двоюродный брат*);
- «предмет – лицо, по роду деятельности связанное с предметом», а именно: а) «животное – лицо, связанное по роду деятельности с животным» (*Когда-то я был волчатником, поймал очень много волков; За курицами курятницы смотрели, кормили их, яйца собирали; Овчарка её называли, если много овец, её пастух тоже называют; Утятник я плохой, на уток не охотился*); б) «предмет – лицо, по роду деятельности связанное с предметом» (*Плугарь за плугом идёт; Фонариком был. На реке три поста у меня было и двадцать пять фонарей; Горшки по деревням возили горшешники; Бондарчуки делали бочки деревянные, бочки называли квашнями; Пряльщик он, сам прялки делает; По деревням ходили с узлами, узольники назывались, товары у их; Ну, лесовик – кто в лесу работает*);
- «действие – субъект действия», а именно: а) «действие – лицо, по роду деятельности связанное с действием» (*Метальщик метал стог наверху, от него требовалась сноровка и умение; Счас-то пахарицы за трактор садятся, а в войну пахарицы на коровах пахали; Пекарка хлеба напекла нам на дорогу; Родихой звали женщину, которая только что родила; Закидчик сеть закидывает; Человек, который жал, назывался жач; Вершельщик на стогу стоит, ему подают, он там раскладывает, завершает стог*); б) «действие – лицо, для поведения и характера которого свойственно действие» (*Я певухой когда-то была, ох, и любила петь; Рядом вон пьяноты живут, кур берут: пить на что-то надо; Он был заядлый чи-*

тальящик, носил всегда с собой книгу и, когда есть свободная минута, раскрывает её и читает; Курит и курит, ну, и куряка; Вот бормотун: разболтался – не остановишь).

50% от общего числа наименований человека в амурских говорах составляют наименования лиц мужского пола, 22% – лиц женского пола, 12% – наименования детей и 16% – наименования, относящиеся к лицам обоего пола. Говоря о значительном преобладании наименований лиц мужского пола, можно предположить, что, во-первых, народное сознание отличается гендерностью, проявляющейся в большей актуализации признаков маскулинности в языке диалектной личности, что связано с традиционными представлениями о роли мужчины в семье: он должен заботиться о заработке, чтобы прокормить семью. Обязанность же женщины связана с сохранением домашнего очага, воспитанием детей. Во-вторых, в проанализированных источниках представлены не все корреляты по роду, имеющиеся в тезаурусе языковой личности. Среди встретившихся лексем есть единичные пары, называющие лиц по положению в семье (ср., *большуха, сестренница, сеструха* – «старшая сестра или дочь» и *большак, братенник, братуха* – «старший сын или брат»), по особенностям характера (*плёшник – плёшница* – «ленивый человек»; *близирник – близирница* – «льстивый человек»; *худославник – худославница* – «человек, распространяющий грязные, дурные слухи о другом человеке»; *легостой – легостойка* – «ленивый человек»), по отношению к времяпрепровождению (*песельник – песельница, игрун – игруха* – «любитель(ница) песен, певец), по отношению мужчины и женщины друг к другу (*сахарник – сахарница* – 1. «молодые люди, которые встречаются, дружат»; 2. «любовники»), по профессиональной деятельности (*бандырь – бандырьша* – «содержатель(ница) проституток, иногда дающий(ая) приют вора и разбойникам»; *барахольщик – барахольщица* – «старьёвщик(щица), торговец старьём»; *хомутинник – хомутинница* – «знахарь»; *шептун – шептунья* – «знахарь, знахарка, лечащие наговорами»).

Анализируя лексемы, называющие человека, можно внутри каждой группы, выделенной по гендерному и возрастному признакам, выявить отдельные тематические подгруппы. Так, наименования мужчин классифицируются по следующим признакам: по профессии (78 единиц); по особенностям характера (15 единиц); по отношению к женщине (14 единиц); по социальному статусу (13 единиц); по отношению к пагубным пристрастиям (10 единиц); по участию в свадебном обряде (9 единиц); по положению в семье (9 единиц); по месту жительства (8 единиц); по особенностям внешности (7 единиц); по наличию увлечений (6 единиц).

Наибольшей в количественном отношении является группа наименований мужчин по профессии, что связано с многообразием видов деятельности селянина. На основе анализа лексических значений можно сделать вывод о том, что деревенский мужчина – человек занятой, работающий не покладая рук. Сфера его деятельности связана с рыболовными, охотничьими промыслами, полевыми и лесными работами. Большинство лексем отражает работу мужчин в поле: *плугарь* – «человек, идущий за плугом»; *сеятель* – «человек, сеющий сельскохозяйственные культуры в поле»; *гребельщик, грёбщик, гребец* – «человек, который сгребает сено»; *метальщик, мётчик* – «человек, который метает сено»; *вершинник, вершельник, вершилщик* – «человек, который укладывает вершину стога»; *жач* – «человек, который жнет сельскохозяйственные культуры; жнец»; *скирдовщик* – «человек, который укладывает скирды»; *копнельщик* – «человек, укладывающий копны»; *посоломщик* – «человек, отбрасывающий солому во время молотбы». Человек, занимающийся рыболовными или охотничьими промыслами, также имеет множество специализированных наименований. Например, *закидчик* – «человек, забрасывающий невод, сеть», *доночник* – «человек, который ловит рыбу донной удочкой», *рыбалочник* – «человек, занимающийся рыбной ловлей; рыболов», *баишлык* – «старшина в рыболовной артели», *утятник* – «охотник на уток», *волчатник* – «охотник на волков», *седок* – «человек, поджидающий добычу» и др. Человек, чья деятельность связана с лесными или речными работами, имеет наименования *лесовик, лесовицик* – «человек, занимающийся лесными промыслами», *дружбист* – «человек, который пилит лес пилой «Дружба», *чекеровицик* – «человек, который подтягивает тросы на лесозаготовках; чекерует лес», *сплавник, плáвник* – «человек, который сплавляет лес», *плотчик* – «человек, который делает плоты».

Нашли в русских говорах Приамурья отражение и такие профессии, как ямщик (*гужеед, дорожник*), забойщик (*бойщик, бычник*), киномеханик (*кинщик*), маляр (*красильщик*), помощник мастера на печных, каменно-кладных и штукатурных работах (*поднощик*).

Магазинник – «продавец»; *мелочник, мелошник* – «торговец мелким товаром»; *узольник* – «бродячий торговец»; *закупатель* – «человек, закупающий товары; скупщик»; *обрядчик* – «человек, договаривающийся о цене перевозок»; *барахольщик* – «старьевщик, торговец старьем»; *дёготник, дегтярник* – «человек, занимающийся продажей дёгтя»; *маркитант* – «торговец мясом; скотопромышленник»; *суздал, ходебщик, разносчик, торгован* – «торговец, вразнос продающий мелкие товары, необходимые в крестьянском быту; коробейник» – лексемы, обозначающие лиц, занимающихся торговым делом.

Также представлены наименования лиц, занимающихся приёмом молока от населения (*молокан*), обжигом кирпичей (*кирпичник*), изготовлением прялок (*пряльщик*), деланием прорубей (*прорубщик, пролубщик*), изготовлением бочек (*бондарь*), развозом горшков (*горшечник*). Особые номинации получили люди, занимающиеся воровством, знахарством (*хомутинник, шептун*).

Для наименований мужчин в русских говорах Приамурья характерна вариативность языковых единиц, образующих пары и многочленные ряды словесных модификаций. Широко распространены в амурских говорах однокоренные лексемы, различающиеся суффиксами (*гребельщик – грёбщик – гребец; метальщик – мётчик; вершинник – вершельник – вершилщик*). Встречаются и фонетические варианты: *прорубщик – пролубщик; бохарь – бахарь; шаульник – шавульник* [5, с. 28].

Кроме названий, характеризующих мужчину по его профессиональной деятельности, есть очень много таких, которые оценивают его внешний облик и личностные качества.

По данным анализа лексических значений наименований человека в амурских говорах можно выделить признаки, которые наиболее актуальны для носителей диалекта при именовании человека по его внешним данным: по росту: *шибздик* – «малорослый»; по особенностям телосложения: *бухряк, саксан, сатюк, лобань* – «здоровый, крепкий мужчина»; *запёрдыш* – «человек слабого телосложения»; по наличию физических дефектов: *тропник, косыга* – «человек, имеющий дефект зрения; косоглазый» и др.

В говорах актуализируются такие признаки внешности, как малорослость, излишняя полнота или худоба, косоглазие, то есть то, что отклоняется от нормы и, следовательно, бросается в глаза.

Сфера психической деятельности в наименованиях мужчины проявляется в нескольких аспектах. Он получает названия, характеризующие следующие его качества:

а) интеллектуальные особенности и уровень образования: *аслапан* – «бестолковый и упрямый человек», *балбес, балобан* – «глупый человек», *пентюх, телепень, фофан* – «глупый и простоватый человек», *дуропляс* – «человек, совершающий необдуманные поступки, тратящий время попусту»;

б) черты характера и особенности поведения: аморальное поведение (*охальник*), бесцеремонность (*надгальник*), бойкость (*архаровец, отбой*), ворчливость (*килун*), вспыльчивость (*бусарь*), высокомерие (*гордыбон*), гордость, хитрость (*жох*), грубость (*нахал*), крикливость (*галман*), ленность (*плёшник, бузуй, голендай, гулеван, легостой, углан, крутель, баклан*), льстивость (*подлизник, подхалим*), лицемерие (*близирник*), любопытство (*любопытник*), насмешничество (*шаульник, шавульник, оишавульник*), необщительность (*ненавистник*), самодурство (*издеватель*), скупость (*арод, скупердяй, скопидом, гомоюн*), упрямство (*урос, супротивник*). Можно выделить целый ряд наименований, служащих для обозначения жуликов, мошенников (*артис, асмодей, мошейник, хлюст*);

в) особенности речевого поведения: *бахарь, бохарь, мудозвон, бормотун, трототон* – «человек, много и попусту говорящий; болтун»; *баламут, язышник, худославник, плёшник* – «человек, распространяющий сплетни; сплетник»; *хвостобой* – «человек, занимающийся ябедничеством; ябедник».

По особенностям взаимоотношений с женщинами диалектная лексика характеризует мужчину как ловеласа, дон-жуана, похотливого человека (*бабник, хахаль, ёрник, ерун, ярун*),

робкого (*полудевье*), домоседа, занимающегося женским трудом (*полубабье*). Постоянного посетителя дома терпимости называют *бардашником*, имеющего двух жён – *двоежёном*, *двоеженцем*, любовника – *милёнком*, *ухажёром*.

Наибольшее осуждение вызывают такие качества мужчины, как скупость, болтливость, склонность к распространению сплетен, лень, упрямство. Реже обращается внимание на доброту (*доброход*), щедрость (*щедрот*). Лексика, характеризующая мужчину, выражает в основном отрицательную оценку, что вполне согласуется с понятием о норме: для русского человека положительное качество – явление, вписывающееся в норму, а отрицательное – явление аномальное и потому получающее языковую маркированность [см. напр., 6, 7, 8, 9].

К этой группе слов относятся и лексемы, называющие мужчин по их отношению к пагубным пристрастиям, также выражающие негативную оценку. Жителями амурских сел отрицательно оценивается пристрастие мужчин к алкоголю (*пьянот*, *пропивашка*, *выпиваха* – «пьяница»; *каплюжник* – «любитель выпить за чужой счёт») и к курению (*лемешинник*, *курильщик*, *курец*, *курака*, *курлик*, *курилка*, *махорочник*).

Мужчина на селе хорошо пел и делал это с большим удовольствием (*песельник*, *песняк*), играл на гармонии (*гармонщик*), проводил свободное время в веселье и играх (*игрун*). Отмечена и любовь мужчины к чтению (*читальщик*).

Мужчина выполнял большую роль в свадебном обряде, исполнял такие важные функции, как сватовство, перевоз приданого из дома невесты в дом жениха и др. Так, среди наименований лиц, участвующих в свадебном обряде, нам встретились следующие: *поджевшиник* – «друг жениха на свадьбе»; *сваточник* – «тот, кто сватает невесту»; *проводжаны* – «друзья жениха»; *приданщик* – «человек со стороны жениха, везущий приданое невесты в дом к жениху»; *постельник* – «человек, который вслед за невестой везёт её постель в дом к жениху»; *сухарник*, *обручник* – «жених».

В амурских говорах многочисленна группа наименований мужчин по месту жительства. Она представлена такими лексемами, как *западник* – «переселенец из западной, европейской части страны»; *проходимец*, *поселенец*, *населенец*, *прикочевник* – «переселенец из других мест»; *врожденец* – «коренной житель»; *галушник* – «переселенец с западных областей России, а также из Украины»; *лаптённый*, *лаптёжник* – «переселенец из южных и западных областей России». Можно заключить, что население Приамурья, являющегося территорией позднего славянского освоения, представляет собой совокупность жителей и их потомков из разных территорий России, Украины и Беларуси. В таких наименованиях, как *галушник*, *лаптёжник*, отразились нетипичные для коренных жителей Приамурья особенности питания (галушки – украинское кушанье – «кусочки теста, сваренные в воде»), особенности одежды (лапти – «плетёная обувь из лыка, охватывающая только ступню ноги, которую носили переселенцы из южных и центральных областей России, Украины и Беларуси»). Приведём воспоминания жительницы села Юхта Свободненского района Амурской области Григорьевой Е.Н., записанные во время фольклорно-диалектологической экспедиции 2001 года: «...везли-везли-везли баржами. Вот баржа идёт с Украины. Украинцев привезли. Один раз баржа шла, и народу там на барже – все белые. Ну, напугались, думаем, чё такое? А это белорусов везли. А у них-то одежда вся белая. Ой, и мужчины, и женщины, всё белое полотно, белое. Некрашеное. Лапти. А мы-то не знали лапти, у нас носили моршни. А они в лаптях приехали. Ну, первый раз вот я увидела лапти эти все» (Архив лаборатории региональной лингвистики).

Главным образом, народ стекался из западных и южных областей сначала Российской Империи, затем Российской Федерации, Украины и Беларуси. Этот факт нашёл своё отражение в наименованиях лиц, прибывших из тех мест: *западник*, *галушник*, *лаптёжник*, *хохол*, *кацап*, *москаль*, *могуль*. Особые наименования получили жители из таких областей, как Калужская (*калужанцы*, *калужан*), Тамбовская (*тамбоши*), Брянская (*брянь*), Могилевская (*могули*), а также переселенцы из Забайкалья, жившие на реке Аргуни (*аргунец*, *аргуней*), потомки забайкальских казаков (*гуран*, *суржик*), Китая (*китай*), европейской части России (*росеиц*), Бурятии (*братчон*), Монголии (*мынгал*). Городские жители, переехавшие в село из города, именовались *городьбой*.

Были выявлены лексемы, называющие мужчин по социальному статусу: *хозяйственник* – «хозяин»; *живоглот* – «зажиточный крестьянин; кулак», *средняк* – «небогатый крестьянин, ведущий единоличное хозяйство»; *подкулачник* – «бедный крестьянин, разделяющий взгляды богатых крестьян, выступавших против советской власти»; *сумочник, крохоборник, христородник* – «неимущий, нищий крестьянин»; *архангел, апостол, богодул, драбант, жиган* – «человек, не имеющий постоянного места жительства, склонный к бродяжничеству и воровству»; *хлопчик* – «наёмный работник; батрак». Особенно много в амурских говорах наименований нищих и бедных людей, что говорит об актуальности вопроса социального неравенства в годы активного заселения Приамурья и становления народного хозяйства.

Таким образом, диалектные наименования лиц мужского пола в русских говорах Приамурья чрезвычайно разнообразны. Внутри тематической группы возможно выделение ряда подгрупп в зависимости от особенностей характера и внешности, профессии, социального положения, места жительства и других особенностей мужчины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Найдён Е.В. Фрагмент языковой картины мира сквозь призму мотивационно связанных слов // Язык в поликультурном пространстве: теоретические и прикладные аспекты. Материалы Первой международной научно-исследовательской конференции 28-29 мая 2001. Томск, 2001. С. 22-26.
2. Словарь русских говоров Приамурья / Под ред. Ф.П.Филина. М.: Наука, 1983.
3. Словарная картотека Г.С.Новикова-Даурского / Вступит. статья и ред. Л.В.Кирпикова. Благовещенск: БГПУ, 2003.
4. Демешкина Т.А. Теория диалектного высказывания. Томск: ТГУ, 2000.
5. Галуза О.Ю. Вариантные ряды как отражение системных связей в словаре одного говора (на примере картотеки словаря албазинского говора Амурской области) // Проблемы современной русской диалектологии. Тезисы докладов международной конференции 23-25 марта 2004 года, Ин-т рус. яз. им. В.В.Виноградова РАН. М., 2004. С. 28-29.
6. Блинова О.И., Телия В.Н., Шаховский В.И. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Проблемы семантики // Вопросы языкознания. № 5, 1989. С. 139-142.
7. Графова Т.А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н.Телия. М.: Наука, 1991. С. 67-99.
8. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления: Проблемы семантики. Новосибирск: Наука, 1986.
9. Оглезнева Е.А. Человек в диалектной картине мира (на материале производных имен существительных русских говоров Приамурья) // Вестник Амурского государственного университета. Вып. 12. Благовещенск: АмГУ, 2001.

К.Пушкарева

УСТНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ СТАРОЖИЛОВ АМУРСКИХ СЁЛ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ: СТРУКТУРНО-ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Великая Отечественная война в современной российской культуре воспринимается как наиболее значительное событие XX в., произошедшее в истории и сохранившееся в памяти старшего, ныне живущего поколения.

В рассказах амурских старожилов о Великой Отечественной войне описываются события, имевшие место как на европейской территории России, так и на Дальнем Востоке (связанные с победой над японскими интервентами в Китае).

События военного времени служат обычно кульминацией автобиографического рассказа как на композиционном, так и на эмоциональном уровнях.

Вслед за И.А.Разумовой [1, с. 64], отмечаем наличие в устных воспоминаниях, или мемуарах, о Великой Отечественной войне параллельных сюжетов, т.е. воспоминаний об одном и том же событии военного времени мужчин и женщин, людей разных возрастов, и выделяем следующие типы таких сюжетов:

1) фронтовой (условно – мужской): *«Меня в одной перестрелке контузило, после взрыва у меня шум образовался в ушах. Языком не мог шевелить»* (Горлов И.П.). Обычно такие рассказы принадлежат мужчинам – непосредственным участникам событий Великой Отечественной войны.

2) женский, сгруппированный по темам «эвакуация», «жизнь в оккупации» и т.д.: *«Я всю войну прожила... эту всю войну видела, и-и немцев видела, и-и, правда, нас расстрелять не расстрелял, но собирались нас изжечь в лесу»* (Галицкая М.С.). Такой рассказ представлен в рассказах женщин, которые переселились на Дальний Восток после войны и были очевидцами событий немецкой оккупации.

3) детский, включающий в себя чрезвычайно значимые компоненты точной памяти и свидетельства: *«Я в очереди, помню, стояла. Во второй класс ходила и в очереди за хлебом стояла, это по-омню. Да-а, мать идет на ферму, подымает нас, в три часа уходила, подымает. Иду туда, к магазину, и стою в очереди за хлебом. Хлеб привезут, шоб без хлеба не остаться. Ну, и стоишь в очереди, возьмешь хлеб. Вот стою в очереди и сплю»* (Плакса М.К.). Это рассказы тех, кто детьми пережил ужасы немецкой оккупации на европейской территории России, а после войны переселился на Дальний Восток.

Попытаемся обозначить идейную и тематическую направленность текстов о войне, реконструируя семантическое пространство концепта *война* в рамках традиционной культуры. Для этого выделим лексические компоненты лексико-семантической группы «война» по принципу частоты их упоминания в диалектных текстах.

Так, время войны соотносится с физическим напряжением, потерями и утратами, подневольностью. Данные аспекты сопряжены друг с другом: физическое напряжение возникает и в связи с тяжелой работой, и в связи с голодом. Лишения связаны с гибелью людей, потерей семьи, здоровья и достигнутого материального состояния. Наконец, все эти изменения навязаны человеку внешними обстоятельствами, которые он не может отменить своей волей.

По частотности упоминаний характеристик военного времени в анализируемых текстах на первом месте стоит *голод* или *скудная однообразная пища*: *«Я долго вспоминала хлеб, прямо лежу, у меня всё запах этот чувствовался»* (Золотова Н.Н.); *«Детство наше прошло: голые, голодные – война. Вот и детство наше прошло»* (Якубенко С.А.); *«Хозвзвод такой был при полку, продукты привозили, в столовую развозили. Мы все к нему подкрадывались где-нибудь булку стибануть. Мы наголодь все были»* (Киселев Н.М.).

Более периферийную позицию занимают тексты, где описываются иные лишения, например, отсутствие или изношенность одежды и обуви: *«Дон переходили, в валенках идем, а валенки эти с гражданского населения насобирали. Эти помощи одевали, там почти подошвы нету. Ну, и в валенках все теплей, чем в сапогах. Вот перешили воду эту, а валенки смерзлись, они же промокли»* (Киселев Н.М.).

На второе место по частоте упоминаний следует поставить свидетельства о ходе мобилизации мужчин: *«Мужиков-то переубили всех. Взяли одного человека, а ушло человека три. И все погибли на фронте»* (Сухоносик В.Г.). К данным текстам примыкают рассказы с констатацией гибели мужчин, что сломало судьбы оставшихся вдовами женщин и сиротами детей: *«Мой отец погиб на фронте. Нас остались трое у мамы. Мать с Киева, отец с Молдавы. Хозяйство все свое. Мать сама сено косила. Во время войны день и ночь работали в колхозе. Бабы от усталости падали. Мужиков не было – все на фронте. Работали на трудоводни»*. (Репешко Л.Н.).

Семантическое пространство концепта *война* представляет три неравные по объему временные сферы:

– до войны (перед войной): *«Перед войной только-только жить стали»* (Репешко Л.Н.); *«Дочь еще до войны родилась»* (Шмендель М.Я.);

– в войну (во время войны): *«Война была горе, большое горе, но работали. Были и голод, и холод – всяк было, но день и ночь работали»* (Репешко Л.Н.);

– после войны: *«После войны голод. Но-о, вот многосемейным большая перемена. Черный хлебушко вот так вот пополам раз это... и песочком, и водичкой, чтоб сахарок вот так. Тяжело. Но соль на стака-анах, крупа на стака-анах продавались, картошка десять рублей три шту-учки»* (Копырина А.М.).

Сфера, связанная с маркером *в войну*, имеет совершенно определенную эмоциональную глубину: *«Ну, страшно очень было, земля гудела»* (Юрченко О.И.); *«Когда бомбежка была, я от страха под стол залезла и плачу»* (Шмендель М.Я.). Тексты, в которых актуализирован данный лексический маркер времени, распадаются на две группы. Первая не связана с каким-либо эмоциональным напряжением, переживанием, поскольку весь временной отрезок сжимается и служит лишь вехой проявления (возникновения, исчезновения) определенного феномена или свершения события: *«В войну и голод страдали, и холод, и страх, и немцы чуть не убили»* (Инцелевич Н.К.). Вторая группа текстов представляет собой описание характеристик данного временного отрезка через описание феноменов и событий. Именно с такими текстами связана объективация концепта *война* в сознании носителей традиционной культуры: *«И тут второй взрыв, и так только слышу, осколок мимо меня, а потом снова три раза, и все затихло»* (Горлов И.П.). М.П.Чередникова в статье «Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне» [2, с. 92] указывает на единство рассказов о войне, состоящее в том, что личная судьба самим рассказчиком осознается в контексте судьбы народной, а типология повествовательной структуры строится на соотношении форм единственного и множественного числа местоимений первого лица. «Преобладание в рассказах формы множественного числа характеризует особый тип повествования. В таких рассказах личность информанта идентифицирована с коллективом, частью которого он себя осознает. Форма личного местоимения «мы» только подчеркивает главную особенность повествования в рассказах о Великой Отечественной войне: это рассказ не только о себе, но и о других, с кем рассказчик объединен общностью трудностей войны. Повествование строится как рассказ о повторявшихся в жизни многих людей бытовых ситуациях, сама обыденность которых выражает драматизм народной судьбы» [2, с. 92-93]. Подтверждение сказанному мы находим в диалектных текстах: *«Война началась, мы по тревоге с Еврейской автономной области и вверх по Амуру по-над берегом шли. Шли только ночью, суток двое-трое пешком в полном снаряжении до деревни Благословенной. А там взгорье каменистое. Ну, мы накопили землянок, стали их перекрывать, стены жердями и пиреем закладывали. Рвали пирей, резали и им перекрывали. Окопы, траншеи, доты строили, работали на укреп. Война идет, а мы укрепляемся, готовимся»* (Горлов И.П.).

Второй тип повествовательной структуры, по мнению М.П.Чередниковой, характеризуется «своеобразным «равновесием» личных местоименных форм единственного и множественного числа. Здесь личное «я» не растворяется в общем «мы», а сосуществует с ним равноправно» [2, с. 91]. Например, *«А ми-ины летят, хлопают, ну и хлопайте, черт с вами. А потом... эге-е. Под пулемет я упал, просвистели над тобой пули. А мина везде из земли выковыряет. Достанет. Вот так. Мы потом долго еще носом землю рыли, пока помощь не подошла»* (Хлыстов М.В.).

«Третий тип повествовательной структуры отличается ярко выраженным личностным началом. Личная форма «я» становится в этом случае признаком структурообразующим» [2, с. 92]. Например, *«Ну, кто их знает, как они там жили. Я знаю за себя, что вот... И вот так, я вот так, я вот до октября месяца пробыл тут, пока не отправили дальше ешеломом, пока фронт близко не стал. Я долго потом вспоминал эту дорогу»* (Хлыстов М.В.).

Однако довольно трудно выявить однозначное соответствие грамматических форм и идентификации рассказа с каким-либо типом повествовательной структуры, тем более что на выбор лица и числа местоимения влияет множество факторов. Устные воспоминания о войне неоднородны по своей структуре, и типология, построенная на достаточно строгом критерии – использовании грамматических форм – неизбежно нивелируют конкретные особенности материала.

Часто воспоминания о войне содержат клише, указывающие на восстановление нормы и одновременно обобщающие опыт рассказчика как часть общего опыта: «*Тяжело было в войну, эта Великая Отечественная, но работали*» (Шелепов Н.М.); «*После войны голод. Тяжело. Но соль на стака-анах, крупа на стака-анах продавались, картошка десять рублей три шту-учки*» (Копырина А.М.); «*Тяжело поднимали страну после войны, но смогли*» (Шмендель М.Я.); «*Война была горе, большое горе, но работали. Были и голод, и холод – всяк было, но день и ночь работали*» (Репешко Л.Н.). Клише, как правило, выделяются в тексте интонацией, переходом от одних грамматических форм к другим (от безличных форм к личным; от прошедшего времени к настоящему и т.п.).

Особое отношение к военному опыту проявляется в устных автобиографических рассказах, где воспоминания военного времени занимают значительное место даже в тех случаях, когда рассказчик сравнительно немного помнит о войне. В таких случаях устные автобиографии содержат, как правило, не подробный рассказ о войне, а пересказы эпизодов, сильнее всего повлиявших на жизнь рассказчика и вызвавших наибольшее эмоциональное переживание: спасение от смерти, бомбежка, встреча с врагом один на один: «*По квартирам ездили японцы, убивали на месте. А что они вытворяли с хозяйством: курей резали, чушек резали. Мы с сестрой и братом попрятались под кроватью, а японец приходит и говорит: вылазьте.*» (Репешко Л.Н.). Для информантов не важно, какой национальности захватчик, главное то, что он – враг, нарушивший течение мирной жизни. Именно поэтому образ захватчика является предельно обобщенным. Для некоторых рассказов актуальны представления о несметной силе захватчиков: «*Немец-то во-от. Елец, Воронеж бомбит*» (Горлов И.П.). Такие рассказы актуализируют традиционные мифологические мотивы, характерные для исторических преданий о борьбе с внешними врагами, при этом существительные единственного числа употребляются в плюральном значении: «*Немец-то пошел, пошел, скоро Дон перейдет, а потом и Москва. Много у немца силы, техника: самолеты, танки – и пехота прет*» (Горлов И.П.).

А.Б.Пеньковский [3, с. 58], рассматривая стратегию «отчуждения» объекта речи от говорящего в русском языке и особую семантическую категорию «чуждости», пишет об употреблении в таких случаях безличных конструкций, форм множественного числа, а также ряда других средств, указывающих на восприятие «чужих» как предельно однородного множества. Стереотипное восприятие оккупантов как мифологических врагов проявляется в рассказах о разрушении немцами церквей: «*У нас была церква. Церкву тую приехали разорили. Старухи те и плачуть, и голосять. Старухи придуть и голосять. Да как это можно! Иконы старухи поразобрали. А попа немцы расстреляли*» (Репешко Л.Н.).

Другой актуальный стереотип для восприятия войны – «общая беда, стихийное бедствие». Используемые в таких рассказах клише возможны и для описания других коллективных несчастий. М.П.Чередникова указывает на такое восприятие как на одну из характеристик первого типа повествовательной структуры: «В многочисленных рассказах такого рода война вспоминается как тяжелая, изнурительная работа, справиться с которой можно только сообща, «всем миром» [2, с. 104]: «*Были и голод, и холод, всяк было, но день и ночь работали*» (Репешко Л.Н.). Однако этот стереотип шире конкретного повествовательного типа и содержит не только представление об общей беде, работе, но и фатальную неизбежность беды: «*война есть война*».

Таким образом, война в устных мемуарах предстает как источник ценного психологического опыта, повлиявшего на жизнь рассказчика. Возможно, именно поэтому люди так охотно вспоминают о войне. Представления о значимости военного опыта осознаются информантом: он понимает войну как особое время, связанное с нарушением и последующим восстановлением норм, в контексте которого и его личные, пусть незначительные, переживания приобретают особую социальную значимость.

ЛИТЕРАТУРА

1. Разумова И.А. Потаенное знание русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001.

2. Чередникова М.П. Типология повествовательной структуры в меморатах о Великой Отечественной войне // Сказка и несказочная проза. М., 1992. С. 90-109.
3. Пеньковский А.Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики. М., 1989. С. 54-82.

О. Краснощёка

СВАДЕБНЫЙ ОБРЯД В ВОСПОМИНАНИЯХ СТАРОЖИЛОВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ

В жизни каждого человека одним из самых ответственных шагов является вступление в брак. В культурных традициях большинства народов этому событию отводится важное место. Свадьба – один из самых насыщенных обрядов и в славянской культуре.

В данной статье делается попытка восстановить ритуал свадебного обряда по рассказам старожилов сел Свободненского, Мазановского и Архаринского районов Амурской области.

Несмотря на изменения, неизбежно накладываемые временем, свадебный обряд остаётся цельным благодаря статичности его основных компонентов. Традиционно свадьбу у восточных славян делят на три части: предсвадебный цикл, собственно свадьба и послесвадебный цикл [1, с. 140-168].

Предсвадебный цикл.

Свадьба начиналась со сватовства. Сватали обычно после Покрова (14 октября), а свадьбы гуляли в осенне-зимний период. Амурчане предпочитали вступать в брак на Троицу, Пасху или Покров. Сватами могли быть как мужчины, так и замужние женщины из родственников или близких знакомых жениха: *«Сначала выбирали сватов, духовных родителей жениха, или кто шустрый в селе»* (Мошегирова М.Т., с.Черновка). Сваты должны быть обязательно остроумны, речисты, а главное – уважаемы. Сборы и отъезд на сватовство держали в тайне. Зачастую ехали сватать вечером, а то и ночью: *«Перед отъездом в доме жениха связывали ножки стола, чтобы свадьба лучше вязалась, брали кочергу – выгрести девку. Потом только ехали сватать, но не по дороге, а огородами»* (Мошегирова М.Т., с.Черновка).

Сватать приезжали с хлебом-солью и водкой. Заходя в дом, сваты приговаривали: *«У вас есть курочка-несушка, а у нас – петушок, золотой гребешок»*. Иногда «покупали телочку» со словами: *«У нас бычок есть, а у вас телочка есть»*. Если невеста была согласна на брак, она разрезала хлеб, и только после этого можно было выпить водки. Невеста оставляла жениху платок как залог своей любви: *«Невеста хлеб режет, платком жениха одаривает – приняла, значит, жениха. Потом все утку пьют, отмячают»* (Плакса М.К., с.Черновка).

Согласно обычаю, о дне свадьбы договаривались родители жениха и невесты через день после сватовства, а спустя неделю устраивали *заручины* – торжество, на котором девушки пели своей подруге-невесте много грустных песен о прощании с родным домом. Песни отражали насильственную выдачу девушки замуж, даже в том случае, если их подруга соединяла свою судьбу с человеком, которого любила: такова была традиция: *«Як посватали деўку, через день доувариваются о свадьбе, а уж через няделю – заручины. Деўки причатають: Матэнько моя, ниченько, нащо мэни ти заручення. Чи я тобі надокучила, що ти мэни заручила. Доню ж моя недокучлива, докучливы ж твои подруженьки, пид виконьце пидбигаючи, тебе з хаты выкликаючи* (Плакса М.К., с.Черновка). Далее следовали *розглядывы* – обычай смотрин, когда родственники невесты ездили смотреть хозяйство жениха: *«На розглядывах спивали: Пусти, свате, у хату, тут нас небогато, семеро та семеро, свату хату перевернемо. Не бийся нас, свате, нас тут небогато: сто коней пид нами, а двисти за нами, тыща за горою, Господь Бог з тобою»* (Плакса М.К., с.Черновка).

К середине XX в. в Амурской области наблюдается упрощение предсвадебного цикла за счёт почти полной утраты обрядов *заручин* и *розглядывов*; о свадьбе договариваются в день сватовства, на что указывают многие информанты: *«Шас-то чё? Песен-то свадебных не поют. Как посватают, так о дне свадьбы и договариваются»* (Кондюрина Т.С., с.Белоярово).

По воспоминаниям старожилов амурских сел, не всегда молодые люди вступали в брак по обоюдному согласию: *«Который парень девушку и не знает, они идут её сватать. Вот сказал батя, что ты вот будешь на ей жениться, потому что семья богатая, вот ты на ей и будешь жениться. Он женится. А как он её любит – не любит, а это не батькино дело, помирятся»* (Кондюрина Т.С., с.Белоярово).

Свадебный цикл.

Собственно свадьба начиналась в пятницу. В этот день пекли *свадебный каравай* и *шишки* (вид небольших булочек). Приготовлением каравая занимались только уважаемые обществом замужние женщины. В субботу утром невеста с *дружками* ходила по селу и, раздавая шишки, приглашала соседей и родственников на свадьбу. В субботу вечером, то есть в канун свадьбы, устраивали *девичник*, смысл которого заключался в прощании девушки с молодостью, с подругами. В это же время проходило гуляние в доме жениха – *молодёжник*. Юноши, погуляв определённое время мужским коллективом, шли на девичник и там продолжали гуляние. На девичнике невесту готовили к свадебному пиру, гадали: *«Они (девушки) песни поют, невеста сидит плачет. Песни поют свадебные такие, чтоб ей за душу хватало, она плакала: «Вы, дивоньки, вы, подружечки, збирайтесь до купочки, збирайтесь та и порадитесь. Покопайте мои стёжечки, вси дорожечки, покопайте та и позасивайте руточкой, мяточкой»* (Кондюрина Т.С., с.Белоярово).

На девичнике украшали каравай, перевязывали лентами, переплетали красивыми нитками, по углам помещали четыре свадебных деревца из зелёной бумаги (*вильце, гильце, ёльце, ельку*): *«Накануне свадьбы подружки вьют ельку. Обвивают бумагой всякой: и зелёная, и красная, и белая – всякая. Пекут такую круглую булку хлеба, на эту булку ельку сажают, вот. На свадьбу утром накрывают эту елку красивым платком и идут. А как повезут молодую к молодому, несут эту елку отсюда. Значит, они уже обручаются...»* (Позднякова Л.Г., с.Красный Луч). Свадебное дерево наряжали бумажными цветами, лентами, калиной (символом девственности), при украшении ельки обычно пели: *«Как мы елку вили, горилку не пили. Продадим мы веночки, купим горилочки»; «Дружко каравай несе, гильчком трясе. Тряси не тряси, каравай неси»; «Калина-калинушка, дай счастливую долю дивчинушке»* (Витер Е.Д., с.Красноярово). После свадьбы деревце выбрасывали, а калину хранили.

Утром в воскресенье приходили подруги невесты, чтобы готовить её к венцу. В Амурской области не сохранился обряд *посада*, когда невесту сажали на вывернутый тулуп, надевали головной убор, монисты, заплетали косы. В противовес ему, очень популярным остаётся обычай выкупать невесту. Жених с *дружками*, *тысяцким* и другими участниками свадебного поезда стараются войти во двор, но девушки-подружки не пускают их до тех пор, пока те не откупятся: *«Кони наряжённые, тройка удалая. Упервая, ну, в коренё, конь наряжённый, так краси-иво! И эти вот колокола, ну, звонки эти вот. Ну и что, приезжают забирать невесту. Тут ворота позапёрли кругом, жениха не пускают до невесты. О-ой! Бьются-бьются, бьются-бьются, просят же, чтобы отломить чё-нибудь имя»* (Воронина А.М., с.Красноярово). Выкуп невесты сопровождался исполнением шуточных песенок: *«На Бога гляньтя, нам горилки дайтя. Ой, рано-рано! Нам горилки дайтя»* или *«Ой, свату, свату, пусти нас в хату. Налетели морозы, мы замерзли. Ой, рано-рано! Мы замерзли!»* (Баркова А.П., с.Черновка).

Когда, наконец, и свадебный поезд, и невестина сторона встречались, в доме невесты начинался песенный диалог между стороной жениха и невесты, представленный в песенках-дразнилках: *«А наша невеста, как роза, полнёнька, а ваш молодой, как пень, смоляной. Вы раззявы, дружки, – молодую украли, а вы и не бачили, что ваш молодой, как пень, горелый, а наша молода, как сыр, бела. Ваш жених, как заслонка, а наша молода, как ластонька». Всяко пели, и дружки, и про дружки: «Дружка коса, другая без носа, третья без уха», а тая Невеста песни сидит и слушает»* (Витер Е.Д., с.Красноярово).

Далее следовал торг за место подле невесты. Место «продавал» обычно её младший брат: *«Дружко выходит с повозки и брату невесты говорит:*

– Ты зачем здесь?

– А я сестру свою берегу.

– *А она не твоя, а наша.*

– *А если она ваша, то заплати, что я на неё употребил»* (Мошегирова М.Т., с.Черновка); *«А в это время невеста сидит наряжѣ-онная, хвата на ей краси-ивая, платье на ей широ-окое такое. Любо глядеть! Ну и это, выкупили эту неве-есту, сел жсаных рядом с невестой»* (Воронина А.М., с.Красноярово).

Иногда гости подшучивали над молодыми: пока выкупали невесту, в телеге вытаскивали ось, соединяющую колёса, и когда свадебная повозка трогалась, невеста падала, а путешники пели: *«Молодый молоду посадил на ляду! Вставай, молода, под тобой вода!»* (Позднякова Л.Г., с. Красный Луч).

Выкупив невесту, жених вел торг за её вещи: *«А тут мы, это, продаем её вещи. Я си-дела, продава-ала вот эту скрыню, постель. Я вот сижу, чтобы мне деньги были за их. А вот они там сколько дадут, все тогда: скрыню эту, постель, утаскивали там»* (Воронина А.М., с.Красноярово).

Далее в доме жениха следовало небольшое застолье, которое завершалось сборами в церковь. Венчались обычно в воскресенье: *«К венцу ехали по отдельности. Невесту, когда обвенчают, окручивали: заплетали две косички, очипок на голову»* (Мошегирова М.Т., с.Черновка). Иногда во время обряда окручивания исполнялись песни: *«Татарин, братик, татарин, отдал сестричку задаром, русу косу за шостак, а белое личенько пошло так»* (Глазкова В.Н., с.Черновка).

Первоначально в славянской традиции обязательным элементом обряда окручивания был торг девичьей косы – символа девичьей свободы, но в амурских свадьбах такой обычай утратился. Опущен и центральный обряд славянской свадьбы – посад жениха и невесты на «дѣжу», что означало их обрядовое соединение [2].

В воскресенье делили каравай невесты. Дружки давали каждому из гостей по куску каравая и рюмке водки, а те в ответ должны были одарить молодых: *«Подруги поють: «Отец и маты, подаротшек даты». И так дарять по отшереди со стороны жениха и невесты»* (Позднякова Л.Г., с.Красный Луч).

Далее следовал обряд *покрывания* невесты. Заключался он в следующем: невесту садили на лавку, снимали венок и трижды покрывали её платком. Теперь она уже *молодица* [3, с. 45-49]. Упоминания об обряде покрывания в Амурской области нами не зафиксированы.

Перед увозом невесты в дом жениха молодожёны должны были получить родительское благословение: *«Ну и вот, вставают, значить, молодые. Мать-отец стоить, это вот его, женихова. Значить, невеста обнимает ма-атеря, целует, отца целует. Ну, и жених тоже отца и матеря целует»* (Воронина А.М., с.Красноярово).

Родители хлебом-солью благословляют молодых, и поезд с новобрачными отправляется в дом жениха.

В конце XIX – начале XX вв. молодых ещё и уводили спать. Постель для них стелили дружки жениха и свахи где-либо в пустом помещении, обычно в амбаре, комбре, откуда этот обряд получил название *«комбра»*. В начале XX в. наблюдается повсеместная тенденция к отказу от этого унижительного для женщины обряда. Тем не менее, упоминание об этом обычае регулярно встречается в рассказах амурчан: *«Девушка до свадьбы с женихом не спит. Свадьба идёт, а дружки это... вот эта дружка ведёт невесту, а друг ведёт жениха в комору, и там их закрывают. Они там чѣ-то делают, и всё это, вот это бельѣ, которое вот они на ём спят, несут, родителям показывают, что девушка честная. А если нечестная, то матери с отцом делают хомут и на шею надеют. А если честная, то благодарство такое, что мать с отцом содят за передний стол»* (Кондюрина Т.С., с.Белоярово); *«Пировали. Если невеста непорочная, то долго и весело, если же нет – на родителей надевали хомут и вино давали в дырявом стакане»* (Мошегирова М.Т., с.Черновка).

Нужно отметить, что в свадебное воскресенье невесте устраивали *«испытание»*: её учили прясть, мести хату. Гости при этом плясали по мусору, разбрасывая деньги и не давая ей работать: *«Потом в доме бьют кувшины, чугушки, натрясут сена и рассыплют мелочь. Невеста, если она хорошая хозяйка, должна собрать»* (Позднякова Л.Г., с.Красный Луч). Так заканчивался второй свадебный цикл: *«На следующий день гуляют родители свадьбу»*.

Наряжают родителей с одной стороны и со второй стороны, как жениха и невесту, дарят подарки» (Позднякова Л.Г., с.Красный Луч).

Послесвадебный цикл.

Во вторник зять идёт к теще на блины. Невеста же должна всю послесвадебную неделю прожить у свекрови, не встречаясь с родными: *«Невесту как увезли на всю неделю, так и всё, с родителями не видится, чтоб привыкала у свекровки жить. Только во вторник молодой сходит к теще на блины, и всё»* (Мошегирова М.Т., с.Черновка).

Традиционный послесвадебный цикл состоял из большого количества обрядов, которые у амурчан не сохранились. Согласно традиции, на следующий день после свадьбы, в понедельник, гости собирались в доме жениха, подруги невесты приносили ей завтрак. Во вторник начинали «цыганить»: переодетые гости ходили по селу, выпрашивали съестное, воровали кур, а затем сообща съедали в доме у молодожёнов. До пятницы проводились «перезовки», когда участники свадьбы ходили в гости друг к другу. На этом свадьба завершалась. [3, с. 67-81]. Упоминания о таких обрядах и ритуалах послесвадебного цикла в рассказах-воспоминаниях старожилов амурских сел не были зафиксированы.

Проводя параллели между содержанием традиционной крестьянской свадьбы и воспоминаниями о свадебном обряде в Амурской области начала XX в., можно обнаружить ряд изменений в последнем. В первую очередь, это касается сроков обряда, его упрощения за счёт сокращения послесвадебного цикла, а также за счёт отказа от обряда «коморы». Начинает утрачиваться свои обрядные элементы девичник, превращаясь в обычную вечеринку. Таким образом, элементы магии, лежащие в основе свадебного обряда, к началу XX в. начинают утрачивать свое значение в Приамурье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аргудяева Ю.В. Украинцы. Крестьянская семья украинцев в Приморье (80-е гг. XIX – начало XX вв.). М., 1993.
2. Кагаров Е.Г. Состав и происхождение свадебной обрядности. Л., 1929.
3. Токарев С.А. Религиозные верования восточно-славянских народов. М., 1957.

К.Крыжанская

РУССКАЯ ПЕЧКА КАК СИМВОЛ КРЕСТЬЯНСКОГО МИРОУСТРОЙСТВА

Жизнь и быт традиционной русской деревни нельзя представить без русской печи. Она олицетворяет собой сердце деревенской избы. Еще в русских народных сказках русская печь выступала подобно живому существу, оберегающему человеческое жилище. Характерно, что во всех деревенских домах, которые мы посетили за время диалектологических экспедиций, слышали примерно одно и то же: *«Русская печь! Да, хорошая была печька...»*.

Еще совсем недавно русская печь грела, оберегала и лечила людей, в ней готовили еду и даже мылись. Но сейчас с кардинальным изменением условий жизни содержать русскую печь в доме не выгодно. Её заменяют плитой: *«Вот только недавно развалили печьку. Я свою развалил тока недавно, в прошлый год»* (Тарасов В.В., с.Гильчин). Сельчане жалеют о разрушении русской печи, но, по их мнению, она занимает слишком большое пространство в деревенском доме и требует серьезных усилий по уходу и содержанию: *«Была печька такая большая, она много места занимала»* (Тарасова Т.И., с.Гильчин).

Необходимость использования русской печи в хозяйстве была обусловлена многими факторами, среди которых одними из главных жители амурских сел называют многочисленный состав семьи и необходимость готовить большое количество пищи и впрок: *«Семья-то была большая, большущая семья-то была. Правда, надо печьку. Бабушка напечет хлеб и на целую неделю»* (Тарасов В.В., с.Гильчин).

Известно, что хлеб являлся основным продуктом питания русского человека, а пекарь или в семье женщина, которая пекла хлеб, пользовались особым уважением. Для выпечки

хлеба использовали лучшую муку, обычно приготовленную в домашних условиях или на сельской мельнице: пшеничную муку высшего сорта – *бус, вальцовку, крупеницу, тридцатку*; ржаную муку – *ржануху, чуреку, ярицу*; муку грубого помола – *простомол*. И хлеб из этой муки тоже был разным: *аржанина, гречушник, заскрёбыш, кваский хлеб, ярушник, черный хлеб, яричный*. Однако для выпечки лучшего хлеба, главным образом, использовалась мука высшего сорта. Особым отношением к хлебо-булочным изделиям объясняется и большое разнообразие видов этих изделий. Как правило, *булочки, пирожки, тарочки, ватрушки, коники, глаголики, сгибни, шанежки* пеклись по выходным дням или на праздники, на Пасху пекли *куличи* или *пасхи (паски)*. Рассказывая о приготовлении того или иного блюда в русской печи, информанты часто дают оценку его вкусовых качеств: *«Мы и паску ели, ўкусно. Знаете, как ўкусно было, ко(г)да ў печке все это сложите? М-м-м, ўкусно. О-очень были паски ўкусные»* (Свинкин Ф.И., с.Заган). Не зависимо от того, какое блюдо готовилось в русской печи, все было вкусно: *«Вот раньше картошку очистить, сварить, ў сковороду ее и ў печку. Она вареная, крутая, поджарится там. Ну, сметану-то, ў сметане. Лепешки, как помню, бабушка Ната пекла. Хлеб пекеть, лепешки и ў печке на сковороде. Ола-душки пекли, вот это блины-ы пекли. Все печеное, много печеного было»* (Свинкина У.И., с.Заган); *«И если борщ варят, там щи... ў чугуна все закладывает мать и ў печку туда. Всё сразу ложилось. Вытащат, оттуда такой за-апах приятный. Вот это были щи дак щи были. Понял? А щас таких никто не варит. Даже ты-ыкву вот, осенью тыкву подбирают такую и-и туда ў печку её. Вот она посидит там сколь часоў, потом вытаскиваем, раз и едим, ложками скребем в детстве. Сядем за стол, и наелися все. Сейчас вроде таких тыкў-то сладких нету. Да вот как щи были, самые ўкусные – это из той печки. Кукурузу ели. Чугунки большие были, печка большая. Оттуда ее вытаскишь, эту кукурузу. Она как белая вся, распарится. Ее ешь, она мягкая, ўкусная, вот. На ўторое это было блюдо, на ўторое, ўкусно, ў печке ўсе это там очень ўкусно было»*. (Свинкин Ф.И., с.Заган).

До сих пор мы встречаем старожилов, которые не могут отказаться от русской печи, правда, используют её вместе с малым вариантом – плитой. Однако довольно часто русская печка служит не по назначению: ее могут использовать, например, как место хранения мусора и ненужных вещей, хотя все, без исключения, сельские жители отзываются о русской печи с благоговением: *«Большая, хорошая. Русская печка была хорошая, печка настоящая была»* (Саяпина В.В., с.Раздольное).

Старожилы сел нередко шутят о причинах разрушения печки: *«Сёдня печку ломал. За-чем? Да булка большая была внутри. Положил много теста, а вытаскивать – не вылазит»* (Тарасов Т.И., с.Гильчин).

Раньше крестьяне использовали русскую печь в различных целях. Хозяйка пекла в ней хлебы, булочки, парила тыкву, варила еду членам семьи и домашним животным. Саяпина В.В. рассказывала о приспособлениях, которые облегчали хозяйке работу с русской печкой. Часто физически хозяйка не могла поднять чугун, в котором был обед на всю семью. В этом случае она использовала *каток*: *«Делают такой каток. Знаете, вот, как пельмени делать, скалки, скатать пышечки вот, ну, вот там побольше. Ну, он тоже деревянный, он потолще, побольше. Его подкладывают под этот под хват, хват ставят на него, а потом хватом берут чугун. Он катит, этот каток катится, и чугун катится. Хозяйка, она уже меньше трудов занимает и силы тратит на это, чтобы поднять с катком. И сопровождает туда этот чугун и оттуда вынимает»*. Кроме *ухвата (рогача)* для обслуживания русской печки использовалась также *кочерга*. Саяпина В.В. рассказывает об использовании этих предметов и их разграничении: *«Был рогач, больше всего рогачом называли его. Кочерга-то ведь такая, кочерга ей там выгребают золу, жар там. Ухват он хватает и называется-то хватом, потому что он хватает эти чугуны. Рогач или хват вот так вот сделаны, загнуты. Внизу он проходит, потом поднимают его, и он вверх берет. Чугун тогда уже никуда не денется, не сползет»*. Селяне рассказывают и об устройстве русской печи, ее размерах: *«Она так выложена до потолка, так примерно метра полтора»*. На самом вершине русской печки спали люди. Это место в русских говорах Приамурья называется по-разному: *«А там называлась как? Группка что ли называлась... Вот на этой группке мы ребяташками и спа-*

ли»; «Была печка такая большая... Они там все время у его на грубочке там лежали наверху»; «Ну, она загрубка... Она большая, можно туды три человека залезть детям спать на ней, на загрубке». Это место печи информанты называют также лежанкой. В деревенских избах были еще так называемые *полати* – широкие доски, сбитые над печью и предназначенные для спанья: «На полатях ребяташки спали, там тепло, от печки тепло, над печкой полати делали из досок широких» (Тарасов В.В., с.Гильчин). Внутри русская печка представляет собой довольно просторное вместилище объемом более 1,5-2 квадратных метров. Место, где горят дрова (а русскую печку топят только дровами) называется *под*. Когда дрова сгорают, угли сгребают в *загнетку*, именно от жара углей и идет тепло. После сгребания углей на *под* ставят противни с хлебами. Супы в чугунах и сковородки хозяйка помещает в печь еще тогда, когда угли не прогорели. Чтобы тепло не уходило из печи, хозяйка закрывает *цело* – входное отверстие – железной *заслонкой*. Дым из русской печки выходит в вытяжное отверстие, называемое *вьюшкой*.

В эстетических целях инструменты для обслуживания русской печи ставятся в так называемую *заделку* – небольшое футлярообразное отделение в правой части печи рядом со стеной: «Заделка, как выразиться, футляр что ли между печкой и стенкой, чтоб можно было поставить не на виду, как в кухне, чтобы не видно. Она как вроде прячется» (Саяпина В.В., с.Раздольное).

Но в русской печке не только готовили пищу, но и лечили. Когда человек простужался, его помещали на русскую печь, чтобы он прогрелся, чтобы вышел весь больной дух: «Печка грела. Если озяб, или ноги на холоде застынут, лучшее средство – на печку залезть» (Тарасов В.В., с.Гильчин). Юрьева Мария Петровна из с.Раздольное рассказала об интересном способе лечения болезней при помощи русской печи. На лежанку высыпали лечебную траву и поливали водой. Лежанку с шедшим от нее паром накрывали простыней. Сверху и клали больного человека. От воздействия пара и лечебного духа человек поправлялся.

Таким образом, русская печка играла важную роль в жизни сельского человека: она питала, грела и лечила. Русская печка осталась в сердцах людей старшего поколения неотъемлемым атрибутом их детства и всей жизни, о ней вспоминают с удовольствием и глубоким уважением.

АМУРСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО

Н.Г.Архипова

АМУРСКОЕ СТАРООБРЯДЧЕСТВО: ЯЗЫКОВОЙ АСПЕКТ

*Староверие – живой остаток древней русской культуры,
сохранивший ее замечательные достоинства.*

Д.С.Лихачев

Одной из важнейших задач современной диалектной лингвокультурологии является выявление и описание ментальных особенностей русского крестьянства, закрепленных и функционирующих в языке народных говоров. Этические и эстетические установки, основные жизненные ценности: отношение к жизни и смерти, обществу, семье, труду, будням и праздникам, природе и т.д. – все эти категории обнаруживаются в языке говоров и фольклора [1, с. 5].

Цель настоящего раздела – показать особенности традиционной культуры одной из компактных конфессиональных групп Амурской области – семейских старообрядцев – как систему ценностей. Как отмечает И.В.Поздеева, «...все направления староверия в той или иной степени обрекли себя на постоянные компромиссы с изменяющейся исторической действительностью как раз для того, чтобы сохранить «отеческую» веру, культуру, быт» [2, с. 7] и, добавим, язык. Нами делается предположение, что анализ диалектного текста позволяет выявить (условно скажем) «ядро» и «периферию» народной культуры старообрядчества, т.е. те ценности, которые остались неизменными в течение многих веков, и те, которые претерпели изменения под влиянием конкретных исторических условий.

Историю, материальную и духовную культуру, язык старообрядцев можно изучать по разным источникам: архивным записям, историко-статистическим справочникам, лексико-графическим трудам, изданным ранее научным работам и т.д. Эти материалы позволяют сформировать относительно объективную точку зрения на анализируемый факт. Однако одним из важных источников изучения культурной специфики этноса является, как уже было отмечено, диалектный текст.

Фольклорно-диалектологические экспедиции в села Амурской области дают в этом плане богатый лингвистический, культурологический и этнографический материал. В 2003-2006 гг. были совершены выезды в некоторые старообрядческие села Архаринского, Свободненского и Белогорского районов Амурской области: Грибовку, Заган, Желтоярово, Новоандреевку, Ключи, Никольское. В конце XI – начале XX вв. все они были основаны семейскими старообрядцами – переселенцами из Забайкалья.

Считаем уместным сделать краткий обзор исследований говоров семейских. В наше описание вошли работы, посвященные только забайкальскому и дальневосточному старообрядчеству, так как сам этноним «семейские» начал формироваться лишь в начале XIX в. относительно старообрядцев Забайкалья, ставших основой старообрядческого переселенческого движения на Дальний Восток, в частности в Амурскую область. Если первоначально староверов Забайкалья именовали «поляки», или «польские выселенцы», о чем свидетельствует академик П.С.Паллас, посетивший Забайкалье в 1772 г., то уже в 1824 г. писатель А.Мартос называет их «семейными», или «семейскими» [цит. по 2, с. 5].

Итак, исследования, посвященные говорам семейских, можно разделить на две группы: описывающие старообрядчество Забайкалья и посвященные староверам Дальнего Востока.

В «забайкальских» исследованиях старообрядчества условно можно выделить три периода:

1) начало XX в. (см. работы А.М.Селищева «Забайкальские старообрядцы. Семейские» (1920 г.) [3] и «Диалектологический очерк Сибири» (1921 г.) [4]);

2) 70-е гг. XX в. В этот период ученые вновь обратились к изучению старообрядческих говоров (спустя почти 50 лет после исследований А.М.Селищева). В научное описание вводилась фонетическая и морфологическая системы говоров. До 2-й половины 70-х гг. менее всего была изучена лексика семейских, лишь в 1974 г. появляется работа Е.И.Тынтуевой «Бытовая лексика говоров семейских Забайкалья» [5], где главным образом описывается влияние бурятского языка на говоры семейских.

3) 90-е гг. XX в. В этот период активизировалась работа над исследованиями языка старообрядцев Забайкалья в связи с подготовкой «Словаря говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья», представляющего собой первое системное лексикографическое описание лексики старообрядческих говоров данного региона. Предшественником этого словаря явился «Словарь русских говоров Забайкалья» Л.Е.Элиасова, включающий, помимо старообрядческой лексики, лексику старожильческих (в большей степени) говоров [6].

К настоящему времени в изучении говоров старообрядцев Забайкалья определились два основных направления: синхронно-описательное (Н.А.Дарбанова, Л.Л.Касаткин, Л.Б.Махтеева, Т.Б.Юмсунова и др.) [см., напр., 7, 8, 9, 10, 11, 12] и историко-генетическое (М.Б.Матанцева, А.П.Майоров) [см., напр., 13, 14]. К особому направлению принадлежат исследования, посвященные описанию идиостиля писателя в аспекте отражения в нем языковой картины мира семейских Забайкалья (И.Ж.Степанова) [см., напр., 15].

Таким образом, назрела необходимость в обобщающих работах, посвященных исследованию современного состояния говоров семейских Забайкалья на разных языковых уровнях.

Что касается исследований, посвященных говорам старообрядцев (семейских) Дальнего Востока в целом и Амурской области, в частности то они носят фрагментарный и разрозненный характер.

Так, историко-этнографические сведения содержатся в работах Ю.В.Аргудяевой [см., напр., 16, 17], лексическая система говора старообрядцев описывается в исследованиях Л.В.Кирпиковой [см., напр., 18, 19, 20]. Являясь малоизученными, говоры семейских Амурской области могут стать предметом многостороннего лингвистического описания.

Попытаемся выявить те основания, которые можно было бы положить в основу научного описания амурского старообрядчества. Диалектный текст дает предпосылки для следующих наблюдений:

- 1) формирование и значение этнонима «семейские»;
- 2) исторические судьбы старообрядцев Амурской области:
 - а) исконная территория проживания (проблема «прародины» семейских);
 - б) миграционные волны и их причины;
 - в) толки и согласия амурского старообрядчества;
 - г) территория первых и последующих поселений;
 - д) принципы наименования старообрядческих населенных пунктов;
- 3) особенности говоров старообрядцев Амурской области:
 - а) синхронное многоуровневое исследование;
 - б) сравнительно-сопоставительное исследование;
 - в) определение говора-основы;
- 4) лингвокультурологический анализ текста, выявляющий концептуальную и языковую картину мира старообрядцев Амурской области.

Кратко остановимся на некоторых из этих аспектов.

Об этнониме «семейские»

Неизвестно, является слово «семейские» самоназванием или так называли переселенцев забайкальские и сибирские старожилы, в деревнях которых поселились «поляки». Однако название это, очевидно, связано с тем, что старообрядцы появились в Сибири и Забайкалье семьями и семейный образ жизни всячески поддерживали. Таким образом, семейские – это старообрядцы, пришедшие в Сибирь и Забайкалье семьями, живущие большим семейным коллективом и поддерживающие семейный образ жизни. Отметим тот факт, что, по воспоминаниям старожил амурских сел, старообрядческие семьи еще в начале XX в. насчитывали до 15 – 25 человек.

Другое толкование этнонима восходит к названию реки Сейм. Семейские (сеймейские) назывались так, потому что после первой старообрядческой «выгонки» XVII в. жили по реке Сейм (район Ветки – Могилевская губерния и Стародубья – северная часть Черниговской губернии).

Однако сами старообрядцы обычно объясняют происхождение этнонима «семейские» по первой версии: *«Почему называются? Потому что их ссылали целыми семьями... эти-ми...семейскими называют»* (Давыдов В.Я., с.Заган); *«Ну вот она семейская песня, вот это семейская песня. Ну, почему она семейская? Или что семьи... (В)от мама как говорила, что приезжали с Забайкалья мои родители, с Забайкалья, с семьями. (В)от потому, наверно, называли семейские...»* (Сластина Е.И., с.Заган); *«... вот семейский народ так назывался. А семейский народ называли, потому что семьями суда приехали, и так их окрестили словом «семейские». И они и в Забайкалье есть такие слова, а суды это семейские. Семейские приехали, допустим, (в)от Заган. Населили и строили здесь, все одни семейские были»* (Свинкин Ф.И., с.Заган).

Исторические судьбы старообрядцев Амурской области

История наиболее ярких старообрядческих групп Сибири – семейских и поляков – изучена достаточно хорошо. Их переселение происходило в 60-е гг. XVIII в., когда по указам Екатерины II произошла вторая «раскольничья выгонка» с Ветки (1764 г.) и, по некоторым предположениям, – из Стародубья. Общее число возвращенных в Российскую империю беглых (в основном бывших крепостных крестьян), по некоторым данным, достигало 15-20 тысяч человек. Среди них около 5 тысяч человек происходило из Московской губернии, охватывавшей тогда всю Центральную Россию; 2 тысячи человек называли местом своего прежнего жительства Новгородскую и Белгородскую губернии (в последнюю тогда входили не только Белгород и Курск, но и Орел и даже Брянск); по 500-700 человек – губернии Смоленскую, Воронежскую, Нижегородскую, Архангельскую. Есть сведения, что всего из Польши было «выведено» до 20 тысяч раскольников и все они направлены в Сибирь. Одна из этих групп «польских» выведенцев попала в Забайкалье, другая была размещена на Алтае (их обычно именуют «поляки») [21, с. 12-25].

Еще одна большая, компактно поселенная группа старообрядцев проживает на Дальнем Востоке, в частности в Амурской области. Старообрядцы и молокане сумели лучше других локальных конфессиональных образований приспособиться к местным природно-климатическим условиям и оказать существенное влияние на успешность хозяйственного освоения восточной окраины России [22, с.1].

Переселение староверов в Амурскую область началось в 60-е гг. XIX в. при поддержке царского правительства с целью быстрого освоения восточных территорий Российской империи. В 70-е гг. XIX в. по приглашению губернатора Восточной Сибири графа Н.Н.Муравьева-Амурского старообрядцы переселялись в Приамурье и Приморье из Забайкалья для обслуживания почтовых трактов между Сибирью и Камчаткой. После установления морского сообщения с Камчаткой торговые сообщения были закрыты. Часть крестьян вернулась в Забайкалье, другая осталась на Дальнем Востоке [23, 1-9]. Причин к перемене места жительства у старообрядцев было много. Наши информанты указывают на следующие.

1. Гонение за веру.

Подтверждение этому можно найти в воспоминаниях Григорьевой Екатерины Нестеровны, жительницы села Юхта Свободненского района Амурской области (запись 2001 г.): *«...Это Ивановы. Оне читали-читали все эти книги, проповедовали старообрядческую веру. Дочитались, что-о Исус Христос, он воскрес не в воскресенье, а в среду. Во-от дочитались и начали проповедовать: воскресенье не праздновали, а начали праздновать в среду... Ну, и-и там сход собрали и их выслали, Ивановых вот этих и тех, кто уже перешел в эту веру. И они оттуда уехали... вот ехали в Гуран. И началось тоже опять. А здесь это, ну, староверы. Во-от они стали-и опять веру эту свою проповедовать. И их опять выслали. Деда моего. Это второй раз уже выслали вот в Амурской области...».*

Однако данный пример, на наш взгляд, иллюстрирует раскол внутри самого старообрядческого движения, а не официальные, государственные, гонения за веру, как это было в

никонианскую эпоху. По записям А.М.Селищева, уже в 20-е гг. XX в. можно было говорить о потере единства в старообрядческих согласиях, отходе молодежи от «отцовской» церкви и добровольном переселении забайкальских и сибирских семейских в Амурскую область [3, с. 4].

Единичны воспоминания о религиозных причинах переселения старообрядцев на Амур: «... они приехали из Забайкалья, а из Забайкалья их сослали за непочтение религии» (Давыдов В.Я., с.Заган).

2. Стремление уйти подальше от «мирского», уединиться, жить в чистоте и согласии со своей верой: «...чистоты хотели, куда сюды ехали, веры истовой, вот по-этому и уходили в тайгу, старое людям оставляли, заново строились» (Ерофеева Ф.Г., с.Заган).

3. Нехватка плодородной земли на прежней территории проживания, на наш взгляд, – основная причина переселения:

«– Бабушка не говорила, почему старообрядцы сюда ехали?»

– Ну, тогда ничё не было. Да и чего? Зёмли! Жить-то было-было на чём-то. Жить надо было чё-то, где-то пашни нужны были. Жить надо было» (Ерофеева Ф.Г., с.Заган); «Там были часть и семейских. Тогда шел народ на Дальний Восток, потому что здесь все, ну, как новое, подымалось все здесь, земли богатые были, все строились и пахали. Единоличная жизнь была. Всё это делали. Лошадей гнали такую даль, и лошадьми всё разрабатывали» (Свинкин Ф.И., с.Заган).

По данным некоторых исследований, немало старообрядцев переселялось на Восток и в поисках крестьянской утопической страны – Беловодья. Поиски обетованной земли с белыми водами не раз уводили староверов в неизведанные восточные земли, – например, на Японские острова, окруженные со всех сторон морем. Однако наши полевые наблюдения не выявили рассказов о Беловодье. Это обусловлено, скорее всего, тем, что основной причиной переселения на Дальний Восток являлось малоземелье на прежней территории проживания.

Об этом свидетельствует следующий фрагмент из рассказов Григорьевой Е.Н.: «– Не говорила ли бабушка о том, что есть земля, где люди живут счастливые, не было такого? Про Беловодье? – Не. Этого я не слышала. Вот так вот».

В Приамурье старообрядцы интенсивно стали переселяться в 60-е гг. XIX в. Они селились отдельными деревнями, преимущественно вдоль рек Зеи, Буреи, Белой и Томи. Первыми были старообрядцы-беглопоповцы, прибывшие из близлежащего Забайкалья [22, с.2-3].

Образование старообрядческих поселений Амурской области происходило преимущественно в период с 1858 по 1907 гг., т.е. охватывало примерно 50 лет. Нужно отметить быстрые темпы роста численности старообрядческих деревень: новые селения появлялись почти ежегодно. Первая деревня старообрядцев Сычевка (1858 г.) первоначально была заселена казаками и позднее переименована в Новопетровку, в ней и поселились старообрядцы. 1860-е гг. оказались достаточно плодотворными для старообрядческого движения на Амур. В этот период появились такие деревни как Березовка* (1861), Заливная (1866), Ключи (1862), Круглая (1866), Москвитина (1862), Николаевка (1867), Томская (1864), Никольская (1860), Ново-Бурейская (1869), Павловка (1862), Петропавловская (1861), Платова (1865), Кутиловка (1869). В 70-е гг. образовано три поселения: Бахирева (1871), Вознесенская (1877), Демикан (1874). Наиболее активным периодом заселения старообрядцами Амурской области являются 80-е годы, когда были образованы Бирма (1889), Бордогон (1883), Верхне-Белая (1889), Гуран (1883), Загорная Селитьба (1891), Красноярская (1884), Куликовка (1888), Кулусутай (1885), Лиственичная (1888), Малиновка (1881), Молчановка (1889), Натальинка (1886), Ново-Андреевка (1886), Тарбагатай (1887). В 90-е гг. образовалось два населенных пункта: Белый Яр (1890), Грибовка (1898). Позднее были заселены Желтоярово (1900) и Заган (1907). Таким образом, в истории заселения старообрядцами Приамурья можно выделить несколько периодов, а временем самого активного освоения амурских земель можно считать 60-е и 80-е гг. XIX в.

* Здесь названия старообрядческих населенных пунктов даются в первоначальной форме и орфографической записи.

Как показало исследование, ведущим типом номинации старообрядческих населенных пунктов Амурской области оказалось их отношение к тем или иным конкретным лицам. Так, ряд населенных пунктов назван по фамилиям первопоселенцев-основателей сел: Бахирево*, Куликовка, Платово Завитинского района, Молчаново и Павловка Белогорского района, Москвитино Свободненского района, Натальино Благовещенского района. Много старообрядческих сел названо именами исторических личностей, сыгравших важную роль в истории Приамурья: в честь первого генерал-губернатора Андрея Николаевича Корфа было названо село Новоандреевка Белогорского района, в честь последнего российского императора Николая II (Романова) – село Николаевка Ивановского района; по имени землеустроителя Грибского названо село Грибовка Архаринского района.

Часто в основе старообрядческого топонима оказывалось название населенного пункта, из которого шло переселение на Амур: Заган Белогорского района названо по имени села Новый Заган Тарбагатайской волости в Забайкалье, которое в свою очередь получило название по Заганскому хребту, Новопетровка Благовещенского района – по имени станицы Петровской в Забайкалье, Тарбагатай Белогорского района – по имени села Тарбагатай в Забайкалье.

Довольно распространенным у староверов является именование населенных объектов в честь религиозных праздников и святых: например, Вознесенка Ромненского района названа в честь религиозного праздника Вознесения Господня, Никольское Белогорского района – в честь Николина дня, который празднуют 22 мая, Петропавловка – в честь дня апостолов Петра и Павла.

Топонимы, образованные от имен нарицательных, могут быть характеризующими, если наименование складывается на основе выделения какой-либо качественной стороны называемого объекта, проявляющейся непосредственно в предмете, и функциональными, если внутренняя форма содержит указание на: а) деятельность человека относительно называемого объекта; б) место деятельности людей и др. Среди названий старообрядческих сел характеризующими являются те, которые получили свое имя по:

а) названию местного водоема – село Бирма Серышевского района расположено на реке Бирма, Гуран Свободненского района – на реке Гуран; рядом с селами Ключи Белогорского района и Кулусутай Завитинского района находятся ключи;

б) местному природному объекту – село Березовка Ивановского района находится близ березовой рощи; село Гуран Свободненского района, по одной из версий, именуется по названию равнины, где водилось много диких козлов – гуранов;

в) характеру расположения и особенностям рельефа – село Верхнебелое Ромненского района находится в верховьях реки Белая; рядом с селом Белый Яр Завитинского района находится крутой обрыв (яр) со светлой, белого цвета, почвой; село Загорная Селитьба Свободненского района названо так, потому что находится за возвышенностью; рядом с селом Красноярово Мазановского района имеется крутой обрыв (яр) яркого, красного, цвета.

По характеру происхождения все названия старообрядческих сел можно охарактеризовать как славянские и не славянские. Большинство имеют славянское происхождение (Березовка, Ключи, Круглое, Натальино, Грибовка), другие являются бурятскими заимствованиями (Тарбагатай, Кулусутай, Заган). Это, главным образом, названия, перенесенные с прежней территории проживания крестьян-старообрядцев – из Забайкалья.

Исконным местом жительства старообрядцев, заселявших Амурскую область, являлись главным образом Забайкалье (Тарбагатайская волость), Енисейская, Пермская, Саратовская и Томская губернии. Следует сказать, что данные сведения были получены не только из географо-статистических источников [см. напр., 24], но и из рассказов-воспоминаний информантов.

Интересен тот факт, что старообрядчество Амурской области обычно описывается только как «семейщина». Однако анализ текстов самих старообрядцев-семейских представляет очень любопытную картину: под семейских подводятся разнообразные течения старо-

* Здесь и далее названия старообрядческих сел даются в современной орфографической записи.

обрядчества (как поповского, так и беспоповского толков), существовавшие в Амурской области с момента освоения старообрядцами дальневосточных территорий.

По архивным источникам и воспоминаниям потомков первых старообрядцев, большинство староверов, переселившихся в Амурскую область из Забайкалья, принадлежало к поповскому толку (выходцы из сел Тарбагатай, Куналей, Бичура, Новая Брянь, Никольское, Архангельское, Андреевка и др.). Некоторые информанты называют себя беглопоповцами, так как еще в Забайкалье из-за нехватки собственных священников их прадеды приглашали священнослужителей, желающих перейти из никонианской веры в старообрядческую. Полевые исследования свидетельствуют о достаточно пестрой картине в среде амурского старообрядчества. Так, из Забайкалья и Сибири, помимо семейских, переселялись представители австрийского согласия, единоверцы, нырки, средники, самокрестцы, кержаки, поморцы; из Пермской губернии – единоверцы и беспоповцы; из Саратовской губернии – субботники. В настоящее время представители исторически различных толков и согласий амурского старообрядчества отождествляют себя с семейскими, не обнаруживая значительной разницы в религиозной и бытовой культурах.

Таким образом, верен выдвинутый разными исследователями вывод, что старообрядцы разных толков и согласий поддерживали связи на семейном и общинном уровне. В целом не было разногласий между сторонниками старообрядческих течений. Поэтому осознание себя поляками, семейскими, кержаками носило скорее региональный характер, при том что сложилась этноконфессиональная идентичность – старообрядцы.

Основы религиозного мировоззрения семейских Амурской области

Амурские староверы старшего поколения очень бережно относятся к сохранению обычаев и обрядов христианской веры: *«Раньше свой обычай был»* (Свинкин Ф.И.). К чужим обычаям относятся настороженно: *«Ну, видишь, так мы православные... они уже окаянные, мирские»* (Давыдов В.Я.). Старшие старообрядцы противопоставляют себя не только людям других верований и национальностей, но и староверам других толков: *«Ну, как семейские, то все вместе, а вера вся разная»* (Ерофеева Ф.Г.), *«Каждая вера и хоронила отдельно»* (Давыдов В.Я.), *«Ну, вера-то разная, они по-своему молились. Как молились, называли так: это – нырки, это – семейские. У них своя вера, у других своя (в)от»* (Свинкин Ф.И.).

Семейские отличаются от других представителей православной веры по различному отношению к молитве, крещению, чтению религиозных книг, церкви и ее служителям, церковным обрядам, религиозным и мирским праздникам.

Как известно, старообрядцы отделились от православной веры еще в XVII в. в связи с изменением патриархом Никоном основ христианской веры и церковных обрядов.

Староверы считают, что *«Никон – это патриарх. Это сколько изменений внес. Он всю веру, все книги и все велел уничтожить. Ну, вот и разошлись, вот и называется старообрядцы»* (Григорьева Е.Н.).

Изменение книг и обрядов – лишь внешнее проявление раскола между ортодоксальной верой и старообрядчеством.

Внутренние же противоречия отразились в самом понимании русским народом новой («никонианской») веры как чужой. Как считают информанты, их пытались лишить того, на чем строился их мир, – вечной, неизменной «славянской» веры. Попытка навязать «народной» вере чуждые представления о православии породила лишь раскол, глубоко переживаемый простыми русскими людьми: *«Когда гонение было, ну, сжигали людей за веру. Они пошли в огонь, они пошли в эту веру. А все остальные – оне не праведные»* (Ерофеева Ф.Г.); *«Если есть Бог, он должен быть един. Он в любой вере должен быть един. А раз он един, он не должен допускать разное чтение, раз он есть Бог»* (Григорьева Е.Н.).

Для наших информантов важно духовное начало, объединяющее старообрядчество: *«И вот все наши предки это же были праведные. Никоном начали выселяться... это переселенцы, это-о никоновские беженцы»* (Григорьева Е.Н.).

В отношении к «никонианской» вере проявляется семантика «чуждости». Для современных староверов всё, что касается «новой» веры, – чужое. «Чуждость» выражается через отрицательную коннотацию некоторых лексем: *православный, никонианцы, новая вера. Но-*

вый православный мир – чужой, и он отвергается старообрядцами. Напротив, старообрядческая, старая вера – своя. Старая вера объединяет староверов всех толков на основе общности представлений о ней: *«Все мы старообрядцы, а семейские – это прозвище»* (Свинкин Ф.И.).

Оппозиция «свой» – «чужой» охватывает не только собственно региональный аспект, но и национальный. Представители иных национальностей входят в поле «чужой»: *«А белорусы, украинцы, вот Черножка, там оне селились. Оне не то вражда, вражды не было такой. Оне, как говорится, люди, ну, со своим с наречием, свой язык, свои понятия»* (Свинкина У.И.); *«Везли, везли баржами. Вот баржа идёт с Украины, украинцев привезли. Один раз баржа шла, и-и народу там на барже – белые. Ну, напугались, думаем, чё такое? А это белорусов везли. А у них-то одежда вся белая. В лаптях. А мы-то не знали лапти»* (Григорьева Е.Н.).

На первый взгляд, чуждость проявляется лишь в национальном аспекте: значение передается лексемами *вражда, наречия, язык* и выражается в понятиях *одежда, быт, образ жизни*: *«А у них-то одежда вся белая... Оне в лаптях»*. Это позволяет сделать вывод об актуализации понятия «чуждость», прежде всего, во внешних проявлениях.

Образ жизни, одежда, поведение являются первыми критериями для отнесения факта к сфере «своего» или «чужого». Белая одежда и лапти белорусов – это признаки «чужого», тогда как у староверов лаптей не было.

Интересен факт, что принадлежность к «своему», как и к «чужому», открыто проявляется в речи потомков старообрядцев. Например, Свинкина У.И., жительница села Заган Свободненского района, называет своего мужа Федора Исааковича гураном, однако не отрицает тот факт, что он выходец из семьи старообрядцев. Можно предположить, что гуранами называли не только забайкальских казаков, но и любых переселенцев из Забайкалья, в том числе и семейских, которые еще в XIX в. охотно брали в жены дочерей казаков-гуранов. Подтверждение этому находим в воспоминаниях Свинкина Ф.И. о его встрече с гураном, где последний описывается с большой симпатией, как «свой»: *«Я на его вот как глянул, какое-то притяжение даже есть. На ём одежка такая точно, как у нас одеются. А это дело было зимой. Вот такие унтики, сшитые с дикого животного, оне красивые. И такой верткий, ловкий такой мужичок, такой ростик, невысокий»*.

Через описание мужчины Федор Исаакович объясняет, что делает человека «своим» – *«одежка...как как у нас одеются, унтики – красивые; такой верткий, ловкий такой мужичок»*. И всё это вызывает у рассказчика особое притяжение и расположение, на что указывают уменьшительно-ласкательные суффиксы: *(одежка, унтики)*. Описание проводится ласково, даже любовно.

А так описывает «свое» Григорьева Е.Н.: *«И когда я зашла в это село, и на меня прям дыхнуло сразу старинным! Своим... И я говорю, сразу вот как будто я в свою деревню окунулась»*. Для нее свое – это прежде всего старинное, вызывающее ассоциации с родной деревней. Екатерина Нестерова описывает свое, родное с необычайным эмоциональным подъемом.

По рассказам информантов, семейские молились по-своему, особенно. Молились дома, на икону. Молитвы отличались и от молитв старообрядцев других толков, и от православных: *«Молились дома, на икону. Ставили нас всех на коленки, и мы молились»* (Григорьева Е.Н.). По обычаям староверов креститься нужно двумя перстами (в отличие от «неправедного» троеперстия) и по особой схеме: *«На левой. На лоб. Потом на живот, потом на правой стороне, потом на левой, опять на живот»* (Ерофеева Ф.Г.). Как подчеркивают информанты, креститься шепотью, «по русскому обычаю», «неправедно», «чуждо».

Особое отношение у старообрядцев к церкви и ее служителям. Отказ от церкви и церковных служителей у беспоповцев – яркий пример неприятия чужой веры. Обряды же у семейских проводил начитанный и очень верующий человек – уставщик: *«А крестили какие-то уставщики. У нас попов уже не было... они уже неправильные»* (Ерофеева Ф.Г.).

Церковные обряды выполнял тот же уставщик. В основе обрядов старообрядцев лежали дониконианские православные традиции. Так же староверы отмечали все церковные

праздники: «*А красные праздники... Пасха, Рождество, Крещение – вот главные праздники*» (Ерофеева Ф.Г.).

Но это все лишь внешние атрибуты старообрядческой веры. Именно к ним в первую очередь отсылают информанты, отвечая на вопрос, чем отличается старообрядчество от православия. Чаще всего ответ такой: «*Вера другая*» или «*Ну, двумя пальцами стали креститься. Вот этим только и различались*» (Давыдов В.Я.).

На первый взгляд, различия внешние и демонстрируют пережитки прошлого, но все информанты подчеркивают, что «*вера другая*», это позволяет сделать вывод о более глубоких, внутренних религиозных различиях, где идет четкое отделение своего от чужого. Отношение к внутренним аспектам религиозного мировоззрения старообрядцев-семейских ощущается через почти неосознанное, проявляемое чаще всего лишь на подсознательном уровне понимание и принятие человеком своей веры и отрицание чужой.

Особенности говоров старообрядцев Амурской области

В результате неоднократных перемещений семейских на территории Европы и в Сибири их говоры испытали белорусско-польское воздействие в районах Ветки и Стародубья и монголо-бурятское в Забайкалье. Однако особенно сильному влиянию в Забайкалье подверглись исследуемые говоры со стороны русских старожильческих говоров Сибири, имеющих севернорусскую основу. В связи со сложностью исторической судьбы забайкальских старообрядцев выявление материнской основы их говоров вызывает определенные трудности [28, с. 33-36].

А.М.Селищев в работе «*Забайкальские старообрядцы. Семейские*» (1920 г.) [3] отмечал, что ответить на вопрос, с какими русскими говорами семейщина составляла одно языковое целое, затруднительно вследствие многих диалектных наслоений. Легче определить ту область, где некоторое время жили предки семейских до переселения в Сибирь. Эта область – северная часть Черниговской губернии (Стародубье), или соседний край Могилевской губернии (Ветка). На говоры старообрядцев Ветки и Стародубья воздействовали говоры тамошних поселенцев – носителей белорусского наречия, смешанного с малорусским и, слабее, – с южно-великорусским. Говоря об особенностях речи семейских, Селищев отмечает в ней следующие черты:

- 1) длительный согласный [г] или [γ] вместо взрывного [г];
- 2) аканье и яканье;
- 3) употребление неслогового [ў], в том числе и вместо неударенного начального [у];
- 4) произношение [хв] ([хф]) и [х] в позициях фонемы /ф/;
- 5) окончание *-е* в форме Р.п. ед.ч. существительных ж.р.;
- 6) формы местоимений *мене, тебе, себе* в родительном и винительном падежах (но в дательном – *табе, сабе*);
- 7) специфические глагольные основы и окончания: *ездють, пекёшь, ходю, крутю, просю, чистю; ходють* и др. [3, с. 25-40].

Т.Б.Юмсунова указывает, что фонетические и морфологические особенности говоров семейских Забайкалья свидетельствуют: несмотря на более чем двухсотлетнее контактирование с окружающими старожильческими говорами Сибири, средне- и севернорусскими в своей основе, и говорами местного бурятского населения, а также на всё возрастающее влияние литературного языка, они сохраняют в своем традиционном слое основные черты материнских южнорусских говоров [28, с. 231-233]. Однако в специфических условиях жизни и деятельности, а также под воздействием литературного языка дифференциальные материнские черты постепенно нивелируются.

По Т.Б.Юмсуновой, сопоставительная характеристика реализации фонетических и морфологических особенностей в речи представителей разных поколений семейских показывает, что в исконных фонетических и морфологических системах этих говоров произошли процессы, которые завершились сменой старых форм и утверждением новых. Например, появление твердого произношения долгих шипящих [жж] и [шш], утрата конечного звука [т] в звукосочетаниях [ст], совпадение безударных окончаний у глаголов I и II спряжения 3 л. мн. ч. и др. В других случаях процесс смены фонетических и морфологических норм еще не за-

вершился. Например, не завершились окончательно переход от яканья к иканью и произношение губно-зубного [в] на месте губно-зубного [w] и [ў]-неслогового; наряду с взрывным [г], употребляется [γ]-фрикативный; не окончательно утрачен [j] в интервокальном положении; частотно произношение двойного мягкого согласного звука на месте сочетания [tj]; параллельно сосуществуют в косвенных падежах окончания -а и -е у личных местоимений 1 и 2 л. ед. ч.; несистемно употребляются [т'] и [т] в форме глаголов 3 л. ед. и мн. ч. наст.вр. и др.

Общей тенденцией изменения фонетических и морфологических особенностей говоров семейских является сближение их диалектных систем с литературным языком, хотя, как отмечается, это процесс достаточно длительный [28, с. 37-117].

Сравнивая особенности говоров потомков старообрядцев Амурской области, рожденных на Дальнем Востоке, с приводимыми А.М.Селищевым и Т.Б.Юмсуновой, можно прийти к выводу, что диалектные особенности современных говоров семейских Амурской области во многом совпадают с чертами говоров старообрядцев Забайкалья. Так, отмечается повсеместное произношение гласного [а] в первом предударном слоге как аллофона фонемы /о/; гласного [а] в первом предударном слоге как аллофона фонемы /е/ перед твердыми согласными; гласного [а] в первом предударном слоге после мягких согласных как аллофона фонем /е/, /а/, /о/; твердых и мягких [р] и [р']; произношение [х] на месте [к] на конце слова; окончания -е у личных и возвратных местоимений в формах Р.п. и В.п. ед. ч.; наличие общего спряжения; мягкий и твердый варианты в окончаниях глаголов 3 л. и др.

Нами отмечаются также следующие черты говоров амурских старообрядцев: гласный [и] в первом предударном слоге как аллофон фонемы /а/ перед твердыми и мягкими согласными (*прила, приниси*); гласный [а] в первом предударном слоге после шипящих (*жара*); переход [е] в [о] (*совремённый, тёмно, помёрли*); произношение слова *что* как *чё, шо*; наличие звательной формы (*братко, паря, тятя, батенько*). Выявлены многочисленные синонимы-дубликаты в речи семейских-старообрядцев. Например, названия колыбели (*люлька, качулька, качалка, зыбка*), курицы-наседки (*квохтуша, квочка, самосадка, наседка, квохтушка*), цыплят (*цыпушки, цыплята, силки*), звуков, издаваемых собакой (*лает, гавкает, брешет*), курицей (*клычет, кудахчет, клохчет*) и т.д.

Эти данные позволяют сделать вывод, с одной стороны, о языковой общности говоров старообрядцев Амурской области и Забайкалья, а с другой, – об изменении некоторых диалектных черт говоров амурских старообрядцев под влиянием иных диалектных систем и литературного языка.

Выводы о переселении старообрядцев на Амур из Забайкалья, а, следовательно, о преемственности говоров подтверждаются историческими сведениями об образовании старообрядческих сел, представленными в «Географическо-статистическом словаре» А.Кириллова [27]. Так, в источнике отмечается, что населенные пункты Заган, Желтоярово, Грибовка, Тарбагатай, Андреевка и многие другие образованы выходцами из Забайкалья.

Вторым важным доказательством являются воспоминания старообрядцев, в которых имеются сведения о переселении их предков: «...году в девятьсот десятом приехали из Забайкалья. Там есть село большое Тар-тача-тай (Тарбагатай – прим. Н.А.). Оттуда они приехали сюда. Ну, в Амурскую область, по Амуру, и-и вот, Гуран. Гураны здесь, гураны были, старообрядцы тоже были» (Григорьева Е.Н.); «... они приехали из Забайкалья, а из Забайкалья их сослали за непочтение религии» (Давыдов В.Я.).

Таким образом, амурское старообрядчество представляет собой важный пласт религиозного, исторического и культурного наследия российского староверия. История приамурских старообрядцев неотделима от истории заселения и освоения Дальневосточного региона (общеизвестно, что старообрядцы сыграли в этом роль первопроходцев). В процессе миграций семейских на новые земли переносились этнокультурные и языковые «забайкальские» черты, которые изменялись в ходе приспособления к новым условиям жизни на Амуре. Говоры потомков старообрядцев-семейских Амурской области являются интереснейшим объектом филологического наблюдения, поскольку дают богатый лингвистический материал для разработки различных аспектов старообрядческого движения в Приамурье.

ЛИТЕРАТУРА

1. Букринская И.А., Кармакова О.Е. Лексика диалектов как отражение народной картины мира // Язык: изменчивость и постоянство. Сб. статей к 70-летию Л.Л.Касаткина / отв. ред. М.А.Каленчук. М.: Изд-во РАН, 1998.
2. Поздеева И.В. Русское старообрядчество конца XIX в. // Алтарь России. Вып. 1. Владивосток – Большой Камень, 1997. С. 7-12.
3. Селищев А.М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1920.
4. Селищев А.М. Диалектологические очерк Сибири. Иркутск: Иркут. гос. ун-т, 1921.
5. Тынтуева Е.И. Бытовая лексика говоров семейских Забайкалья: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1974.
6. Дарбанова Н.А. Экспрессивная лексика говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья (семантический, когнитивный и лексикографический аспекты): Дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2000.
7. Касаткин Л.Л. Катагощинское яканье в говоре семейских – старообрядцев Забайкалья // Проблемы фонетики / отв. ред. Р.Ф.Касаткина. М.: Наука, 2002. С 152-160.
8. Касаткин Л.Л., Юмсунова Т.Б. Некоторые фонетические особенности говоров семейских – старообрядцев Забайкалья // Материалы исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 2004. С. 83-94.
9. Махтеева Л.Б. Почитание икон у семейских Забайкалья // Живая старина, 2002, № 3. С. 20-25.
10. Юмсунова Т.Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск: Новосибир. гос. ун-т, 1992.
11. Юмсунова Т.Б. Язык забайкальских старообрядцев-семейских и их языковая прародина // Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002). М., 2003. С. 368-379.
12. Матанцева М.Б. Архаичная лексика в говорах старообрядцев (семейских) Забайкалья. Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2001.
13. Майоров А.П. Этимологизация диалектного слова и орфографический принцип его подачи в региональных словарях // Русские народные говоры Забайкалья (лексикография, лексикология). Улан-Удэ: Бурят. книжн. изд-во, 1955. С. 16-32.
14. Степанова И.Ж. Репрезентация фрагментов языковой картины мира старообрядцев (семейских) Забайкалья в идеостиле романов И.Калашникова // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.: Наука, 2004. С. 472-487.
15. Аргудяева Ю.В. Культура и быт старообрядцев юга Дальнего Востока: традиции и современность // Мир старообрядчества. Вып. 4. Живые традиции: результат и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества. М., 1998. С. 3-12.
16. Кирпикова Л.В. Непредметная лексика села Новоандреевка Белогорского района Амурской области: Дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 1972.
17. Кирпикова Л.В. Особенности быта и воззрений амурских старообрядцев, отраженные в лексике их говора // Алтарь России. Владивосток – Большой Камень, 1997. С. 83-86.
18. Кирпикова Л.В. Архаические элементы в речевой практике амурских старообрядцев // Старообрядчество Сибири и Дальнего Востока. История и современность. Местная традиция. Русские и зарубежные связи. Владивосток. 2000. С. 32-38.
19. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв. М.: ИПЦ «ДИК», 2004.
20. Аргудяева Ю.В. Старообрядцы Дальнего Востока / <http://www.fegi.ru>. 25.05.05.
21. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1900 – 1902 гг. Благовещенск. 1903.
22. Погодные ведомости состояния и учета сектантов в Амурской области. 1903 – 1905 гг. Благовещенск. 1906.
23. Реестр учета сектантов и иноверцев Амурской области. Благовещенск, 1910.
24. Кириллов А. Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей. Благовещенск, 1894.

25. Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СТАРООБРЯДЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРИАМУРЬЕ: А.А.КАУФМАН

Александр Аркадьевич Кауфман – известный русский экономист и статистик. Родился в 1864 г. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. В 1887-1894 гг. по поручению Министерства государственных имуществ занимался исследованиями землепользования и хозяйства крестьян-старожилов и переселенцев в Сибири. С 1894 г. работал по поземельному устройству крестьян Сибири, а затем Казахстана и Дальнего Востока, а также по вопросам отвода земель переселенцам. Весной 1905 г. принял участие в аграрном совещании земцев и в выработке проекта аграрной программы конституционно-демократической партии. В 1906 г. получил степень доктора за представленную на степень магистра политической экономики диссертацию «Переселение и колонизация». С 1907 г. состоял приват-доцентом Московского университета, профессором статистики на Санкт-Петербургских высших женских курсах, где организовал статистический семинарий, с 1909 по 1913 гг. работал в Петербургском университете. А.А.Кауфман является автором многочисленных научных и научно-популярных исследований, отчетов и очерков. Среди них «Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Западной Сибири»; «Крестьянское землепользование и хозяйство в Тобольской и Томской губерниях» (1889-1894 гг.); «Хозяйственное положение переселенцев, водворенных на казенных землях Томской губернии» (том III, 1895-1896 гг.); «Переселенцы-арендаторы Тургайской области» (1897 г.); 8 томов командировочных отчетов, посвященных вопросам колонизационной ёмкости и организации землеотводного дела в различных окраинных районах (1896-1903 гг.); «Очерк работ по образованию переселенческих участков» (1900 г.); «Крестьянская община в Сибири» (1898 г.); «Переселение и колонизация» (1905 г.); «По новым местам» (1905 г.); «Русская община в процессе ее зарождения и роста» (1908 г.) и др.*

В настоящем издании мы начинаем публикацию глав из очерка А.А.Кауфмана «По новым местам». Тому существует несколько причин. Во-первых, интересен взгляд на вопросы колонизации амурского края непосредственно участвующего в этом процессе человека. Во-вторых, в книге А.А.Кауфмана указаны отличительные географические и экономические черты Приамурья и особенности жизненного уклада амурского крестьянства. Например, А.А.Кауфман отмечал, что амурские крестьяне выглядели настоящими американцами, непохожими на русского мужика. И главное было не в том, что они использовали американские сельскохозяйственные орудия, а нечто более важное – у амурского крестьянина была «необыкновенная восприимчивость к новизне, отсутствие всякой рутин, проявляющееся в его земледельческом хозяйстве». В-третьих, сама книга А.А.Кауфмана в настоящее время представляет собой библиографическую редкость и недоступна широкому кругу исследователей и интересующихся.

Серию публикаций начинаем с главы «Амурские старoverы», тематически связанной с содержанием настоящего раздела.

А.А.Кауфман

АМУРСКИЕ СТАРОВОЕРЫ

Пароход пристает к берегу у станицы Иннокентьевской. Я отправляюсь искать расположенную на противоположном конце станицы телеграфную контору, причем по дороге люблю главную достопримечательность станицы – церковь, которая сплошь обшита цинкованным волнистым железом. Возвращаюсь назад и застаю своего товарища по экскурсии в

* Печатается по: Кауфман А.А. Автобиография. Вестник статистики. СПб., 1921. С.7-12.

оживленной беседе с двумя пассажирами, которые вот уже вторые сутки сидят на берегу в тщетном ожидании места на попутном пароходе.

– Так вы, ваше благородие, так и сделайте, – говорит один из них, молодой еще парень с рыжеватою бородкой, в пиджаке и картузе, – возьмите лошадей наскрозь от Грибовки, а то из Аркадьевки, да езжайте на Гилеву заимку, – своих коней у гилевских не должно быть; у Гилевых заночуете да оттоль и проедете на тятенькину заимку, а ежели понадобится дальше в хребты (местное название тайги) проехать, тятенька вам тунгуса даст – тунгус проводит.

– А тятеньку вашего как зовут? – вмешиваюсь я в разговор.

– Фирстовым, Филиппом Фирстовым. У нас заимка была, как Грибовку проехать – с версту; может, ваше благородие, она у тебя в плану показана (действительно, на 40-верстной карте главного штаба значится «пасека Фирстова»), сейчас-то тятенька татарину заимку продал, сам верст за двадцать пять в хребты уехал, на Бирьи вершины, а я свою пасеку завел, недалечку в стороне.

– Зачем же это ваш отец старую заимку продал?

– Да деревни, ваше благородие, близко подошли, места людные стали, а где люди, там пчел уже неловко водить... а на Бирьих вершинах место спокойное, для пчелы славно.

– Ну, а даст нам тятенька тунгуса?

– Почто не даст? Даст, – вмешивается в разговор другой наш собеседник, пожилой человек без усов и бороды, в чисто крестьянской одежде, без всяких городских новшеств, – ежели только сам дома. А тунгус, ваше благородие, если понадобится, вас и до моей заимки довести может. Только, пожалуй, ни к чему вам экую даль маяться; тропа худая – горы, топи, а местов хороших, ежели вы насчет земли ездите, – уж это я вам верно сказываю – нисколько нет. Вот около прежней нашей заимки, там ничего, места ладные.

– А прежняя заимка у вас где была?

– Да вот, Гилева заимка в плану пишется – она и есть. Сейчас там могилы* живут, а до-преж того наша была – Гилевых да моя; а меня-то Плюсниним зовут, ваше благородие, Харламом Плюсниним.

Таким образом, с первых же шагов в крестьянский район судьба натолкнула нас на представителей любопытнейшего типа староверов-заимщиков, этих лучших пионеров сибирской и амурской тайги. Со своими заимками они проникают в непроходимую, безлюдную тайгу, далеко за пределы районов сплошной земледельческой колонизации, а когда эта колонизация надвигается на них, они бросают свои заимки, уходят куда-нибудь дальше, в глубь тайги, и живут, пока опять не придет время уходить от «мира». О Фирстове я слышался еще в Благовещенске, слышал, между прочим, о посещении его заимки одним важным местным администратором. Поговорив о пчеловодстве, вообще о хозяйстве, администратор захотел перевести разговор на религиозные темы.

– Ты православный?

– Самой православной, настоящей веры.

– А детей как крестите? Водюю?

– Нет, не водюю, а духом. Да что об этом разговаривать, ваше-ство, лучше я вас чаем да медком попотчеваю...

Я не знаю, сколько еще времени нашим собеседникам пришлось просидеть в ожидании парохода; возможно, что и не один день, потому что попасть на пароход на Амуре, особенно с промежуточной пристани, – это все равно что взять выигрыш в лотерею; проезжая по Амуре, постоянно приходится видеть у пристаней горы багажа и пассажиров, помногу дней ожидающих счастья попасть на пароход... Мы же через несколько часов тронулись в путь. Проехали чистенькую малорусскую деревню Аркадие-Семеновку (названную так, по местному обыкновению, по имени-отчеству одного из бывших губернаторов области), проехали пару вновь возникших могилевских поселков и добрались до могилевского же поселка – Грибской или Грибовки (название – тоже по губернаторской фамилии). Здесь кончался колесный путь, дальше приходилось следовать верхом. Нужно было разобрать багаж, разло-

* Могилы – переселенцы из Могилевской губернии.

жить его по вьюкам, собрать партию верховых лошадей и проводников; на все требовалось немало времени, которое мы провели в недостроенной избе, беседуя на разные темы с ее хозяевами. Порасспросив насчет посевов, цене на разные продукты, услышав уже успевший стать привычным ответ, что «здесь всякий хлеб родится», спрашиваю хозяйку:

– Корова у тебя, милая, есть?

– Есть коровушка.

– А сколько плачена?

– Ничего не плачена. Старик с Гилевой заимки, Харлам, нашим старикам пожертвовал, для Бога.

– Что ж, и другим он жертвовал?

– Давал которым. У нас на деревне почитай четыре коровы или пять от него, да по другим деревням – в каждой постольку же.

Разговор переходит на дыни, арбузы, огурцы – и это все «здешняя земля родит».

– А семена откуда брали? – спрашиваю.

– От хохлов да с Гилевой заимки. Мы как пришли, ничего у нас не было, хоть помирай с голоду, не то что сеять, а они приплавил две лодки с хлебом, да с арбузами, да с огурцами – иди и бери. Хорошие они люди, Бог их благослови.

Наконец, снарядив свой обоз, отправляемся в путь. Проехав с версту, наезжаем на заимку: хорошая изба, несколько амбаров, крытый скотский загон. Около заимки пожилой татарин копает ямы для новой изгороди. Очевидно – бывшая заимка Фирстова.

– Это твоя заимка? – спрашиваем татарина.

– Моя и есть.

– У Фирстова купил?

– У него и есть.

– Что же, пашню будешь пахать?

– Пашню, пчел заведу – больно хорошее место для пчелы.

– Хорошее? – спрашиваю. – А Фирстов оттого, говорит, ушел, что около людей пчел водить нельзя?

– Пустое это, – говорит татарин. – Люди пчеле не препятствуют. А оттого Фирстов ушел, что старовер: они русских к себе не пускают, из своего стакана пить не дают, им и нельзя оставаться, где русские стали жить.

Немного отъехав от заимки, начинаем подниматься по отлогому склону невысокого хребта, поросшего местами лиственницей, по большей части дубом, на самых неожиданных местах натываясь на кочковатые болотца или увязая на таких полянках, которые издали казались совершенно сухими. Добравшись до перевала, влезает на небольшую каменную сопку, откуда перед нами открывается дивный вид – настоящие «лесные дали» во вкусе М.К.Клодта или ранних пейзажей Аполлинария Васнецова: ярко-зеленые равнины, параллельные цепи невысоких темно-зеленых лесистых холмов, а за ними на горизонте синеют высокие горы Малого Хингана. Довольно крутой спуск вдоль весело журчащего горного ручья, среди густой заросли орешника и дубняка, приводит нас к берегу Архары. Здесь нам приходится оставить лошадей – в Архаре высокая вода, и переплавить лошадей нельзя; переправляемся на утлой лодке и идем пешком до места нашего ночлега.

Ночлег этот на Гилевой заимке, ныне поселке могилевских переселенцев. В поселке пока всего семь дворов, нет ни выборного начальства, ни отводной квартиры. Мы высматриваем самый большой дом и просим разрешения переночевать. Нам разрешают.

Оказывается, мы попали удачно: этот дом – бывший дом Харлама Плюснина; большие хоромы, крашенные масляною краскою полы, венские стулья, прекрасное зеркало с золоченою рамой. Новый владелец – пожилой могилевец в грязно-белой рубахе – видимо, не совсем ловко чувствует себя среди всего этого непривычного великолепия, которое, впрочем, новые обитатели успели достаточно испакостить и загадить.

– У кого купил дом-то? – спрашиваем старика-могилевца.

– У Харлама Плюснина.

– За сколько?

– За четыре сотни, да деньги не плачены. Уходил Харлам на новое место, дома некуда девать, – он мне и препоручил.

Скоро для меня выяснился и действительный смысл этого «поручения». На другое место мы поехали верхами, посмотреть окрестности заимки. С нами поехал сын нашего хозяина, толковый и разговорчивый малый, от которого мы и узнали, что могилевцы просто купили дома в кредит у староверов.

– Чудной народ: отроду нас в глаза не видали, а экие деньги верят, да и бумаги никакой не берут – так, на слово. Спрашиваю я их: а ежели помрем, что будет? Ничего, говорит, Бог отдаст... И то сказать, – продолжал парень, – много денег у них и пропало за нашим братом, а они – ничего. Милосердные они: Могилевку да Грибовку почитай скрозь кормили; придут к ним новоселы, они накормят да всего с собой дают; бери, говорят, сколько хочешь, – да еще радуются: видно, говорят, голодны, что экую ношу несут...

– А зачем же они, – спрашиваю, – заимку бросили?

– Да кто их, ваше благородие, знает! То ли им по старой вере с мирскими жить не глянется, то ли от чего другого. Сказывают, тунгусы им хорошее место показали: ключик горячий, а к ключику изюбри* ходят, им для промысла и хорошо; промышляют ведь они все больше... А то еще, сказывают, золотишко где-то нашли, Господь их знает.

– А много их, – спрашиваю, – таких милосердных?

– Нет, про других не слыхали что-то. Покормить – это всякий покормит, а подарков, кажись, не дают другие.

Однако гилевские староверы далеко не единственные в своем роде. Через пару дней, пересекая водораздел от Архары к Бурее, пришлось заночевать на заимке некоего Безрукова – старовера из деревни Домикана. Приехали мы поздно, сейчас же залегли спать в амбаре, на засыпанном в сусеке овсе, утром рано выехали, и я только мельком видел хозяина заимки, угрюмого и несимпатичного на вид, рослого бородатого мужика и успел перекинуться с ним всего несколькими словами на какие-то сельскохозяйственные темы.

Проехав несколько верст от заимки, встречаем местного пристава, с которым и пришлось доехать до Домикана на Бурее. Разговор зашел о староверах. Узнав, что мы едем с Гилевой заимки, пристав начал делиться со мною своими подозрениями относительно причин, побудивших обитателей заимки перебираться дальше в глубь тайги.

– Что же тут особенного, – пытался я было возражать, – везде ведь староверы стараются скрыться от «мира» в неведомую тайгу.

– Да, это так, а все-таки – зачем им нужно бежать от людей?.. Нет, уж я доберусь до них, – с жаром говорил почтенный чиновник, – пусть они себе там год посидят да обживутся, а там мы и посмотрим, в чем дело.

Однако, несмотря на нескрываемо-недружелюбное отношение к староверам, мой случайный спутник не отрицает, что староверы – лучшая часть населения его участка: «только нас, православных, почитают хуже собаки». Но помогают, не разбирая православных от неправославных.

– Вы вот ночевали на заимке у Безрукова, ведь он решительно всех переселенцев, кто к нему ни зайди, кормит. Даю вам слово, если бы не он, за зиму бы у меня десятка полтора переселенцев позамерзло. От Домикана до Архары сорок верст, идут все больше пёхом, мороз лютый, ну, каждый и зайдет к Безрукову, обогреться; он каждого накормит да еще хлеба даст с собой на дорогу. В нынешнем году, знаете, он особо четыре десятины пшеницы посеял – «для гостей»; просто для счета – любопытно стало знать, сколько на таких «гостей» выходит хлеба.

Разговор зашел о могилевцах; мой собеседник, оказалось, разделяет всеобщее нерасположение к этой группе новоселов.

– Они и на родине-то, – говорил он, – хозяйства не умели вести, а здесь еще староверы их избаловали подачками. Ведь до какого нахальства доходят!.. Есть в Домикане старик один – он у них вроде архиерея, пришла к нему женщина из Могилевки, он ей подарил телку, а

* Благородный олень; охотятся на него из-за рогов («панты»), за которые китайцы дают большие деньги.

через неделю та опять к нему: «Телке, мол, скучно, подари бычка»; петуха дарят – не берут: дай курицу, она яйца будет нести.

Кроме отдельных заимок, забравшихся в глухую тайгу в виде авангарда колонизации или располагающихся на «междугранках», т.е. на свободных землях в промежутках между селенными наделами, староверы живут и своими селениями, преимущественно по Бурее и в ближайшем к ней районе; в одном селении при этом нередко можно встретить раскольников различных толков, а иногда староверы живут и вместе с православными.

Все староверские деревни: Платова на Завитой, на Бурее Домикан, Каменка, Кулусутай, Бахарева – прекрасно обстроены, хоть и не с таким шиком, как селения молокан. Солидно сложенные бревенчатые дома, почему-то всегда с белыми ставнями, крытые иногда берестой, чаще тесом или цинкованным железом; дома сплошь и рядом в несколько покоев, даже двухэтажные, у богатых – с какими-то балкончиками или галереями; дворы широкие, с массивными амбарами и крепкими изгородями, около домов часто небольшие садики или палисадники. Словом, все производит впечатление зажиточности и хозяйственности, хотя во многих явно зажиточных дворах неприятно поражает некоторая запущенность, находящая себе выражение в полуразвалившихся амбарах, покосившихся заборах и разбитых стеклах.

У амурских староверов – слава прекрасных земледельцев, хотя в смысле склонности к новшествам и усовершенствованиям они и уступают молоканам, пользующимся репутацией «американцев» *par excellence*. Но в противоположность позднейшим пришельцам, хохлам или могилевцам, староверы редко живут одним земледелием. Каждый старовер, прежде всего, страстный охотник, и охотничий промысел, которому так благоприятствуют и богатая фауна, и почти полная пустынность большей части пространства Амурской области, давал староверам крупные заработки: промышленяют козулю (козуль вы и сейчас еще встречаете на каждом шагу, проезжая по окраинам заселенного района), сохатого, медведя; охотятся на изюбря, молодые рога которого покупаются китайцами за огромные деньги. Ловят зверя разными ловушками, но, главным образом, охотятся с ружьем, причем, в отличие от западно-сибирского охотника с его первобытной кремневкой, амурский старовер вооружен в худшем случае берданкой, а нередко – дорогим винчестером или винтовкой какой-нибудь другой известной иностранной фирмы. Охота для амурского старовера – настоящий спорт: проводя на «промысле» массу времени и затрачивая бездну энергии, он следует далеко не одному только хозяйственному расчету, но, кроме того, и своему вкусу, своей страсти к охоте: с точки зрения чисто хозяйственного расчета охотничий промысел при высокой оценке труда, обусловливаемой изобилием на Амуре разнообразнейших более выгодных заработков, отнюдь не может быть признан особенно доходным занятием.

Самые крупные заработки амурским староверам давала, однако, золотопромышленность, и обнаружившийся в самые последние годы временный, можно думать, упадок дела в крае довольно тяжело отразился на их благосостоянии. Немало староверов, и из «деревенских», и, особенно, из заимщиков, занимается, по-видимому, так называемую «хищническую» добычу золота; найдутся между ними и спиртоносы, и представители других, частью еще менее благовидных профессий, какие всегда складываются около приисков и на путях выхода золотопромышленных рабочих, хотя, впрочем, не мешает заметить, что рассказы о самых темных делах, совершающихся «около золота», почти всегда связываются не со староверскими, а с молоканскими именами. Но главный массовый заработок дает или, вернее, давал извоз – перевозка в приисковые «резиденции» десятков и сотен тысяч пудов потребляемых на приисках продуктов; затем – заготовка сена и разные другие виды вспомогательных работ (на работы собственно по добыче золота местных жителей нанимать воспрещается), не говоря уже о том крайне выгодном сбыте, который прииски открывали для разнообразнейших продуктов крестьянского хозяйства.

На хозяйстве буреинских старожилов особенно сильно отразился кризис Ниманской золотопромышленной компании, «резиденция» которой стоит всего в тридцати верстах от последнего по Бурее староверского селения – Бахаревой. Еще недавно на Ниманских приисках намывали золота до ста шестидесяти пудов в год, а в компанию 1900 г. намывали всего только семь пудов... «И чего там только не было, – с сокрушением рассказывают бахареvцы,

– три тысячи лошадей по три пути делали, разный товар возили – было, значит, что возить! Вся Завитинская волость на них работала, с Томи – Томская волость работала, богато жили!.. На Пайканском складе (название Ниманской резиденции) сено прессовали – зарабатывали по два да по три рубля в день; овес продавали по семи да по восьми гривен, а сейчас не дороже полтинника...»

Как «деревенские» староверы, так и обитатели заимок почти поголовно собираются уходить с насиженных мест – отсюда, очевидно, несколько запущенный вид многих домов и дворов в староверских селениях: не поправляют домов, дают валиться изгородям, потому что доживают здесь последние годы и каждый присматривает себе какое-нибудь новое место для водворения. «Только оттого по-сейчас не ушли, – говорили мне староверы в деревне Каменке, – что домашность некуда определить; а вот придут новоселы, домашность покупают, так все уйдем». Собираются староверы, главным образом, «во Владивосток» – в Приморскую область, кто на Даубиху, кто на Уду. Одни стремятся туда исключительно на основании слухов, другие уже ходили смотреть «новые места», кое-кто уже и переселился. Впоследствии, странствуя по самым глухим дебрям Южно-Уссурийского края, я попал в образованную выходцами из Каменки деревню – тоже Каменку, на побережье Улахе; приходилось только развести руками: как староверы могли пробраться с семьями и скарбом в такую глухую тайгу, удаленную от всяких проезжих дорог... Всех привлекает туда, главным образом, простор, приволье. «Там свободно, – рассказывал мне старовер, ходивший смотреть места на Даубихе, – для хлебов, сказать по правде, места не стоят здешних, да большие удобства для промысла, для пчелы, а на Уде «шибко хорошо» для скотоводства, да и на рыбе можно заработать».

Однако, что же гонит амурских староверов с насиженных ими мест? Говорить о тесноте, недостатке земли было бы смешно, сами староверы соглашаются, что «пашня есть, покоса сколько угодно, лес есть, все есть», хотя и говорят о разных признаках надвигающегося «утеснения»: «прежде, бывало, не пасли скота, вольно было, а теперь нагнали российских, пасти скотину доводится». Сократились, правда, и заработки на приисках, но все же условия оплаты труда, а особенно – сбыта продуктов, и до сих пор в высшей степени благоприятны; поистощились, правда, запасы промыслового зверя, но и сейчас козули так и скачут по лесам и горам, и хороший охотник все еще избивает за зиму десятки голов крупного зверя. Если поэтому староверы говорят о наступившем «многолюдстве», заставляющем их искать «новых местов», то это, конечно, не то многолюдство, связанное с недостатком земли, с земельною теснотою, которое гонит переселенца из Европейской России или из Западной Сибири. Амурский старовер уходит от надвигающегося на него «мира», от общения с иноверцами – он ищет уединения и возможности спокойно жить «по старине». Куда он пойдет, этот вечный странник, куда он денется в том близком будущем, когда «мир» придвинется к самому Тихому океану и проберется в дикие ныне дебри Амурских и Уссурийских «хребтов»? Вся надежда для староверов в том, что ценою упорного труда и неослабной борьбы с суровой природой им удастся устроиться на таких глухих окраинах, куда «мир» не последует за ними, – окраинах, которые по суровости климата и дикости природы еще долго останутся недоступными для заурядных переселенцев.

Печатается по: Кауфман А.А. По новым местам (очерки и путевые заметки). 1901-1903.

СПб.: Изд-во тов-ва «Общественная польза», 1905. С. 55 - 68.

Орфография и пунктуация современные.

СЕЛА АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ, ОСНОВАННЫЕ СТАРООБРЯДЦАМИ

Архаринский район:

Грибовка*, 1898 – позднее поселение старообрядцев

Белогорский район:

Заливная, 1866

* Звездочкой отмечены села, говор которых обследовался диалектологами Амурского госуниверситета. В скобках указаны первоначальные названия сел, данные им при образовании.

Ключи (Ключевская)*, 1863
 Круглое (Круглая), 1889
 Лиственичная, 1881
 Молчаново (Молчановка), 1889 – старообрядцы впоследствии вытеснены
 православным населением из Полтавской губернии
 Никольское (Никольская)*, 1860
 Новоандреевка (Ново-Андреевка)*, 1886
 Павловка, 1862
 Тарбагатай, 1887
 Бурейский район:
 Новобурейский (Ново-Бурейская), 1869
 Малиновка, 1881
 Благовещенский район:
 Натальино (Натальинка), 1886
 Новопетровка (Петровка, Петровское), 1878
 Завитинский район:
 Бахирево (Бахиревка), 1891
 Белый Яр, 1890
 Домикан (Демикан), 1891
 Куликовка, 1887
 Кулустай (Кулусутай), 1885
 Платово (Платова), 1865
 Путиловское (Кутиловское, Кутиловка), 1869
 Ивановский район:
 Березовка, 1861 – в 1874 г. все старообрядцы выселились
 Николаевка, 1867
 Петропавловка (Петропавловская, Петропавловское), 1861
 Мазановский район:
 Краснояррово (Красноярская)*, 1884
 Ромненский район:
 Возжаевка (Вознесенка, Вознесенское), 1877
 Верхнебелое (Верхне-Белая), 1889
 Свободненский район:
 Бардагон (Бордогон), 1883
 Гуран, 1883
 Желтоярово*, 1900
 Заган (Майориха)*, 1907
 Загорная Селитьба, 1891
 Москвитино (Москвитина), 1862
 Серышевский район:
 Бирма (Бирминская), 1885
 Бичура, 1887
 Томское (Томская), 1864

ХАРАКТЕРИСТИКА СЁЛ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ, ОСНОВАННЫХ СТАРООБРЯДЦАМИ

БАРДАГОН (БОРДОГОН)* – д. Ам. обл., Амурско-Зейской вол., на правом бер. р. Зeya, выше устья р. Пера, в 143 в. от Благ. Осн. в 1883 г. переселенцами из Забайкальской обл. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 23, жителей муж. 53 и жен. 50 пола. Население по вере – частью православные и частью раскольники. Главные занятия: земледелие и лесной

* В скобках указано первоначальное название населенного пункта.

промысел (ГСС). С., Свободненский р-н, в 10 км от г. Свободный, на правом бер. р. Зeya (ОЭС).

БАХИРЕВО (БАХИРЕВКА) – д. Ам. обл., Завитинской вол., на правом бер. р. Буряя, в 80 в. от устья р. и 187 в. от Благ. Осн. в 1871 г. раскольниками австрийского согласия. В 1891 г. в ней числилось: домов 28, жителей 73 муж. и 67 жен. пола. Главные занятия: земледелие, звериный промысел и извоз (ГСС). С., Бурейский р-н, в 58 км к северо-востоку от рц, на правом бер. р. Буряя. Названо в честь первого поселенца – М.Н.Бахирева (ОЭС).

БЕЛЫЙ ЯР – д. Ам. обл., Завитинской вол., на левом бер. р. Завитая, в верхнем течении, в 136 в. к северо-востоку от Благ. и 36 в. к северо-востоку от с. Михайловское. Осн. в 1890 г. переселенцами из Забайкальской обл., первоначально приписанными к д. Платова. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 10, жителей 27 муж. и 18 жен. пола. Население составляют старообрядцы (ГСС). С., Завитинский р-н, в 25 км к северо-западу от г. Завитинск, на левом бер. р. Завитая. Названо от крутого обрыва белого цвета на противоположном бер. р. Завитая (ОЭС).

БЕРЕЗОВКА** – д. Ам. обл., Черемховской вол., в дол. левого бер. р. Зeya, в 8 в. от р. и 47 в. от Благ. Осн. раскольниками в 1861 г. В 1870 г. в ней числилось: дворов 8 и 39 душ обоего пола. В 1874 г. все жители этой деревни выселились в другие места и только в 1880 г. здесь поселились переселенцы из Полтавской губернии в числе 4 семейств и 28 душ обоего пола, к которым приселились позднее другие. К 1 января 1891 г. в деревне числилось: дворов 42, жителей 146 муж. и 133 жен. пола. Население по вере православное. Главное занятие – земледелие (ГСС). ПГТ (с 1981), Ивановский р-н, в 28 км к северо-западу от рц и в 4 км от ж.-д. ст. Березовский-Восточный. Д. осн. в 1880 г. близ березовой роши (ОЭС).

БИРМА (БИРМИНСКАЯ) – д. Ам. обл., Томской вол., на правом бер. р. Бирма, в 214 в. от Благ. и 88 в. к северу от вол. – с. Александровское. Осн. к 1885 г. переселенцами из Забайкальской обл. К 1 января 1891 г. числилось: дворов 93, жителей муж. 280 и жен. 260 пола. Население по вере православные и раскольники. Главное занятие – земледелие (ГСС). С., Серышевский р-н, в 54 км от р.ц., на левом бер. р. Бирма (ОЭС).

БИЧУРА*** – с., Мазановский р-н, в 38 км к югу от рц, в дол. р. Бирма. Осн. в 1896 г. (ОЭС).

ВЕРХНЕБЕЛОЕ (ВЕРХНЕ-БЕЛАЯ) – д. Ам. обл., Томской вол., на левом бер. р. Белая, в 112 в. от Благ. и 56 в. к юго-востоку от с. Александровское. Осн. в 1889 г. старообрядцами из Забайкальской обл. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 16, жителей 40 муж. и 27 жен. пола. Главное занятие – земледелие. (ГСС). С., Ромненский р-н, в 35 км к юго-западу от рц и в 6 км от ж.-д. ст. Поздеевка, в верх. р. Белой (ОЭС).

ВОЗНЕСЕНСКОЕ (ВОЗЖАЕВКА, ВОЗНЕСЕНОВКА) – д. Ам. обл., Томской вол., на левом бер. р. Белая, в 100 в. от Благ. и 44 в. к юго-востоку от с. Алексеевское. Осн. в 1877 г. семейскими, переселившимися из Тарбагатайской вол. Верхнеудинского округа, к которым позднее приселились переселенцы из Тамбовской и Полтавской губерний, вследствие чего первые выселились в другие места. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 36, жителей 107 муж. и 92 жен. пола. Главное занятие – земледелие. Население раскольничьей веры (ГСС). С., Ромненский р-н, в 85 км от ж.-д. ст. Поздеевка, на правом бер. р. Белая. До 1930 называлось Возжаевка по названию с. Полтавской губернии, откуда прибыли первые переселенцы (ОЭС).

ГРИБОВКА – с., Архаринский р-н, в 26 км северо-восточнее рц, на правом бер. р. Архара. Осн. переселенцами из Могилевской губернии в 1898 г. и названо в честь землеустроителя Грибовского (ОЭС).

ГУРАН – д. Ам. обл., Амурско-Зейской вол., на левом бер. р. Гуран, в ее нижнем течении, в 96 в. выше Благ. и 76 в. к северо-западу от с. Марковское. Осн. в 1883 г. раскольниками Забайкальской обл. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 6, жителей 19 муж. и 20

** При расхождении указания на дату образования населенного пункта ссылка делается по обоим источникам; в случае совпадения – по ГСС.

*** В случае образования населенного пункта позднее 1894 г. данные ГСС отсутствуют.

жен. пола. Основные занятия: земледелие, извоз и звериный промысел (ГСС). С., Свободненский р-н, в 72 км юго-западу от г. Свободного, на правом бер. р. Гуран. (ОЭС).

ДОМИКАН (ДЕМИКАН) – д. Ам. обл., Завитинской вол., на левом бер. р. Буряя, близ устья р. Демикан, в 237 в. от Благ. и в 137 в. к востоку от вол. – с. Михайловское. Осн. старообрядцами беспоповщинского толка в 1874 г. К 1 января 1891 г. в ней числилось: домов 22 и жителей 59 муж. и 51 жен. пола. Основные занятия: земледелие, извоз и звериный промысел (ГСС). С., Архаринский р-н, в 39 км к северо-западу от рц, на бер. р. Домикан (ОЭС).

ЖЕЛТОЯРОВО – с., Свободненский р-н, в 33 км к северо-востоку от рц. Осн. в 1900. Названо от крупного обрыва желтого цвета на бер. р. Зея (ОЭС).

ЗАГАН (МАЙОРИХА) – с., Свободненский р-н, в 40 км к северо-востоку от рц, на правом бер. р. Зея. Осн. в 1907 г. (ОЭС).

ЗАГОРНАЯ СЕЛИТЬБА – д. Ам. обл., на правом бер. р. Гонор, в верх. В 126 в. выше Благ. Осн. в январе 1891 г. переселенцами Саратовской губернии, Хвалынского уезда, к кот. приселилось еще 11 семейств из разных селений Амурской обл. В ней дворов 21, жителей 73 муж. и 67 жен. пола (ГСС). С., Свободненский р-н, в 82 км к юго-западу от г. Свободный (ОЭС).

ЗАЛИВНАЯ* – д. Ам. обл., Томской вол., на левом бер. р. Томь, в 147 в. от Благ. и 11 в. к северу от с. Александровское. Осн. в 1866 г. переселенцами из Пермской губернии раскольниками беспоповщинского толка, к которым позднее приселились раскольники из Енисейской губернии. В 1880 г. насчитывалось жителей 86 муж. и 62 жен. пола, и к 1 января 1891 г. числилось: дворов 35, жителей 129 муж. и 115 жен. пола. Основные занятия: земледелие, звероловство и извоз (ГСС).

КЛЮЧИ (КЛЮЧЕВСКАЯ) – д. Ам. обл., Томской вол., в 104 в. от Благ. и 2 в. от р. Томь. Осн. в 1862 г. раскольниками, переселившимися из Пермской губернии. В 1870 г. селение это состояло из 37 дворов и 192 душ жителей обоего пола, но позднее многие из жителей выселились в другие места, и к 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 15, жителей 31 муж. и 13 жен. пола. Основные занятия: земледелие и извоз (ГСС). С., Белогорский р-н, в 24 км к западу от рц, на лев. бер. р. Томь. Осн. в 1863 г. переселенцами из Енисейской губ. и Забайкальской вол. Стоит близ небольшого ручья (ключа), впадающего в Томскую протоку (ОЭС).

КРАСНОЯРОВО (КРАСНОЯРСКАЯ) – д. Ам. обл., Томской вол., на левом бер. р. Зея, близ устья р. Бирма, в 195 в. от г. Благ. и 69 в. к северо-западу от с. Александровское. Осн. раскольниками Забайкальской обл., переселившимися в 1884 г. К 1891 г. в ней числилось: дворов 30, жителей 95 муж. и 75 жен. пола. Основные занятия: земледелие и извоз (ГСС). С., Мазановский р-н, в 46 км к юго-западу от рц, на лев. бер. р. Зея (ОЭС).

КРУГЛОЕ (КРУГЛАЯ) – д. Ам. обл., Том. вол., по р. Томь, в 159 в. от Благ. и 24 в. от с. Александровское. Осн. в 1866 г. переселенцами из Пермской губернии, к которым позднее приселились переселенцы других губерний. К 1 января 1891 г. числилось: дворов 21, жителей 72 муж. и 63 жен. пола. Население по вере частью православное, а частью раскольники беспоповщинского толка. Основные занятия: земледелие, извоз и звероловство (ГСС). С., Белогорский р-н, в 21 км к востоку от рц, на левом бер. р. Томь (ОЭС).

КУЛИКОВКА – д. Ам. обл., Завитинской вол., на правом бер. р. Буряя, в 210 в. от Благ. и 110 в. от вол. – с. Михайловское. Осн. раскольниками Забайкальской обл. в 1888 году. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 10, жителей 25 муж. и 26 жен. пола. Основные занятия: земледелие, извоз и звероловство (ГСС). С., Бурейский р-н, в 20 км к северо-востоку от рц, на пр. бер. р. Буряя. Осн. в 1887. Первый поселенец – С.Е.Куликов (ОЭС).

КУЛУСТАЙ (КУЛУСУТАЙ) – д. Ам. обл., Завитинской вол., на левом бер. р. Буряя, в 208 в. от Благ. Основана в 1885 г. раскольниками. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 25, жителей 82 муж. и 67 жен. пола. Основные занятия: земледелие, извоз и звериный промысел (ГСС). С., Бурейский р-н, в 18 км от рц, на лев. бер. р. Буряя (ОЭС).

* Указания на населенный пункт в ОЭС отсутствуют.

ЛИСТВЕНИЧНАЯ* – д. Ам. обл., Томской вол., на правом бер. р. Чарга, в 185 в. от Благ. и 59 в. к востоку от с. Алексеевское. Осн. в 1888 г. переселенцами Забайкальской обл. и Томской губернии. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 26 и жителей 74 муж. и 59 жен. пола. Население по вере – старообрядцы. Основные занятия: земледелие и звероловство (ГСС).

МАЛИНОВКА – д. Ам. обл., Завитинской вол., на правом бер. р. Буряя, при устье р. Тюткан, в 237 в. от Благ. и 137 в. к северо-востоку от с. Михайловское. Осн. раскольниками в 1881 г. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 13, жителей 37 муж. и 23 жен. пола. Основные занятия: земледелие, извоз и звероловство (ГСС). С., Бурейский р-н, в 3 км от рц, на правом бер. р. Буряя. Осн. в 1881 г. переселенцами из с. Малиновка на Украине (ОЭС).

МОЛЧАНОВО (МОЛЧАНОВКА) – д. Ам. обл., Томской вол., на левом бер. р. Зея, ниже устья р. Бирма, в 183 в. от Благ. и 57 в. к северо-западу от с. Александровское. Осн. переселенцами из Забайкальской обл., в 1889 г. К 1 января 1891 г. в ней числилось: домов 4, жителей 9 муж. и 5 жен. пола. Население по вере – раскольники (ГСС). С., Мазановский р-н, в 60 км к юго-западу от рц и в 20 км от ж.-д. ст. Арга, на левом бер. р. Зея. Названо по фамилии первого переселенца (ОЭС).

МОСКВИТИНО (МОСКВИТИНА) – д. Ам. обл., Амурско-Зейской вол., на правом бер. р. Голубая, близ устья, в 115 в. от Благ. Осн. в 1862 г. переселенцами из Восточной Сибири. В 1870 г. в ней числилось: 4 двора и жителей 33 души обоего пола, а к 1 января 1891 г.: дворов 41, жителей 133 муж. и 126 жен. пола. Основные занятия: земледелие, звероловство, лесной промысел. В настоящее время многие из раскольников снимаются с насиженного места, уходя подальше от православного населения (ГСС). С., Свободненский р-н, в 27 км к юго-западу от рц, на бер. р. Голубая. Осн. в 1864 г. Названо в память первого переселенца Москвитина (ОЭС).

НАТАЛЬИНО (НАТАЛЬИНКА) – д. Ам. обл., Амурско-Зейской вол., на правом бер. р. Зея, ниже устья р. Томь, в 85 в. от Благ. Осн. в 1886 г. старообрядцами из Забайкальской обл. в числе 6 семей и 30 душ обоего пола, к которым в последующее время преселилось еще несколько семейств. К 1 января 1891 г. в ней было: дворов 20, жителей 62 муж. и 48 жен. пола. Основные занятия: земледелие, лесной промысел и охота (ГСС). С., Благ. р-н, на правом бер. р. Зея, в 85 км от Благ. Осн. в 1886 г. Названо по фамилии первого жителя – Г.П.Натальина (ОЭС).

НИКОЛАЕВКА – д. Ам. обл., Ивановской вол., по р. Белая, в 68 в. от Благ. и 34 в. от с. Ивановское. Осн. в 1867 г. раскольниками сибирских губерний. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 59, жителей 232 муж. и 210 жен. пола. Население по вере – раскольники-беспоповцы. Основные занятия: земледелие, извоз и охота (ГСС). С., Ивановский р-н, в 50 км к северо-востоку от рц, на левом бер. р. Белая (ОЭС).

НИКОЛЬСКОЕ (НИКОЛЬСКАЯ) – с. Ам. обл., Томской вол., на левом бер. р. Томь, в 113 в. от Благ. и 12 в. от с. Александровское. Осн. в 1860 г. переселенцами Пермской губернии. В 1870 г. село состояло из 27 дворов и 170 душ жителей, а к 1 января 1891 г. в нем числилось: дворов 29 и жителей 100 муж. и 96 жен. пола. Население составляют частью единоверцы и частью православные. Основные занятия: земледелие, извоз и охота (ГСС). С., Белогорский р-н, в 12 км к западу от рц, на лев. бер. р. Томь. Осн. в 1861 г. (ОЭС).

НОВОАНДРЕЕВКА (НОВО-АНДРЕЕВКА) – д. Ам. обл., Черемховской вол., на левом бер. р. Зея, в 83 в. от Благ. и 27 в. к северу от д. Семиозерка. Осн. в 1886 г. раскольниками Забайкальской обл. в числе 19 семей и 70 душ муж. и 50 жен. пола. К 1 января 1891 г. в ней числилось: дворов 19 и жителей 75 муж. и 60 жен. пола (ГСС). С., Белогорский р-н, в 70 км к юго-западу от г. Белогорск, на левом бер. р. Зея (ОЭС).

НОВОБУРЕЙСКИЙ (НОВО-БУРЕЙСКАЯ) – д. Ам. обл., на левом бер. р. Буряя, в 300 в. от Благ. Осн. раскольниками в 1869 г. и в 1870 г. состояла из 3 дворов и 15 душ жителей обоего пола. После наводнения 1872 г. жители пререселились в другие места (ГСС).

* Указания на населенный пункт в ОЭС отсутствуют.

НОВОПЕТРОВКА (ПЕТРОВКА, ПЕТРОВСКОЕ) – д. Ам. обл., Амурско-Зейской вол., на правом бер. р. Зeya, в 72 в. от Благ. Оsn. в 1878 г. переселенцами из Забайкальской обл. К 1 января 1891 г. в ней числилось: домов 31, жителей 78 муж. и 73 жен. пола. Основные занятия жителей: земледелие, звериный промысел, заготовка и доставка в город лесных материалов (ГСС). С., Благовещенский р-н, в 65 км к северу от Благ., на правом бер. р. Зeya (ОЭС).

ПАВЛОВКА – с. Ам. обл., Томской вол., на левом бер. р. Томь, в 141 в. от Благ. и 15 в. к востоку от с. Александровское. Оsn. в 1862 г. переселенцами из Пермской губернии. В 1870 г. числилось: 33 двора и жителей 191 душа обоего пола; в 1880 г. – 58 дворов и жителей 178 муж. и 159 жен. пола, к 1 января 1891г. – домов 75, жителей 217 муж. и 208 жен. пола. Население православной веры, за исключением двух семейств, принадлежащих к беспоповщинской секте. Основные занятия: земледелие, извоз и охота (ГСС). С., Белогорский р-н, в 13 км к юго-востоку от рц, на лев. бер. р. Томь (ОЭС).

ПЕТРОПАВЛОВКА (ПЕТРОПАВЛОВСКОЕ) – д. Ам. обл., в р-не Кумарского станичного округа, в 117 в. выше Благ. и в 3 в. от бер. р. Амур. Оsn. в 1861 г. переселенцами из Саратовской губернии. В 1870 г. числилось: 5 дворов, жителей 35 душ обоего пола, а к 1 января 1891 г. – дворов 6, жителей 49 душ обоего пола. Основные занятия: земледелие, извоз. Жители по вере принадлежат к секте субботников, кот. в Ам. обл., за исключением Благ., не встречаются в других местах (ГСС). С., Ивановский р-н, в 40 км к северо-западу от рц. Оsn. в 1876 г. (ОЭС).

ПЛАТОВО (ПЛАТОВА) – д. Ам. обл., Завитинской вол., на левом бер. р. Завитая, в 126 в. от Благ. и 26 в. к северо-востоку от с. Михайловское. Оsn. раскольниками в 1865 г. В 1880 г. в ней числилось: дворов 12 и жителей 52 муж. и 53 жен. пола, а к 1 января 1891 г. – дворов 45, жителей 123 муж. и 128 жен. пола. Основные занятия: земледелие, извоз, охота (ГСС). С., Завитинский р-н, в 40 км к западу от г. Завитинск, на левом бер. р. Завитая (ОЭС).

ПУТИЛОВСКОЕ (КУТИЛОВСКОЕ, КУТИЛОВКА)* – д. Ам. обл., Завитинской вол., на правом бер. р. Дим, в 80 в. от Благ. и в 28 в. к северо-западу от с. Михайловское. Оsn. в 1869 г. сибиряками-раскольниками в числе 7 семей и 37 душ обоего пола, к которым в конце 80-х г. приселены переселенцы Тамбовской губернии. К 1 января 1891 г. числилось: домов 51 и жителей 134 муж. и 135 жен. пола. Основные занятия: земледелие и извоз. Население, за исключением нескольких семей раскольников, принадлежит к православной вере. Д. известна в народе более под названием Кутиловского и Кутиловки (ГСС).

ТАРБАГАТАЙ** – д. Ам. обл., Томской вол., на правом бер. р. Чарга, в 164 в. от Благ. и 38 в. к востоку от с. Александровское. Оsn. в 1887 г. переселенцами Забайкальской обл. К 1 января 1891 г. числилось: дворов 40, жителей 132 муж. и 114 жен. пола. Основные занятия: земледелие, звероловство и извоз. Население по вере раскольники (ГСС).

ТОМСКОЕ (ТОМСКАЯ) – д. Ам. обл., Томской вол., на правом бер. р. Томь, в 133 в. к северо-востоку от Благ. и 7 в. к северу-западу от с. Александровское. Оsn. в 1864 г. переселенцами из Пермской губернии. В 1870 г. числилось: 19 дворов и 117 душ жителей обоего пола. В 1880 г. – дворов 35 и жителей 87 муж. и 90 жен. пола. К 1 января 1891 г. – дворов 38 и жит. 108 муж. и 106 жен. пола. Население по вере православное, за исключением 3 семейств, принадлежащих к секте беспоповцев. Основные занятия: земледелие, извоз и охота (ГСС). С., Серышевский р-н, в 22 км к юго-востоку от рц и в 6 км от ж.-д. ст. Белогорск, на правом бер. р. Томь. Оsn. в 1863 г. Названо по наименованию р. (ОЭС).

Список принятых сокращений

Ам. – Амурская
бер. – берег
Благ. – Благовещенск
в. – верста
верх. – верховья

* Указания на населенный пункт в ОЭС отсутствуют.

** Указания на населенный пункт в ОЭС отсутствуют.

вол. – волость

г. – год

ГСС – Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей /
Сост. А. Кириллов. Благовещенск, 1894.

д. – деревня

дол. – долина

ж.-д. ст. – железнодорожная станция

жен. – женский

кот. – который

км – километр

муж. – мужской

обл. – область

осн. – основано

ОЭС – Амурская область. Опыт энциклопедического словаря / Ред. сост. Н.К. Шульман.
Благовещенск: Амурское отд. Хабар. кн. изд-ва, 1989.

пгт – поселок городского типа

р. – река

р-н – район

рц – районный центр

с. – село

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ АМУРСКОГО СТАРООБРЯДЦА

Жизнь староверческих общин на фоне общерусского исторического развития – явление очень сложное. Из амурских старообрядцев наиболее изучены семейские (семейные, сеймские) – этнографическая группа русских староверов-поповцев (по некоторым источникам – беглопоповцев и беспоповцев), переселенных из Польши и прибывших в Амурскую область после почти двухсотлетнего пребывания в Сибири и Забайкалье.

«Известно, что старообрядцы в силу религиозных убеждений, этнической обособленности и преданности старине сохранили много... специфического в своем быту, в своем мировоззрении, в своей культуре» [1, с. 105]. В связи с этим особенно важно изучение духовного наследия старообрядцев как хранителей русской традиционной культуры. Важность подобных исследований определяет и тот факт, что под влиянием современной жизни, включенности старообрядцев в общую жизнь крестьянского социума многие компоненты такой культуры стремительно разрушаются. И задача исследователя – успеть зафиксировать то, «что бытует в их жизни, в их хозяйственном быту, традиционно-бытовых устоях, религиозно-правовых нормах и правилах» [1, с. 106] и, конечно же, в языке и фольклоре. Как отмечает Т.Б.Юсупова, «староверы лучше, чем другие группы русского крестьянства, сохраняют не только свою веру, обрядность, обычаи, но и язык... Воздействие литературного языка на диалекты старообрядцев не столь велико, как это наблюдается у других русских крестьян. Многие языковые особенности, утраченные другими русскими диалектами, сохраняются в языке старообрядцев. Поэтому исследование диалектов русских старообрядцев имеет большую научную ценность» [2, с. 9-10].

С другой стороны, изучение лингвистических особенностей конкретного человека позволяет выделить групповые признаки, характеризующие данную языковую личность как представителя определенной социальной группы, и собственно индивидуальные признаки, отличающие речь исследуемого информанта.

Перед нами не стоит задача представить языковую личность амурского старообрядца во всем многообразии ее проявлений по причине ограниченного объема записей и недолгого наблюдения над речевым поведением информанта в разных ситуациях общения. Имеющиеся тексты не позволяют построить функциональную модель языковой личности, однако с их помощью можно создать речевые портреты говорящих.

Представленные в альманахе тексты – это расшифрованные аудиозаписи речи старообрядцев-семейских Амурской области. При отборе материала учитывались многие факторы:

особенности личности говорящего (контактность, доброжелательность, открытость, умение увлекательно рассказывать);

содержание текстов (полнота охвата материала, глубина мысли, последовательность изложения);

отображение особенностей говора (индивидуальные и общие, характеризующие личность как представителя определенной социальной, территориальной и конфессиональной группы, диалектные черты).

Речь амурских семейских рассматривается неразрывно с историей русского старообрядчества на Дальнем Востоке, историей заселения Амурской области, местом и временем рождения, условиями жизни, принадлежностью к определенному толку старообрядчества.

Главное в представлении материала – показать наиболее существенные черты текста в целом, яркие особенности языковой личности. В комментарии дается описание общих фонетических, словообразовательных, грамматических и лексико-фразеологических особенностей речи информантов. К информантам старшего поколения принадлежит Ерофеева Фёкла Гурьяновна (1917 г.р.), среднего поколения – Борисова Неонилла Максимовна (1931 г.р.), Свинкин Федор Исаакович (1930 г.р.), Свинкина Улиана Ивановна (1936 г.р.).

При лингвистическом комментировании мы опирались на методику, представленную в книге «Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие» [3, с. 6-15].

Наши собеседники – это селяне, жители Архаринского (с. Грибовка) и Свободненского (с. Заган) районов Амурской области. Все они уроженцы Амурской области. Информанты примерно одного возраста: родились в 20-30-е гг. XX в., всю жизнь работали, не получили среднего образования, семейно состоялись, имеют детей, внуков.

Ерофеева Фёкла Гурьяновна родилась и проживает в с. Заган Свободненского района. Мать приехала из Забайкалья (с. Новый Заган Тарбагатайской волости) в 1914 г., отец переселился из Белоруссии в 1909 г. Фёкла Гурьяновна – очень религиозный человек, знает множество старинных православных обрядов, легенд. Рассказы Фёклы Гурьяновны на религиозные темы во многом имеют личную интерпретацию и отражают наивное крестьянское мировоззрение в понимании и трактовке библейского текста. Лучше других информантов она помнит обычаи и традиции своих предков. Ее речь в большей степени, чем у других односельчан и единоверцев, отражает диалектные особенности традиционного говора с. Заган.

Свинкин Федор (Устин) Иванович (Исаакович) также родился и всю жизнь прожил в с. Заган Свободненского района. Мать и отец – уроженцы Амурской области, дед приехал из Забайкалья, бабушка родилась в Амурской области. Федор Иванович – отличный охотник, рыбак, пчеловод. Весь инвентарь его домашнего хозяйства находится в идеальном порядке. Инструменты (тисла, пазники, пилы, топоры), рыболовные снасти (мордуши, бредни, переметы, сети), конская упряжь (хомуты, вожжи) сохранились со времен его отца и деда. Федор Иванович знает множество охотничьих рассказов, увлекательно повествует о хозяйственных обычаях прошлого: как правильно запрячь лошадь, засеять поле, ухаживать за пчелами, построить дом. В его памяти сохранились воспоминания о старинных семейских праздниках и обрядах: похоронном, свадебном, обряде крещения и др.

Свинкина Октябрина (Улиана) Ивановна, как и ее муж Федор Иванович, родилась и проживает в с. Заган. Мать – из старообрядческого с. Бичура Свободненского района, отец родился в с. Заган, бабушка и дед приехали в Амурскую область из Забайкалья. Октябрина Ивановна – отличная хозяйка и умелая рассказчица. Интересны ее воспоминания о крестьянских обычаях и особенностях ведения хозяйства старообрядцами-семейскими. Речь Октябрины Ивановны в большей степени, чем речь ее мужа, сохранила диалектные особенности, в меньшей степени была подвержена влиянию литературного языка. Октябрина Ивановна увлекательно рассказывает о народной педагогике: как раньше воспитывали детей, каковы были отношения между младшим и старшим поколениями семейских, что считалось грехом и др.

Борисова Нина (Неонилла) Максимовна родилась в д. Татакан Архаринского района Амурской области. В с. Грибовка Архаринского района проживает уже более 40 лет. Родители приехали на Дальний Восток из Белоруссии, из Могилевской губернии. В отличие от других информантов Нина Максимовна имеет семь классов образования. Работала на железной дороге, в колхозе, в заготконторе, была начальником участка, продавцом, кассиром, бухгалтером гаража. Сейчас на пенсии. Приняла старообрядчество в связи замужеством и полностью ассимилировалась со старообрядческой средой, приняла старообрядчество всей душой, соблюдает обычаи и правила веры, о чем и повествует в своих рассказах.

Отметим, что речь Борисовой Н.М. во многом сформировалась под воздействием говоров старообрядцев, так как она рано вышла замуж. Специфика речи информантки обусловлена семейной традицией, воспитанием и включенностью в сельскохозяйственное производство.

Таким образом, анализируя особенности речи наших информантов, можем сказать, что в целом она демонстрирует однородность говоров семейских-старообрядцев Амурской области, обусловленную их формированием на основе близких материнских диалектных систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Болонев Ф.Ф. Старообрядцы Забайкалья в XVIII – XX вв. М.: ИПЦ «ДИК», 2004.
2. Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005.
3. Русские народные говоры. Звучащая хрестоматия. Южнорусское наречие / под ред. Р.Ф. Касаткиной. М.: Наука, 1999.
- 4.

ТЕКСТЫ

Ерофеева Фёкла Гурьяновна, 1917 г.р.

Амурская обл., Свободненский р-он, с. Заган.

Записали Н.Г.Архипова, Д.Н.Галимова, 2004 г.

Обработала Н.Г.Архипова, 2005 г.

Комментарии Н.Г.Архиповой

1. Вера

«Нёбо открылось, и прям печатные буквы на нёбе»

– *А какие обычаи были, когда родился ребёнок?*

– Ну что, крестили.... А крестили какие-то уставшишки. У нас попоў уже не было. Попоў э-э сказали уже, они неправильные...

– *А в чём крестили, в купели или в бочке?*

– Я не видела. Моих свякроўка в рэчку носила, я... мне сон приснился. Мене муж-от тоже пьяница был. Мене сон приснился. Нёбо открылось, и на... прям печатные буквы на нёбе: пьяницам будет горе. Так что-о он в тот год и убился. Ну, я-а это, у мене сын был. Ну, второй год уже был. Я кричу ему: «Твой свет у калитки». А у мене Ванька некрэщонный. Свекроўка взяла его, понесла и покрестила. На рэчке. А мене она и не брала, у меня вера другой.

– *А вы какой веры?*

– Ну, я беспоповска какая-то, а оне какие-то поморцы. Вот она... У мене дети поморцы. Нырки-и какие-то есть. А они такие же всегда вот так покрэстють, да и...

А-а моя свякроўка ўговорила, ко(г)да гонение было, вы-то ж не читали книги... Ко(г)да гонение было. Ну, и сжигали людей за веру. Оне пошли в огонь, а оне пошли в эту веру. В никинянскую. А эти пошли-и вот... в поморскую, пошли прям в огонь, все погорэли. А-а Моисей, старичок, вывел из моря этот войск, к морю, вот это, в нёбо крикнул: «Как я через море?» А ему Бох ответил, что «прэкрэсти крёсным знаменем этот, море». Он с костылём был. Он пэрэкрестил, и мост сооростроился. Вот оне через этый мост перевели поморцев. А которые и вот э-э называются эти, фараоны какие-то, оне все утонули. Оне неправедные. Ну вот, беспопоўцы тоже н-не праведные.

– *А почему вас называли беспоповцы, а их вот поморцы?*

– Ну, так крэщэнье такое. Поморцы оне крестились, вот оне, которые поморы, и значит оне перэдавались. Мене если б крестила поморка, значит, я б поморка была. Вот у мене свякроўка поморка была, моих детей покрестила, оне поморцы. А я беспоповцы. Ну, просто оне нырки как-то назывались, не знаю. Тоже с Забайкала ж они все. А почему-то вера разная.

– *А самая суровая вера была у кого?*

– Вот это поморцы и ес(т)ь. Оне не веруют, дети мои, поморцы. Уже свякроўка, у неё ко(г)да муж убился, она четырёхста рублей на церкоў послала, тада ишло деньги дорогие были, она четырёхста рублей в Москву послала. С знакомым, со всем списалась, как он вёл свою жись, то что он Богу веровал, а-а пить пил. Ну, и оттуда прышло, что советую молиться. И она пошла, четырёхста рублей там, сорок дней и сорок ночей молилась. Сорокоуст.

Здесь у нас все семейские были, а шшас это... там новосё-олы. И Бирма она все семейские были. Желтоярово. А шшас там мало, их всех раскулачили.

– *А говорили, что семейские даже воды не дадут попить.*

– Раньше не давали?! Оне давали, тока с другой этой посуды. Грех, говорит. Ну, оне давали, тока мирская, мирская была посуда, а так грех... Ну-у, здесь неверушшие были. Не то что оне там... а не одной веры даже нельзя было. (В)от не одной веры.

У нас тут одна сбесилася, она нырок была. Нырок можа? Муж – нырок, она – не знаю, какая-то. Беспоповцы или какая-то. Ну-у, сначала разрешили жениться, а потом мать прышла, раньше кобы-ыл давали, прыданое. Коро-ов. Она кобылу схватила и Стёпочку, это девушку, которая замуж вышла, забрала, и она сбесилась. Ну. Она крычала, крычала, что развела её мать. Надо было сразу не разрешать жениться. Могла бы, разрешила жениться, а потом взяла да её забрала.

– *Ребятишек молиться не заставляли?*

– У нас мама начала учить, начали, это, молитвы учить, и вот тут стало гоненье. К нам милиционер прышёл. Невестка порвала все эти ико-оны, все. Ну, и сказал милиционер: «Бабушка, молись, токо ў кухне». Ну, так семейские-то вместе, а вера вся разная... Это, у моего мужа дядя такой, был маленько того, частушку сочинил:

У нас в Бирме четыре веры:
Есть поморцы и нырки,
Самокрэсты, беспоповцы,
Не ходите к нам на сепаратор –
У вас поганы котелки.

Вот он чудил, этот. Онурочка его звали. Говорит, я пойду на кладбище и гармонью заиграю. Сел на могилку, заиграл гармонь, а нёбо открылось. Он оттуда и ползком полóз и гармонь бросил там. И ползком, говор(и)т: «О-ой! Бох есть!» А один у нас... шёл с охоты, собрал крэсты, ну, погрэться. Ну, таки старые крэсты. На кладбишше. Костёр ражжох, а яму волки показались. Его прыпадок так и бил, и бил, и бил, он как связался весь, его прыпадок взял, так он и помер.

Говорят, что самые строгие грэхи – колдовать, жену с мужем разлучить и-и в утробе дитя загубить. Ну, абортс делать. Тры грэха непростимых.

Вот Таня, внучка моя, она кончила одиннадцать классов, учится. Опять уж забыла, на кого. А было трудно. Этот у её отец нерóдный. С первым мать разошлась. Она некрэшшоная, я ругаюся, говорю, ты, шшас, как говорят, после крэшшэния ангел сохраняеть. Уже до само(й) смерти. Я её говорю, она: «Ну, кто меня покрэстит!» Она и не против. Она, мать сама боится. Она Алёшку перед смертью ж покрэстила. Так, с кружки. Ну, полила, молитву прочитала. Она молитву-то знает, а боится. А я говорю, может, там и-и такие... надо, у нас крэст так, а которые шшэпотники, они так, это уже неправильно. Она не против, а некому крэстит. У нас тут никто не крэстит.

2. Сердитая Богородица **«Буду теперь Богу веровать»**

– Мне восемьдесят восемь лет.

– *Вы здешняя?*

– Не, не, из Забайкала. В четырнадцатом прыехали. Там-м сильно стеснение было.

– *А семьёй ехали сюда? Или родом?*

– Как семейские. Ну, он, батя, один, у него братьев не было, он один прыехал. Прыежжали все родственники. Тут вся-а деревня у нас с Забайкала.

А у нас церкви не было. У нас тут ра(зорили), ко(г)да в трыцать восьмом году всё же разорыли. Там было у нас просто не церква, а так, домок. Собирались. Крэст(ились). А и тут... Начали тут... Была не церква, так просто мы собирались. Ну, так, молились. Дом. Сейчас у нас нету церкви, у нас ни руководителя нет, никого.

– *А вот говорят, какой-то праздник, Сердитая Богородица, знаете такой?*

– А вот девятого. Я забыла, как-то ўоворыли, называют... она, на Богородицу у нас раз это... Тут пастух пас, а тут бабка говорыла: «Она стирается!» Ну, и стираться нельзя в праздник. Вот в воскресе-енье нельзя стираться. Она стала стираться. А бабушка у нас боуомольная, как все рядом. «Чё ж ты, сучка, стираешься?» Она: «А я Богу не верую». Её сына убило громом. Уже десять классов кончил, с нами по ягоды ходил. Костя. Значит. Ну, он побежал по прóводам, мóлоньё. Так она: «О-ой! Буду теперь Богу веровать!» Вот она сердитая и ес(т)ь. Ну, ещё... на ие нельзя работать. Ну, такое мо-ожно, вот, поло-оть вроде. Ну, стряпать каждый день можно.

Свякруха была, богомольная она была, оне раньше постовали. Мать. А-а дети же просят. А до трёх лет токо это... на пост. Можно на пост. Ну, вроде маленький. А-а с трёх лет уже раньше пост.

– *А самые главные праздники какие считались? Вот по вашей вере?*

– Ну, какие? Па-аска, Врожаство, Никола. Николай, он двадцать второго мая. Ну, раньше он, Никола, он как-то не красный. Просто. А красные праздники... Пасха, Рожаство, Крэшшэньне. Вот тут шшас вот скоро Петров день будет тоже. Вот двенадцатого (июля). Петро и Павло, оне-э с Боуом чё-то связаны.

3. Как хоронили старообрядцы

«Я уже советская»

– *Расскажите, как хоронят, ведь хоронят как-то по-особому, рубаху шьют? Это ведь всё вручную...*

– Раньше вручную, а шшас вон... Ну, раньше мама рубаху ишила. Такую же, как раньше. Длинную. И сарафан оне ишили. Такие же борчатые тут, тоже на смерть шили сарафан. Они от груди тут борчатые, тут потом, тут лямки. А тут всё, о-ой, там борки такие, я ишила...

Лёстовки раньше клали. Раньше по лестовкам молились. Ну, там такие вот эти, палочки. У мамы была лестовка. Я уже советская. Ну, иконку кладут так. Крэст на груди одёют. Раньше этот, саван, шили, назывался. Он тут прышивается, как этот... Как капюшон. Ну, раньше такой обычай было. А щас саван не деют.

4. Одежда

«Оне носили сарафа-аны ранешние, а мы теперь, видишь, какие»

– *А вы мать свою хорошо помните? В чем она ходила, что носила?*

– Оне носили сарафа-аны ранешние, тут с борками, а мы теперь, видишь, как. Сарафан, ещё руба-аху носили. Магазиновую. Самотканную у нас не ткали, у нас же тут белорусы. Она за белорусом была. Потом пояс, да. П(о)том ишшо у нас запона-а носили. Ну, фартуки называется. А раньше же-э это, не покупали ничего. Всё дома ишили. Это ранешние чички какие-то носили. Оне как-то твёрдо делались и такие. Вот шашмур ишшо носили, ну, вот вместо-о (в)от платка оне шашмур носили. Потом ишшо наверх платки-и. А мама носила... У их какие-то были халаты. Мама привозила, камфельный халат был, из Забайкала. Ну, просто камфель называется. Шёлк такой, ткань. Вот она-а и-и... рожает, они в нём... Вот оне запахывали в этие самые. Раньше же не было ни одной пеленоньки. Ну-у, ребёнка, она вот куда идёт, ребёнка заворачивает. Халаты такие больши-ие. Мы ишшо... я кофту ишила с этого халата. Такой крэпкий, мама уже сколько их сняла. И это, кофту ишила. Он просто, не подпоясан. Просто он.

– *Это беременная носит?*

– Небеременная. Когда-а вот уже рожает, то в этом. Значить. Ну, ребёнка куда идти-и вот. Поверх сарафана. Халат называли.

Свинкин Федор (Устин) Иванович (Исаакович) 1930 г.р.

Свинкина Октябрина (Улиана) Ивановна 1936 г.р.

Амурская обл., Свободненский р-он, с. Заган.

Записали Н.Г.Архипова, Д.Н.Галимова, С.Гордеева, 2004 г.

Обработала Н.Г.Архипова, 2005 г.

Комментарии Н.Г.Архиповой

1. Семейские

«У нас, у семейских, свое наречие осталось»

Ф.И. Вот мы к семейским относимся. Ну, тут одних называли нырками и других семейскими.

О.И. Ве-ера, вера разная, как называли.

Ф.И. Ну, кака-то у них вера своя.

О.И. Ну, вера разная как, оне по-своему молились. Молились. Называли: это нырки, это семейские.

Ф.И. Там дело, дело ў моли-итве.

О.И. Да вот не земные они били поклонны, у них своя вера, у других своя, вот. Вот половина деревни. Женился там один дядька на моей тетке, и ў свою же веру они принимали.

Ф.И. Была-а деревня, такие ворота, вот два столба и перекладина, и деревня делилась на две половины, вот здесь вот.

Ф.И. Ну, там где-то она, щас нету уже там, видишь, давно убра-ато все, понял. Щас нету здесь. Вот тогда и были, там нырки жили, здесь семейские.

О.И. А вот посеред деревни, вот там были ворота такие. Да, ворота прямо были.

Ф.И. Было два кладбища.

О.И. Да, и было два кладбища.

Ф.И. Там уже ничё не найдёшь, там ни крестов, ничё нету. Дело то, что деревянные крестики ста-авили, ну, с годами оно, дерево, гниет. Гнило, упало и так все. Люди те отмерли, их нет.

О.И. Обыкновенные были люди нырки, но только...

Ф.И. Как говорится, свои какие-то обычаи держали и все, а так...

О.И. Го-ордость была вроде как-то.

Ф.И. А такие же, так же работали, так же поля-а, скажем, у моего отца. Вон там за Зеей, вон они ездили, есть деревня, Бичура называют. Там живут люди. Вот там порядок, наверно, и по сей день вот. Там чужого не запустят.

О.И. Это Мозаноўского района.

Ф.И. Вот ў деревню заезжаешь, у их человек стоит: «Чё заехал, зачем заехал? – сразу – К кому-у?» Ну, едут к председа-ателю колхоза, ли к какому-то агроному, ли к кому там. Ну, тогда заезжай. Шлагбаум открывают, пускают.

О.И. Это на ту сто-орону, там Бирма-а.

Ф.И. Она на той стороне, ну, по красноярской трассе. Вот ў Бирме больше семейских живет. А там как называли? Бичурские, они тоже все с Забайкалья. Ну-у, их как-то называли – бичур. Принадлежат к семейским тоже.

– А вот из Забайкалья почему уходили?

Ф.И. Уходили? Ну-у, народу было много, зёмли не хватало. Тогда же шел народ с Украины, с Белоруссии. Вон какую даль на лошадях ехали. И сюда, тут же земля пустая была. Да, тут никого не было, звери одни жили, а потом люди. Корчева-али. Ну вот приехали на лошаде оне, вот как наш отец рассказывал. Вот речка Ши-илка, Аргунь. Шилка. Вон оне от-туда спускались по Шилке плотами. Делают плоты.

О.И. Конечно, так, наверно.

Ф.И. Да. И до Благовещенска или до Ново... этой-э-э... До Нововоскресе-енювка. Вот там. А потом оне уже выходили на берех и суда разъезжались, где кто нашел себе, облюбовали место.

О.И. А белорусы, украинцы вот Черниговка, там оне селились.

Ф.И. Не-е, здесь не было, только забайкальцы, только оне. Не то что вражда, вражды не было такой. Оне, оне, так говорится, люди, ну с-с своим наречием, свой язык, свои понятия. Хоть у белорусов, хоть у-у...

– А отличался язык?

Ф.И. Ну, коне-ечно, он и по сей день отличается. Вот мы ездили, ну у нас, брат у мене жил у Черниговке, щас не знаю, може уехали. Жена у его черниговская, и она-а-м, как бы сказать, отец Будник, это-о ... Да, Будник, а мать, м-м, как говорится, к хохлам не принадлежала. Ну, вот оне, отец вроде как украинец или белорус, не знаю, а мать была русская, чисто русская, все. Ну, и-и как-то находили способ разговора. Ну, дома сидящие бабки или женщины, може, по-своему, мужики – по-своему. А когда общались с общим народом, ну, с семейскими, с русскими, со всеми, дак оне учились, говорили. Ну, наречие осталось – оно по жизни. Да. У нас, у семейских, свое наречие осталось. Да, отца мы называли «тятя».

О.И. Тя-атя, батя.

– А кто говорил «паря»?

Ф.И. Вот и семейские говорят.

О.И. Паря.

– Тогда чем семейские от гуранов отличаются?

Ф.И. Да и гураны есть. Ну-у, это тоже одно и то же. Ну, чё-то какой-то э-э, я вот не могу вам это объяснить. Да-а, это или про-озвище дадено такое или чё-то такое, а такие были. Такие же были. У нас вот дедушка жил вот в этом доме старенький. Бабушка местная была, а дедушка был оттуда, с это, с гуранов. Он был пожилой, он тоже мне все расска-азывал про это. Это, г(ово)рит, паря, просто мы дали кличку.

О.И. Это «паря» слово такое, вроде как бы связка для слов или как э...

Ф.И. Не слово...

О.И. Ну, да это вроде ласковое слово. «О, паря, пойте-ом ко мне ў гости».

Ф.И. Вот я много встреча-ал людей, мужчин встречал, вот так вот на пути. Где-то раз встретил одного с Читы, он мене ста-арше много, а он, это, садился ў вагон и гляжу, он заходит. Я на его вот так глянул, какое-то притяжение даже есть. На ём одежда такая точно, как у нас одеются. А это дело было зимой. Вот такие унтики, сшитые с дикого животного, оне красивые. И такой wertкий, ловкий такой мужичок, такой ростик невысокий, такой. Ну, зашел, идет, идет. Я г(ово)рю: «Ну, садись сюда». «А ты чё, паря, один сидишь?» И такие узкоглазые оне-е – пучеглазых нет. Это-о больших нет глаз, такие узкоглазые. Я засмеялся, г(ово)рю: «Ну, паря, паря, откуда же такой, паря?». «Да, паря, я вот приехал к дочке. Сумку узнаешь? Она учится тут вот, ў железнодорожном техникуме или институте, вот надо кормить, знаешь... тыры-пыры». Такой разговорчивый. Вот приехал, привез, это, провизию.

О.И. Вы посмотрели? А мы ра-азные с им. Оне гураны, а мы семе-эйские. Ну-у, а он гуран.

Ф.И. Не, это семейские, это просто про-озвище такое. Семейские да и все, тута все семейские.

О.И. Моя мать, вот она с Бирмы была, на эту сторону Зеи, а отец мой тут был. Отец поехал, как увчера говорила, укра-али ее оттудова, убегом убежала она.

Ф.И. Тут сколько? Фамилии Перелыгины, Гузиковы, Андреевы, Сластины – вот у нас это все семейские. Коренные. Фё-одоровы. Ну, пожилые люди соблюдали, конечно, веру, а рабочие-то парни, там мужики – нет.

– А у нырков и у семейских две церкви были?

О.И. По-моему, две. Две.

Ф.И. Однако, две.

О.И. Конечно. Они по-своему молилися-а. У их своя церква, по-своему крестили.

Ф.И. Две, правильно. Это еще мать, помню, рассказывала, ну как бы сказать, с ихней стороны свой поп, а с другой – свой поп. И вот когда покойника поминают, дак один говорил: «Вот по три ложечки покушайте и вставайте, хватит сидеть». А тот: «Сиди, сколь хочешь. Хоть день сиди». А вот это бабки, женщины любили этого, который давал долго сидеть, потому что талдычат там, за столом. А тот ходит и говорит: «Ну, чё долго поминать, поминайте по три ложечки, раз-два и полетели». Это-о, вобщем-то, нырков. Ну, такой строгий был человек. Сам поп был строгий. Вот он, он вообще-то правильно делал. А щас же так, как сели-сели, так щас.

О.И. Щас не поминки, а гулянки.

Ф.И. Раньше у них вот спиртное не давали.

О.И. Конечно, нельзя было. Едой помина-али, а водкой нельзя – грех.

Ф.И. Ну как, варили все, готовили. У нас, вот я сколько помню, кутью вы знаете? Вы вот рис везде использовали, а у нас – строго пшеницу. Просто с изюмом, с медом, с сахаром, у кого меду нету – с сахаром. Пшеничная, да. Изюм, мед. Ну, нет, меда нет, с сахаром.

О.И. И у нас это-о ее называют «кутья», и там ее «кутья». Дак, ее как дети, примерно, раньше маленькие дети много же было, и они ее подчистую, всю ее скушают. Она вкусная.

2. Домашнее хозяйство «Пирог он и есть пирог»

О.И. Вот раньше, это, ў этой печке картошку начистить, сварить ее, ў сковороду ее и ў печку. Она вареная, крутая поджарится там. Ну, сметану-то, в сметане. Лепешки, как помню, бабушка Ната пекла. Хлеб пекеть, лепешки и ў печке на сковороде. Это ухватывы были и-и эти сковородники. И вот сковороду там пекли. Ола-душки пекли, вот это блины-ы пекли. Все печеное, много печеного было.

Ф.И. Да, всё пекли. С магазина-то ничё не бралось, абсолютно, всё своё. Моло-оли ездили вот. В деревне Красноярово были? Там не были? Были? Вот там была больша-ая мельница, и вот вся деревня и везли зимой основно(е), летом возили. Но редко был случай, а зимой на лошадях возили, вот. Я са-ам неоднократно был. И грузят повозки, едут туда, там мелят, а потом домой.

О.И. Мука хоро-о-шая была, хлеба такие булки, такие больши-ие, здоровые. Такая печка была, вот такие булки на хлеб прямо. Подметуть, так вот здесь подметуть, подметуть этот под, печка стопится. И вот была такая лопата деревянная. И вот так вот на лопатку булку туды вот так, с чашки туды. Помню, у нас двенадцать булок вот таких вот оттуда мать выташит, дак, ой! Такая вкуснота.

Ф.И. И такие ларя-а были, муку засыпали туда, и она-а, хранили, годами хранили хлеб. Хорошая пшеница – хороший хлеб. Такая вот булка высотой .

О.И. Вку-усный прямо. Вот, я помню, ў детстве отрезаешь краюшечку, молока-а кружку...

Ф.И. Вот это был хлеб ўкусный. И если щас борщ варят, а раньше щи. Вот ў чугуна все закладывает мать и ў печку туда. Всё сразу ложилось. Щас всё по отдельности толкают, верно? А часть там раньше, все ў кучу. Вытащат, оттуда такой за-апах приятный. Вот это были щи дак щи были. Понял? А щас таких никто не варит.

О.И. Знаете, как ўкусно было, ко(г)да ў печке все это сложите? М-м-м, ўкусно. О-очень были ўкусные.

Ф.И. Вот щас по этой газете стготовит, и-и не такое, не так. Раньше и пирог спекут, оттуда вытощут его, порежут...

О.И. И за-апах.

Ф.И. Даже ты-ыкву вот, осенью тыкву подбирают такую и-и туда ў печку ее. Вот она посидит там сколь часоў, потом вытаскиваем, раз и едим, ложками скребем в детстве. Сядем за стол, и наелися все. Ну, молоко есть молоко, нет – ча-аю попьем. Хлеба не было тогда. Кукуруза да вот это вот. Это после войны. Сейчас вроде таких тыкў-то сладких нету. Да вот как щи были, самые ўкусные – это из той печки. А-а то на костре, и то будет ўкусней, чем на газе или там на электрической печке готовят, не то. А вот ў печку да ў чугуна, ў чугуна было вот это. Щас и чугуна, чугуна не найдёшь нигде, нету нигде.

О.И. Вот это чегуны были. Кукурузу садили, ну, кушать-то пока нечего было. Вот только борщ там, щи эти все были. Накладеть наша мать ў чегуны. Чегуны большие были, печка большая. Оттуда ее вытащить, эту, кукурузу. Она как белая вся, распарится. Ее ешь, она мягкая, ўкусная, вот. На ўторое это было блюдо, на ўторое, ўкусно , ў печке ўсе это там очень ўкусно было.

Мя-со туда и, я г(ово)рю, капусту, картошку – все сразу закладывают. А вот пирог большой с тех пор делаю. Рыбы соленой отмочу, ее вымочу, картошечки то-оненько нарежу, как это соломкой, лу-ку очень много, ўсе ў масле перемешаю вот так это, скалкой раскатаю, с этой стороны закрыва-аю. Ну, пекется он, час пеку. Оттуда как наши горожане все придуть, такой здоровенный, только пусть проверюют. Пирог он и есть пирог. Вон даже это щас на поминки всякие салаты делают, а раньше салаты не делали. Мать поминали, а только это вот порогами. Пирог, пирожки пекли, вот ола-адушки пекли, блины всё пекли, вот это вот сгибни я вам как показывала, лепешку заворачивали – ўсе на поминках было.

– А вам не рассказывали мама, бабушка, посуда, которая использовалась для гостей и которой пользовались члены семьи, не разделялась?

О.И. У нас тут не было чужих. Вот ў нашей деревне не было, все было заодно, а вот Желтоярово было рядом. Там, говорят, было это. Гостям отдельно была посуда, семье отдельно. А там раньше какая посуда была? Алюминиевые всё потом ложки были, деревянные, ложки деревянные были. И это-о, ну, а так все было. Какая там посуда, я не то... чегуночки-то были, ну, тазы были, ча-ашки были общие. Вот, помню, и ну, а мать говорила, это вот такие чашки (показывает), еще бо-ольше были. Вот налива-али примерно столько, вот не наливали же по каждому, по отдельности. Общую ее ставили на стол, вот ложкой ты тянешься. Ну, и-и наеда-ались, наверно, было подливали, вот было.

– А как раньше убирали в доме?

О.И. Все время веники были. Раньше полы-то крашеные не были, мыли так. Вот вечеринки были. А на вечеринки-и соседи друг к другу ходили. Вот придуть: у каждого карманы семечек, понашшэлка-ають. Не шшэлкали ни на стол, ни ў горсть – на-а пол все. Ну, вот чё ў горсть – шшэлкай на пол.

Вот утром ўтаешь. А семья большая, богатая там, все. Это и раньше так было. Посуду моють дети, и был обязательно веник. Веник ломали-и, вязаного их там не-е было, их не вязали. А вот этот бурьян ломали, заготовливали. Вы знаете, что такое бурьян? Растеть, он дикий, по межам обычно на поле растёт. Ну, ломали, нагота-авливали их, повя-а-зывали на зиму. Вот ў ведро кипятком его зава-ариваешь и утром, вот каждое утро, подметаешь. Каждое утро. Пол был некрашенный, а такой. Вот как, каждый день не мыли, ў неделю раз и ў субботу. Наливают, было ў ведре не вымоешь. Вот такая была лоханка, такая, называли лоханка ее, не ведро, а то что большая такая лоханка. Налива-ають полную воду, и воды горячей. Пол же там, попробуй-ка вон, мыли они не шваброй, а рука-ами. Голик делали, шоркали голиком, песку-у сыпали. Ну, голик вот я даже покажу. Как веник, только палки, мелкие палки. Вот как веник. Как метла, правильно, как метла, только, это-о, вот этой метлой и-и шоркали. И до обеда его, этот пол, мыли, до обеда. Как метла. Так же он, ну-у, посередке его перевяжешь, ну, делают два раза, с того края, с этого перевяжешь. Ну, по-ол как, э-э, ну, чистый был, всё время чистый. На полу же спали. Как он будет грязный? Матрас стелили на пол, и одеяло-о и подушки были, раньше же куре-ей и уток держали. Дикие были. Вот как дед мой дак э-э по десять, по двенадцать, э-э, убивал уток. Подушки были новые, хорошие подушки были.

– А где хранили еду?

О.И. Ў погребах. Погреб у нас, свой погреб вот есть. Погреб, глубокий по-греб. Возили туда лед. Ну, мясо, вот как мама моя рассказывала, они его вя-алили. Вот как вялили? Щас, говорить, коптят, а раньше-э на солнце как-то. Я г(ово)рю: «Ну как ты на солнце? Раньше тоже мухи были, это как их черви были». Она г(ово)рит: «Нет, успева-али». В общем, говорит: «Бьёт дед там сохатого, и там, и там же его обрезаеть, обрабатаеть, и вялили. На чё-то его начиняли, видать, на про-волоку, подвляить и ў рюкзак, такой был рюкзак, и г(ово)рит: «Принесёть все мясо». Был очень вкусный. А так молоко-о плохое, смета-ана. Мама говорила, у них са-ала много было. Э-э, погреб был большой. Большой, г(ово)рит, погреб углубокий был. И там все хранили. Продукты были. Мука была-а, в общем, мясо, говорит, было – всё у них было. И вот это, вот по две, по три коровы держали, сметана, это, тво-орог – всё у них было.

– А какие грибы росли, ягоды?

О.И. А вот, это гру-узди. М-м, вот как наша мама рассказывала. Это мы щас по-своему делали э-это уже, при матери по-своему. Собирали гру-узди, вот это, оба-абки, а потом-м, как еще называли у нас там, отец все время собирал, мы ее раньше бечурикой называли. Бечурика. А-а вот где на полях навоз, там они около навоза росли. Белые, они хорошие грибы. А мама рассказывала, как раньше, г(ово)рит, дед запрягаеть лошадь, садится, берет с собой бо-очку, там, г(ово)рит, собираеть и сразу солить. Не выма-ачивали, г(ово)рит, ничё. И хорошие грибы были. Но я ей не верила, г(ово)рю, каки это грибы не выма-ачивали, три дня выма-ачиваем, а да это, ну, щас это, конечно, по-разному, а раньше, г(о)в(о)рит, э-э, сохраняли. Бочку целую, г(ово)рит, привезёть наложенную грибов.

– А что выращивали на полях?

О.И. А на полях оне, оне только около дома оне садили, картошки оне ма-ало садили. Она говорит: «У нас постоянно было мя-асо варили». У нас, г(ово)рит, такого не было, шоб мы карто-ошку ели какую ли. Ну, г(ово)рит, кулёв пя-ать, десять, у нас, г(ово)рит, больше не было её. Овёс сеяли, пшеницу больше сеяли, сою не знаю, сеяли не сеяли. Ячмень, она говорила, сеяли.

– *А хлеб пекли пшеничный?*

О.И. Пшени-ичный, пшено. Для скота, може, где ржаной, и то не знаю, пшеничный был, все время пшеничный. Тогда раньше своя-а мельница была, вот тут вот на бугру-у была своя мельница. Зимой и летом иной раз, вон когда, это, не хватало у людей муки, вот уже тут говоришь бригадиру или председателю, мол, нету муки, надо как-то мельницу пускать, надо муки, вот собирается народ вот, пускають мельницу, намелють опять.

Копали колодцы. Ё́ каждом дворе, где мы жили, там жили три брата, и правильно делали вот колодец рядом, или вон куда идти. И у каждого брата был свой колодец, у каждого брата ё́ огороде, и там также рядом вот у дома у всех были колодцы. Тоже садили, поливали же, попробуй потаскай-ка его, и-и, это, скота поили. Вон через дорогу-у почему-то колодец зимой замерзал, вот они полные к нам гоняли коровы, две штуки, два подростка, сама идет с ведрами, и скот за ней идти там напоить. Это там корыто было, там прямо у колодцу. Руками крутили.

– *Раньше ведь заготавливали дрова?*

О.И. А дрова-а, дрова у каждого во дворе были как, примерно, у нас. Ё́ сопках дерево какое-нибудь... смоля-анки называли, смолянки, такой был, а-а, сосновый, смолянистый – специально спилють, распилють на поле-енья, поленья наготовють. А тоже накидають где-нибудь отдельно. И-и полено такое здоровое на печку положить, вот этими ножиком стругали лучинок, лучи-инками растапливали, и щас мы делаем так, а то эти смолянки были. Тако, такое сосновое дерево, да такие были, сосна смолянистая. А дрова пилили рука-ами, пила такая. Ну-у, напиливали, неделю попилють и на зиму напиливали, поленицу ложили, кто как.

3. Праздники

«Не дай бох она пьяная будет, дак тут ее старики заколотють»

О.И. Все праздновали, божественные только, ё́се праздновали, ё́ выходной и строго ни и ничё не делали. Выходной есть выходной.

Ф.И. Считаю, все старинные отмечались. Не работали никто там, гори огнем, вот никто. В субботу там до обеда, так там баню топят, моются, а ё́ воскресенье отдыхают.

О.И. Ну-у, это-о было-о, это как, когда жили, потом, когда колхоз-то организовали, тогда-то и выходных-то не знали. Фе-ермы были, а на фермах какой выходной?

Ф.И. Ну, это когда, ну, тогда только, да. Никаких выходных не было. Это мы уже работали, взрослые стали, м-м, женщины на фермах работали вот, а молодежь, парни там, мужчины, это на технике работали. Сеяли, сено косили, а потом уборка начиналась, и шли, кто на комбайн, кто на трактор, кто на лошадях работает, кто на чём. А зимой друга работа была. Чё-чё, готовили сено, потом его-о на ферму возили, были и лошади, много лошадей было, и скота держали. Чё там дрова-а возили, всё на лошадях, тракторов не использовали, это потом уже.

О.И. Зимо-ой. Всю зиму на лошадях сено возили на ферму. Вот это оне праздники – это Рождество-о, Креще-ение, Па-асху, Тро-оицу.

Ф.И. Ну-у, праздников много, вот скоро будет Иван Купала, да? И-и еще получалось тогда, мы в работе были. Вот купа-ались, облива-ались, там бегали, и детвора здесь по деревне каждого встречает, обливает. Хочешь не хочешь, а тебе обольют. А если на работе... у нас тут покосы на той стороне Зеи. Вот как обед приходит, парни хватают дёвок и ё́ Зею сбрасывают. Просто так кидали, чтоб, ну, жа-арко, высохнет ничё, ничё. Зазорного ничё не было, скандалов не было, хохочут все, смеются, да и все. Ну, прошло. Домой едешь или идешь пешком, а тут тебя еще дома польют. У нас народ, народ у нас дружный, дружный

был народ здесь. Вот как тут стали суды переселенцы приезжать, и пошёл тут кавардак тогда. И жечь начали, и скандалы, и воровство и всё на свете.

О.И. И старого и малого всех обливали, не понимали. Они не выходили сами на улицу. Зависти никакой не-е было друг к другу, все жили одинаково, все жили дру-ужно. Молодёжи было мно-ого, о-очень было много молодёжи. Вот мы в деревне жили. Свои люди, у нас не понимали, молодежь, ну, быва-ало, не без этого... как подопьют и дра-ались, назавтра опять тут же берут бутылку, мири-ились, не было, друг другу шоб...

Ф.И. Ё милицию не сдавали никого никогда. Никогда не было такого. И дрались, и бились, и всё...

О.И. И это не было такого, не было такого, люди дру-ужно жили.

Ф.И. И милиция, был один милиционер на всю деревню, и он говорит : «Ё Загане там ничё не найдёшь, правды не узнаешь».

О.И. Друг за друга. Друг за друга все как бы-ы, а мало у каждого ё каждом до-оме было по пять, по шесть, э-э, детей, да по сем и по восем было, ёсяко было, и были ёсе дружно.

Ф.И. Ну, морда разбитая, били, а били не били, я упал. Всё. Не продавали друг друга, нет. Вечером и гармошку играли, и девчаты пе-есни пели. Вот на улице. Клуба не было никакого, ничё не было. Летом ходили, вон скамейка там у каждого. Пожилые садились на скамейку, вечером сидели, днём, когда у кого. А-а вечером, ночью, девчата там, парни и кричали, и пели, и плясали. Проход на Зею был. Ну, ребят много играло. На гармошках.

О.И. Клуба-то не было, по деревне ходили, ё лапту эту играли ё эту. У нас рядом Зея была, вон Зея вон рядом, и вот тут у нас был проулок, вот щас догородили его. И вот на Зею был проход, катера-а останавливались, это ну, ну и на гармошках у нас тут были хорошо играли, хорошо играли. Гармошки были, балалайки были, и гита-ары были. Вот на берег уйдем туды все летом, хорошо было.

– А вы не помните каких-нибудь песен? Можете сейчас спеть?

Ф.И. Доча, сбегай, бутылочку самогонки купи бабушке, она с тобой споет, сколько хочешь. Нельзя...

О.И. Ну-ну-ну, иди ты, ну-у, не надо на меня. Самогонка! Ой, раньше, черт его знает, это «Скакал казак через долину» помню, только слова помню, а так это я не помню-то песни, пели раньше. Потом «Закурил бы попиросоньку», это одни у нас женщины тоже пели. Собирались же, гуляли по праздникам, собирались, как говорится, сегодня в одне-ем доме погуляли, назавтра друго-ой хозяин к себе ведёт, и песни хорошо пели, хорошо людям. Так у нас ё деревне люди дру-ужные были, компа-анией прям собирались. Не так, как щас соберутся... пьют да гуляют бабы больше мужико-ов, отбирают и гра-абят, чё где бы выпить поболе. Такого не было. Раньше женщины не напивались. Отведёт гулянку, и пе-есни поют и пля-ашут, но пьяную не увидишь. Не дай бох, она пьяная будет, дак тут ее старики заколотють.

– А на Рождество колядовали?

О.И. Конечно, колядовали. И-и ворожили. Раньше же постоянно только на этом, это щас всё это везде знают, дак, а раньше только вот этому. Делали. Колядова-али. Я помню, как-то куре-ей пускали вроде, петуха-а с курицей, как она там около него. А потом – и выходили-и. Раньше клюка была. Шли с эта клюка, шли метлу брали и на перекресток. Вот где туда проулок, вот и так вот перекресток. И там чё-то чертили, не помню я уже, и загадывали. Бегали-бегали, потом я мало такого видала, кидали валенки через забор, а парни это учують – цап валенок и убегать. Вот и прыгаешь в одном. Кто, ладно, рядом около дома, дак ё квартиру забегёшь. Раньше знакомимся с парнями, домой женихов не водили никогда – сты-ыд. Как щас вот у кого, у уну-учки. Познакомилась, и жених ё армии, она его дожидает, к родителям ходит. А раньше такого не было, сты-ыдно, ну-у, шоб родители не знали и не гадали. Познакомит, уже сватать тебе не придёт. Придёт сватать – узнають, что твой жених. Это глупость, дурность это была. Правильно, щас как делают это.

– А как платки носили по праздникам и в рабочие дни?

О.И. В рабочие – рабочий платок был, простенький. Ну, как. Назад обычно завязывали. Раньше также, вон видите, вон на фотокарточке. Назад все кички одевали. Вот жарко, навер-

но, было, и вот кичку же одевали и ў ней, наверно, не жарко было. А праздничные платки у их же были, это полушалочками назывались, кашемировые, краси-ивые. Кашемировые назывались полуша-алочки, но красивые.

4. Свадебный обряд

«Жених не подходил пока, до свадьбы он к ей не подходил»

– А свадебные обряды были?

О.И. Были, конечно, были. И раньше были свадебны, тоже так же готовились. Но жених не подходил пока, до свадьбы он к ей не подходил. Когда свадьба, вот уже ее подведут отец с матерью, и он подойдёт и во церкву, во церкви их обвенча-ают, там и вот без церкви не брали.

Ф.И. Тут у нас не было церкви. Ну-у, это э-э, она церква не церква, ну, был один человек, пожилой такой. Так же на лошадя-ах катали, возили.

О.И. Бы-ыли. Афанасий все вре-емя венчал. Церква-то была, ў церкви обвенчают, ў церкви, вот тогда уже законно. Сельсовета не было. Не было же это, сельсовета, ў церкви венчались.

– А песни какие-нибудь пели свадебные?

О.И. Конеч-ечно, напева-али, конечно. Я-то путем не захватила, как раньше. Как мать рассказывала моя, было говорит. Ну, кого как тоже отдавали, бегом. Вот у нас мать убегала. Вот приехал мой отец, посватал ее, и она убегала бегом на лошадях но-очью. От родителей. От родителей от своих. А потом сколько-то прошло, она поехала туда, и-и это, еёшний дедушка этого как, поймали свата, и давай оны его там. Ну, и они пугали мать, чё ж ты мол не пришла-то по-челове-чески, мол. Сказа-ала бы и встречали бы, мол, чё ты, тебе бы держали? Вот убегала от родителей замуж ў эту деревню, ў Бирясы.

Ф.И. Не сказа-ала, не спросилась разрешения. Вот многие так женились, не видя друг друга. Приехали в деревню, ну, парни там на лошадях же ездили. Клубов не было. Ну, где-то какие-то посиделки были, так назывались. Ну, и девочки были. Може(т) хотелось и выйти, своего если нет парня, жениха, дак чужой, може(т) найдется. И вот так и приезжали. Вот у мене две сестры, и одна ў Красноярово вышла замуж, а другая ў Свободный. Ихные как бы мужья работали, на катерах плавали. Ну, младшая сестра, он местный, здесь когда-то рожденный был, вот и ее, как говорится, суженый, а потом с детства уехал ў город. Он жил сирото-ой, матери не было, ну там с кем-то где-то жил у тетки какой-то. И так он и жил и жил ў Свободном, а потом приехал, забрал ее, да и всё, увёз, так они и прожили.

О.И. Жили, отец женился, у их своя семья была. Жили семьями, квартира была маленькая у их. Потом начали, поехали ў сопки, наготовили ле-есу, давай строить дом. Вот дом тот пятиквартирный построенный. Потом они, мать с отцом, купили себе другой, ушли. Отца ў армию забрали, мать с троими оста-алась.

– А свадьба сколько дней проходила?

О.И. А бох его знает, сколько, кому как хотелось, тоже гуляли. Кто богатый, тот дня по три. По три дня обычно гуляли.

У невесты, у ней была одна коса, а потом на свадьбе и назаўтра – нет, расплетали тут же ў этот день. Ну, одевали ее красиво, конечно, по-ихнему. Как-то они шили свои платья. По-старинному одевали. Одева-ались, красиво одевались, раньше одежда-то была хорошая, материал-то хороший был.

Ф.И. Да-а, чё-то и помню и не помню. Ну, как вот сёстры выходили, дак тут уже обы-чай-то отпа-ал, стари-инное-то отпало. Ну, просто как маленько чуть-чуть не такое, как вот щас, в данный момент. А чё оне приехали, жили чё, девки работали все. Приехал, забрал на коню или на чём-то, увёз и всё, а чем она там оделась? Ну, не знаю, отец был, я не был на свадьбе тогда.

5. Как рожали раньше «Здоровые зато были, так вот»

– Как рожали женщины?

О.И. Дома с бабкой. Бабка у нас тут ещё-о, это, была-а на это, бабка. Роженица её-о, как сказать, так к ей бегом бежали, она уже знала и шла, и рожали дома, всё было, и умирали. И-и бабка как молитвы там читала, с молитвами. Помогало, наверное. Всё время и дети нормальные все были, дураков-то ма-ало было, больных. Сохраняли здоровье ей шесть недель. Шесть недель она-а под занавеской. Занавесють койку, так занавесками её обгоро-дуют, и-и ничё не давали ей делать. Она с ребёнком там. Ребёнка каждый день купали, тоже так же купали. И о-она всю неделю в баню. Хозяева топють, хто бы там ни был, топить баню каждый день ў неделю, и каждый день она мылась ў бане. Здоровые зато были, так вот.

А кроваток не было, лю-ульки были, у нас даже были люльки. Мя-огко, удо-обно, занавесочкой так вот её этак вот занаве-есочку, это. Ну, люльку как вы не видели ни разу, люльку? Очеп был, называется, качалася палка. Висела. Палку такую называли очеп. Она длинная. Дли-инная палка.

Ф.И. Ё потолок ўбивали, ну, это кольцо и ё кольцо заталкивали эту палку. Ну, обструга-ют палку, конечно, гладенько. Ну, и один конец в люльку, а другой конец... Не болтали так, а больше так качали детей. Это щас коляски.

О.И. Длинная. Такое колечко. Балка гла-аденькая, так обиходють ее, нормально всё. В этот конец вешали люльку. У нас пацан, дочка ўперед родилась, а потом пацан. И она как качала его, вот так легла ё эту люльку, качала – бух, оборва́лась, и ўсе на пол, на её. Качали. Тихо, спокойно, и она не скрипела, мягко было. Долго в этой люльке качались. Раньше приспособа-абливали. Щас кроватка никуда не качаеть ребенка, никого, ещё и не дают. Мало того, вот у нас правнучка. Приехала я, ни подушек, никого. Я давай ей подушку подлóжила и матрасик ей наладила, вот чё это такое ребё-онку-то. Тело такое не-ежненькое у ей, главное, ни матраса, ни подушки.

Ф.И. И крести-и-ли детей.

О.И. Пожилой был. И он был и крестил детей. Вон у нас, начинай, вот мы все крещёные. Как нас крестили? Ходила у нас специальная была бабка, она и моя мать умела крестить.

Ф.И. Ну, бочки были, да.

О.И. Купляли бочку, только ничем, ни под чё, только новую. Была специально-о. Ну, раньше делали же бочки. Вот маленького ребенка ё бочонок такой был, специально делали бочонок, маленький был, ну, штоб ребенка обкупнуть, и вот так вот...

Ф.И. Три раза.

О.И. Три раза обкупывали. Зажимають его вот так вот нос, уши, вот как-то вот, так вот, вот так вот нос у ребёночка маленький, ё холодной воде. Мы не давали ё холодной воде, и дурачком можно, родимец может его схватить.

Ф.И. Это было всё ё деревне.

О.И. Ну вот. Вот шесть недель она, и-и пройдёть месяц, сразу крестить ребёнка. Вот уже тогда всё. Свои были раньше, свой обычай был, как говорится.

6. Похороны

«У нас вот, у семейских, был такой порядок»

– А расскажите поподробнее про похороны. Как хоронили?

О.И. На третий день обычно, кому как вот. Мол, мать была, она верующая. Она даже ё-у церкви она училася. Она учёная была. Это щас книгу покажи, вы её не прочтаете. Она всё читала по ей, как по лестнице, всё кому как она говорила. Кому как хозяину, как он может, так и хоронит, так и говорила.

Ф.И. По достаткам раньше было. У нас вот, у семейских, был такой порядок. Больше возили с телеги. Крупное дерево отрезали, ну, по размеру примерно, ну-у, два метра и выда-албливали, всё оттуда выдалбливали, оставались только стенки, и крошки. И вот и потом туда хоронили. А-а, ну, где-то, може, с досок делали, а у нас обычно не было такого, только

долблённый. Вот, я помню, отца в пейсят шестом году хоронили, еще долблённый сделали гроб, а потом уже мать уже с досок хоронили. У меня даже такой инструмент есть. Э-э, тисла. Пазник, тисла, ти-сла. Вот это вот. А там топорами рубали. Вот если б был, я бы вам даже щас показал, у меня есть такая, она удобная, она точится и так её гладко так всё тихонько, тихонько...

О.И. Как может хозяин, чем может, тем и хоронит. Раньше-то, это, гробы са-ами делали, оббивать его никогда не оббивали, только стругали его. Вот так гладенько постругивают вот, только не оббивали. А красиво его струга-аночком его весь обстругают. И вот когда гроб спускали, на гвозди никогда не забивали, никогда-а это. Не, гво-озди этого не было, был грех. У нас мать помирала, просила, чтоб не забивали. Вот так крышкой положуть, она же крышка никуда не сдвинется.

Ф.И. Вот для скота раньше делали корытья, комяги назывались. Слово комяга – это редкое слово. Это, может, только у семейских только название такое. Вроде корыта, большое. Лошаде-ей поили там, коров поили там. Вот, даже я помню, колхоз был, уже всё это-то пропало, короче, а вот эти комяги делали. Огро-омное дерево такое топорами вырубали. Щас хоть «Дружкой» пилой еще вырезать, а тогда все топорами. И рубали, только чистенько делали. Там никаких нету ни занозок, ничё, не надо стругать ничё.

О.И. Гладенько. И гробы за день выдалбливали. Он не один, дерево сухое, оно так надпилють, надпилють его и-и выдалбливали быстро. У нашей матери, рассказывала, дед...

Ф.И. Да, и некоторые здесь как бы старички и некоторые и заранее делали. Долби-или, это быстро делается. Это я помню, отец умер ў аўгусте. Ну, а брат старший жил отдельно, и брат его возил. Ну, пришли, чё, как говорится, обмыли всё, на скамейку положили, одели, а тут пришли такие пожилые мужики, инструмент был. Раз, раз, топором наметили, наскли, а потом это тислой, и ну, раз э-такими калбушками откальвается, откальвается, а потом зачистили и всё. Ну-у, стружки или как, которы(е) вырубать, калбушка называют, а это стру-ужка называется всё.

– *А в чем хоронили? В какой одежде?*

Ф.И. Ну чё? Чё было? Всё новое, да. Ну, как ходил, допустим, мужик: брю-уки там, руба-ашку, костюм, – вот всё. Раньше так не было, а щас, конечно. Видели сами, одевают. Ходил он при галстук, ему и галстук одеуют, ў деревне этого не было обычая галстук носить, вот. Ну, тапки, как обычно, тапки всем одеуют тапки, ну, може(т), кто и туфли одеёт, так по-о возможности, по деньгам, кто как, ну, всё-равно одевали. Кто как мог. Кто лучше жили, получше одевали. Похуже жили – похуже. Ну-у, осуждения не было такого, что пло-охо одели, хорошо одели.

О.И. А так вот в чём ходили, в том и это... Новое, только новое. А в чём так это ходили, то и шили. Рубашка там, брюки. Костюмов не было раньше. Кто как мог. Раньше жили люди по-разному, кто, как говорится, жил богато, кто – бедно. Что щас, что ра-аньше жили. Кто крутился, как говорится, работал, тот и жил.

Борисова Нина (Неонилла) Максимовна, 1931 г. р.

Амурская обл., Архаринский р-он, с. Грибовка.

Записали Н.Г.Архипова, Д.Н.Галимова, Е.А.Оглезнева, 2003 г.

Обработала Н.Г.Архипова, 2005 г.

1. Как раньше жили

«Была бы коровка да курочка, испекёт и дурочка»

– *А как раньше жили?*

– Вот веселее было, чем вот сейчас, молодёжь. Молодёжь не материлась, вот вечерами, вот, я говорю, плясали и-и-и всякие игры были, всё было. И лапта, и третий лишний и, это самое, и ручеёк и ... – да всякие иґры.

Танцы были, вальсы были швецованные, польки, да всё весёлы были. Да. Весёлы были. А сейчас, чё молодёжь, вот ты посмотришь. А щас соберутся только пить, пить и курить, и наркоманить – больше ничё молодёжи. Нет, редко который хороша молодёжь. Вот обижают-

ся вот по радио, что это старики говорят, что молодёжь плохая. Конечно, плохая! Матерятся это вот, щас вот, вы сами знаете, щас какие парни. А какие девки стали! Раньше вот парень стеснялся заматериться при девушке даже. А сейчас? Сейчас вон дети так ответят, вон она может ответить такие маты. Жизнь другая была совсем. И детей воспитывали строже. Ну, я вот, я четверо вырастила, у меня все хорошие дети, я всех выучила. Все техникум кончили, сами институты потом кончали, и все работают. И-и ни один ни пьяница никто. Строже держали детей. <...>

Я их вырастила в люльке. Четыре брусочка деревянных, внизу материал обшивается, это самое, похолще, холст какой-нибудь, мешок. Ну, с мешка больше всего делали всё из этого, холщёвое. А к потолку, вот у меня крючок так и висит до сих пор, крючок, пружины были раньше, такие пружины: вот такая и она, вот так вот чуть-чуть рукой эта, и она качается, хорошая, а на пружине делали верёвку, чтоб оборвалась пружина, дак не убила детей.

Нам отец шил всё. Обувь шил сам, и одежду сам шил. Унты и йчиги. На подобе сапох. Это кожа. Кожа называется. Вот шьют вот эти сапоги, вот это всё раньше шили в России-то с юфти. Делали юфть. Заводская была юфть. Это кожа полностью называлась юфть. Вот с этой юфти шили и-и это сапоги, и всё шили, вот.

Ну, кафтан – это щас вот одевается... называется кафтан. Когда мужики молятся, кафтаном называется. Да-а, такие, халат такой. Ну, вот здесь вот в талии тут расклещёно маленько, с рукавами. Ну, у нас-то они есть кафтаны-то эти называются. Ну, как одевались? Ну, как чё у каво чё есть, то и одевались, у каво чё есть. После войны стало уже, правда, уже и польта покупали и всё... это. А до войны... всё... Мне, я помню, купили-и, это самое, платъе, с простыни сшито, покрашенное платъе, простынь покрашена, и сшито платъе. Вот это было четыреста рублей платъе стоило. Мне у Никифора, это, сапоги шил сам. Замуж выходила, голяшки были брэзентовые, а сам, это самое, со второй – сапог шил – вот тебе замуж выходила.

Да-к, а в магазинах раньше не было такой одёжи, вот как сейчас есть выбор, раньше не было. Было да-к она, или у нас денег не было, в колхозе работали. Где там деньги? А в колхозе-то не платили ни копейки. Даром, вот, палочку себе получишь, всё трудодени, и не купишь ничего. Конечно, в колхозе очень тяжело было колхозникам, а рабочим легче было. Рабочие получали и хлеб, а колхозники ни хлеба, ничё не было. Трудодень запишут, чё-нибудь на трудодень выделит колхоз сам, чё-нибудь, какой-нибудь и всё, или какой зерна ли, ну, потом зерна же получишь, размелешь. Была в Аркадьевке, это самое, мельница своя, можно было поехать размолоть. Да здесь щас и совхозы разваливаются. Здесь хороший был совхоз, птицеферма была. И жили только, наверно, да пчеловодство было, много пчелы. В Татакане мы жили, дак, это самое, я работала, за участком было одиннадцать пасек было, и пилорама там у нас была, и лес заготовливали, и что только не делали. И пчеловодство было. Вот и охотничали, охотников много было. Вот и жили.

Сдавали пушнину, я посылки посылала, соберёшь посылку – пришлешь, пушнину сдавали. Жили, хорошо жили. Потом дед на пенсию пошёл, он сто двадцать получал, а я потом девяносто шесть, и мы и в Москву ездили на эти деньги, и всё было. Сейчас вот получаем чё мы? Работали-работали, и нет нам ничё. Вот как жис(н)ь пошла. И хвалят сейчас это ж. Чё щас на пенсию, нам не хватает её, пенсии. Если вот скотину держать, и совсем не хватает.

Мы в Татакане держали, это самое, коров, было, и телок, лошади (е)щё казённые, было, это надо было копён восемь(де)сят было накопить и всё вручную. Я большинство копна сама клала, косила и всё на свете. Вот мы работали. Мы работали, дома надо было работать и на работе надо было работать. А щас чё делают молодёжь? Носятся вот по деревням, да матерятся, да день спят, а ночью шастают, ходят, воруют, да...

Вот как это самое, частенько, это, Юра приедет и говорит, нынче, вот, по радио, по телевизору, ой, хорошо в деревне жить, там коровка есть, молочко. А они знают, что такое коровка? Держать? Это ж надо сено накопить ей копен сорок. А сколько корму надо? А сколько уходу? Вот я держала до прошлогодного года корову. Всё, уже сил не хватило больше уже держать. Ухаживать много денег уходит.

Вот, говорят, это раньше пословица такая «была бы коровка да курочка, испекёт и дурочка». Спекёт стряпню какую-нибудь. А без коровы-то чё ты испекёшь? Это надо в магазин

всё идти купить. А у нас своё было всё. Масло, это самое, сметана своя, молоко своё, творог можно с коровы, масло, и всё чё, и сыр можно сварить.

Ну как? Вот сперва надо творог сварить, а потом творог сваришь в молоке опять, а потом его отцеживаешь, чтобы он это, сыворотка эта ушла, потом через мясорубку мелишь, потом масло льёшь туда, яички, это самое, сода, и мешаешь, мешаешь, и получается сыр хороший, вкуснее, чем, в этом, в магазине. Жёлтый, если яичек побольше положить да масла. Дак, ой, какой вкусный! Масло, конечно, коровье, коровье масло, не постное, а коровье. Это самое, хорошо делаешь сыры, с молока всё можно сделать: и кашу, и блины испекёшь, и-и чё хочешь сделаешь с коровой-то, ко(г)да корова есть. Ну, и тяжело работать, это когда корова, это ж ухаживать, это надо ещё выгонять тут рано, часов в три вставать, надо подоить, а вечером допоздна тоже вот, когда гоняют на обед, тоже часов до одиннадцати не спишь, а там ляжешь и маленько поспишь, опять надо вставать. Вот эта канитель сколько? А вы как ляжете, так можно до утра дрыхнуть. Вот так.

Ну, чё, я щас вот держу одних курей, да вот собаки да кошки, больше ничё нет. А люди держат и чушек и, это, коз, и-и баранов, в общем, всё держат люди. Молодые, конечно, силы-то есть, а тут уже сил нет уже старому держать.

А щачас вон ходит молодёжь и гавкает на старину. Я говорю, такие песни, вон соседка включит эту, как (в)сё равно в бочку, какую-то деревянную колотит, это музыка, её не поймёшь сейчас. Что за музыка у вас? Ну, редкое вот, хорошей музыки не слышу. Как включат, и все маты и скверны. Вот телевидение... Вот раньше было как, если, ко(г)да ещё шла по билетам, не пускали в кино, если фильм был там, такой, это самое. А сейчас Петенька у них смотрит всё перед телевизором, всё они уже знают чё. Ну, пели раньше мы, молодые, да тоже гуляли, выпивали и гуляли, и всё равно, но всё равно весело было как-то, все праздники справляли, и старинные и такие справляли.

– А как сюда переехали?

– Стали переезжать... Ну, как стали переезжать? Дак... мы четыре, у меня четверо детей, я отучилась здесь в Грибовке. Я сама в Грибовке училась ещё в молодости. Это там вот Вилёвка была. Вилёвка ишло была, это возле Татакана. Татакан, и это, деревня и Вилёвка была.

А мы ездили-и, это самое, а раньше же раскулачивали. Вот мы никогда в жизни не были кулаками – всё равно раскулачивали, в тюрьму садили, это самое. Ну, за что раньше, в тридцать восьмом году, в тюрьму садили? Всех подряд брали. Пф-у, раньше же всё просто... сколько. Чё вы не слыхали, сколько было народу погублено. Да. Вот я, как я получается, и это, как я дочь репрессированного отца. Ну, раньше приезжали, вот было это задание, сколько собирались себе в тюрьму взять, вот они ездили подряд, забирали. Да. Раньше забирали... приезжали. Я помню, оказывается, это, одного везли с Вилёвки, потом раскулачивали, и либо в ДэдЫ увозили, в ДэдЫ, и в ДэдАх отца забрали, приехали, забрали, и всё.

Было давно, у нас в семье было человек восемь или девять, две лошади было да и две коровы или три коровы было, вот и всё – кулаки. Раньше же... кулаки какие.

Всё равно брали, почти всех подряд брали, только, это самое, вон свекор тоже был рассказывал, как именно это было, это самое, на Колыме. Плакал, как рассказывал: «Сколько я детей там перевидел».

Ну, его, как-то моего отца, раза два брали его, потом он в августе ездил, а-а вот свекор был, десять лет на Колыме был. Ну, вернулся, который вернулся, который не вернулся. Как-то пароход с его братьями и ихний пароход даже, это самое, утонул вместе с деньгами, это в Колыме шёл и утонул.

Отсидели, да. А много и погибло там, много погибло очень. Как он рассказывал, я аж плакала, рассказывал, как их там избивали. Раньше ни за что, взяли-взяли, и всё, и враг народа будешь. Вот ты это подпиши, через на кого-нибудь подпишешь, бьют, били, и всё на свете. Да, я вот в тридцатые годы осталась, брали, мне лет восемь было, наверно, ну, я помню, что доведут-довезут, помню.

Ну, вот в войну-то голод же был, ну, вот чё, вот это самое, ни хлеба ж не было. Двести грамм хлеба давали. Я училась в Грибовке, дадут хоть булку хлеба мене. Пешком ходила че-

рез сопку всё время, каждую неделю ходила, на квартире жила, надо, это, сходить за хлебом. Ну, сумку принесёшь – поешь. А если ничё не принесёшь? Очень трудно, ничё не носить невозможно было. В войну очень тяжело было, и после войны, какая-то она... Это в пиисятых годах уже то(г)да начало маленько в магазинах... На карточки, эти карточки, сто двадцать грамм, кило двести сахару на месяц, на работе вот давали кило двести...

Не давали на детей. Кило двести – это крупы какой-нибудь на месяц, масла там сколько-то. Чё-то тоже уже немного, постное было. Нам, на это самое, на семью! Налоги были. Вон за корову семьсот-восемьсот рублей, десять килограмм масла дай за корову. И ето, с курей, держишь – яички сдай. Это телка, корову держишь – вот за это налог был восемьсот рублей, и десять килограмм масла сдай за корову, и-и сорок килограмм мяса сдай за корову, вот так.

2. Что как раньше называлось

«Щас вот назови городским, дак они не знают, чё такое подкопённый»

– Ну вот, это чипелá. Знаете чипела? – губа, ухват. Да не ухват это, а сковородник, чипела называли, да. Ну-у, сковородник – сковороду подподнимать, ухват.

А чипела – это, это, это самое, ухват этот, чем вытаскивать. Ну, сковородник – это вот называется. Еще чипела называлась. А луковицы были, цыбуля это звали... Бульба – картошка. Ну, вот много, а я щас уж не помню, чё там называлось, уже позабывала.

Щас вот назови городским, дак они не знают, чё такое подкопённый. Я раз с «Поля чудес» или чё-то, чё такое подкопённый или это... нет, не «Поле чудес», а как же было? Нет не..., а ещё другая какая-то была, чё-то щас, это самое, что такое подкопённый, а они не знают, чё такое подкопённый. Копна возили на конях раньше, с-под копну это подталкивается вот такая длинная эта палка, а потом верёвкой, верёвкой через копну – и это называется подкопённый. Ну, бастрыг – это на санях, а это подкопённый – копна возить. А бастрыг – это особенно ко(г)да воз накладываешь. То толстая такая как-то палка. А подкопённый он такой, он тоненький, это самое, тонкий. Под копну это подденешь, потом чё, перекинешь это раз, другой. А бастрыг – это уже ко(г)да воз надо с сеном, с дачей возá класть. <...>

Ну, рыбу ловили. Ну, вот я сама с лодки ставлю сеть. Одна ставила сети на, это самое, ну, на рыбу любую. Я кету ловила даже вот здесь, в Татакане, кету и наловила сама. Ну, ловила харюс. Харюс, правда, щас не попадается. Чубак, щука, троегуб был, а потом краснопёр здесь была, сиг был даже, а щас не видно ни сига, ни шита, троегуба. А какая-то она под вид такая рябенькая и троегубник, три губы. Ну, как-то она, сверху как будто маленько третья губа, ишо называли троегуб. Краснопёрка она костлявая такая, под вид кого она сказать себя, но она костлявая. И коптели, и солили девчонки целый день, посолишь в фляге, потом зимой и сырые ели, и пироги пекли там. Да, это самое, и так отваришь, с картошкой наешься. Ну, булочки пекла еще, и шадьи, шаньги я пекла, и всё шашочки, и всё такое. Всё. Ну, тарочки называются или как. У меня это, это, печка со сводом. Свод – это дужка печки у нас, это самое, сын вот приехал, сделал со сводом. Печки русские можно сбить с глины, печку можно с глины сбить. С одной с глины, вот это самое, с одной с глины раз и собьёшь вот. Такой весь делается, как называть, чикмар. Деревянная делается полоса, и сухую глину сыпешь, вот делаешь опалубку с серёдки, вот такая печка будет. Это если со свода много, например, короб делаешь вот такой, это самое, скребёшь. Чикмар называется. Колотушка. Ну, такая вот палка, такая вот длинная, здесь маленько кругленькое делается, там и ручки. И она делается как инсулин, сухая глина. Ни с чем не мешаешь, сухую глину делаешь. Это здесь, пойдём в хату, покажу.

3. Вера и быт старообрядцев

«Раньше была единая вера православная в России. Россия одна...»

– А сколько детей в семье было?

– У нашей у матери было семеро, восемь померло, семь живых было. А раньше их было болезней, это, вот всякие разные, всякие оспы, брюшной тиф. Раньше ж не лечили. Я четверо детей воспитывала. Всех вырастила. Один в Москве там, одна на Украине, другой в Благо-

вещенске. Да, это внучка в Питере. Дочь ведет младшие классы. Анна Мих... это звали Анна Михайловна, потом Анна Милеевна она. Ну-у, это раньше по книгам называли имена. Есть Марья. Мария нет имени.

– *А как же Дева Мария?*

– Она одна только. Да, такое не положено называть Мария. Только по книге Марфа или Марья, Марина есть, Марья, Марина. Ну, вот это самое, а Мария не называют вот щас. Нельзя, она одна.

– *А мать вашу как звали?*

– Акулина. Старинное имя.

– *А вот если по Святкам имя одно, а оно вам не нравится?*

– Ну, конечно. Если у меня вот сына Николай, а надо было Милей его называть, а мы назвали его Николай, так в Николин день родился, значит, Николай назвали. Ну вот, у нас это так, родится – на восьмой день он назовётся. Ну, вот Евдокия, Анна, Татьяна.

– *Ну, вот отчество ваше не старинное.*

– Ну, дак а Максим, Максим – это старинное. Раньше Максим, это, не называли, щас навалом Максимов. Да, редко очень, вообще редко, да не называли вообще Максимом, а щас Максим – модно. Так вот щас называют, всем нужно старинное имя. Пример раньше, вот щас Варвара вот есть, Семён вот это самое, Елизавета вот назвали маленьких, всё уже называют старинными именами.

По книгам называть имена на восьмой день. Парням можно вперёд называть, а девчонке назад. Да на восьмой день и крестят, и имя дают.

– *Так ведь вы говорили, батюшки не было у вас.*

– Ну, знает кто, это чем крещение надо знать. Щас же крестят как в церквях? Это не крещение. Так вот сидят в... Ну и чё, читают. Потом вот купель... Ну, это есть купель, есть купель, они ж крестят: во, помажут лицо чем-нибудь и всё, это не крещение, это называется помазанием. Крещение надо вот в купели. Один ребёнок только крестится в купели, а воду надо менять. Первый, это самое, крестится, а остальные некрещёные, как некрещёные считаются. Да, или воду менять каждый раз, после каждого ребёнка надо воду менять. А в церкви вот щас в Благовещенске всех в одной купели – бултых. Вот неправильно. Один человек крещёный, остальные все...

Вот в реке да, в реке можно хоть сто человек сразу крестить, потому что она протекает, вода, проточная вода, чистая вода.

– *Так кроме крещения есть помазание?*

– Вот а и помазывание и есть. Это вот не крещение, это самое, это не крещение называется, как помазывание. Вот это вот крестят, на лоб, это, ваточкой или чем-нибудь помажут, и человек крещёный – это не крещение. Нет, только в воде и, это самое, или в купели одного или в речке. Ну, родился, можно и на восьмой день можно крестить.

Должен человек креститься. Так, ну это, это самое, у нас и разница: называют перво-славная. Вот эти, церкви, вот это неправильно у них всё равно. Я это самое не люблю. И сами попы крестятся, это, тремя перстами, а это, а людей заставляют шёпотью молиться. Здесь тоже разница. Ну, вот шепот, вот так вот шепот называется, а вот крест – вот так правильно. Да. (показывает) Да, вот и это и два. Это православно. Ну вот, вот, вон она сгинается, оно не прямо, вот так сгинается... А это вот... Во... это, это шёпот, это уже не православное, оно только называют православное, а это уже... Это хто придумал, а. Слыхали, историю Никон Патриарх изменил? Вот это и всю веру переменял. Раньше была единая вера православная в России. Россия одна... До Никона. А Никон – это патриарх. Это сколько изменения внесли, он это и делал и вообще хотел только. Да не знаю, почему, он всю веру, все книги и все... это и добавил и убавил и всё на свете. Ну, вот и разошлись, вот и называется старообрядцы, это вот здесь называется старообрядцы. Вот этим крестом молятся, кто вот этим крестом. Это не трёх... это, ну она, как старообрядец. Этот почему вот этот крест правильный, а этот трёхпёрстный. На лоб, потом на живот, потом на правой стороне, потом на левой, опять на живот.

Ну, дак а раньше было до Никона, до патриархова. Я сама из Континопольска книги читала. Ну, вот вы прочитайте, я вам здесь где-нибудь возьму. Там вот, это-о самое, потом «В горах», «В лесах»^{*} есть такие книги. И книги все сейчас вот эти, все в церквях книги все переписаны. Убрал. А вот слово убавил, слово прибавил – да будет прок? Да ни в коем случае нельзя, а тут много прибавлено, молитвы прибавлены, так поверхностно совсем. Ну, дак, ведь сейчас, сейчас кто верует-то? Щичас вот сейчас маленько вот стали веровать, а вот ко(г)да в бою-то, попробуй было не верить, боялися.

– *А вот пояс зачем? Обязательно пояс?*

– Обязательно пояс. Как покрестят, надо надевать пояс, крес(т) и пояс. Детям, всем. Пояс всегда, как человека покрестят, и вот надевается крес(т)...

– *А одежда какая специальная есть?*

– Ну, вот, вот это, пошли, видите, она не знает кто и... редко ходят, поэтому она одевается, домóвник одевает... А на голову одевают платок. Не так только завязывают платок, по-другому. Нужно стягивать булавочкой. Сарафан, рукава, пояс. А завязывать так не надо, надо булавочкой закалывать под подбородок, платок не так надевать. Ну, он, платок, разворачивают полностью платок, одевается так платок, и здесь затягивается булавочкой. Ну, просто платок и вот так вот квадрат так... это... он, и он на плечи свисает.

– *Раньше, говорят, кички носили.*

– Ну, это самое, кички это на... это самое, шашмура называется. Шашмура ишо есть, надевается на голову. А если ко(г)да вот эти уже замуж выходят, они надевают шашмуру. Ну, это самое, сшита она. Ну-у, сшита, естественно, надевается. А как шапочка, она под платок одевается. Ну, есть, она под платок, ну, это самое, ко(г)да сарафан должен длинный быть, ну, рукава должны сшиты, ну, с рукавами, рукава чтоб длинные были. Рубаха, рубашка так называется.

Мужчина должен быть всегда рубаха навывпуск, длинные рукава, подпоясанный был, чтоб была рубаха навывпуск. Борода обязательно, без бороды – это уже, считай, не христианин у старообрядцев, называется старообрядцы, чтобы обязательно борода была, они не броят её нико(г)да. Борода да борода, помыл её и всё, если она чистенькая. Ну, вот так вот, это самое. Ну-у, вот так вот, чтоб волоса были не короткие и не такие длинные.

У нас иконы совсем не такие, как у вас, у нас бедные же иконы. Вот распятие, я вот в Москве была и зашла в эту в... Церкви не бывает у старообрядцев, своей церкви, да зашла и стала смотреть. Меня заругали сразу, я говорю: ну я, мне любопытно, почему и распятие оно неправильно. Распятие должно быть на..., это самое, наверху титлы быть, это самое, и голубли. Голубли да Христос Назоринин, царь индейский, там титла была написана. А голубль – это дух святой. Ну, у нас восьмиконечник обязательно. Ну, он, как и это самое, ногой же Иисус Христос, одна нога выше, а другая ниже, рездá такая.

Ну, иконы можно, конечно, нарисовать, ну, надо большой конверт, старинный. Ну, на доске можно, дак это надо, кто их щас на доске-то и, это самое, освящать. Ну, дак есть это, настоятели, из них выбирают у нас.

– *А обряды тоже соблюдаются? Пост?*

– Всё соблюдается, и посты, всё. Ну, так много постов. Вот щас Петров идёт пост. Четырёхпостный. Нельзя сейчас, ну, ничё ни... ни масла, нельзя вот, это скоромное, ни масло, молоко, яички нельзя, мясо нельзя, а рыбу только вот я чё-то сама ем. Великий пост он, ни рыбы, ничё нельзя есть. Не питаемся, а живём. Я всю жизнь вот постую, и ничё. Ну-у, Пасха э... там это разговляется, вот всё можно туда на Пасху, эта Пасха восемь недель, едят так вот, вот семь недель, потом Троица, затем, чтоб эта неделя спошла и будет этот, Петров пост. Меняется это вот Петров пост, меняется на Рождественский мясоед, меняется. Считаются недели. Ну, там девять – мясоед большой, значит, пост маленький, если мясоед маленький, значит, пост большой Петров. Нынче вот две недели и пять дней Петров пост, значит, будет в ту субботу пять дней. Вот я и говорю, меняется вот этот Петров пост и Рождественский мясоед. Ну, оно меняется каждый год. Пасха меняется. Пасха бывает что, вот кто-то говорит...

^{*} «В горах», «В лесах» - произведения П.И.Мельникова-Печёрского о старообрядцах.

ко(г)да, почему Пасха не в один день. Пасха считается. У нас так. В этом в году тринадцать месяцев, не двенадцать, а тринадцать. Светил-месяцев тринадцать. В году, тринадцать месяцев в году всходит и заходит. По месяцам и вот и считается. Пасха бывает в первом весеннем месяце, последнем светиле – Пасха. Вот она и меняется. Да. А месяцев-то двенадцать у нас вот календарных, а светил тринадцать. Месяцев тринадцать, раз. Вот и высчитывается Пасха, она нико(г)да в одно число не бывает, вот и меняется Пасха. Она в это, в первом весеннем месяце. Это мой отец умел считать, а я вот не научилась. Ну, дак а с православной совпадает. Ну, это, Пасха-то совпадает, это одинаково, но только что он веру сделал, чё вот это вот крещение неправильное сделал, как попало крестят, и вот книги переделал, он убавил и прибавил всё, и вот это, крест изменил, не старый обряд сделал, а новый обряд. А старинные книги они с-с-совсем не так написаны. Я плохо читаю. На славянском, там же славянский. Я ещё и, это самое, я не с..старообрядцевая.

– *А как же?*

– Ну, вот так он взял замуж, а я потом, я, перекрестили меня, и стала я... старообрядцевая. Ну, взял, так куда деваться.

– *А вы сами откуда?*

– Я? Как называется? Могули раньше были. Ну, это самое, ну, такие просто. С Могулей мои родители приехали, с Могулёвской губернии, их привезли с Запада. Три года ехали. Ну, Могули называется, Могулёвской губернии, с Могулёвской где-то, ну, белорусы мы, мои родители. Ну, они, в это самое, тут они жили. Кто жили, уезжал, а потом мне пришлось ихнюю веру, мне понравилась ихняя вера, чисто плотные все такие, это самое, у них вот это, поганые вёдра разбираются вот. Вот сейчас вот в бане моются, и в эту посуду же всё, а ... старообрядцы, очень у них строго посуда была. Для бани, для это всё, чтоб вёдра были ни в коем случае не поганые ещё, мне понравилось.

Люди разные бывают, и старообрядцы разные бывают, и всякие разные люди разные. Ну, чё вон, сестра приезжает, и я с ней не ем полно, отдельно. Я готовлю ко(г)да щас кофе, и сметаны наклала, она ест, а я нет. Так всё вместе, всё это, только что едим с разных чашек. Ну, у нас называется старообряды, старообряды. Староверы – это ешшо до Никона которая вера была, вот и до сих пор она удержалась, эта вера, ой э... конечно, много чего. Вот у нас, кстати, здесь был старичок, он уехал это в Барнаул... Говорит, дед был, он был настоятель здесь был, так забрали, расстреляли. Ну, старообрядец и настоятель был.

– *А муж не рассказывал, откуда они приехали?*

– Да они здесь так и родились земляками. Ну, я не знаю, да тут, наверно(е), и родились. Ну, я это, помню, это самое, мать, свёкор и мать, хорошо знаю, она здесь была, я хоронила ко(г)да молодая была.

Держится вера. Ну, дак надо телевизор не смотреть, радио у них запрещённое. Я редко, щас вообще не смотрю.

– *А дети ваши тоже старообрядцы?*

– Да-а, щас мои дети такие же, как и вы. Ну, ко(г)да маленькие были, молились и ещё соблюдали пост и всё на свете, а потом как пошли в жизнь, так щас вот замуж повыходили.

Ну, староверка была свукровь, она мама, мама. Я – тятя, а-а отца мы, у нас называют не папа, а тятя.

Ну, я щас одна вот, муж умер у меня восемь лет, девятый год пошёл в мае месяце. Он не болел, он, это самое, приступ схватил его, в огороде так и упал. Ну, это, ему нельзя было работать, а он за мотоблоком взял, и мотоблок не правильно поставило, он зарылся, не стал принимать, упал и... Здесь похоронен, и его брат младший похоронен, отец вот в оградке.

– *На одном кладбище?*

– Нет, мы их отдельно. Конечно, это печально. У нас молются много. Веруют и молятся много. Отмолились, попрощались и ушли.

– *А покойников в гроб кладут?*

– Ну, у нас же гробы не обшивают. Все, это, смеются, говорят, не в таких гробах, ну, не положено в таких гробах. Его не обшивают. Не обшивают. Ну, деревянный всё, но так же это лóжится. Одевается другая уже одёжда. Ну, вот она рубаха шьётся, это самое, воротничок-

стоечка, рукава это. Штаны шьют, до стельки, белые ещё. Ну-у, в магазинах ткань прополощешь, она и меньше. А саван такой вот, как сказать, она кроится, как вот обложат и накрывают. Просто ткань, там голова ушивается, надевается на голову, это там... Ну, две половинки, это самое, матерьяла это там кроится, это всё дырки, разрезается, поразрезается, и накрывают, ложится покойник. Вовнутрь шёл шов. Руки не связывали, так ложатся. Ну, правая рука к сердцу должна быть, а левая к груди. Свечку, свечку можно положить и подорушник. Ну, такая, это самое, подушечка такая. Лестницу положить можно, полотенце это на лоб, это, венчик. А ноги так стоят, и обувают и, это, носки шьют которые. Тоже руками всё. Когда умрёт, он в ши-итом. Уже я сшила себе уже сама. Давно уже сшила всё, чтоб никто не видел, давно уже сшила.

Девочки, послушайте, у нас не положено причитать. Нельзя же так плакать, захлебываться тоже. Закрывается всё, закрыт, и последнюю молитву уже не открывается. Лицо не открывается. На третий день хоронили.

– *А гроб должны как-то по-особенному ставить?*

– Да, э-это самое, лицо чтоб было к иконам. Голова, голова, чтобы, ну это как, стоят, как ногами, к иконам, лицом к стенке. Вообще-то на восток ставится. На восток ногами, ногами к востоку, а лицом, вот так вот хоронят, вот так. Голова там, а крест ставится в ноги.

Ну, вот и-и, это самое, девять дней, сорок дней, можно и год справлять. Приготовлять-то можно всё, но это смотря ко(г)да помрёт. Постом, значит, с мясом не делается. Ну, такой не связан ничё, постом значит, постное делается всё. Да у нас ведь чё, кутью делается так же. Да всё делается, можно всё сделать, (в)он если силы хватит. Вот недавно племянничка хоронила, пришлось обед делать ему, молодой тут помер. Бичара оказывается. Пил, пил, пил да пил, и его в Архаре его отколотили хорошенько, до дома не доехал, в этих берёзах помер, как раз под Пасху. Я вот похоронила племянника, ну чё-то уже компот сварила, э-э борщ сварила, пироги рыбные были, я варила, пекла, блиноў не успела, потому что у меня уже силы не хватило, ещё и вторая невестка приехала, хорошо что помогла, а то и чё старому человеку-то всё, я уже не смогу. Ну, это девять дней мы не делали, у нас подают деньгами. Это самое, подаётся как милостыня называется, подаётся милостыня своим. Ну вот, хоть и родственникам, хоть и таким, но всё старообрядцы. Всё раздаётся, можно всё раздавать. Ну, это раздаётся, кто если будет носить, то это нужно раздавать. Ну, я вот, дед помер, и я дак я вот разом всё поотдала, разоздала вот всё дома, всё... Соблюдать там надо строгость, строгое вообще.

– *А трудно?*

– Конечно, трудно вот так вот всё соблюдать. Ну, если, конечно, это самое, тяжело, конечно, соблюдать всё. Ну, мои-де, это, родители тоже, ну, веровали, так соблюдали мало-мало, но так не соблюдали, как я там, там-то тоже строго было.

– *А свекровь как вас приняла?*

– Ну, сразу, конечно, они там плоховато приняла. Да не, ну, конечно, и ругалась, так нельзя, а потом смирилась всё. Она сына ругала. Ну, ты что такую взял. Надо ж было привыкать, это называется чистое с поганым как, вот тяжело было. Я ж не знала, что такое чистое поганое. Это же вот сейчас вот вы, наверное, тоже не знаете?

Свекровка недовольна была, потом ничё. Ну, у меня по крещению у меня не Нина звать – Неонилла. Ну, старинное у меня и-и оно и было имя Неонилла, ну, а записали меня Нина. Ну, видать, крестили ко(г)да, и такое было у меня имя Неонилла, так и осталось.

КОММЕНТАРИЙ

Фонетика

1. Под ударением различается пять гласных фонем /a/, /o/, /e/, /i/, /y/: *травá, дóм, дéти, лiстья, шалóн.*

2. В единичных случаях в речи старшего поколения между мягкими согласными произносится [e] в соответствии с литературным [a]: *зеть, опеть, взеть.*

3. В первом предупредительном слоге после твердых согласных на месте /a/ и /o/ произносится [a] перед всеми ударными гласными (сильное недиссимилятивное аканье): *бр[a]лá, к[a]дá (когда), маг[a]зiн, г[a]нэнье, тр[a]вá, тр[a]вы, вд[a]вы, д[a]ю, вд[a]вú.*

4. После мягких согласных в первом предударном слоге наблюдаются следующие типы вокализма: диссимилятивное яканье, единичные случаи яканья на фоне иканья, иканье, единичные случаи еканья. Яканье отмечено только в речи старшего поколения: *св'якрóука, пэкр'яст'íла*. Для речи большей части старообрядческого населения характерно иканье: *пэн'ислá, йимú, рэзв'илá, с'ирд'итэйэ*.

5. В ряде случаев отмечен переход [е] в [о] в ударной позиции после мягких согласных перед твердыми: *нёбо (небо), крёсным (крестным), одёжа (одежда), скреши́бно (скрещено), трёхпёрсний (трёхперстный), пёрст (перст)*.

6. Отмечены единичные случаи предударного и заударного оканья: *оне, самая, вытоишиут*.

7. Иногда /а/ в безударной позиции после мягких согласных реализуется в [у]: *свукровь, отнюсут*.

8. В речи старшего поколения отмечены протетические [у], [а], [и] перед согласными: *ишла, игде, шишла, ирвать, увчера, алляной, аржаной, артом*.

9. В первом предударном слоге после шипящих на месте /е/, /о/ обычно произносится [е] и [ы], реже [а]: *женá, жына́, жанá; цена́, цына́, цана́; щив'эль, щав'эль, пиен'ица*.

10. Большинство согласных фонем в семейских говорах совпадает с фонемами литературного языка в звуках: [б], [б'], [д], [д'], [з], [з'], [л], [л'], [м], [м'], [н], [н'], [к], [к'] и др.

11. Звонкие заднеязычные фонемы /г/, /г'/ в речи семейских всех поколений обычно реализуются взрывными [г], [г']: *гонение, другой, грех, говорит*. Однако иногда может выступать фрикативный [γ]: *γода, γолодовать, γоворить, γулять, γлотать, бүүор, помоγаю, γде*.

Разные по качеству звуки могут встречаться даже в речи одного информанта: *γоворила – говорила, γоняли – гоняли, друой – другой*.

12. На конце слов заднеязычная звонкая взрывная фонема /г/ реализуется в звуках [к] и [х]: *сnek – снех, творок – творох, сток – стох, берек – берех, друк – друх*.

13. На месте [к] перед [т] обычно произносится [х]: *кто-то, хто, дохтор, трахтор*. Перед звонкими взрывными на месте предлога *к* иногда произносится [γ]: *γ деду, γ десяти, γ дому, γ бабе*. Перед глухими – в отдельных случаях – [х]: *х себе, х чаму, х тебе*.

14. В речи информантов в единичных случаях отмечается прогрессивная ассимиляция по мягкости [к']: *Ванькя, нянькя, люлькя*.

15. Фонема /в/ может реализовываться звуками [в], [в'], [ф], [ф'] (перед глухими согласными), [w], [ў], [у]: *саван, видишь, веселее; фсе, фчера, ф час; все, вверх, w лицо; попоў, свякроўка, ўзяли, ўместе, ўперед; унук, унутри, у школу*.

16. В речи старшего поколения встречается протетический [в] перед начальными гласными [о], [у]: *вутка, вулица, вострый, вокны, вотруби*.

17. Единичны случаи употребления предлога *ув* на месте *в*: *ув школу, ув армии, ув Литве*.

18. Фонемы /ш/, /ж/ обычно твердые: *шыре, шы́тко, жытуха, жы́знь, шынковать, жалтуха, жалток*. Единичны случаи произношения [ш'], [ж']: *ш'ли, ж'алит*.

19. Долгая глухая шипящая фонема реализуется как [шш]: *уоставишыки, некрешишоный, неверушышые, шшас, шшэпоточки*.

20. Отмечены случаи произношения двойного мягкого согласного на месте сочетания «согласный + й»: *молон'н'ё, ботвин'н'я, угощен'н'е*.

21. Системно употребляется [р] на месте литературного [р']: *курыть, крэстить, прыснилось, крэшишеньне, крычала*.

22. В единичных случаях наблюдается утрата конечного согласного в сочетаниях согласных на конце слов: *крес, жись, ись (есть), совесь, мос*.

23. В ряде случаев отмечается протетический [й]: *йето, йетих, йекипаж, йон, йих*.

24. Фонема /ф/ реализуется в звуках [ф], [х], [хв]: *фронт, Херопонт, Хвёдор*.

25. Системны случаи смягчения конечного [т] в глагольных формах: *значить, может, идёт*, – наряду с твердым произношением: *рожает, несет, может* (даже в речи одного информанта).

26. В речи старшего поколения отмечена эпентеза гласных между двумя согласными: *полоз (полз), трудодени (трудодни), разоздала (раздала)*.

27. Что произносится как *чѐ, шо*.

28. В числительных на конце слов отмечены случаи отвердения согласных: *сем, восем*.

29. Отмечено произношение [п] в соответствии с литературным [п']: *купэль (купель), апэтит (аппетит), пырох (пирог)*.

30. В отдельных словах (словоформах) ударение отличается от литературного: *былѐ, жили́, были́, роди́лась*.

Морфология

31. В говорах старообрядцев в ряде случаев отмечается иная, чем в литературном языке, родовая принадлежность имен существительных: *вывел из моря этот войск; этот море; он, молоннѐ, побежал по проводам; у меня вера другой*.

32. Отмечаются случаи употребления вариантов по роду имен существительных, даже в речи одного информанта: *молоннѐ – м.р. и ср.р.; шашимур (м.р.) – шашимура (ж.р.)*.

33. Отмечен переход существительных из одного типа склонения в другой: *простыня – простынь; церковь – церква*.

34. В формах И.п. и В.п. неодушевленных существительных преобладает окончание – *а/ – я*: *воза класть; хлеба стоят; такие ларя были; копна возили*, – хотя отмечаются окончания – *ы/ – и*: *чегуны стояли; пироги пякли; оладушки пякли*.

35. В Р.п. ед.ч. неодушевленных существительных м.р. наблюдаются формы с окончанием – *у*: *пришла с огороду; приехал с городу; стоят прямо у колодцу*.

36. В П.п. ед.ч. существительных м.р. отмечаются многочисленные случаи окончания – *у*: *на бугру была своя мельница; жили в одном дому; посмотри ў погребу*.

37. Достаточно широко распространено безударное окончание – *и/ – ы* у существительных ср.р. с основой на твердый согласный: *вокны, польты, кины, вѣдры*.

38. У имен существительных 1 скл. с основой на твердый согласный в форме Р.п. с предлогом употребляется как окончание – *е*, так и – *ы*: *была у маме – у мамы; у сястре – у сястры; от доске – от доски*.

39. У существительных 1 скл. ж.р. в Д.п. и П.п. ед.ч. отмечается окончание – *е* и – *и* (– *ы*): *к сястре – дам сястры; о маме; помочь сямье*.

40. Отмечается употребление собирательных существительных *singularia tantum* в плюральном значении: *чѐ делают молодежь; молодежь пришли и всё порушили; детвора играют*.

41. Выявлены особые случаи употребления падежных окончаний имен существительных: *держу курей; скота поили; девчаты песни пели*.

42. Частотны случаи употребления стяженных форм прилагательных и местоимений как в ед.ч., так и во мн.ч.: *я беспоповска; хороша молодежь; все весѣлы были; така больша ручка; а зимой друга работа была*. Наряду со стяженными формами в речи представителей старшего поколения чаще употребляются полные прилагательные и местоимения: *магазинная; самотканая; ранешные чички; хорошие дети; деревянная делается полоса; такая вот палка; такая вот длинная; разлица называется православная; я не старообрядцевая; запи хивали в этые в самые*.

43. Отмечены случаи употребления местоимения *этот* в форме *этый*: *в этые в самые; через этый мос(т) перевели*.

44. Местоимение *они* обычно употребляется в форме *оне* и *оны*: *оне какие-то поморцы; оне пошли в огонь; вот оне через этый мос(т) перевели поморцев; оне не праведные; оне гураны; давай оны его там; оны ему сказали*.

45. Наречие *туда* обычно употребляется как *туды*.

46. Повсеместное распространение в говорах семейских имеют притяжательные местоимения *ихний, ихный, ейный, ейшний, ейшний*: *я ихняя невестка была; ихные мужья; ейные дети; ейшний дедушка был; ейшний дом*.

47. В речи старообрядцев старшего поколения употребляются следующие формы указательного местоимения *тот*: И.п. ед.ч. м.р. *той, тый*: *той брат, тый сосед, тый анбар*; И.п.

ед.ч. ж.р. *тая*: *тая деўка, тая дочь*; В.п. *тую*: *тую деўку*; И.п. ед.ч. ср.р. *тое*: *тое вонно*. Однако более частотными являются формы *тот, та, то*, изменяющиеся в соответствии с литературной нормой.

48. В речи семейных личные местоимения 1 и 2 л. ед.ч. и возвратное местоимение Р.п. и В.п. имеют окончание – *е*: *у мене; у тебе; у себе; увидишь мене; мене муж тоже пьяница был; у мене Ванька некрещионный был; а мене она и не брала; у мене свякроўка поморка была; у мене жил; у мене две сястры*. В Д.п. и П.п. более частотна форма *мене*: *о мене*, – хотя отмечается и форма *мне*: *говорят обо мне; мне сон приснился*.

49. В косвенных падежах местоимения 3 л. употребляются без *н*-протетического: *на ие нельзя работать; у их какие-то были халаты; мы разные с им; платки у их же были; он к ей не подходил; у их своя семья была*.

50. Широко распространено употребление [т'] в окончаниях 3 л. глаголов ед.ч. и мн.ч. независимо от спряжения: *сохраняет – сохраняют; покрестить – покрестют; знает – знают*. Однако даже в речи одного человека отмечаются параллельные формы твердого и мягкого окончаний: *покрестют, носят, курют, пилют*.

51. Довольно часто наблюдается совпадение безударных окончаний 3 л. мн.ч. глаголов II спряжения с соответствующими окончаниями глаголов I спряжения: *покрестют, носят, курют, пилют*.

Синтаксис

52. Отмечено употребление предлога *по* с В.п. в объектно-целевых конструкциях при глаголах движения: *дед по ягоды ходил; по дрова ездил; по корову ходила; по свякроўку сходим*.

53. Наблюдается параллельное употребление конструкций с предлогами *с* и *из*: *с Забайкалу приехали – из Забайкала были; с лесу пришел – вышел из моря; с дому сбежал – пришел из бани*.

54. Широко употребляется предлог *коло* с Р.п.: *коло дома; коло колодцу; коло двух суток*.

55. Единично беспредложное употребление форм Р.п. в притяжательном значении: *мене муж пьяница был*.

56. Отмечены случаи употребления двойных предлогов: *шел по-над забором; с-под копну это подталкивал*.

57. Отмечены случаи употребления И.п. существительных вместо Р.п. и Т.п.: *вот эта канитель сколько; или с эта клюка*.

58. Зафиксированы формы употребления Д.п. имен существительных вместо В.п.: *Богу веровал; а я Богу не веровал; буду Богу веровать*; Т.п. вместо В.п.: *гармонью заиграю*; П.п. местоимений вместо Д.п.: *я её говорю*.

59. Отмечены конструкции с повторяющимися предлогами: *по этой по реке; с друуом с этим*.

60. Зафиксирована форма давнопрошедшего времени, состоящая из глагола *быть* и знаменательного глагола в прошедшем времени: *свёкор тоже был рассказывал; он был пошёл; тот был говорил*.

61. В речи семейных частотны формы осложненного сказуемого: *он было сказал; по-пробуй было не верить; знать было читал; знай себе сидит*.

62. Единичны случаи употребления причастий на –*но* в функции сказуемого: *дадено три рубля; сказано сделать; было похоронено в лесу*.

63. Широко распространено употребление постпозитивной частицы *то* с именами существительными, местоимениями, глаголами: *она-то; брат-то; молитву-то; жили-то*.

Лексика и фразеология

64. В речи семейных употребляется достаточно много диалектных лексем и фразеологизмов, а также слов и выражений религиозной тематики:

Бастрыг – длинная жердь, обычно из березы, при помощи которой притягивают сено или снопы на возу

Бédная икóна – икона, не имеющая дорогого оклада из золота

Беспопóвский – принадлежащий к старообрядческому толку беспоповцев
Бечурѝка (бечерѝка, бечерѝца) – гриб шампиньон; печерица – *Agaricus campestris*.
Бить – убивать на охоте
Бичур – житель села Бичура
Бичурá – собирательное наименование жителей с. Бичура
Борчáтый – имеющий сборки, складки
Боркѝ – сборки, мелкие складки на одежде
Бўльба – картофель
Гóлик – старый, истертый от длительной эксплуатации веник или небольшая метла
Гóлубль – голубь
Губá – приспособление для вынимания сковороды из русской печи
Гурáн – прозвище забайкальских казаков-старожилов
Держáть пост – соблюдать пост; постовать
Домóвник – домашний распашной сарафан
Домóвно – по-домашнему
Домóк – небольшой дом; домик
Дóча (ласк.) – дочь
Зáпон и запóн – фартук с грудкой
Землѝяк – исконный житель данной территории
Їчиги и ичѝги – сапоги без каблуков из мягкой кожи животных
Калбўшка – часть твердого предмета небольшого размера
Класть с дáчей – накладывать больше нормы
Конвѝрт – специальным образом подготовленная для написания иконы, освященная в церкви доска
Кормѝяга – корыто
Корѝтье – корыто
Крáсный прáздник – большой религиозный праздник у православных христиан
Краснопѝр – речная рыба краснопѝрка
Куплѝть – покупать
Лѝстовка (лѝстовица, лѝствица) – старообрядческие четки из кожи, ткани, реже – бисера
Лўлька – колыбель
Мѝлостыня – жертвование денег близким родственникам для поминовения усопшего
Могулѝ – переселенцы из Могилѝвской губернии
Мóлоньѝ (молоннѝ) – молния
Навалóм – много
Нырóк – принадлежащий к старообрядческому толку нырков
Отмерѝть – умереть
Пáзник – плотничный инструмент, род топора с лезвием, расположенным перпендикулярно топорщику; тесло.
Пáря – употребляется в качестве обращения
Пеленóнька – пеленка
Первослáвный – православный
Перевѝдеть – пережить
Погáный – (о человеке) не принадлежащий старообрядческим толкам и согласиям; (о предмете) находящийся в пользовании у людей, не принадлежащих старообрядческим толкам и согласиям
Подкопѝнник – веревка или тонкая жердь, служащая для стягивания поклажи на возу
Подручник (подорўшник) – небольшая подушечка, подкладываемая под руки или под лоб при отбивании земных поклонов во время моления
Пойтѝ в жизнь – повзрослеть, вступить в социальные отношения
Помáзывание – помазание
Помóроец – принадлежащий к старообрядческому толку поморцев

Пóстовать – соблюдать пост
Похóбще – небелёный холст большого размера; холстина
Правослáвно – согласно исконной православной вере; по-православному
Прошлогóдний – имеющий отношение к прошлому
Рáзом – сразу
Расклевщёно – расклевшено
Рёзда – небольшое углубление, прорезь
Родíмец – нервное заболевание детей; эпилепсия
Рубáть – есть с аппетитом и в больших количествах
Рукавá – вид женской нижней одежды; сорочка
Свáдьба бёгом – свадьба с венчанием без родительского благословения
Семéйские – один из толков старообрядцев, переселенных в Забайкалье из районов Ветки и Стародубья
Связáться – скорчиться от боли, причиненной судорогами
Свякрúха – свекровь
Сквёрна – о социально неодобряемых поступках человека
Сковорóдник – приспособление для вынимания сковороды из русской печи
Смоля́нка – высохшее смолистое дерево, идущее на дрова
Сóпка – возвышенность, большой бугор
Спойтí – пройти
Старина́ – о людях, проживших много лет, достигших старости
Старообрáд – старообрядец
Старообрáдцевый – принадлежащий старообрядческим толкам и соглашениям; старообрядческий
Талды́чить – говорить много и попусту
Тáрочка (ста́рочка) – вид сдобной булочки со сладкой начинкой
Тислá – плотничий инструмент тесло
Троегúб (троегúбник) – речная рыба тригуб
Убёгом – тайно, без ведома других
Хáрюс – речная рыба хариус
Цибúля – лук
Чегúнка – огнеупорная емкость для приготовления пищи; чугунок
Чегúночка – чугунок небольшого размера; чугунок
Чíкмар – хозяйственное приспособление в виде деревянной колотушки, небольшого молота. Обычно изготавливается из чурки с сучком или с поперечной палкой-рукояткой на одном конце
Чипелá – приспособление для вынимания сковороды из русской печи
Чйчка (тйчка, кйчка) – головной убор замужней семейской женщины, полностью скрывающий волосы
Шáньга (шáдья) – вид сдобной булочки круглой формы, ватрушка
Шашмúр (шашмúра) – часть головного убора замужней семейской женщины, род шапочки с выступающей вперед частью (обручком), сшитой из сложенной в несколько рядов и простеганной грубой ткани, на которую повязывался особым способом платок
Шáшочка – вид сдобной булочки
Шит – речная рыба (?)
Щепóтник – православный христианин, использующий при молении трехперстное знамение
Щёпоть – способ складывания пальцев руки при молитве; щепоть

ЖАНР «ОБЪЯСНЕНИЕ» В РЕЧИ АМУРСКИХ СТАРОЖИЛОВ

Одним из актуальных аспектов исследования диалектной речи является анализ функционирования речевых жанров (далее – РЖ). По мнению М.М.Бахтина, «...даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам» [1, с. 255], следовательно, вся речь говорящего может быть рассмотрена как реализация различных РЖ.

Выбор лингвистического анализа жанра «Объяснение» не случаен: объяснение неизвестных реалий информантом в работе собирателя диалекта играет огромную роль. С одной стороны, узнавание самих новых реалий и их истолкование – одна из первостепенных задач диалектолога, с другой – уклад деревенской жизни значительно отличается от городского, и потому для собирателя диалекта, который является жителем города, иногда трудно без толкования названия неизвестного предмета или явления понять, о чем ему сообщает носитель диалекта. Например:

И.К. (собиратель диалекта): А вот у вас в селе нет бань «по-чёрному»?

А.В. (носитель диалекта): Да-а одна ... ну, она э-э... и по-чёрному и по-белому теперь, всяко топится. По-чёрному..., раньше были бани по-чёрному.

И.К.: Вы мылись в таких банях?

А.В.: А как же не мылась? Сама, строила сама, делала сама, топила. А кто же будет для этого же? А на западе, там у них таких бань нету, там всё по-чёрному. Там по-чёрному. Вот за́дорги сделанные.

И.К.: За́дорги? А что такое за́дорги?

А.В.: Ну-у... стены вот выложенные из кирпича или из глины сбитые, а тут э-э... от сенокоски колесо-о сверху лежит, а на колесо на это-о – ка-амни такие вот э-э... кладутся, ну, как дикой камень – та... такие вот. Капу-усту задавля-ют этими камня-ами. Вот таки ка-амни ло-ожутся И вот, топшишь, а впереле чугун стоит мазаной, вода греется. И вот она вытопится... ну, другой раз хорошо мыться, а кто не умеет, дак вымажется. Другой раз и вымажутся. Кто никогда не был, это то (Кизилова А.В., с. Черновка).

Как показывают наблюдения, РЖ «Объяснение» обычно включается в такие сложные (по классификации М.М.Бахтина [1]) РЖ, как «Воспоминание» и «Бытовой рассказ». Цель данных жанров – различные операции с информацией. Поэтому наиболее важным фактором является непосредственно передача информации, и в интересах говорящего подать ее так, чтобы удовлетворить потребности слушающего.

В основе разграничения информативных РЖ находятся цель высказывания, направленность действия на говорящего или слушающего, степень участия их в коммуникации [2]. Коммуникативная цель эксплицируется в РЖ с помощью разнообразных средств, которые и составляют своеобразие его формальной организации.

При описании модели жанра «Объяснение» мы будем придерживаться схемы анализа РЖ, предложенной Т.В.Шмелевой [3]. Она включает семь признаков: коммуникативная цель (намерение), образ автора, образ адресата, образ прошлого и будущего, диктумное содержание высказывания, тема речи и особенности языкового воплощения РЖ.

1. Коммуникативная цель РЖ «Объяснение» – возникновение у адресата понимания. Непонятное должно быть объяснено через более понятное – словами, которые знакомы большинству носителей языка: иначе говоря, нужно сделать непонятное понятным. Действие совершается в пользу слушающего, ему передаются опыт, знания говорящего. Например:

В доме стоит шифоньер, в нём четыре ящичка засувáются. В него одёжу хорошу кладут, чисту.

Вытирались рушником. Ещё махры были. Это полотенце с бахромой. Сковородку брали чеплей. Варили харчи в горшках. Жидкие харчи – это хлебало. Харчи наливали черпачками.

Зимой из чушиного мяса делают стрыгач. Его делают из сырого мяса.

Сами мололи муку. Первый сорт – это крупчатка, белая мука и лучшая. Мололи размол. Размол делается из разнородней муки.

Дрожжи делали из высевок. Высевки – это отсеивают от муки. Их трут, затирают и сушат.

Катали хлеб, клали его на лист, лист в печку шурнут, золу разметут и туда хлеб. Буханки душистые были.

Делали затируху – похлёбку. Делали её из муки и крупы. Брали рис или пшено.

Квас делали из буряка. Его резали, клали в кадушку, ждали, когда закиснет, тогда и пили.

Раньше девушки носили повязки, это ленты такие на голову.

На ногах носили козлинки. Для них шкуру чинят и делают щиты.

Из овчинной шерсти делали катанки.

Зимой носили ватники, это такие штаны на вате.

В молодости собирались на вечерку. На вечерке песни пели, танцевали, играли. Собирались у тётки какой-нибудь, и там устраивали вечерку.

Удочки разные были. Трёхпёрстка – на ней сразу три крючка было. Был бредень. Он десять метров в ширину и два метра в глубину. Ловили кету, горбушу в Амуре. Ночью рыбу ловили (о)строгой. Возьмёшь фонарь и ходишь, ловишь. Делали мордужи. Их из пров(о)лки плетут. В неё для приманки клали кесто. На глубину плавали в одноколенке с греблями. Это двухместная лодка с деревянными вёслами.

Выращивали огород. Сажали берлинку, это такой сорт картофеля. Корка на (н)ом грубая, корявая. Сажали скороспелку, она поспевала за сорок дней.

Выращивали лук батун, семейный, репчатый.

На огороде много сорной травы. Растёт мокрец, лебеда, бурячок. (Скрипченко И.Н., с.Черновка)

2. Образ автора. Инициатива в создании РЖ «Объяснение» во многом принадлежит говорящему (в нашем случае носителю диалекта), для которого небезразличны такие характеристики слушающего как свой/чужой, старший/младший, авторитетный/неавторитетный. Слушающий в ситуации беседы с диалектоносителем – городской житель, он чужой и, как правило, младший. Авторитетность/неавторитетность слушающего для диалектоносителя определяется конкретной ситуацией и личностными качествами собеседников. Говорящему важно, учитывая характеристики слушающего, как можно доступнее объяснить значение непонятных ему слов, рассказать о неизвестных предметах, действиях. Говорящий не уверен в успешности коммуникативного акта, так как слушающему может не хватать знания реальной ситуации, ведь он человек, принадлежащий к иному социуму. Форма «объяснить» не эксплицитно гарантирует достигнутого понимания, то есть автор высказывания не может быть абсолютно уверен в том, что информация, которую он пытается объяснить, правильно и в полном объёме понята адресатом. Например:

Мама у меня шила. И я ряднушки всегда сама делала, никогда не покупала. Укрыться всегда было чем. Ряднушки из цветных лоскутьев делали. Сначала лоскутья на вертеле сушишь, затем сшиваешь (Селенчук А.И., с.Черновка).

3. Образ адресата. Слушающий может провоцировать говорящего на создание РЖ «Воспоминание», преследуя свою цель, активно участвуя в коммуникации. Рассказ-объяснение, следовательно, может являться реакцией на реплику-стимул собеседника, интересующегося каким-либо явлением, предметом действительности, ему не известным.

– А косачи – это кто?

– А косачи это чё-орные. Краси-ивы... Красивые, гребешки красные, большие-ие такие, как... как ку-уры. Их в заре на берёзках тоже стаями, по полсотни штук, бо-ольше, где-

то в одном месте усядутся, и вот их охотники и стреляют, и-и петлями ловят, и всяко. Куропатъ беленькие, как курочки. А мясо вкусное из них, хорошее (Кизилова А.В., с. Черновка).

– *А плов как варили?*

– *А плов варили: ри-ис, э-э... морковочка, курятина, мясо, пожалуйста. Мясо это-о отваришь, откинешь в эту жижку ри-ис, его не мешаешь, он так, сам по себе, так разложится, а тогда-а морковку пережаришь, туды мясо это* (Кизилова А.В., с. Черновка).

4. Образ прошлого и будущего. Данный жанр преимущественно реактивный, представляющий ответ на прямо заданный вопрос: что это значит, что это такое и т.п. Но вопрос может быть и не задан, а лишь предполагаться говорящим, тогда «Объяснение» носит инициальный характер:

Дедушка был ходок. Ходоки – это те, кто собирался и шёл искать себе новые земли (Дашукова А.П., с. Черновка).

5. Событийное содержание. Повествование строится как толкование предыдущего понятия, явления. Причем высказывания РЖ «Объяснение» включают не только толкование, но и иллюстрацию объясняемого. Событийное содержание не включается в личную сферу говорящего.

Мы в детстве любили, кода мама борщ варила. Зимой борщ со свёклой варила, а весной еще щавель с курочками рвала в борщ. Курочки – это травка такая. Берёшь её, ешь, а она такая кисленькая (Пинтусова М.А., с. Черновка).

6. Языковое воплощение. Высказывания РЖ «Объяснение» представляют собой преимущественно метатексты, в которых присутствует предмет толкования и само толкование неизвестного. Толкование может быть представлено в виде высказывания с выраженным показателем – частицей *это*:

Хлеб мы когда-то сами пекли. Господи, как вспомнишь, что только не пекли, и так, и на религиозные праздники. На сороки, это в честь сорока мучеников, заводили дрожжевое тесто из вальсовки, это лучший сорт муки (Черногор А.А., с. Черновка)

Если необходимо дать объяснение процессу, в основном используются описательные конструкции с целевыми придаточными предложениями:

Из молока я варю творо́х, варенец. Чтобы сготовить варенец, нужно варить молоко в русской печи. Когда молоко скиснет, то это получается кисляк, или простокваша, и можно в тесто (Черногор А.А., с. Черновка).

Молоко ешио перегоняли в масло, творог, сыр делали, варенец. Чтоб варенец получился, надо молоко прокипятить и сметаной заквасить (Пинтусова М.А., с. Черновка).

Кроме того, для РЖ «Объяснение» характерно частое употребление неопределенно-личных конструкций. Например, рассказ о том, как происходило переселение:

А суда приезжали, расстраиваться начинали, огороды корчевали, деревья раскорчёвывали. Обкапа(е)шь дерево, подруба(е)шь его и вручную вытаскива(е)шь – тракторов-то не было (Пинтусова М.А., с. Черновка).

Рассказ-объяснение имеет характерную структуру: называется предмет, объясняется его название, описываются внешний вид, способ изготовления, назначение предмета. Самые распространенные схемы строения данного жанра следующие:

1) «X обладает свойством Y» (схема характеристики):

Курочки – это травка такая <...> она такая кисленькая;

2) «X приготовлен (состоит) из Y» (схема включения, состава):

Бурки – это материал, а в середине вата, и сверху материал, и их сострачивают;

3) «X производит характерные действия»:

Сводня – кто сводит, разводит;

4) «X вызывает реакцию у Y»:

Тошнóтики – лепёшки, от тошнотиков тошнило.

Объясняя значение, говорящий оперирует величинами, известными слушающему: называя предмет/действие, старается привести производящие, однокоренные слова, синонимы, антонимы, что демонстрирует осознание им языковых отношений мотивированности, гиперо-гипонимических отношений, а также синонимии и антонимии. Например:

Раньше ещё делали **затируху**, это когда в яйце муку **затирают**. Я затируху и щас иногда делаю (Черногор А.А., с.Черновка).

За Николаевкой есть дорога, её называют **царской**. Рассказывали, что только **царь** мог по ней ездить (Хабарова Е.Ф., с.Черновка).

Пятистенок – это дом, к которому прирубали **стену**. Семья сначала малая, потом семья прибавлялась, и тогда стену прирубивали (Волков С.С., с.Черновка).

На моей усадьбе много **построек**. Есть **стайка**. В стайке живут и коровы, и птицы. На пустом месте делают **пригон**. В ясли сено бросают, корова оттуда сено таскает. А вон то **дровенник**, он для **дров**. Мужики дрова возят. Оне как двое или трое собираются и дрова возят (Волков С.С., с.Черновка).

Шишкар они, **шишкú** рубят. **Нáрость** на сосне **шишкá** называется. В этой шишке смола есть (Волков С.С., с.Черновка).

Черновку назвали, потому что инженер **Чернов** командовал строительством железной дороги. **Чужеумовка**, потому что **Чужеумов** на перекрёстке постоянный двор держал (Хлыстов М. В., с.Черновка).

Засолка была. Чаны – это ямы с деревянными бочками. Двенадцать тонн были чаны. Корыто стояло, мыли огурцы. На **засолочной** работали, ложили специю и **засоливали** (Глазкова В.Н., с.Черновка).

Мы тоже хозяйство держим. У меня бараны есть, один **бутыльник**, я его сама из **бутылки** выкормила (Лебедева В.П., с. Разливное).

Как представляется, в любом высказывании, которое можно было бы отнести к РЖ «Объяснение», в качестве своеобразного, имплицитного метапоказателя будет выступать глагол **объяснять**. В диалектной речи он практически не употребляется, но в любом рассказе-толковании этот глагол всегда присутствует.

М.Я.Гловинская предлагает следующие схемы действия глагола **объяснять**:

X объясняет У-у Р,

X считает, что понимает Р;

У не понимает Р;

X говорит У-у о Р то, что может сделать Р понятным для У-а;

X говорит это, потому что хочет, чтобы У понимал Р [4, с.83].

где, в нашем случае, X – носитель диалекта, У – собиратель диалекта, Р – новые реалии, которые вводит в свой рассказ носитель диалекта и которые непонятны собирателю диалекта. На основании тождественности ядерной семы («сделать непонятное понятным») в общую лексико-семантическую группу с глаголом **объяснять** – **объяснить** будут входить и следующие глаголы: **пояснять**, **разъяснять**, **растолковывать**, **втолковывать**. Все эти глаголы в разной степени интенсивности составляют сущность РЖ «Объяснение».

7. **Тема речи**. То или иное объяснение в речи носителей диалекта могут получить любые предметы или явления действительности. Однако необходимо отметить, что в диалектных текстах практически отсутствует объяснение абстрактных и нематериальных понятий, что, как представляется, имеет объективные причины: в зону осмысления чаще всего попадают объекты, находящиеся в обозримом, наблюдаемом, знакомом пространстве.

К основным текстовым темам рассказов-объяснений амурских старожиллов относятся:

1. Объяснение назначения и внешнего вида предметов различной хозяйственной и производственной утвари.

2. Объяснение реалий животного и растительного мира родного края.

3. Объяснение (рецепты) приготовления праздничных и повседневных блюд.

4. Объяснения игр, обрядов, гаданий, примет, заговоров.

В настоящем выпуске альманаха подобраны рассказы-объяснения на названные темы, поскольку они наиболее часто присутствуют в воспоминаниях амурских старожиллов о былом и в бытовых рассказах о неизвестных представителю городской культуры реалиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / сост. С.Г.Бочаров. 2-е изд. М.: Искусство, 1986.
2. Эмер Ю.А. Отглагольное имя в информативных речевых жанрах // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии. Томск, 1998.
3. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Жанры речи. Саратов, 1997.
4. Гловинская М.Я. Русские речевые акты со значением ментального воздействия / Логический анализ языка. Ментальные действия. М.: Наука, 1993.

РАССКАЗЫ-ОБЪЯСНЕНИЯ

1. Объяснение предметов хозяйственной и производственной утвари

«Сковородником сковороду подхватываешь»

*Тихонова Клавдия Ивановна, 1928 г.р.
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Попович Р., 2000 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Горшки в русскую печку раньше ухватом ставили. Сковородником сковороду подхватываешь. Карасей раньше в русской печке сварить, это такая вкуснятина получалась! Золу из печки клюкой выгребали.

Мы раньше вышивали. Руки вытирали рушником. Это вышитое полотенце. Скатёрка у меня вышитая была. Гладью вышивали, крестом тоже. Вязали наволочники, скатёрки, салфетки разные. Рушлák – это вышитое полотенце, которое вешают над иконой.

Я всё время была масло в маслобойке. У нас был сделан туесок из берёзы. Из неё был сделан тот, в котором бьёшь масло. Всё плелось из бересты. Квашня тоже деревянная была. Тесто в деревянной посуде лучше поднимается.

«Без чепилы ни блина не спечёшь»

*Черногор Антонина Андреевна, 1938 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Попович Р., 2000 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Всё готовили у русской печи, у чугунок. Их доставали ухватом, его также называют рогачём. Ещё была чепила, она для сковороды. Без чепилы ни блина не спечёшь. А тогда у печки наваришь на целый день

«Прутики – это иголки такие длинные»

*Пинтусова Мария Алексеевна, 1926 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Мама у нас хлеб сама пекла, крутёлкой муку молола и пекла. Крутёлка – это таких два круглых колеса каменных. Одно лежит неподвижно, а другое крутить надо, и мука получается. Её потом просеивать надо было. А ешшо муку в ступе толкли. Токо это дольше и труднее, крутёлкой проще.

Я раньше пряла, а шшас не пряду. А мама всю жисть пряла, у её прялка была. Две палки ставятся, снизу станок круглый на четырёх ножках. Ес(т)ь ешшо шпуля такая на железном мостике. Оттуда скубёшь и на шпулю наматываешь, а потом можно в моток смотать. А потом из этой пряжи носки да рукавички вязали. Чем вязали? Ну, рукавички да носки прутика-

ми вязали, а кружева да салфетки – крючком. Прутики – это иголки такие длинные. Ешшо я вышивала и крестом, и гладью. На сорочках вышивала, на рушниках. Это полотенца. Вышивала на кайме. Она как марля, на ей вышивать удобней. Ешшо постилки шили из кружочков ткани, ими кровати заправляли.

Печка была, как стена. Там вот такое отверстие, туды дрова кладутся, запаливаются, а дым вверх идёт и из трубы валит. Так вот, казанки в это отверстие ставили, и в ём готовили. Казанки – это чугуны. А дрова во дворе в скирды складают, это поленицы такие, там дрова ровно складают, чтоб не разваливались. Ешшо навес делают, чтоб дож(д)ь дрова не посмо-чил.

Я в молодости на ферме работала, коров доила. Коров в стойлах держали, соломы туды ложили, чтоб теплее было, но всё равно холодно было, коровы мёрзли, и у меня руки замерзали, я ведь вручную доила, машин доильных тогда ешшо не было. А телят отдельно держали, их сразу телятнице отдавали, она за ими и смотрела. Чем коров зимой кормили? Так, сеном, лушпайчиной какой, если есть, то и комбикормом. Комбикорм запарют, туды – лушпайки, да в лоханку нальют, чтоб корова ела. Лоханка – это такая, как бочечка, круглая, токо низкая. Лоханки у нас бондари делали: клёпку обставляли, обручами потом соединяли и в конце уже дно делали. А ешшо они бочки да водянки делали. Тоже клёпку обставляли, обручами крепили и дно вставляли. В водянки воду заливали и крышкой закрывали, чтоб туды ничего не падало.

Сено для коров с лета заготовляли. Косили на покосе, сушили, потом граблями согребали, вилами в копны складали, а копны потом стягивали и в стога складали. А чтоб их стянуть, шесть длинный брали, под стог подталкивали, веревку перекидывали и ташшили. А косили сено литовками, косами то есть.

«Подгазетница – это полотенце такое...»

*Ноншакова Раиса Сидоровна, 1924 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Я раньше много вышивала и салфетки, и сорочки, и подгазетницы. Подгазетница – это полотенце такое, пополам складывают и на стенку вешают, газеты туда складывают. Вышивала я по канве, она как марля, только покрупнее. Её к материалу пришиваешь и по рисунку вышиваешь, клеточки на рисунке на бумаге считаешь, а потом столь же клеточек на канве крестиком вышиваешь. Канва потом по ниточке выдёргивается, а рисунок остаётся. Я и просто гладью вышивала, и кружева вязала раньше. Тогда мода была на кружева. И скатёрки крючочком вязала. Когда скатёрку вяжешь, сначала срединку вязать надо, а потом по рисунку: или целиком скатёрка, или кружочки отдельно вяжутся, а потом их соединяешь. Под кружева, ко(г)да вяжешь, подкладку подкладываешь, чтоб рисунок был лучше виден. И её лучше надо брать однотонную и тёмную, тогда рисунок хорошо видать. Я как-то и на заказ кружева вязала. Помню, как-то женщина на работе мене заказала за хорошую цену кружево связать. Я то(г)да купила нитки тридцатого номера, рисунок посложнее и покрасивше выбрала, целый месяц вязала, зато красиво получилось, аж жалко отдавать было <...> У меня и подруги многие и вышивали, и вязали. Одна так и в старости вышивала, до последу занималась, до самого последу. А я уже не занимаюсь: и глаза плохо видят, и руки не такие проворные, да я и пальцы-то кому-то отдала.

«А ещё в матрасовку шишек хмелёвых набивали...»

*Смолкина Елена Кузьминична, 1941 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Раньше матрасы соломенные были. Матрасовку соломой набьёшь, пару раз поспишь и новый можно набивать. А щас матрасов разве накупишься, а они все посбиваются – спать невозможно. А ещё в матрасовку шишек хмелёвых набивали, а от них такой обалденный запах. Спишь на них как убитый. И врачи рекомендуют для тех, у кого бессонница. На полатах спали. Ставили козлы таки невысоки, прибавляли доски сверху, вот на таких и спали.

«Это филёнка, филёнкой обшивают...»

*Горев Алексей Макарович, 1918 г.р.,
п. Юхта Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Это филёнка, филёнкой обшивают. Это тоже облицовка, это в помещении. Дом простой, пятистенный. А пятистенный, знаешь, он разгороженный посредине, значит, этого. Так четыре стены, а посредине делается ешшо стена. И вот называется пятистенная. Прочнее стоит, и разделёны комнаты там. Ну, а окон скоко, кому скоко заблагорассудится, и стоко и делают. Обычно по зданию, как здание позволяет. Если большое здание, значит, больше окон; малó – значит, меньше окон <...>.

Вальцовка, ну, вальцовка – это вот уже проходит соответствующую... вальцы, и вот она проходит через эти вальцы и называется – вальцовка.

Сеяли лён, этот лён ткали, рубахи шили, штаны, юбки. Ткань из льна называлась холстина, из холстины холст ткали. Потом его подкрашивали. Оляха растёт, вот эту кору брали, варили её, потом эту холстину замачивали, а эту воду кипятили, и получался уже другого сорта, уже крашенная.

Рыбу ловили на закидушку. Это четыре-пять крючков на бечёвке. И вот забрасывашь её, а здесь в берег втыкашь колышек, привязывашь, вот она и называется закидушка.

**«А у мужиков – кужулянки,
они их по праздникам на вечерку одевали»**

*Репешко Лидия Николаевна, 1918 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Записала Мальцева Е., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Раньше не шили польта, а были курмушки. А у мужиков – кужулянки, они их по праздникам на вечерку одевали. Придут хлопцы на вечерку, а тут девки в курмушках. На голове картузы носили, кто – кужух, кто – фуражку. Шаровары какие-то хлопцы оденуть и идти, на чёрта похожие. Сорочки, подштанники, всё своё, домотканное было. Лён гребнем вычёсывали. Выбеливають полотно, на снегу положуть полотна, а лён тоненький-тоненький, от снега он мягкий делается. В ступню его закладываешь и колотишь, он беленький-беленький становится. Скатёрки, наволочки холщовые. Рушничков понавязуть, на весь дом понавешають. Юбок понашьють холщовых, а по низу вышивка. Идёт девка в такой юбке, сама юбка чёрная, а та, с вышивкой, наполовину из-под неё, красивая такая. Лапти сами мужики плели, а бабы – чулки вышиванные. Ботинки сами шили, но очень трудно было ботинок дожидать. Шкуры мочили в бочках, она мягкая становится. Закладываешь шкуру в крутилку и коня по кругу ворочаешь, мяли её.

«В маслобойке – кругляк...»

*Колесникова Вера Ивановна, 1921 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Хакимова Л., Федотова М., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

У нас раньше молоко было, масло и сметану с маслобойке взбивали. В маслобойке – кругляк, маленькая чаша с дыркой, в которой палка, через эту дырку молоко отходит, пахта называется.

2. Объяснение реалий животного и растительного мира родного края

«Волвянки – это, поди, волнушки»

*Пинтусова Мария Алексеевна, 1926 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Да, у нас здесь красиво. Грибов много, ягод, голубица ес(т)ь, земляника. И грибы всяки разны: и рыжики, и волвянки, ешшо сухой груз(д)ь ес(т)ь. Волвянки – такие маленькие, жёлтенькие грибочки. А сухой груз(д)ь такой же, как и обычный, токо у простого груз(д)я шляпка влажная такая, склизкая, а у сухого – сухая, а по виду они одинаковые. Волвянки – это, поди, волнушки. А может, и волнушки. Ещё у нас опята растут; проскочки – это маслята. А проскочки, потому что их как поешь, так понос нападает. Ещё у нас синявки растут, сыроежки по-другому, лисички, оленьи рожки, грибы такие без шляпок, а как кустик, с многими отросточками. Грибов у нас много, и ягоды много. В речке рыбы много: ленок, карась, харюсь, налим. Харюсь – это такая рыбёшка, сантиметров пятнадцать – двадцать, не больше.

«...Краснопёрка, у неё плавники красные...»

*Горев Алексей Макарович, 1918 г.р.,
п. Юхта Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

В Пёре щука ловится, краснопёрка, у неё плавники красные, вот она называлась краснопёрка. Налим, сом, касатка. Ко(г)да её на удочке вытягивашь, так она пишшит. Она большая не бывает, кости у неё острые. Гальян, пескарь, ерши, вьюны. Они похожи на змей. Где принято их кушать, так и кушают, а где не принято, дак и не употребляли.

На Дальнем Востоке вот эта вот голубица, смородина, малина, крыжовник, облепиха, жимолость вот растёт. Сейчас первые ягоды жимолости, брусника. Здесь нет черники, а на западе черника наподобие вот этой вот голубицы, значит, она такая плоская. Здесь она какая-то продолговатая (голубица), а черника совершенно другая, она очень вкусная.

«Улик – домик, где живут пчёлы»

*Колесникова Валентина Андреевна, 1936 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Зенкова О., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Улик – домик, где живут пчёлы. Мой мужик много их разводит, уже улик двадцать пять набралось. А с пчёлами надо ласково обращаться, они ведь не любят резкости. А эта доска с дырочками в бочке, чтобы они, значит, пчёлки, пили. Она вот сядет на дырочку и напьётся.

Обычно мы каждый сезон собираем с пчёл по несколько канистров мёда. А зимой пчёлы живут у нас на веранде. Едят они в это время мёд.

«Марь – это болотистое место, сыроватое»

*Тюмин Аркадий Иванович, 1918 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Да, места у нас ничего, красивые. Голубика у нас есть, где марь хорошая, так её много растёт. Марь – это болотистое место, сыроватое. И грибы у нас есть: маслята, рыжики, красноголовки, подберёзовики по-другому, боровики ещё, волнушки, грузди.

Что-то в этом году власогрызков много. Это жуки такие большие с длинными усиками. Мы их в детстве грызиками называли, а здесь их стригунами называют. Мы ими в детстве девочек пугали: поднесёшь резко к лицу грызика, а девочка визжит. Что-то грызиков раньше видно не было, а тут налетели.

«Тополёвики здесь растут»

*Тюмина Надежда Петровна, 1921 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Тополёвики здесь растут. Это грибы такие, вроде груздей, но не грузди, сверху корка у них тёмная.

«Гусятник – это трава такая, ковром по земле стелется»

*Смолкина Елена Кузьминична, 1941 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Чёбрик – травка, маленькая такая, по земле стелется, с фиолетовыми цветочками. Его запаришь, и от простуды пить хорошее средство. А зверобой от девяноста девяти болезней помогает. Брусничный лист является общеукрепляющим, свежие ранки заживляет. Липовый цвет от простуды тоже служит. А это – часики: так покружишь, и они приблизительно время показывают. Мы ими так в детстве время смотрели – баловались.

У нас с дедом раньше хозяйство большое было. А щас только куры и гуси. Я их на улице перед двором выпущу, они в земле копаются, гуси гусятник щиплют. Гусятник – это трава такая, ковром по земле стелется. У него листики, как ёлочка, только кругленькая. Да вот он!

3. Объяснение приготовления праздничных и повседневных блюд

«Ещё были шаньки, или ватрушки»

*Черногор Антонина Андреевна, 1938 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Попович Р., 2000 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Хлеб мы когда-то сами пекли. Господи, как вспомнишь, что только не пекли! И так, и на религиозные праздники! На сороки – это в честь сорока мучеников – заводили дрожжевое тесто из вальсовки, это лучший сорт муки. Просеешь на сито, чтоб густое было. На Пасху пекли куличи, блины. Блины толстые, а блинчики тоненькие. Можно и с вареньем из голу-

бицы, ревень. Также пекли тарочки, они круглые, с начинкой. Начинку делали из черёмухи. Ягоду мелят, перемалывают и кладут в тарочки. Ещё были шаньки, или ватрушки. Шаньки – это уральское название, их делали с творогом.

В войну делали тошнотики. Не дай бог вам такое попробовать! Делали их из гнилой картошки, потому-то и называли тошнотики.

«Ну, суп с галушками делали»

*Пинтусова Мария Алексеевна, 1926 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Да какие блюда? Картошка да молоко – вот и все блюда. Ну, суп с галушками делали. Тесто замешивашь, а потом кусками просто берёшь и в суп кидашь. Мама ешшо гамулы жарила, это лепёшки такие. Чтоб их пожарить, надо сначала муку обжарить, потом её в ступу сыпешь, но не всю, затем картошку отваренную, а потом остальную муку сверху. Потом всё это кулаком берёшь из ступы, лепёшку делаешь и жарить. Вкусно получается!

Коноплю сушили, толкли и из конопляной муки готовили. Мак с молоком мешали, хлеб туды макали и ели. А щас ни конопли нету: всю наркоманы повырвали, и мак больше не сеют.

Из картошки еще деруны да бабку делали. На деруны картошку тёрли да жарили. А чтоб бабку сделать, надо картошку натереть да крахмал смыть, потом её в чугунок положишь, жиром заправляешь, и она там тушится. Вкусно! За уши не оттащишь! А мы в войну из картошки тошнотики делали. Это типа драников, только драники из свежей картошки делают, а тошнотики из мёрзлой картошки, которую весной по полям собирали. Её мяли и жарили.

А мы в войну чай из тыквы заваривали, пластами её режешь, сушишь на солнце, затем можно и в печи подсушить, а потом чай из её заваривали. Ешшо из тыквы повидлы делали: или её так чищену(ю) сварить, или в печи спечёшь, а потом токо так наяриваешь.

4. Объяснение игр, обрядов, гаданий, примет, заговоров

«Мы на блюде гадали»

*Черногор Антонина Андреевна, 1938 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Попович Р., 2000 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

В молодости мы с девушками собирались и шли на тырло. Вы сейчас говорите – на танцы. На Новый год мы с подружками собирались у кого-нибудь дома и гадали. Мы на блюде гадали. Вызывали духа и спрашивали про себя. Я спрашивала, кто мой муж будет.

«Ещё гадали по-всякому, на блюде, на бумаге»

*Тихонова Клавдия Ивановна
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Попович Р., 2000 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

В молодости мы ходили колындовали, пели песни, плясали. Ещё гадали по-всякому, на блюде, на бумаге. Это всё со свечкой делается в темноте. На блюде ворожили. Ещё гадали по дровам. В темноте заходишь в сарай, берёшь охапку дров и считаешь. Если чётное число – то в этом году выйдешь замуж, а если нечётное – то сидеть тебе ещё в девках. Самое страшное гадание – с двумя свечами и зеркалом. Надо остаться в полночь в бане одной и смотреть в зеркало. Кого там увидишь – за того и выйдешь замуж. Вообще я так не ворожила,

потому что разные плохие истории про это рассказывали. Мы были молодые, и нам было страшно. Зато ворожили по-другому. Идёшь по воду в колодец в двенадцать часов, приносишь и наливаешь в блюдце. Блюдце должно быть чистым, без всяких цветов. Строишь в зеркало на кольцо и загадываешь любимого. В кольце должен появиться мужчина. Я увидела военного в кубанке. Потом я его встретила на Новый год. Он пришёл обедать в столовую. Через несколько дней мы с ним познакомились.

На берегу реки качели были, и там было тырло. Танцевали краковяк, яблочко. Вообще, в игры разные играли. Ну, парами становишься, а кому нет пары – тот и есть лишний. Ну и называется игра «Третий лишний».

«В детстве мы в волчочки играли»

*Пинтусова Мария Алексеевна, 1926 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Паску мы красиво отмечали, пекли паски, яйца красили, гуся готовили. Каталися у нас. Забиваешь кол, надеваешь колесо, привязываешь санки к этому колесу и катаешься. На Мясленку блины пекли. Вообще красиво было! А шас ничего такого нет. Сани были здоровые. На сопку их тянешь всем гуртом, а потом оттуда кто как может и каталися.

В дестве мы в волчочки играли. Там две палочки нужны, одну кладут на землю, другую – на её и бьют, потом бегут за ей и ловят. Мы еще в перягонки играли: все убегают, а один догоняет, кого догонит – тот и вадя.

«Ласточки низко летают – к дождю»

*Смолкина Елена Кузьминична, 1941 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Примет я мало знаю. Ласточки низко летают – к дождю. Если что-нибудь забыл, нужно вернуться, посмотреть в зеркало, три раза сказать: «Чур меня! Чур меня! Чур меня!» или плюнуть три раза через левое плечо. Чтобы дождь пошёл, ганки поливают. Ганками называют ступеньки крыльца.

А у нас в деревне знахарь был – Святин. Перед смертью он сказал: «Приходите ко мне на могилку, дождь просите, и дождь пойдёт». Я пару раз ходила, просила, и дождь был. А ещё примета есть: если собака вверх воет – к пожару, вниз – к покойнику. Левая рука к деньгам чешется, а правая чешется к тому, что здороваться с кем-то будешь. Левый глаз чешется на удачу, правый – всплакнуть. Если чёрная кошка перешла дорогу, надо закрыть глаза, взяться за пуговку, три раза сказать: «Чур меня! Чур меня! Чур меня!» и пройти то место, где пробежала кошка.

В детстве в игры мало играли. Я ж в интернате жила. Ну, играли в «Двое, третий лишний». Это когда в круг становятся несколько групп по два человека, затем двое игроков начинают бегать вокруг стоящих. Один убегает – другой догоняет. Когда убегающий устает, он становится впереди одной из групп, а стоящий в этой группе позади начинает убегать от догоняющего. Если догоняющий догоняет, то он становится убегающим, а убегающий – догоняющим. Ещё играли в «Угадай, кто». Один становится спиной ко всем, один из играющих ударяет его по спине. Стоящий спиной ко всем разворачивается – в это время все кричат: «Я! Я! Я!». А он должен угадать, кто его ударил по спине. Больше чё-то я игор не помню.

«Лечить от порчи корову так»

*Волобуева Любовь Даниловна, 1927 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Туякова А., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Рожок удержит ведро – то вёдренный месяц буде. Если не удержится – то дождливый месяц. Ой, дождик будет – с гнилого края ветер подул, хмарь на небе.

Лечить от порчи корову так: навоз с трёх дворов, двенадцать новых иголок. Утром подоить корову, до солнышка, всё на сковороду и оставить на печке. И ведьма прибежать должна!

«Могу болезнь заговаривать»

*Демидов Николай Павлович, 1937 г.р.,
с. Чембары Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Мальцева Е., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2006 г.*

Могу болесь заговаривать. Огники могу заговаривать. Если соскочил на лице, сорвал его, а он по всему лицу пошёл. И вот плювать на огонь не(ль)зя. А надо так: три лучинки зажигаешь и соединяешь их концами, а в это время воду кипячённую брызговаешь на лицо и приговариваешь: «Антон-огонь, возьми свой огонь». И так три раза. От испуга могу заговаривать. Берёшь три уголька горячих, опускаешь в воду и говоришь... тебя как зовут? Вот и говоришь: «Лена, не бойсь! Лена, не бойсь! Лена, не бойсь!». И так три раза тоже. И воду брызговать на тело. Всё это делать надо перед закатом солнца. Ещё голову могу лечить. Голову правлю, ко(г)да в больнице говорят, что сотрясение мозгов, тошнота открывается. Вот, значит, измеряю верёвкой и отмечаю виски и переносицу, а потом смотрю, чтобы сходились. Если не сходятся, то, значит, сдвиг. Вот виски должны совпадать, и переносица с затылком. А не совпадают хоть вот настолько, начинаю править, крутить, вертеть туда-сюда, чтобы на место встало. Вот так и правлю. А люди теперь, где встретят, «спасибо» говорят.

РЕЧЕВОЙ ЖАНР «ВОСПОМИНАНИЕ» В РЕЧИ АМУРСКИХ СТАРОЖИЛОВ

В настоящем выпуске альманаха продолжается публикация рассказов-воспоминаний амурских старожил (см. «Слово. Фольклорно-диалектологический альманах». Вып. 2. 2005 г.). В первую очередь, это связано с тем, что РЖ «Воспоминание», выступающий в качестве вербализации прошлого опыта, является неотъемлемой частью речи диалектоносителей. Кроме того, по объективным причинам тексты именно этого жанра преобладают в собранном в ходе работы диалектологических экспедиций материале. В рассказах-воспоминаниях отражены темы жизни и судьбы человека, военной службы, крестьянского быта и труда, праздников и обрядов.

«Судьба у меня печальная, очень печальная»

*Пичуева Наталья Ильинична, 1940 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Попович Р., 2000 г.
Обработала Лагута Н.В., 2005 г.*

А зачем вам свою жизнь рассказывать... Судьба у меня печальная, очень печальная. Никому такого не пожелаю. Замуж я вышла в деревне Белоногово, и с тех пор пошли мои несчастья. Для свадьбы мы зарезали корову. В тот же день свекровка умерла. На следующий

день померла золовка. Померла в муках. А мужик мой заболел. В больницу поздно увезли, там он и умер. Его (а)натомировали. Оказалось, у коровы была сибирская язва. К этому времени я себя стала плохо чувствовать, и меня положили в больницу. В это время я была беременна. Врачи говорили мне не рожать. Они хотели сделать аборт, говорили, что я ненадёжная. Я долго лежала в больнице и потом выздоровела. И потом я поехала в Мазановский район. Там встретила второго мужа. Прожила я с ним шестнадцать лет, и он умер. С другим сошлась. Но смерть пришла, и третий мой мужик умер. С ним я прожила девятнадцать лет.

Я самая последняя была в семье. С родителями я жила в Серышевском районе. Маму и тятю называла «на вы». Мы раньше «выкались», а теперь все «тыкают». Мы раньше о таком и подумать не могли. Однажды я играла с батей в карты. Походила к нему, а он и говорит мне: «Брешешь!», а я – «Сам ты брешешь!». Даже не знаю, как это у меня вырвалось! Моей маме сразу плохо стало, и она упала в обморок. Я к ней сразу подбежала, заплакала, просила прощения, обещала, что никогда «на ты» не скажу. Вот как раньше было!

«Там, в Манчжурии, встретили войну»

*Редькин Василий Григорьевич, 1924 г.р.,
с. Чембары Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Назарова Т., Хорош Н., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2005 г.*

Родители крес(т)ьяне, переехали с Белоруссии, Половский район. Переехали в Михайловку. Получили участок, абсолютно необработанный. А нас шестеро детей было. Значит, был колхоз в Михайловке. Колхоз имени Мухина. Мухин – это был первый председатель облисполкома. Закончил я четыре класса. До школы было двадцать два километра. Ко(г)да закончил, были одни пятёрки. Потом я штурвальным на комбайне работал. В тридцать девятом пошёл на курсы механизации Бурейского района. Как закончил, работал комбайнёром на МТС. Это машинно-тракторная станция. В сорок втором году в августе нас призвали в армию. Потом отпустили, хлеба убирать. А четвёртого октября вторично забрали. В сорок втором году дивизию на фронт: мы гарнизон охраняли. Служил я в авиации в Харóли. Это райцентр. С девками служил, тягал орудия, в артиллерии служил. Отправили на фронт нас в Монголию. Получили лошадей, до Улан-Уде неделю добирались. Потом в роту. Здесь, значит, пробивали тайгу, город Мулин. Это в Манжури(и). Там, в Манжури(и) встретили войну. Враги постоянно понужали, стреляли по нам. Ко(г)да поехали дальше, с нами было восемь раненых. Леса непроходимые! Брали Мударьян (Муданьдзян – ?). У нас была трёхсотая стрелковая дивиз(и)я. На станции Яблочная похоронили товарищей. Потом попали в окружение. Погрузили нас, и в Харбин. Четыре месяца там служили. Возили трофей, провизию. <...> На свадьбе участвовал. Майор – его пригласили, и меня тоже. Родители выдавали две дочери и одно застолье. Народа много было. Закуски много. Картофель тушёна, разнообразные блюда. Там (в) Харбине у русских традиция есть: если невеста нечестна, то пьют вино, а если честна, то всё пьют. Но пьяных нет. Были и на китайской свадьбе. Там за невестой несут ящик разукрашенный, а жениха впереди несут. Их посыпают зерном. Они заходят в зал, навроде сцены. Мужчина чё-то читал, они покланяются. Все гости платят деньги, чтобы попасть на свадьбу. Спиртного совсем никакого. В январе уехали в Приморский край и служили. Получили студебекеры в Харбине. Учили четыре месяца меня на трактора(х).

В марте, седьмого, уволился. Приехал в деревню. В псят девятом выехал из-за того, что нет школы. Школа далёка. Жену зовут Клавдия Фёдоровна. Познакомился с ней в сорок седьмом году, тринадцатого августа. Я работал комбайнёром, а у нас не было прав. Решили организовать курсы шоферов. Я возглавлял. Поехали сдавать экзамены в Уссурийск. Трое не сдали, сдали в третий раз кое-как. Их потом на ковёр, к начальству. В пя(ть)десят девятом году в Черновку приехал, двадцать четвёртого марта. Дом наш был, где сосняк. Ко(г)да сюда переехал, был бригадиром. Здесь в деревне была тыща триста гектаров. Хозяйство расширялось, построили клуб, медпункт, магазин, контору. В шесят четвёртом повышал квалификацию в сельхозинституте. В то время было четыреста трицать токо дойных коров и полторы тыщи голов крупного рогатого скота. Был я награждён за показатели орденом Ленина.

Я в молодости гармонист был, на вечёрках играл. Девки танцевали, аж песок кверху. Играл «Синенький скромный платочек», «Крутится – вертится шар голубой», «На позиции девушка». Танцевали танго, вальсы, фокстроты. На баяне редко кто играл. Он сложней. Гармонь кругом была. Модна была. На балалайке, на мандолине играл. Мандолина крúгла така и двенадцать струн.

«Я много где работала»

*Ноншакова Раиса Сидоровна, 1924 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2000 г.
Обработала Лагута Н.В., 2005 г.*

Нас в семье четверо девчат было. Две сестры поумерли, и родители обои поумерли. Мать в детстве в Воронежской области жила. Её оттудова привезли, ко(г)да ей токо двенадцать было. То(г)да многие сюда ехали, добирались где пешком, где пароходом, где как. Жили мы в селе, тридцать километров от Серышева. Потом там в двадцать девятом году наводнение было. Уехали оттудова. Все семьи позабрали. Там ещё пароход ходил, собирал людей да скот. Ко(г)да сюда приехали, отец устроился на дорогу работать. Тут то(г)да одна путь была. Стали вторую строить. Село у нас весёлое было, молодёжи много было. Бывало, раньше молодёжь на речку идут, а шас все повымерли, нету никуда ни поехать, ни пойти.

Я много где работала. В войну два годы на комбайне работала, специально на курсы комбайнёров ходила. После войны в трубном работала, на «Амурстале», да в «Промстрое». А потом, после операции, – семнадцать лет в клубе, с клуба на пенсию пошла. Теперь вот в огороде ковыряюсь.

Я в войну не токо на комбайне работала, ещё и на тракторах ездила. А трактора старые были, ломались часто – чинить нечем было, запчастей не было. Это шас запчастя есть. Вот как могли, так и выкручивались. А куда деваться, сеять-то надоть. А мальчишек всех на фронт забрали, вот девчонки в поле и работали. И в холод, и в слякоть работали. Нам ведь как говорили: «Не пойдёте – судить будем». В войну хлеб давали по триста грамм на иждивенца, муку делали из сои с пшеницей. Сои, конечно, в муку больше ложили, оттого она совсем чёрная была. Ещё в войну налоги платили – колхозный и военный. Облигаты (облигации) подписывали.

Не, свадеб раньше не было, так сходились. Семейй посидят и всё. Это шас машину перестревают да выкуп от жениха за невесту просят. А раньше всё по-простому было. Мы с мужем ко(г)да сходились, тоже просто семейй посидели. Правда, ещё со стороны мужа какая-то мелкая родня была, но немного.

«Работы много было»

*Шишкина Евдокия Кузьминична, 1914 г.р.,
с. Москвитино Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовала Мальцева Е., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2005 г.*

Родилась в Воронеже в тыща девятьсот четырнацатом году. Родители тоже с Воронежской области, село Никольское. В тыща девятьсот трицать девятом году по переселению приехала в колхоз имени Жданова. Приехали, в нижнем посёлке дали квартиру. Овощи выращивали. Папа на тракторе работал. В сорок первом году война началась, мужиков забрали, а я с ребёнком. Выращивали все овощи и гарбузы. На мельницу на быках ездили, зерно возили в колхоз. Работы много было. Война была. Нагрузишься десять мешков на быков, и везёшь, и едешь в Рождественку на мельницу, а там – очередь. Пока дождёшься своей очереди, смелешь, и ночью – обратно. А быки шли в темноте. Никто не управлял, а они не сбивались с дороги. В деревне всего два мужика: один – безрукий, другой – так... какой-то. Всё на женщинах. Детей в детсад увезёшь и работаешь до ночи. Даже детей забрать некогда. Садик в две смены работал, а мы работаем до двенадцати ночи. Спасибо, соседка добрая – корову за-

гоне, подое(т) и принесёт молоко. А с утра опять встаёшь до солнца на работу, выезжаешь и до двенадцати ночи опять на паше. После войны мой мужик вернулся. А чё он? Негодный. Его контузивало, четыре ранения. С военкомата позвонили, вся деревня встречала. Он вернулся со Свободного, с госпиталя. Резали быка, вся деревня гуляла. У него очень много было наград. Пять лет прожил и умер. Но про войну ничё не рассказывал. Про Сталинград говорил, что, когда Волга текла, вода красная была. И лично сам Сталин за оборону Сталинграда наградил медалью. Потом он и в Германии был.

После войны колхоз был. Зерно мололи для яслей, для бригады. Снопы вязали. Всё вручную, всё на трудодни. Жизнь была тяжёлая. Совхоз затем появился. Сначала назывался «Овоще-молочный Свободненский совхоз». Затем назвали в честь Москвитина Москвитинским.

«Тут жених прибежал, ревет, как бык...»

*Василец Наталья Ивановна, 1937 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Хакимова Л., Федотова М., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2005 г.*

Семья большая была, тринадцать детей. Два умерло. Держали две коровы, молоко пили. Ели лебеду, щавель, тыкву. Мама сварит ведро, мы бегим, подружки со мной, едим.

Замуж рано вышла. Свою первую любовь встретила, когда пошла работать на ферму. Свадьба была, но обвенчального платья не было. После свадьбы уехали жить в Белогорск. Но потом нас переманули из Белогорска сюда. Свёкр обещал дом построить. Жили трудно, у нас уже было двое деток.

Сватали меня два друга. Принесли булку хлеба: если согласна – то надо было разрезать. Они долго меня уговаривали. Доуговаривались. Я разрежала хлеб. Друг его аж (в)верхь подпрыгнул.

Свадьба была в пият шестом году. Женщины на ферме уговаривали не уходить. Я у них самая дольшая была. Девки цветов на венок собрали, лентов туда вплели, а я прихожу и говорю, что... не пойду замуж.

Тут жених прибежал, ревет, как бык, и говорит, что пойдёт повешается. Я пожалела его, согласилась. Ведь я уже с ним год ходила. Сначала сидели у невесты, потом пошли к жениху, а дождь влупил! Мы под дождём к жениху шли через речку три километра. Зашли в клуб. Нам заказали вальс. Мы токо вдвоём танцевали. Тама моих много поклонников было. У меня вообще всегда много ухажёров было. А я токо с ими дружила. Если мне тода сечашний ум, я бы не так сделала.

На следующий день пошли за моей постелью.

Тут спать идти, а мы видим, что кто-то на нашей кровати завалился. Это сестра моя напилась, да и уснула на нашей кровати. А потом, видать, очухалась, так и сиганула от нас.

Забрали наутро с дома постель. У жениха спрашивали, девушка была его невеста или нет? Если да – то брали первую попавшуюся курицу, отрывали ей голову, садили на кол, привязывали красную ленточку, и шли по деревне.

Через две недели поехали в Белогорск. Там жили два года. Потом муж подхватил чёрный грипп. Проболел две недели, его знобило, бредил. Забрала его скорая. Меня ругали, что поздно вызвала, а вина-то не моя была. Он больной с работы приехал. Он шофёром работал. Машина сломалась, а зима была. Пока ремонтировал – застудился. Он когда приехал, у него уже температура была. Я скорую вызвала, она токо к обеду приехала. Мне врач сказал, что он ещё пять лет проживёт. Как в воду глядели. Он, и правда, месяц до пяти не дожил. Работать после болезни не смог, часто лежал в больнице. Вот последний раз третьего декабря отвезли, а шестнадцатого он уже умер. Я на койке лежала – тут заходит жена лесника. Сроду не ходила, а тут пришла. А я знала, что у неё телефон есть, и сразу поняла, что она с плохой вестью пришла. И правда, сказала, что мой помер. Через три года познакомилась с чембаровским, он разошедший был. Ходил ко мне два месяца, потом в экспедицию уехал. У него ничего не было, так как приехал с Камчатки. Пока он был в экспедиции, я ему всё купила. Одна

беда у него была – выпивал он. Но когда со мной сошёлся, пить меньше стал. Прожили мы с ним тринадцать лет. Жили неплохо. А я всю последнюю зиму в больнице пролежала, болела сильно. Пока меня не было, он сильно запил. Я с больницы приехала домой, а он выпивший. Я говорю ему: «Зачем ты пьёшь?». Он плачет: «Прости меня!». А я от боли плачу. На следующее утро мне в больницу. Он мене не стал провожать, говорит: «Не пойду! Не могу смотреть, как ты уходишь!» И смотрит на мене как-то странно: взгляд какой-то долгий, грустный. И не стал он меня в больницу провожать.

Прожил он без меня неделю. Умер, и никто не знал, что он умер. Соседи не заметили даже, не поинтересовались, почему у него свет горит. Так он ажно четверо суток пролежал. Мне в больнице две недели не говорили, что он умер. Но похоронили его хорошо. На похоронах много родственников ихних было, с мужниной стороны. Все его вещи пораздала, чтоб ничего не напоминало. А то как увижу его вещь – плачу, остановиться не могу.

«Вот и весь замуж!»

*Новикова Валентина Емельяновна, 1931 г.р.,
с. Черновка, Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Мельникова О., Зайцева Д., 2000 г.
Обработала Лагута Н.В., 2005 г.*

Всяко приходилось, трудно бывало: и жили бедно, и горя много пережили, а жизнь всё равно продолжается!

В войну всё приходилось исть. Пиканы ели. Растение такое, растёт в виде дудочки. Стержень очистишь, растолчешь и ешь.

Да как свадьбы? Никаких свадеб не было. Дружила я с одним парнем. Ему было двадцать два года. Он с моим дедом теперешним был в одной компании. Этот парень мне изменил. А дед мой хорошо умел играть на гармошке. И вот танцую я однажды в клубе, а он, значит, подходит и говорит: «Пойдёшь за меня замуж?» А я тому своему парню, чтоб назло сделать, и сказала: «Пойду!» На следующий день он пришёл со своим другом и с матерью, поговорил с моими родителями. Чувствую – отступить-то поздно! Так мы с моим дедом и зарегистрировались. Вот и весь замуж! Ко(г)да из сельсовета шли, смотрю, а он прихрамывает! До этого вроде не хромял, а тут, думаю: что случилось?! Оказалось, что у него каблук был сломан.

Мы раньше много пели. И песни пели, и частушки. Магнитофонов то(г)да не было, так мы сами себе дискотеки устраивали. Только танцы то(г)да не дискотеками называли, а тырло. Соберёмся всей молодёжью на тырло – всем весело! Молодые – все весёлые!

«Чё у тебя есть? Девка? Вот и свадьба!»

*Кизилова Анна Васильевна, 1917 г.р.,
с. Черновка Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Белуха Н., Кузнецова И., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2005 г.*

Хорошего ничего не видала, жизнь трудная была-ка. Замуж не по люб(в)и вышла. Раньше пень брали за им, человек был, вот и брали его. Он меня с сиротами, детьми брал, тридцать лет работал бригадиром. Меня звали няней, его – браткой. Раньше весело было: вот пойдём носить пшеницу, идёшь в стан с песнями.

На Алтае свадьбы богаты были. Праздновали неделю: три дни – у жениха, а три – у невесты. Много блюд готовили, пироги стряпали, петухи, тарочки. Невест, бывало-ка, проигрывали. Так сидят, играют. Чё у тебя есть? Девка? Вот и свадьба! Бывало, жених и невеста друг друга в глаза не видали. Свата звали тысячный. Он и вёл свадьбу. Дружок с дружкой следили за молодыми. Раньше невеста приданое себе делала: набóжники, полотенца, наволочки крестом вышивала. Раньше наряды хорошие были, кружева вязали. Рабята говорили: кто первый поймает барана – тот первым женится! Ро(д)ства было много в деревне: человек ста (сто). Бывало, наряжали быка на свадьбе, коров воровали. Невесты ря́дуются, их загора-

живают: жених выкупает место. Вечёрки: собирают подружек, плачут, приговаривают, вышивают. Невеста одевает фату, потом её окручивают.

Чужой отец – плохо, отчим есть отчим. А рódный батько хоть какой, но рódный. Некоторых невест бёгом воровали. Приглашали прокатиться и увозили в церковь. Потом к родителям приходили прощаться. Мать сразу не прощает, опять ездят – в ноги кланяться, прощать. На Мáсленку больше женились. Блины печёшь, шутили: трубу закрывали, а дым в хату валит. На телегах катали закутанных в одеяла людей. Сын у мене. Говорила, чтоб не женился до армии-то... женился, детёнок родился. Из армии пришёл с девкой-ка. Так я денег-то дала на поезд, да уехали оне. Вот сюды-то и приехали, я за ими сюды. Есть замужество плохое, есть хорошее. На всю жись головушку завязывают.

Игры были разные. «Разлука»: стоим по паре, один бегаёт, ударяет, бегаем друг за дружкой. «Брошка»: прячут брошь – ты ищешь. На Новый год ворожили. Кидали валенки: у кого далече улетит – тот далече уедет. В бане на суженого гадали. Как-то хлопцы подслушали, чё мы в бане собираемся, спрятались. Как напугают! Мы друг дружку-то чуть не п(е)редавили-ка! На Масленку костры жгли, прыгали, катались на санях, блины пекли. На Иван Купала снаряжаются в русалок, обливались. На Кречёние в прорубях купались, посевахи ходили. На Рожество ходили, стараемся пораньше. На Новый год сядем, где-ка соберёмся. Раньше стоко не пили, как теперичи. Чекушку на шестерых брали. Блюды хорошие делали. На Троицу веночки плели из берёзы. На Паску святили куличы в церкви.

Роды у нас бабки-самоуки принимали. Врач-то был. Я рожала когда, она приехала и говорит: «Я на картину схожу, потом рожать будешь». Ушла. У меня-то воды отошли. Муж поехал за ей, бабкой, привёз. Ребёночек неправильно шёл – она мне всё поправила. Мы ей руку перевязали и на печь положили, бу(д)то мамка моя. Врач спрашивает: «Кто тебе пупок завязал?» Я – ей: «Мамка. Вот руку обожгла, лежит». Роды раньше в трёх банях принимали: в одной – рожали, второй – ребёночка мыли, в третьей – руки мыли с бабкой друг дружке, а мыло и полотенце у её оставалось. Ребёнок крупненький родился. В больницу мы не ездили.

«Раньше, знаешь, за килограмм пшеницы давали срок»

*Горев Алексей Макарович, 1918 г.р.,
п. Юхта Свободненского р-на Амурской обл.
Беседовали Архипова Н.Г., Оглезнева Е.А., 2001 г.
Обработала Лагута Н.В., 2005 г.*

Я как попал сюда? Проблема далёкая. Призвали в армию в тридцать шестом году. Прослужил здесь эту армию, потом остался сверхсрочно, вот сверхсрочно служил. И так вот с тридцать шестого года и живу на Дальнем Востоке. И жену привёз сюда.

Ну, дак понравилось – не понравилось, нужно жить. Потом дети пошли, куда уже ехать. А вот уже жил я и в Хабаровске, и жил во Владивостоке, жил в Еврейской автономной области, в общем, военных гоняли в разные стороны. В Благовещенске жил, а потом в сороковом году приехал сюды, в Юхту. Вот и с сорокового года живу в Юхте.

Юхта была здоровая! Тут были лагеря, заключённые были, жили. Ну и вот тут лагерь большой был, производство большое. В войну, значит, лыжи выпускали для фронта. С фронта, значит, шли вагоны с этим, с обмундированием со старым, починяли его, стирали, в общем, пуговицы пришивали. Всё постирают, и опять на фронт отправляли. Прачечны(е) были большие. Заключенные работали. Раньше, знаешь, за килограмм пшеницы давали срок. Вот и были они, сидели. А потом эти лагеря стали сокращаться, много людей на фронт забрали с этих с лагерей, потом поосвободились, и стало меньше и меньше. С разных мест они были привезены.

А по истории не знаю, как, в честь чего она называлась, эта Юхта. И люди ничего не знают, то же самое, истории этой Юхты. Вот станция, была раньше станция тут, Юхта, то же самое.

Родители считай что верующие были. В каждой деревне был свой престольный праздник. Вот они и собирались в такой-то деревне в такой-то праздник. Рождество или Пасха. Масленица вот эта вот. В общем, по етим, по деревням разные праздники были.

Военная служба на Западе и здесь отличалась. Раньше ж были сильны морозы здесь, на Дальнем Востоке. Вот зимой смотришь, воробей вылетит и замерзал, падал. А потом вот этих сорок не было здесь. И понятия не имели о сороке вот этой вот длиннохвостой. А сейчас же они, сороки, появились.

Учился я в Нижнем Новгороде. Там деревня, в деревне Борис-Глеб школа была сельская, там и учился. А работали у себя в хозяйстве. Колхозов не было, потом колхозы появились, вошли в колхоз. Принудили войти всевозможными штрафами, вплоть до того, что, ага, ты подходяще живёшь, значит, наложали налог чересчур. Ну вот, мучайся, мучайся человек, плати, плати налоги, потом пойдёт в колхоз. В колхоз пойдёт, всё хозяйство сдавали. Трудна работа, тяжёло в колхозе.

Собирались люди с гармошкой. И вот, песняка как затянут. Пели старинные песни, советских песен и нету, и не пели. «Ой, мороз, мороз» – хорошая песня, коллективная. Подбираются люди вместе и поют. Были раньше музыканты, организовывали кружки всевозможные, собирали кружки. Раньше с соседями собирались, а сейчас нет. Нет таких соседей, все попомёрли, так что люди стали необщительны. Раньше были патефоны, пластинки крутили. Танцы под музыку: играл баян и гармошки. Танцевальную музыку играли, а потом танцевали. Краковяк танцевали. Один протанцует, другого вызывает, тот начинает танцевать переплясы эти.

В войну люди жили ж голодные: хлеба ж получали по сто грамм, по двести. Собирали вот эту вот картошку, потом эти делали, тошнотики. Чугунные печки были. И вот, её (картошку) размешают, на печку ложат, она жарится, и вот называется тошнотики. Из лебеды борщ варили, крапива вот же, из её борщи тоже варили. Щавель был, такой дикий щавель, из его то же самое, борща варили.

В настоящем выпуске мы продолжаем публикацию материалов для словаря амурских говоров по итогам диалектологических экспедиций 2000 – 2003 гг. преподавателей и студентов АмГУ в села Амурской области*.

Д

ДАВА́ТЬСЯ. ◇ **ДАВА́ТЬСЯ В СОН.** Погружаться в сон против своей воли; засыпать. *Нездоровых тайга не любит, забирает. Приходилось так, что вот замерзают. Ну, делай, найдёшь выход, как согреться, как не замерзнуть. Главное в тайге, если заблудил, не засни как попало, чтобы сон тебя не поборо, чтобы в сон ты не давался, только подготовил себя к теплу, а иначе...* (Урал. Шим.).

АС –

ДАВНО́ШНЫЙ, -ая, -ое. Давний, старинный. *Они давношные песни пели, были там у них давношные* (Ин-ка Арх.).

АС + (давношный)

ДАК, част. 1. Значит, то. *В колхоз не пойдешь – дак они не дадут даже тебе, чтоб накосил своей корове сена* (Чаг. Шим.). 2. Част. усилит. Употребляется для усиления слова или группы слов. *Дак вот надо переводчика, я плохо слышу* (Ин-ка Арх.). *Дак а на Западе таки дубы здоровые, что двоим надо обнимать* (Урал. Шим.). *Дак, девочки, все порастащили* (Ин-ка Арх.).

АС +

ДАЛÉЧЕ и **ДАЛЁКО,** нар. Далеко. *Кидали валенки: у кого далече улетит, тот далече уедет* (Черн. Своб.). *Я в Амуре далёко поплыла, а мне сыны кричат: «Куда ты, мама!»* (Черн. Своб.).

АС –

ДАЛЁКО, нар. См. **ДАЛÉЧЕ.**

АС –

ДАТЬ. ◇ **ДАТЬ ЖИ́ЗНИ.** Отругать, сделать выговор. *Через несколько дней нагнали мы свой батальон. У китайцев позабирали коней, у них-то лучше. Нам комбат потом*

дал жизни, сказал: «Зачем мародёрством занимаетесь?» (Москв. Своб.).

АС –

ДАТЬ. ◇ **ДАТЬ ЛУ́ПКИ.** См. **ЛУ́ПКА.**

АС –

ДВЁ́РКА, -и; ж. Небольшая дверь, дверца. *И он вот ехал и сунулся по другой дорожке. А что бы там не поехали?! Поехали по этой дорожке, и он под лёд. И вот так и вытащили машину, а он в машине. Он еще, говорит, бедный, вот так вот двёрку открыл, как будто это...* (Урал. Шим.).

АС + (двёрка)

ДВОЙНЯ́ТА, -ят; только мн. и **ДВОЙНЯ́ШИ,** -ей; только мн. Двое близнецов; двойня. *Ну как же, у меня у детей и внуки уже есть, у дочери – двое, у сына – трое, двойнята, там тоже, ой, да там рассказывать, что не докажешь* (Кас. Арх.). *Все время у меня шесть овец оставались. Они по двойнят принесут, к весне у меня уже штук двадцать овец* (Черн. Своб.). *И у меня последние – двойняши. Нина-то работает в хирургии, а вторая – в военном госпитале* (Урал. Шим.).

АС + (двойняки)

ДВОЙНЯ́ТКИ, -ок; только мн. Уменьш.-ласк. к **ДВОЙНЯТА.** *Родила двойняток* (Черн. Своб.).

АС –

ДВОЙНЯ́ШИ, -ей; только мн. См. **ДВОЙНЯ́ТА**

АС –

ДВО́РИЩЕ, -а; ср. Место, где находится крестьянский дом со всеми хозяйственными постройками; усадьба. *Вот там жили коуда-то, там дворище. Двор, и это дворище просто, в простонародье. Ну, вот был когда-то двор, дворище звали. – На месте этого двора тоже будет дворище? – Да. Это кто, допустим, здесь живёт, и уоворят: «Вон там было, вот какой-то жил, дворище его. Вот дом стоял – вот дворище»* (Могил. Арх.).

АС –

ДВУЛІ́ЧНИК, -а; м. О человеке, имеющем полное сходство с другим человеком; двойник. *Вот версия была, что будто не Гитлера убили, а тот двуличник его был. Вот* (Урал. Шим.).

АС –

* Принципы подачи материала представлены в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово». Вып. 2. Речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора / под ред. Е.А.Оглезневой, Н.Г.Архиповой. Благовещенск: АмГУ, 2005. С. 93-97.

ДВУХЛЁМЕШНЫЙ, -ая, -ое. Состоящий из двух лемехов (о плуге). *Трое коней, плуг двухлемешный и этой без погонщика, то погонщик, без погонщика. – Что значит «двухлемешный»? – Ну, два лемеха, то есть три стоят, а тут два. Один вот так, а другой вот так. Двухлемешный плуг* (Могил. Арх.).

АС –

ДВУХМЕТРÓВКА, -и; ж. Бревно длиной два метра. *Ручной пилой спиливаешь дерево и пилишь его на двухметровки, а потом эти двухметровки вывозят на станцию* (Урал. Шим.).

АС –

ДВУХСО́ТКА, -и; ж. Бочка ёмкостью двести литров. *Есть свои (колодцы), кто успел прорубить, но мало. Воду покупают, возют. – А сколько платите? – А сколько налёт. Двухсотка – восемь рублей, трёхсотка – десять* (Чаг. Шим.).

АС –

ДÉВКА. ◊ **ВЫ́ГРЕСТИ ДÉВКУ**. См. **ВЫ́ГРЕСТИ**.

АС –

ДЕЖА́, -и; ж. и **ДЕ́ЖКА**, -и; ж. 1. Посуда, в которой замешивают тесто. – *А в чём вы замешивали тесто? – Деревянный дежа или квашня, у нас называют белорусы квашня, вот квасили тесто* (Урал. Шим.). – *А в чем ставили тесто? – Ну, у нас называли дежка. А щас это квашня* (Гриб. Арх.). || Ср. **КВАШНЯ́**. 2. Только **ДЕЖА**. Жидкая закваска для теста; опара. *В молодости всегда замешивала дежу* (Чемб. Своб.).

АС –

Белор. **ДЗЕЖКА**, **ДЗЯЖА** – квашня, дежа, кадка.

ДЕКОЛО́Н, -а; м. Одеколон. *Уставал и падает, я его вымою и помассажирую. С собой деколон брала и мыла его* (Черн. Своб.).

АС –

ДÉРЕВО, -а; ср. Стебель растения. *Из голубицы варенье варили, из земляники. Есть и костяника. Есть вот такая, вот такие деревья у ей, как с кустарник-от, и (в)от такие-от красные ягодки. Они кучкой растут, несколько ягодков* (Урал. Шим.).

АС –

ДЕРЕВЯ́ШКА, -и; ж. Деревянный протез. *А у моей у матерной сестры отец, муж, был без ножи, на деревяшке ходил, и на рынке*

в Хабаровске они его увидели, вот они тока по ноге его узнали (Ин-ка Арх.).

АС + (другое значение)

ДЕРЮ́ЖКА, -и; ж. Самотканое покрывало. *На полу дерюжка, щас покрывало называют, а тогда называли дерюжка, сами ткали. (Кас. Арх.). Мама ткала дерюжки. Ну вот покрывала. Койки застилали мы красиво. Ну, по-белорусски дерюжки назывались* (Кас. Арх.).

АС + (другое значение)

Укр. **ДЕРЮГА**, **ДЕРЮЖКА**

ДЕСЯ́ТНИК, -а; м. Старший над группой рабочих на лесоповале, ведущий учет объема выполненных работ. *Дали нам, например, две тысячи кубометров напилить, вот мы и пилим, валим. Мастер сразу же принимает. Он один у нас, десятник, принимает, записывает, и тут же возчики погружают и вывозят эту лес* (Урал. Шим.). *Работала в Сиваках дежурной по станции, а потом оттудова уехали, замуж вышла, десятником работала, это лес принимали* (Урал. Шим.).

АС –

ДЕЯ́ЛЬЦЕ, -а; ср. Уменьш. к **ОДЕЯЛО**. *Дитё ў скатерть эту большую заворачивали, да, деяльце* (Чемб. Своб.).

АС –

ДЁРНИ, -ей; только мн. Верхний слой почвы вместе с травой; дёрн. *А какие дёрни там лежали, дёрнями было накрыто у них. В бинокль поглядишь – дак и трава растёт. Ну, вот это луг, дак его поднимают и ложуть (в)от так, как кирпичи, она(трава) растёт тогда на нём* (Ин-ка Арх.).

АС + (дерно)

ДЁРНУТЬ, -у, -ешь, сов. Экспр. Быстро убежать. *Мою внучку тоже хотели подвезти, так она как дёрнет* (Черн. Своб.).

АС + (другое значение)

ДИАГО́НАЛЬ, -и; ж. Ткань в косой рубчик. *Привез мне тридцать семь метров диагонали. Ну, вот ситец есть, а это потоньше такой, ну, не сильно тонкий. Вот есть сукно: с одной стороны косматая, а другая – гладкая. Это просто одинарная. Такой желтый. Шторы можно делать, и подушки, и матрасы* (Чаг. Шим.).

АС –

ДИКА́РЬ, -я; м. Наемный рабочий. *Я два человека дикарей нанял. Они за два дня мне*

лес нарубили. Оконные переплеты, потом дверь, всё сделали: пол, потолок (Москв. Своб.).

АС –

ДИКИЙ. ◊ **ДИКАЯ РОЗА.** Растение шиповник – *Rosa Cinnamomsa*. Я вас чаем из лепестков дикой розы напою. Никогда не пробовали? Да ну, это же шиповник (Кух. Луг Шим.).

АС –

ДИКОВИНА, -ы; ж. То, что вызывает удивление; нечто необычное, непривычное. Приедут, знаете, из чужого поселка сватать. Вот один раз был, с Морозецкого поселка приехали. Ой, какая диковина! Собрались все: и старые, и малые, и молодые девочки. А у нас всего два парня было в поселке, хоть разорви их (Урал. Шим.).

АС –

ДИКОШАРЫЙ, -ая, -ое. Неодобр. Неуправляемый, буйный. Щас купил жеребенка. Кобылку вот уже год продержал и щас не могу, за хлебом даже не подходит. Ну, дикошарая кака-то, придется ее, наверное, продать или на мясо зарубить (Урал. Шим.).

АС +

ДИНАМА, -ы; ж. Устройство для прокручивания киноплёнки. В клубе раньше динаму крутят и кина ведут (Урал. Шим.).

АС –

ДИРКА, -и; ж. Дырка. Юбка у меня старая, уже вся в дирках, но она мне нравится, жалко выбрасывать (Чемб. Своб.).

АС –

Укр. ДІРКА – дырка, дыра; белор. ДЗІРА – дыра.

ДИТЁ, -я; ср. Ребёнок. Дитё ў скатерть эту большую заворачивали, да, деяльце (Чемб. Своб.).

АС –

ДНЬШКО, -а; ср. Разделочная доска. Овощи режем на днышке, чтобы стол не порезать (Кух. Луг Шим.).

АС –

ДОВАЛИВАТЬ, -ю, -ешь, несов. Экспр. Достигать какого-л. предела. Нынче зима не знаю, какая в этом году. Снегу мало, и такие были морозы, но до пятидесяти не доваливали, где-то до сорока (Могил. Арх.).

АС –

ДОДУМКАТЬСЯ, -юсь, -ешься, сов. Додуматься, догадаться. Корова у нас заболела,

а мы не додумались ветеринара вызвать (Черн. Своб.). || Ср. ДОШУРҮПИТЬ.

АС –

ДОЛГОТЁМ, -а; м; только ед. Высокие спиленные деревья, транспортируемые без предварительной обработки. Это вот пилят, ну, долготём же вон какой он высокий, спилят и так везут. Какой хороший лес сплавляют! Ну, долготём – это шесть метров. И его сплавляют, делают плоты, связывают проволоками всё, потом катером и тащут его в Свободный (Урал. Шим.).

АС (+ долготё)

ДОНКА, -и; ж. Удочка без поплавка с тремя крючками. Донки – это, значит, три там крючка, закидываешь на расстояние пятнадцать-двадцать метров, дно там уже песчаное, обработанное. Донка ложится на дно, вот это и называется донка. На донках (поплавка) нету, на донках бывают электрические сигналы, вот, а бывает, просто человек взял рукой удочку: есть рыба или нет. Донкой можно только в разливы (Урал. Шим.).

АС +

ДОНЯ, -и; ж. Ласк. Обращение к дочери. Я в своей семье вышкребком была, от всех доставалось. Тату меня доней звал (Черн. Своб.).

АС –

Укр. ДОНЯ – ласк. дочурка, дочушка; белор. ДОНЯ – доченька, дочка.

ДОРОГЭНЬКИЙ, -ая, -ое. Ласк. Милый, любимый. Колхоз приходил до мяне, ў друую хату ўнал, а я ему ўовору: «Мой ты дороуенький, куда ж я поеду? Ў той хате и вокон-то нет» (Чемб. Своб.).

АС –

ДОТЮКАТЬ, -ю, -ешь, сов. Закончить окучивать картофель. Вчерась картошку дотюкала, щас и делать неча, с внучатами весь день возжусь (Черн. Своб.).

АС –

ДОЧКА, -и; ж. Дочь. Сегодня дочка три литра ягоды набрала, а ягода-то вся крупная такая, хорошая (Чемб. Своб.). У Нади дочка сидит дома, не работает, а у ей двое пацанов (Чемб. Своб.). А это моей дочкой сын, уже праўнук, Сашка (Кр. Луч Арх.).

АС –

ДОШУРУПИТЬ, -ю, -ишь, сов. То же, что **ДОДУМКАТЬСЯ**. *Я пошёл искать эти метрики себе, все книги подняли, всё! В районе вырос, знаю, откуда, где есть, а потом дошурупил. А-ай! А мать говорила, что я в Казанке родился (Черн. Своб.).*

АС –

ДОЯРКА, -и; ж. Доярка. Знакомы мы были давно. Я больше знал её отца, чем её. Я в колхозе скот пас, она доярка. Скот дойный и наш, а зауоны рядом. Сорок лет мы живём, спорим кажный день и любим друу друуа (Чемб. Своб.).

АС –

ДРА́НКИ, -ок; только мн. Оладьи из тертого картофеля. *Дятей надо было чем кормить. Всё подряд. Содишь ёон кукурузу, а то картошки надярёшь, дранок напячёшь, кормишь дятей. Ёон на(о)бдыраешь на эта, на драчку. Ну, такая ёот, жалеза кусок. Набываешь ўвоздиками, эта, дирачки, ёот, а тут дярёшь картошку и дранки пячёшь. И так и жили (Кр. Луч Арх.).*

АС + (деруны́, дра́ники, дра́нцы)

ДРА́ПАТЬ, -ю, -ешь, несов. Экспр. Убегать, поспешно уходить. *Бой был с японцами, драпали они отсюдава (Черн. Своб.).*

АС –

ДРА́ТВА, -ы; ж. Толстая просмоленная или навощенная нитка для шитья обуви и изготовления шпагата. *Сергей Петрович подшивает валенки драткой. Нитки смазывает или мылом, или дёгтем и подшивает ими (Чаг. Своб.). Дра́тву делали. Дра́тва – это шьют, нитки такие, сплетают и варом потом (Гриб. Арх.). А коноплю у нас сеяли, это, для веревок, для этой, шпагаты. Нитки, дра́тва (Кас. Арх.). Валенки драткой подшивали (Чемб. Своб.).*

АС –

ДРА́ТКА, -и; ж. Приспособление для чистки посуды. *Чууунные сковородки были. Блины пекли. Вот если сковородкой там не получается, солью накалишь, соли туды, и драткой вот так её чистишь. Чтоб потом блины слазили с неё. Вот как (Гриб. Арх.).*

АС –

ДРАТЬ, деру́, дерёшь, несов. 1. Расщеплять, разделять на части. – *А лучины как делали? – А драли вот эту сосну. Ну, вот так надерут, наделают. Вот растоплять лучиночку (Чаг. Арх.).* 2. Делать мелким, измель-

чать; тереть. *Ну такая ёот, жалеза кусок. Набываешь ўвоздиками, эта, дирачки, ёот, а тут дярёшь картошку и дранки пячёшь. И так и жили (Кр. Луч Арх.).*

АС –

ДРА́ЧКА, -и; ж. Устройство для измельчения, перетирания продуктов; самодельная тёрка. *Дятей надо было чем кормить. Всё подряд. Содишь ёон кукурузу, а то картошки надярёшь, дранок напячёшь, кормишь дятей. Ёон на(о)бдыраешь на эта, на драчку. Ну такая ёот, жалеза кусок. Набываешь ўвоздиками, эта, дирачки, ёот, а тут дярёшь картошку и дранки пячёшь. И так и жили (Кр. Луч Арх.).*

АС –

ДРОБИ́НА, -ы; ж. Деревянная переносная лестница. *Ходи, сынок, принеси дробину, в стайке стоит. Я хоть на вышку слазю, а то крыша прохудилась (Чаг. Шим.).*

АС + (другое значение)

ДРОБОВИ́К, -а; м. Охотничье ружьё для стрельбы дробью. *Он и сейчас дробовик называется, у меня вон двадцать восьмой калибр. И дробью, и жиганом заряжаешь (Урал. Шим.).*

АС –

ДРОВЯНО́Й, -ая, ое. Получаемый при сгорании дров; древесный. *Туды кладу полотны, туды уже сыплю золу дровяную, и кипячу воду, и заливаю туду. И эта зола щелочью делается, такой красной (Кр. Луч Арх.).*

АС –

ДРОВЯНИ́К, -а; м. Сарай или навес для хранения дров и хозяйственной утвари. *Да вот дровяник раньше был, дрова хранил, а теперь за домом они, а тут кухня летняя (Урал. Шим.). Это дровяник. Это делали, когда квартиры делали деревянные. Сделают, да и все. Дрова хранить или еще что положить можно (Чаг. Шим.). Мы дровами топим. Дровяник называется, где дрова кладут, навес такой, дровяник (Урал. Шим.).*

АС + (дровёник, дровя́ник)

ДРУ́ЖКА, -и; ж. Распорядитель на свадьбе со стороны жениха. – *Мать здесь его сидела. Бабка была ею еще старенька, та не сидела, та на кровати. – Густый сват где сидел? – Возле дружки. – Еще дружка был? – Конечно, ну, парень был один (Могил. Арх.).*

АС –

ДРЫН, -а; м. Прямая ветка дерева без сучков; палка. *Кони ржут, выскочил: они тут драку учинили, кони. Выгонять-то приходится, дрын хороший брат и выгонять* (Урал. Шим.).

АС –

ДРЫ́НКА, -и; ж. Поперечный брус; пере-
кладина. *Батяка поёсился на одной дрынке, а он на друуой* (Чемб. Своб.).

АС –

ДУБЛЯ́НКА, -и; ж. Бочка, выдолбленная из короткого толстого бревна. *Дублянка. Ну, они похожи на бочку, вот круулые. Долбили, дублянки называются* (Кас. Арх.).

АС + (дуплянка в 3 значении)

ДУДО́НИТЬ, -ю, -ишь, несов. Сосать молоко из груди матери. *Котёнок мурлатый будет, вон как титьку-то у обоих дудонит* (Черн. Своб.).

АС –

ДУБА́СИТЬ, дубáшу, дубáсишь, несов. Экспр. Жестоко избивать. *Их восемь человек, они там лупили его, били. Его повёзли ў Бурею разрезать, а там у него всё переломано полностью. Они дубасили (его). Один парень, родители его здесь, он (говорит): «Мамка, папка, я его бил по грудям да по ногам»* (Ин-ка Арх.).

АС –

ДУ́ЛЯ, -и; ж. Название плодов фруктового дерева груши, похожих на кукиш. *Груши не скоро еще будут. Они же на дулю похожи, мы их так и зовем дули* (Чаг. Шим.).

АС –

ДУ́МКА, -и; ж. Мысль, размышление; дума. *У меня, когда выпьешь, конечно, жизнь тогда, да, все хорошо оно, вроде маленько расслабишься – думки дурные уходят* (Могил. Арх.).

АС –

Укр. ДУМКА, белор. ДУМКА – мысль, мнение.

ДУНДУ́К, –а; м. и ж. Бран. О глупом человеке. *Вась, не пужай цыплят. Який дундук, не троуай, там колко, Вась!* (Черн. Своб.).

АС –

ДУРАЧО́НА, -ы; ж. Блин. *Мам, напеки дурачонон, значит, туды же молоко, яичек туды и соды туды. Мы звали раньше их дурачоны, дурачона – блины* (Гриб. Арх.).

АС –

ДУРНИ́КА, -и; ж. 1. Ягода черника. *А на Западе черника – дурника, потому что если ты не в пади собираешь, так наешься, как пьяный, выходишь* (Гриб. Арх.). 2. Травянистое растение дурман обыкновенный – *Ratuna stramonium L.* *Дурника – это трава такая. Она колючая, но красивая сама по себе, она одновременно плохая и полезная, ею лечатся. От нее голова болит, вот она и называется дурнопьян* (Саг. Арх.). || Ср. **ДУРНОПЬЯ́Н**.

АС –

ДУРНОПЬЯ́Н, -а; м. То же, что **ДУРНИ́КА** во 2 знач. *Дурника – это трава такая. Она колючая, но красивая сама по себе, она одновременно плохая и полезная, ею лечатся. От нее голова болит, вот она и называется дурнопьян* (Саг. Арх.).

АС –

ДУРКО́М, нар. Обильно, с избытком. *Раньше мы здоровые были, у меня молоко дурком бежало, а сейчас искусники одни* (Черн. Своб.).

АС –

ДУТЬ, -ю, -ешь, несов. Много пить. *Сейчас молодёжь самогонку пьёт и больше ничего не делает. Самогонку только дуёт* (Ин-ка Арх.).

АС –

ДУХ. ◇ **ДУХ СДАВА́ТЬ**. Париться в бане. – *Деду всю каменку разобрали мы. – Каменка – это что? – Ну, вот где парятся, дух сдают по-чёрному. Так ўот печка сделана. Вот затопишь, и дымить эт(о) на всю баню. Дым сюда идёт, через камни. На улицу дым не выходит. Это по-чёрному* (Чемб. Своб.).

АС –

ДЫМА́РЬ, -я; м. Приспособление в виде емкости, наполненной дымящимися углями, для отпугивания насекомых. *А это дымарь. Им окуривают пчел, и они не кусаются. Кладем унлушки ў дымарь и поджигуем* (Черн. Своб.).

АС –

ДЫ́ХАТЬ, -ю, -ешь, несов. Дышать. *Муж пришел весь в снегу. Я его не узнала, пока шапку не снял. Он шел, дышал, снег шел, замерзал* (Черн. Своб.).

АС –

ДЮРА́ЛЬ, -и; ж. и **ДЮРА́ЛЬКА**, -и; ж. Лодка, сделанная из сплава алюминия с ме-

дью и магнием – дюралья. *Арога – это остроносая лодка, нерусская. Баркас – это большая, а вот еще дюраль – лодка такая, ну, из дюральи сделана* (Урал. Шим.). *А лодки раньше были деревянные, а потом дюральки стали покупать* (Урал. Шим.).

АС –

ДЮЖИНА, -ы; ж. Емкость для замешивания теста. *Мы в пекарне в дюжинах тесто месили* (Черн. Своб.).

АС –

ДЮЖИТЬ, -у, -ишь, несов. Не поддаваться воздействию; выносить, выдерживать. *Десять минут без воздуха ондатр дюжит, потом тонет, что ль* (Урал. Шим.).

АС + (1 значение)

Е - Ё

ЕДУН, -а; м. О человеке с хорошим аппетитом. *Они такие едуны... Это б мои, ангарские приехали! Те любят поесть, а эти...* (Кас. Арх.).

АС –

ЕЙНЫЙ, -ого, м.; ж. ейная, -ой; ср. ейное, -ого; мн. ейные, -ых. Мест. Притяж. Принадлежащий ей; его. *Сын ейный тоже буйный, матке по башке бил так, аж палка наполам поломалась* (Чемб. Своб.).

АС + (Еёшний)

ЕЛАНЬ, -и; ж. Безлесое пространство или редколесье, пригодное для пастбищ. *Зимка – это уже, ну, сенокосное угодье, а елань – это уже вот, где скот пасётся* (Саг. Арх.). *Ну, елань там. Я знаю, что мой отец там всегда пас телят. Там поляна, из деревьев там тока березки, вот называется елань. Колхоз посылает пастухов, и там они пасут скот* (Кас. Арх.).

АС + (2 значение)

ЕЛЬКА. \diamond **ВИТЬ ЕЛЬКУ**. Изготавливать и наряжать свадебное дерево. *Такие свадьбы, дак ой-ей-ей были. У нас ёт заўтра свадьба, вьють сёдне девочки, усе подружки её избираюца, вьють елку. Прыносять из дуба чатырэ таких ствола. Эта палка, вот эта палка. От этой палки ёт так чатырэ етих ствола. Обвивають бумагой ўсякой: и зялёная, красная, белая там и жёлтая – ўсякая* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ЭНТОТ, ёнта, ёнто. Мест. указат. Этот; указывает на известный, определенный предмет. *В сосняк берут патефон ентот и как заурают – мне слышать* (Черн. Своб.).

АС –

ЕСПЕРТИЗА, -ы; ж. Экспертиза. *А трое ребят с ём тоже были. Он тихоньку по щечке ударил, тот упал, а он думал, шо умер. Еуо взяли на еспертизу. Они ехали на мотоцикле, вот несчастный случай случился, и этоуо забрали ў тюрьму* (Черн. Своб.).

АС –

ЕСТЬ. \diamond **ЕСТЬ НА ПОЛНЫЙ РОТ**. Есть досыта, не ограничивая себя. *Ну ешьте. На булочку намазывай. Ешьте на полный рот! Шо нет, еще положила* (Ин-ка Арх.).

АС –

ЭТО, част. Это. *В самый, это, на Троицу, пошла в избу, а там Муська нашкодила. Чёрна сатана, всё перетаскала* (Черн. Своб.). *Ну, устроили они мене, это, на кухню помощником* (Черн. Своб.). *Это чёрный хлебушек был восемнадцать копеек, вот который, это, называют яришный* (Урал. Шим.). *А один был у нас парень, он на три года меня старше, вот вроде бы подойдет, значит, ко мне и, это, хотел подружить* (Черн. Своб.).

АС –

ЁКАТЬ, -ю, ешь, несов. Подпевать, не зная слов. – *Ты спой, а я понукаю. – Ой, не надо. – А нукасть это что? – Ну, начнёт ёкать, ну, слов не знает и мычит всякое* (Урал. Шим.). || Ср. **НУКАТЬ**.

АС –

Ж

ЖАБА, -ы; ж. Острое инфекционное заболевание горла; ангина. *Простыла на морозе, жабу получила. Тут же горло заболело, покраснело. Ангина, значит* (Чаг. Своб.).

АС + (другое значение)

ЖАЛЁЗЬЯ, -ев, только мн. Лом цветного металла. *Еще бы они были мужики самостоятельными, такие деловые. Посмотри, вон как он мотается, бедный. На одну технику сяде, на друую, и металлолом... А ў прошлом году двое бычков выкормил. То*

беуая туда, он и жалезья, это, тележку на-а (возит), то сено (Черн. Своб.).

АС –

ЖАРÉЦ, а; м. Горячие угли, жар. *Переворачивали, у печку ж уорить оуонь, возь-мешь его так вот, у печку туды перед оунём, а тут маленько... жарца сюды, запеклася* (Гриб. Арх.).

АС –

ЖАРИЛÓ, -а; ср. Место в русской печи, куда помещают дрова при растопке печи. *На заунете у пёчи лучина уорит. Ну вот печь, жарило что, дрова кладут, горит.* (Гриб. Арх.).

АС –

ЖБАН, -а; м. Глиняный сосуд большого размера, предназначенный для хранения молока. *Молоко надоим, храним в большом жбане, он как кринка только больше* (Чаг. Шим.).

АС –

Укр. ЖБАН, ДЗБАН – кувшин, белор. ЗБАН – кувшин, жбан, кринка

ЖЕЛÉЗИНКА, -и; ж. Железный лист, используемый в хозяйственных целях. *Здесь всё время пекла я хлеб. Жар выгребаю. Конечно, ложкой труднее, выгребаю вниз, в поддувало, железинкой закрываешь, и приспособилася и пекла хлеб. Эт(о) лист, листочек какой-нибудь железный* (Черн. Своб.).

АС + (железка, железяга, железяка)

ЖЕЛТОБРЮШКА, -и; ж. Мелкая речная рыба семейства карповых; пескарь. *На Амуре ловят рыбу. Пескари, как их ещё. Ну, желтобрюшка, ну, хороша, мягка, мало костей, она хороша* (Ин-ка Арх.).

АС + (другое значение)

ЖЁМПЕР, -а; м. Джемпер. *Внучка вяжет жемпера и всяки разные костюмчики* (Урал. Шим.).

АС –

ЖЕРДÍНА, -ы; ж. Палка, используемая для скрепления бревен на плоту; жердь. *В один ряд брёвна скатываешь и поверху, чтобы не расплывались, жердинами тоже вот такими* (Урал. Шим.).

АС –

ЖЁРНОВ, -а; м. Приспособление для перетирания зёрен в муку; ручная мельница. *Ручной жернов был. Крутишь вот так вот, а вот сыпется мука. Каменный, как с камня,*

а внутри железная ручка такая (Урал. Шим.).

АС + (жерновá, жерно́вка)

ЖИВО́Й, -ая, -ое. О старом, но исправном механизме. *Он (мотор) так вроде живой, но надо же к нему руки приложить* (Урал. Шим.). ◊ **ЖИВО́Й ЛЕС**. Естественный, не искусственный. *Живой лес, ну, вот растёт, ну, прутья, вот речка где есть* (Урал. Шим.).

АС –

ЖИВО́Й. ◊ **ЖИВО́Е МОЛОКО́**. Натуральное молоко. *Здесь же живое молоко. Они что совсем уже подурели в городе, три литра – восемнадцать рублей, масло это и нечувствительно теперь* (Черн. Своб.).

АС –

ЖИГÁН¹, -а; м. Мужчина маленького роста. *Жиган – маленький мужик называют, а больше я не слышал* (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

ЖИГÁН², -а; м. Дробь для охотничьего ружья в виде шариков из свинца. *Он и сейчас дробовик называется, у меня вон двадцать восьмой калибр. И дробью, и жиганом заряжаешь. Жиган круглый идет, как раз по стволу. А делают его, выливают с этого, специальная есть форма, свинец расплавляешь, выливаешь, и он кругленький выпадает* (Урал. Шим.).

АС +

ЖИ́ЖА, -и; ж. Лампа небольшой мощности. *Ну и свёкор запалил тую лампу, а Витька мой кричит: «Включи жижу!» – и лампу ту, как тыканул, порассыпалось всё. А свёкор: «Ой, унук, что ж ты наделал, что ж мы теперь до утра будем у тьме сидеть»* (Чемб. Своб.).

АС –

ЖИ́ЖДЯ, -и; ж. Слякоть, сырость, мокрая грязь. *На улице было, что не пройти, вокруг одна жиждя, все сапоги промокли* (Чаг. Шим.).

АС –

ЖИЗНЯ́ЧКА, -и; ж. Эмоц. Трудная, однообразная жизнь. *Спина у меня болит, нога болит, раскол позвоночника. И всю жизнь страдаю. Вот такая моя жизнячка* (Гриб. Арх.). || Ср. **ЖИТУ́ХА**.

АС –

ЖИЛÍЩЕ, -а; ср. Время существования человека; жизнь. *Ну, а во время войны рас-*

сказать вам жилище своё? Да, это, у меня (в)от кошки по душе скребут (Могил. Арх.).
|| Ср. **ЖИСТЬ, ЖИСТЬЁ, ЖИСЬ.**

АС –

ЖЙЛКА, -и; ж. Деталь рыболовной снасти – леска. *Ездил в Шимановск и брал жилку ноль три – леску. И вот эта леска, сам и плету сетки* (Урал. Шим.).

АС +

ЖЙНКА, -и; ж. Жена. *Сошлись, пожили, наверное, месяца два или три, приезжает жинка с армии в положении. Я думала повешаюсь, честное слово, это ж надо подумать. Он туды-сюды покрутился, ну, видать, его ребенок* (Урал. Шим.).

АС –

Укр. **ЖИНКА** – жена, белор. **ЖОНКА** – жена, супруга

ЖЙСТОЧКА, -и; ж. Уменьш. к **ЖИСТЬ**. *Я-то жисточку прожила, людочек всех знаю, и здесь мя все знают* (Чемб. Своб.).

АС –

ЖИСТЬ, -и; ж., **ЖИСТЬЁ**, -я; ср. и **ЖИСЬ**, -и; ж. То же, **ЖИЛЙЩЕ**. *У меня улова была кучерявая сама по себе. И я ўсю жисть только если на работу поеду, я платок завяжу вот так вот и крууом, чтоб пыль в уолову не попадала* (Кр. Луч Арх.). *Тяжелая жисть была, щас жисть легче* (Черн. Своб.). *Что хотели, то и делали раньше. Сейчас же к этому идём, сейчас и к этому идёт жисть* (Чемб. Своб.). *Хорошего ничего не видала, жисть трудная была-ка* (Черн. Своб.). *Сейчас жистья нету, налоги задавили* (Черн. Своб.). *Жись щас – не до песен* (Чемб. Своб.).

АС –

ЖИСТЬЁ, -я; ср. См. **ЖИСТЬ, ЖИСЬ.**

АС –

ЖИСЬ, -и; ж. См. **ЖИСТЬ, ЖИСТЬЁ.**

АС –

ЖИТУХА, -и; ж. Эмоц. То же, что **ЖИЗНЯЧКА**. *Так дождика и не было, с утра побрызгал, и всё. Вот такая житуха* (Черн. Своб.). *Приехали сюда, а туту, знаете, хуже моей кухни, хаты такие были, да, и вот нас сюда поселили. А мы как глянули – ой! Вот и житуха была* (Саг. Арх.).

АС –

ЖИТЬ. ◊ **ЖИТЬ НА ПЯТЁРКАХ**. Преуспевать в жизни; быть удачливым. *В общем, девчата, я всю жизнь на пятёрках прожил* (Чемб. Своб.).

АС –

ЖЛУКТА, -ы; ж. Выдолбленная из бревна ёмкость, предназначенная для замачивания и стирки холста и белья. *Ну, вот ткнут холстину и замачивают, такая жлукта называется. Жлукта – бочка такая, не клёпки, а дерево большое и еуо выдалбливают. И туда закладывают [холст], золу засыпают и кипятку наливают на холст. Она постоит сутки, и вот еуо на речку* (Могил. Арх.).

АС –

ЖЛУКТИТЬ, -ю, -ишь, несов. Замачивать холст в специальном приспособлении – жлукте. *Эти полотны выткнуть, потом жлуктят их. Такая бочка, туда заливают воду, кипяток, и сыплют золу. Запечатывают(ва)ют, она постоит сутки, а потом на Мороуин. Мороуин – речка такая* (Гриб. Арх.).

АС –

ЖМЁНЬКА, -и; ж. 1. Уменьш. к **ЖМЁНЯ**. – *Лён сушить, потом праником. Снопки вяжут коуда, яуо подкидываешь, всё разуарнается. А если (в)от опытные, она набяре жменьку, такую вот жменью, щыбень. – А жменя это горсть? – Да, горсть.* (Кр. Луч Арх.). 2. Небольшое количество, немного. *Солдаты угнали двух барашков. Говорят: да, мы взяли этих барашек, потому что нас кормят плохо. Капуста (председатель) пошёл туда, а эти ребята и говорят: во так, говорят, если ты людей... тут тебе жменька людей, совсем мало, если ты их кормить не будешь, мы тебя уничтожим* (Кр. Луч Арх.).

АС –

ЖМЁНЯ, -и; ж. Горсть, пригоршня. *Снопки вяжут коуда, яуо ж, если бярёшь, подкидываешь, это всё разуарнается, набярёшь, набярёшь, и всё. А если опытные, она набярэ жменью такую вот, щебень, и она сама расстиляется. – А жменька – это что? – Да, уорсть* (Кр. Луч Арх.).

АС –

Укр. **ЖМЕНЯ**, белор. **ЖМЕНЯ** – горсть. **ЖМУРИК**, -а; м. Покойник. *Недавно сосед помер. Но я на похороны не ходила, – я жмуриков всегда боялась* (Черн. Своб.).

АС –

ЖНЁЙКА, -и; ж. Машина для жатвы. *А то не успели за жнейкой связать. Она жнёт, а мы вяжем* (Кух. Луг Шим.). *И всё*

она больше не поднимется, пока не уберешь жнейкой (Урал. Шим.).

АС + (жнейка-простушка, жнейка-самосброска)

ЖУРАВЕ́ЛЬ, -я; м. Приспособление для подъема воды из колодца в виде длинного

шеста, действующего как рычаг. Щас в колодце даже воды нет. Раньше журавель был, а сейчас сломался (Разл. Своб.). *А раньше колодец был и журавель стоял, как там, напротив* (Чемб. Своб.).

АС + (журавец)

В разделе представлено систематизированное собрание текстов различных жанров: лирических песен, частушек, заговоров, записанных во время фольклорно-диалектологических экспедиций 2003 – 2005 гг. в села Амурской области. В каждой из групп соблюдается тематический принцип.

Лирические песни – один из любимейших жанров народной поэзии, бытующих в Приамурье. Самую многочисленную группу составляют произведения, исполняемые от лица девушки, мечтающей о любимом. Военные песни периода кавказской и Первой мировой войн отражают тяготы солдатской доли. Песни Великой Отечественной войны проникнуты патриотизмом, в них отражена боль потерь и радость Победы, а главное – вера в то, что русский человек способен вынести все трудности и победить врага. В трудовых песнях поется об особенностях сельскохозяйственного труда. В шуточных песнях находят отражение такие социально значимые темы как бессердечное отношение молодых к престарелым родителям, пьянство, бесхозяйственность, желание жить за чужой счет.

Зафиксированы единичные цыганские и тюремные песни, городской романс, колыбельные песни и песни свадебного обряда.

В настоящем издании представлены лирические песни, возникшие в разное время и на разных территориях Российской империи, а позднее Советского Союза – от фольклорных произведений первой половины XIX в. («Ой, там на горе. Ой, там на крутой»); периода кавказской войны 1817-1864 гг. («Скакал казак через долину», «А в субботу, в день ненастный, Нельзя в поле работать») и Первой мировой войны 1914-1918 гг. («Ой, вы поля, поля. Ой, широкие поля»); песен конца XIX – начала XX вв. («На огороде верба рясна», «Волна с моря, ветер с поля») до авторских произведений начала и середины XX в., прошедших «народную обработку» как на уровне содержания, так и языковой формы («Над рекой калина спелая», «Надела валенки, снежком побелены», «Под окном черемуха колышется»). Включение авторских произведений в альманах считаем оправданным, так как они приобрели статус народных: любимы на селе, передаются из поколения в поколение и в связи с этим претерпевают различные текстовые изменения, обусловленные многими факторами: от индивидуальных особенностей исполнителя до принадлежности языкового коллектива, в котором исполняется произведение, к тому или иному типу говора.

Еще одним жанром, представленным в этом выпуске альманаха, является частушка игровой, любовной, социальной, военной, семейной тематики. По происхождению частушка в основном является русской и отличается формальной и содержательной устойчивостью. Однако часто ее текст варьируется, так как не заучивается, а создается исполнителем по определенным, существующим в его сознании моделям (жанровым, тематическим, сюжетным, композиционным и др.). Выбор структурных элементов текста частушки ограничен определенными условиями, не произволен, но достаточно гибок. В альманахе фиксируются все записанные варианты частушек, их анализ позволяет увидеть особенности интерпретации мира конкретной языковой личностью и языковым коллективом в целом.

Мы продолжаем публикацию текстов лечебных, детских, хозяйственных и любовных заговоров, житейских оберегов, записанных от жителей сел Красноярово и Михайловка Мазановского района Амурской области. Большое количество текстов публикуется по рукописной тетради Татьяны Николаевны Шариповой. Тексты были записаны ею около тридцати лет назад со слов Матрены Логиновой, 1890 г. рождения, жительницы поселка Прогресс Бурейского района Амурской области, обладавшей сильным даром целительства и передавшей знания Т.Н.Шариповой как «светлому человеку». В разделе содержатся лечебные заговоры от сглаза, испуга, грыжи, кровотечения, боли в суставах, тревоги; детские заговоры; заговоры на красоту; любовные заговоры и житейские обереги.

В разделе описываются и способы народного врачевания: как вывести бородавки; избавиться от грыжи, рожи, скулы; «выкатать» цетинку у младенца.

Публикуемый в разделе «Сонник» представляет собой собрание толкований символов сновидений. Материалы «Сонника» – рукописные записи из тетради с заговорами, принадлежащей Т.Н.Шариповой.

Все тексты даются в современной орфографической записи, с указанием ярких диалектных черт. Комментарии исполнителя выделяются курсивом.

Н.Г.Архипова

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1

На огороде верба рясна,
Там стояла девка красна.
Она красна, ще и красива,
Ее доля несчастлива:
Не того она любила.
Разъярали злые люди,
Разъярали, осудили,
Чтобы в паре не ходили.
А мы в паре ходить будем
И друг друга любить будем.

Е.А.Звонарёва, *с.Красноярово*

2

Над рекой калина спелая,
Налитая соком.
Оборваты руки белые
Молодой осокой.
В молодой осоке прячутся
И дожди, и солнце.
Ой, кому-то нынче плачется,
А кому смеется.
А калина поразвесила
Налитые гроздья,
У кого-то в доме весело,
За столами гости.
Гости пьют за парня русого,
За его удачу.
Отчего ж играют грустную
Гармонисты песню?
Улыбнись, росинка скатится
Со щеки на платье.
Пусть у них все в доме сладится,
В жизни будет счастье.
В молодой осоке прячутся
И дожди, и солнце,
А кому-то нынче плачется,
А кому смеется.

Р.С.Кальченко, *с.Могилёвка*

3

Волна с моря, ветер с поля,
Ой да, довела ж любовь до горя.
Так с любви ум мутится,
Ой да, на плечах орел садится.
Орел белый, орел сизый, белокрылый,
Ой да, скажи правдочку,
Где ж мой милый?
А твой милый на работе,
Ой да, на литейном на заводе.
Что он делает? Работает,
Ой да, медны трубочки ж выливает.

Вылил одну, вылил другую,
Ой да, третью ж золотую.
Ой да, пошла славочка по народу,
Ой да, про ту девочку, что без роду.
А я ж славочки не боюсь,
Ой да, на той девочке я женюсь.

Р.С.Кальченко, *с.Могилёвка*

4

Надела валенки, снежком побелены,
На елке маленькой иголки зелены.
Я с каждой елочкой знакома за руку,
Брала иголки, несла их за реку.
Любовь несмелую свою услышала,
Рубашку белую на память вышила.
О чем мечтала я, о зóре сказано,
И нитка алая узлом завязана.
Метет метелица, луна не светится,
А мне не терпится с тобою встретиться.
Снежинки встречные, как елки, колются,
Слова сердечные тебе откроются.

Г.П.Ельчанинова, *с.Ураловка*

5

Ой, там, на горе, ой, там, на крутой,
Сидела пара сизых голубей.
Они сидели, паровалися,
Сизыми крыльями обнималися.
Откуда взялся охотник, стрелой
Убил-разлучил пару голубей.
Он голубя взял, голубку споймал,
Он взял под полу, понес до дому.
Насыпал пшеница у сама крыльца,
Налил водицы на самом крыльце.
Голубка не ест, голубка не пьет,
А все на горú все плакать идет.
Уж выпущу я семьсот голубей,
Летай, выбирай любого себе.
– Уж я летала, уж я выбирала
Мимо того друга, что я любила.
Ой, там, на горе,
Ой, там, на крутой,
Сидела пара сизых голубей.

Г.П.Ельчанинова, *с.Ураловка*

6

Ночь проходит, а я у порога,
Словно тополь у края села,
Где ж ты, милый? Какая дорога
Далеко от села увела?

Почему ты сюда не напишешь
О своей неизвестной судьбе,
Или ты, засыпая, не слышишь,
Как тоскую я здесь по тебе?
Ну, а если ты встретил другую,
Так скажи, я жду несколько дней.
Пусть хоть слово, но ласковый ветер
Донесет до меня поскорей.
Но не верю я, друг черноокий,
Чтобы отдал ты сердце другой.
Скоро вот этой пыльной дорогой
Ты приедешь ко мне, дорогой.
Хороши только первые встречи,
Только юность одна хороша,
Хороши только милого речи,
От которых трепещет душа.

О.М.Дудина, Л.Г.Тугарина,
В.С.Тихомирова, Р.Т.Кирющенко,
Н.И.Шевченко, *с.Касаткино*

7

Скакал казак через долину,
Через кавказские края.
Скакал он с садилов зеленых,
Кольцо блестело на руке.
Кольцо казачка подарила,
Когда казак пошел в поход.
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.
Вот год прошел, казак стрелою
В село родное поскакал,
Навстречу шла ему старушка
И шепеляво говорит:
«Напрасно ты, казак, стремишься,
Напрасно мучаешь коня,
Тебе красotka изменила,
Другому сердце отдала».
Он повернул коня направо
И в чисто поле поскакал.
Он вынул саблю, вынул острю
И себе голову срубил.

Г.П.Ельчанинова, *с.Ураловка*

8

Напила я пьяна,
Не дойду я до дому,
Довела меня тропка дальняя
До вишневого саду.
Там кукушка кукует,
Мое сердце волнуется.
Ты скажи-ка мне, расскажи-ка мне,
Где мой милый ночует.
Если он при дороге,
Помоги ему, Боже.

Если с любушкой на постелюшке,
Накажи его, Боже.
Чем же я не такая,
Как чужая, другая?
Я хорошая, я пригожая,
Только доля такая.
Если б раньше я знала,
Что так замужем плохо,
Расплела бы я русу косоньку
Да сидела б я дома.
Напила я пьяна,
Не дойду я до дому,
Довела меня тропка дальняя
До вишневого саду.

О.М.Дудина, Л.Г.Тугарина,
В.С.Тихомирова, Р.Т.Кирющенко,
Н.И.Шевченко, *с.Касаткино*

9

Ой, калина, ой, малина,
В речке талая вода.
Ты скажи, скажи, калина,
Как попала ты сюда?
«Как-то раннею весною
Бравый парень прискакал,
Долго мною любовался,
А потом с собой забрал.
Он хотел меня, калину,
Посадить в своем саду.
Не довез он, в землю бросил,
Думал, что я пропаду.
Я за землю ухватилась,
Встала на ноги свои,
Навсегда здесь поселилась,
Где щебечут соловьи.
Трактористы, комбайнеры
Каждый день бывают тут,
Тонких веток не ломают,
Цвет мой белый берегут»*.

О.М.Дудина, Л.Г.Тугарина,
В.С.Тихомирова, Р.Т.Кирющенко,
Н.И.Шевченко, *с.Касаткино*

10

Рябина, рябина, несчастная я,
Два парня, два друга, влюбились в меня.
Лишь вечер настанет, к калитке придут,
Вдвоем под рябиной вздыхают и ждут.
Рябина, рябина, дай добрый совет,
На свете дороже и лучше их нет.

* Вариант песни «Ой, калина, ой, малина» представлен в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово», выпуск 1, с.23.

Мы с детства знакомы и дружим давно.
А что же мне делать, коль сердце одно?
Рябина, рябина, девичья печаль,
Меня им, наверно, нисколько не жаль.
Стоят под рябиной и смотрят во тьму,
А нет, чтобы просто уйти одному.

О.М.Дудина, Л.Г.Тугарина,
В.С.Тихомирова, Р.Т.Кирющенко,
Н.И.Шевченко, *с.Касаткино*

11

Куда бежишь, тропинка милая,
Куда идешь, куда зовешь?
Кого ждала, кого любила я,
Уж не догонишь, не вернешь.
За той рекой, за тихой рощицей,
Где мы гуляли с ним вдвоем,
Плывет луна, любви помощница,
Напоминает мне о нем.
Была девчонка я беспечная,
От счастья глупая была.
Моя подружка бессердечная,
Мою любовь подстерегла.

О.М.Дудина, Л.Г.Тугарина,
В.С.Тихомирова, Р.Т.Кирющенко,
Н.И.Шевченко, *с.Касаткино*

12

Золотые вы песочки,
И серебряна река.
Полюбила я, девчонка,
Молодого паренька.
Полюбила – затужила,
Полюбила – не забыть.
И открыться я не смею,
И не смею говорить.
Я колхозная девчонка,
Мой колхоз не знаменит.
Но ведь сердцу не прикажешь,
Сердце девичье болит.
Сердце девичье не камень,
Его слезами не уймешь.
Не догадлив мой мальчишка,
Не догадлив, но хорош*.

О.М.Дудина, Л.Г.Тугарина,
В.С.Тихомирова, Р.Т.Кирющенко,
Н.И.Шевченко, *с.Касаткино*

* Вариант песни «Золотые вы песочки» представлен в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово», выпуск 1, с.21.

13

Мне березка дарила сережки,
А рябина дарила цветы,
И тропинкой ко мне, и дорожкой
Приходил на свидания ты.
На мою красоту нагляделся,
Добротой мое сердце обжег,
А когда вдруг закат заалелся,
Мою песню унес за порог.
Вот и ходит та песня, вздыхая,
На губах застывает моих,
Ой, любовь, ты любовь молодая,
Ты навек рождена для двоих.
Догорает закат у рябины.
Что случилось в девичьей судьбе?
Ты уехал, оставил мне сына,
А он тянет ручонки к тебе.
Мне березка дарила сережки,
А рябина дарила цветы,
И тропинкой ко мне, и дорожкой
Приходил на свидания ты.

О.М.Дудина, Л.Г.Тугарина,
В.С.Тихомирова, Р.Т.Кирющенко,
Н.И.Шевченко, *с.Касаткино*

14

Прошли года,
Краса моя завяла.
Ты разлюбил
И стал совсем чужой.
Все чаще, чаще
Стали наши встречи
Среди кустов малины у ручья.
Никто не мог
Подслушать наши речи,
А соловей
Подслушивал всегда.
Ты молод был,
А я красой сияла
Не думала,
Что вечно будешь мой.
Прошли года,
Краса моя завяла.
Ты разлюбил
И стал совсем чужой.

З.Я.Гольшева, *с. Чагоян*

15

Мы сидели вдвоем на скамейке,
Ох, а над нами все пел соловей.
Он нам пел невеселую песню,
Ох, о разлуке он нам говорил.
Скоро-скоро придется расстаться,
Ох, а не скоро придется забыть.

Скоро горькие слезы прольются,
Ой, на мою наболевшую грудь.

З.Я.Гольшева, с. Чагоян

16

Где же ты, моя липа, липа вековая?
Ты давно устала и стоишь, качаясь,
Ты стоишь над речкой у сосновой гущи,
Встречусь я с любимым –
Ты укрой нас гуще.
Я бегу навстречу милой нашей липе,
И дорожку нашу тихо сохрани ты.
Полюбила сильно, полюбила рано,
И тому причина липа вековая.
Ох, любовь девичья до сих пор живая.
Где ж ты, моя липа, липа вековая?
Про любовь бывую я ведь не таюся,
Только сплетен бабьих я их не боюсь.
Только липа знает про любовь бывую,
Милого я встречу, милого целую.
Только счастье наше пронеслось сторонкой,
«Подожди, любимый», – я кричу вдогонку.
Но ушел мой милый, а любовь осталась,
Только наша липа ждать-то нас устала.
И девчонка эта сильно постарела,
Липа и девчонка сильно поседела.
Подождите, бабы, про меня судачить,
Только липа знает, что все это значит.
Замолчите, бабы, утайтесь сплетни,
Милого люблю я, буду ждать с ним встречи.
Замолчали пташки, соловьи умолкли.
Бабы, я узнала о его помолвке.
Только с той помолвкой
Счастлив милый не был,
И ко мне вернулся, а меня не встретил.
Приезжал любимый, приезжал за мною,
Предлагал мне, бабы, стать его женою.
Только липа знала, как я отказала,
Он когда уехал, горько я рыдала.
Не боюсь я сплетен, не боюсь я взглядов,
Все равно с любимым,
Все равно с ним рядом.
Ты уймись, сердечко, годы ведь умчались,
Только знает липа, как мы расставались.
Только знает липа про любовь бывую,
Про любовь и годы век я не забуду.
Я сию с любимым у сосновой гущи,
Только, липа наша, ты укрой нас гуще *.

Н.Ф.Грачева, с. Ураловка

* Н.Ф.Грачева – народная сочинительница. Песни, написанные на ее стихи, соответствуют народному духу и являются популярными среди жителей с. Чагоян.

17

По тропинке у речки
К нашей вербе я шла,
Верба верность хранила,
Верба встречу ждала.
Только ты, мой любимый,
Нашу вербу забыл,
В жизни встретил другую
И меня разлюбил.
Позабыл ты, наверно,
Как мне клялся в любви,
Я любовь сохранила,
Поскорей приходи.
Я ждала эти годы,
Нашу вербу храня,
Верба серьги дарила,
Обнимала меня.
Знай, что я не забыла,
Мой любимый, тебя.
Верба нежность хранила,
Верба встречу ждала.

Н.Ф.Грачева, с. Ураловка

18

Улыбалась во сне, улыбалась на людях,
И улыбка твоя была милой, как ты.
И хранила ты все –
Все, что было возложено,
Потому что ты очень любила цветы.
Только встретил тебя
Я случайно ведь в жизни,
А уйти от тебя я так просто не смог.
Думал я, что любить
Ты меня не заставишь,
Без тебя я прожить уже часа не мог.
Прожила ты со мной, прожила эти годы,
Пронесла тяжесть всю
На своих ты плечах.
Мир хранила всегда
И со мной была рядом,
Думала обо мне, думала о цветах.
Так прими от меня, ты прими, дорогая,
Все цветы, все цветы от меня ты прими.
А любила ты жить и любила смеяться,
Только отнял я все: и мечту и цветы.
Так прости ты меня, так прости, дорогая,
За все дни, за те дни, что со мною была.
Только мне не забыть,
Не забыть эту встречу,
Чем я жил, чем я жил, но тебя я любил.

Н.Ф.Грачева, с. Ураловка

19

Пала ночка темная на поля.
 Где ж ты, ненаглядная ты моя?
 Где ты, моя искорка? Отзовись,
 Звездочкой далекою загорись.
 В небе разгорается лунный свет,
 А тебя, далекая, нет и нет.
 Мне не светит солнышко без тебя,
 Звездочка далекая ты моя.
 Пала ночка темная на поля.
 Где ж ты, ненаглядная ты моя?
 Где ты, моя искорка? Отзовись,
 Звездочкой далекою загорись.

Т.С.Агафонова, *с. Ураловка*

20

Месяц плывет над рекой
 В объятьях ночной тишины,
 Никого мне на свете не надо,
 Только видеть тебя, милый мой,
 Только видеть тебя бесконечно,
 Любоваться твоей красотой.

В.Г.Сухоносик, *с. Гащенька*

21

Маленький домик на юге,
 Чуть потускневший, герань.
 И из-за ветки жасмина –
 Старый заброшенный сад.
 Верила, верила, верю,
 Верила, верила я,
 Но никому не поверю,
 Что он разлюбит меня.
 Белая роза – знакомство,
 Красная роза – любовь,
 Желтая роза – разлука
 Нас разлучила с тобой.

В.Г.Сухоносик, *с. Гащенька*

22

Я уезжаю с рассветом,
 Я не прощаюсь с тобой,
 Ты убегаешь, я догоняю,
 Смех наш звенит над тайгой.
 Сердце мое оживает,
 Сердце мое говорит,
 Как мы дружили, как мы любили,
 Сердце мое сохранит.
 Мы родились в деревеньке,
 Мы повзрослели давно,
 Мы не забыли наши тропинки,
 Помним мы детство своё.

Наши пути разминулись,
 Наши мечты не сбылись,
 Только деревня давно опустела,
 Тропинки травой заросли.
 Я приезжаю в деревню,
 Быстро бегу по тропе,
 Знаю, что встретишь,
 Знаю, что любишь,
 Сердце так рвется к тебе.
 Я уезжаю с рассветом,
 Я не прощаюсь с тобой,
 Ты убегаешь, я догоняю,
 Смех наш звенит над тайгой.

Н.Ф.Грачева, *с. Ураловка*

23

Колосилась в поле рожь густая,
 Шевелились усики овса,
 Где-то за деревнею далёко
 Девичьи звенели голоса.
 Вот она его ждала и не дождалась,
 Девушка из дальнего села.
 Колосилась в поле рожь густая,
 Шевелились усики овса.

Ф.П.Деникина, *с. Ураловка*

24

Вы матросы, моряки,
 Где же ваши шлюпки?
 Возьмите меня с собой,
 Поцелую в губки.
 Пойду к маменьке родной,
 Попрошу совета,
 Что я еду с моряком
 Край белóго света.
 Мать совета не дала.
 «Бросай, дочь, матроса.
 Матрос тебя не возьмет,
 Только надсмеется».
 Не послушалась она
 Мамина совета,
 И уехала она
 Край белóго света.
 Через годик, через два
 Идет дочь уныла.
 На руках она несет
 Матросёнка сына.
 «Прими, мать, прими, родна:
 Семья небольшая.
 Матросёнок будет звать
 Бабушка родная».
 «Иди, дочь, иди туда,
 С кем совет имела.
 Ты совета моего

Слушать не хотела». «Пойдем, сын, пойдем туда, Здесь нас не примают. Сине море вдальеке, Там нас ожидают». Стала к морю подходить – Море всколыхнулось. Обняла сына рукой, Море вспокочнулось. И на дне она лежит, Волнами забита, А про маменькин совет Сроду не забыла*.

З.Я.Гольшева, с. Чагоян

25

Мать совета не дает: «Брось ты, дочь, матроса. Матрос замуж не возьмет, Посмеется, бросит». Но не слушалась она Мамина совета, Села и уехала В край белóго света. И проходит год-второй, Дочь идет уныло. На руках она несет Матросёнка сына. «Ой, прими, прими нас, мать, Семья небольшая. Мой сыночек будет звать Бабушка родная». «Ой, иди, иди ты, дочь, С кем совет имела. Моего совета ты Слушать не хотела». «Ой, идем, идем, сынок, Здесь нас не примают, В синем море глубоко, Нас там ожидают». Как по морю, по волнам Женский труп несется, А на палубе матрос Смотрит и смеется.

Н.Ф.Грачева, с. Ураловка

26

Мать дочке говорит: «Матрос замуж не возьмет, Надсмеется, бросит». Не послушала она мамина совета

* Песня представлена в трех вариантах (ср.: 24, 25, 26).

И с матросом молодым Уехала на край света. Жила годик, жила два, Горюшка не знала, А по мамоньке родной День и ночь скучала. А на третий годик шла, плакала, рыдала, На руках сына несла, крепко целовала. «Прими, мама, прими нас, Беда небольшая. Матросёнок будет звать Бабушка родная». «Иди, доченька, туда, с кем совет имела, А родную меня мать слушать не хотела». «Пойдем, сыночка, туда, Здесь нас не примают, В синем море глубоко там нас ожидают. Ты раздайсь, волна волной, На две половины: Для меня, для сироты, Для моёй детины». Как по этом синем море Два трупa несется, А матрос на корабле едет и смеется.

Ф.П.Деникина, с. Ураловка

27

А в саду тихо, спокойно, Край деревни осветила луна. На зеленом ковре мы сидели, Целовала Наташа меня. Тут Ванюшина кровь разыгралась, Стал Ванюша просить, умолять, А Наташа ему отвечала: «Ваня, Ваня, не трогай меня. Ты привык же по городу шастать, Ты привык посторонних любить. Надо мной ты пришел надсмеяться И навеки меня погубить». «Не пришел над тобой я смеяться, Не пришел я тебя погубить, А пришел я с тобой распрощаться И навеки тебя полюбить».

Ф.П.Деникина, с. Ураловка

28

Плыл я морем, плыл широким, Вдруг завидел край родимый, Якорь сбросить приказал. Вдоль по бережку крутому Красна девица идет. – Здравствуй, девка, Здравствуй, красна, Ты узнала ли меня?

– Я узнать тебя узнала,
Но теперь я не твоя.
– Если хочешь быть моею,
Садись в лодочку ко мне.
Красна девка согласилась,
Села в лодку к моряку.
От любви моряк девку утопил.
Долго, долго трепетала
Своею русою косою,
Правой рученькой махала:
– До свидания, милый мой.

М.И.Ледовская, с. *Чагоян*

ТРУДОВЫЕ ПЕСНИ

1

А за лугом зелененьким,
Брала вдова лен дребненький.
Она брала, выбирала,
Тонкий голос подавала.
Там Васылю сено косит,
Тонкий голос переносит.

Н.И.Высоцкая, с. *Кухтерин Луг*

ВОЕННЫЕ ПЕСНИ

1

Снаряд разорвется, а сердце забьется,
Где с милым сидели вдвоем.
«Ах, боже мой, боже, проклятые немцы,
Зачем объявили войну?
Младую девчонку со мной разлучили,
Угнали меня на войну.
И вражеска пуля меня поразила,
Свалила на землю как раз.
Пришли санитары, меня подобрали,
Снесли в лазарет на кровать.
Лежу в лазарете, мне тяжело и больно,
Сестренка, подай-ка воды.
Сестренка, подай-ка листочек бумажки,
Родным я письмо напишу.
Родные прочитают,
Любимой моей скажут,
Что я в лазарете лежу».
«Была бы я пташка, была бы я вольна,
Слетала к тебе в лазарет.
Нет, я не пташка, нет, я не вольна,
Слетать в лазарет я к тебе не могу».

А.С.Косицына, с. *Ураловка*

2

Двадцать второго июня,
Ровно в четыре часа,
Киев бомбили, нам объявили,
Что началась война.
Порою ночью
Мы расставались с тобою
Ты улыбнешься,
К сердцу прижмешься,
Милый, желанный, родной.
Маленький домик на юге,
Чуть потемневший фасад,
Весь заросший жасмином
Старый, заброшенный сад.
Ты возьмешь карточку сына,
Думаешь думу свою
И потихоньку пристынешь,
Тихо прильнувши к окну.
Где-то на западном фронте
Писем давно он не шлет,
Жизнью своей он рискует,
Сталинский храбрый пилот.
Кончилось мирное время,
Нам расставаться пора,
Ты из вагона, я с эшелона*
Дружно помашем рукой*.

А.С.Косицына, с. *Ураловка*

3

Эх, при дороге красная рябина,
На ветру горит она, горит,
Провожая любимого сына,
Мать родная ему говорит:
«Сын мой любимый,
Сокол ненаглядный,
Ты смотри, получше примечай
Этот кустик, дорожку и поле –
Сердцу близкий и милый край.
Прах милородный,
Мирный труд враг нарушил,
Он пробрался к нашим рубежам.
Мы фашистского зверя задушим –
Вся страна поднялась на врага.
Будешь ты в битвах,
Вспомнишь эти рощи,
Над избою тихий шум ветвей.
За родное дерутся бесстрашно,
За любимое бьются сильней.

* Текст представляет собой переработку песни
Я.Галицкого и Г.Максимова на музыку
Г.Петербургского «Синенький скромный платочек».

И полыхает красная рябина,
Не теряй ты слез из мутных глаз.
Мать спокойна за сокола сына –
Он отчизну в обиду не даст.

А.С.Косицына, с. *Ураловка*

4

Мама, милая мама, если б ты поняла,
Как тоскую, родная, я вдали от тебя.
Приходилось порою выбиваться из сил,
Командир очень часто
Мне воды приносил.
Отдыхать забывала, говорила потом,
Я ведь доктор, родная,
И военный при том.
А когда перевязка затяжная идет,
Здесь и ласка, и сказка,
Здесь и присказка в ход,
Здесь поможешь и взглядом,
Выраженьем лица,
Вот такая награда ожидает бойца.
Мама, милая мама, я кончаю писать,
Привезли мне больного –
Срочно надо принять.
Мама, милая мама, если б ты поняла,
Как тоскую, родная, я вдали от тебя.

Е.Д.Ромолова, с. *Ураловка*

5

Студенточка, заря восточная,
Под липою я ждал тебя.
Счастливы были мы,
Наслаждались золотым Днепром,
И, вдыхая аромат ночной,
Любовался я тобой.
Пожар войны нас разлучил с тобой,
За родину пошли мы в жаркий бой.
За верный труд отцов,
За счастье наших матерей,
За любимый украинский дом
И за липу над Днепром.
Но верю я: мы разобьем врага,
И встретимся тогда уж навсегда.
И вновь под липою будем,
Милая, сидеть вдвоем,
Наслаждаясь золотым Днепром
И серебряной луной*.

П.С.Вячеславова, с. *Иннокентьевка*

* Вариант песни «Студенточка, заря восточная»
представлен в фольклорно-диалектологическом
альманахе «Слово», выпуск 1, с.27.

6

Хорошие письма с далекого тыла
Сержант от жены получал,
И сразу, покаместь душа не остыла,
Друзьям по оружию читал.
Писала, что родина стала чужбиной:
Далекий сибирский колхоз.
Жалела, что муж не оставил ей сына:
Отца дожидался бы, рос.
Но утром враги оборону прорвали,
Отчизне грозила беда,
И пал он обычною смертью героя,
Заветный рубеж не отдал.
Друзья собрались и жене написали,
Как младшей сестре боевой:
«Поплачь же, родная, не будет печали,
Поплачь же над ним, над собой».

Т.И.Кузина, с. *Ураловка*

7

Над деревней тихо пролетели гуси,
Поднималось солнце, затопив сады.
И росли в деревне Ваня да Маруся,
А еще Иван-да-Марья, желтые цветы.
Над странною тучи заходили грозно,
Понеслись в небо черные кресты,
Проводила Ваню девушка Маруся,
А еще Иван-да-Марья, желтые цветы.
Вот шальная пуля отыскала Ваню,
Покачнулось небо, падая в кусты,
Окропился кровью белый одуванчик,
А еще Иван-да-Марья, желтые цветы.
Над странною тихо пролетали гуси,
Ваня, неужели не вернешься ты?
Где упали слезы девушки Маруси,
Там растут Иван-да-Марья,
Желтые цветы.

Т.И.Кузина, с. *Ураловка*

8

Ох, вы поля, поля, вы широкие поля,
Как на вас, на полях урожая нема.
Только есть урожай – кучерява верба.
И под той под вербой
Солдат битой лежал.
Он не убит, он не прибит,
Весь израненной лежит,
У ногах у его
Конь вороной стоит.
Эх, ты конь, ты мой конь,
Конь – товарищ родной.
Эх, бежи ты, мой конь,
В Россеечку домой

И скажи ты, мой конь,
Что я битой лежу,
А скажи ты, мой конь,
Что женатой хожу.
А женила меня пуля быстренькая,
И свенчала меня сабля остренькая,
Эх, невеста была гробовая доска,
Эх, бояры были только пушки буй*.

В.А.Непомнящая, с.Ураловка

9

А в субботу, в день ненастный,
Нельзя в поле работáть.
Ой, да нельзя в поле работáть.
Нельзя в поле, ой, да работáть,
Не боронить, не пахать.
Пойдем, моя любка,
Во зеленый сад гулять.
Ой да, во зеленый сад гулять.
В том садочку соловей-пташка поет.
Ой да, соловей-пташка поет.
Соловей-пташка поет.
Да мене ж любá предает, **
Ой да, мне ж любá предает**.

Е.А.Звонарёва, с.Красноярово

10

...Шевелились усики овса.
Где-то за деревнею далёко
Девичьи звенели голоса.
Керосина Коле не хватило,
За горючим в город он пошел.
Только из-за горочки спустился,
Немцы показались перед ним.
Керосин в руках они держали,
Тракториста Колю подожгли.
Загорелось тело молодое,
А потом доку́менты нашли.
Дома ждет его семья родная,
Девушка из дальнего села.
Полоса несжатая стояла,
Тракториста Колю все ждала.

Е.А.Козловская, с.Чагоян

* Вариант песни «Ой, вы поля, ой, широкие поля» представлен в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово», выпуск 1, с.25.

** Песня «А в субботу, в день ненастный» – вариант старинной рекрутской песни. См. альманах «Слово», выпуск 1, с.27.

СВАДЕБНЫЕ ПЕСНИ

1

Стукнули, грюкнули на дворе.
– Погляди, мама,
То не по мене?
– По тебе, детина, по тебе,
Готуй, мамка, кублик мне.
– Да было ль тебе, дочечка, не спати,
Тебе сундучок отдавати.

Л.Г.Позднякова, с.Красный Луч

2

Молодой молоду
Посадил на ляду,
Вставай, молода,
Под тобою вода.

Л.Г.Позднякова, с.Красный Луч

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

1

Бульваром я шел торопливо,
Ждала меня дома жена,
Подходит ко мне суетливо
Из уличных девок одна.
Деваха на вид молодая,
В юбке и в пудре лицо,
Косынка на ней вся худая
И старо осенне пальто.
«Семнадцать мне лет миновало,
Училась последний я год,
Однажды хозяйка позвала
Куда-то нести ей капот.
Квартиру она отыскала,
Жила там одна молодежь.
Туда да я скоро попала,
Оттуда, смотрю, не уйдешь.
Хозяйка меня приласкала,
Достала графинчик вина.
Я отказаться не смела
И выпила рюмку до дна.
Чуть на мне (нрзб.) распустила,
Не помню, что было со мной.
Когда я на утро проснулась,
То сразу я все поняла:
Хозяйка меня обманула,
И юность мою продала.
«Зачем занялася позором,
За деньги себя продаешь?» –
Тихо шепчу ей с укором, –
«И дело себе не найдешь».

«Ах, маменька, рѳдная,
Веришь иль нет,
Я телом своим торговала...»

В.В.Косицын, *с. Ураловка*

2

Предбурной ночью, тихой, хладной,
Скрывался месяц в облаках,
На ту зеленую могилу
Пришла красотка во слезах:
«Вставай, вставай,
Мой друг любезный,
Я без тебя жить не могу».
«Иди, иди, моя милая,
Мене теперь не до тебя,
Мои вы косточки зарыли,
И кровь горячая стекла».
Пошла красотка, зарыдала,
Во темну комнату свою,
Глаза платком она закрыла
И горько плакать начала:
«Кого я крепко так любила,
Тому я счастье отдала?»

Ф.П.Деникина, *с. Ураловка*

ЛАГЕРНЫЕ И ТЮРЕМНЫЕ ПЕСНИ

1

Я живу близ Охотского моря,
Где кончается Дальний Восток,
Я живу без нужды и без горя,
Строю новый в стране городок.
Вот окончу я срок приговора,
И с друзьями навеки прощусь,
И на поезде в мягком вагоне
Я к тебе, дорогая, примчусь.
Водку пить заряджу я на время,
Чтоб с тобою годочек пожить,
Любоваться твоей красотой
И колымскую жизнь позабыть.

А.С.Косицына, *с. Ураловка*

2

Осыпаются листья осенние,
Хороша эта ночка в лесу,
Выручай меня, силушка мощная,
Я с неволи домой побегу.
Выручай меня, силушка мощная,
За решеткой напрасно сижу.
Побегу я в родную сторонушку,
Побегу по иному пути,
Обниму свою милую женушку

И усну у нее на груди.
Пошатнулась железна решеточка,
И упала она, не стуча.
Не услышала стража тюремная,
Не споймать им теперь молодца.
Ох, напрасно ломал я решеточку,
Ой, напрасно бежал из тюрьмы,
Моя милая, рѳдная женушка
У другого лежит на груди.
Осыпаются листья осенние,
Хороша эта ночка в лесу,
Забери меня, стража тюремная,
Жить на воле совсем не могу.

Т.И.Кузина, *с. Ураловка*

ШУТОЧНЫЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1

Жила-была бабка
У самой речки,
Захотелось бабке
Искупаться в речке.
Брала наша бабка
Мыло и мочало,
Наша песня хороша,
Начинай сначала.

М.Г.Загрудная, *с. Иннокентьевка*

2

Ох, кума-то к куме
В решете приплыла,
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя,
В решете приплыла,
Веретенами гребла.
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.
А у кумы во саду воробей без задѳ.
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.
Воробей без задѳ, без задних штанов.
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.
Общипали воробья
На четыре перинѳ.
Ох, кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.
А сварили воробья
Во пивном во котле.
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.
А кума-то куму стала потчевати,
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая моя голубушка ты моя.

Ну, и ешь ты, кума,
Не засаливай уста.
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.
Не засаливай уста, не совай в рукава.
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.
Не совай в рукава, не носи дочерям.
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.
Не носи дочерям, не корми зетевьёв.
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.
Не корми зетевьёв,
Не обижай сыновьёв.
Кума моя, кумушка, ты кума,
Сизая голубушка ты моя.

Е.Д.Ромолова, с. Ураловка

3

А где мне взять такую песню,
И о любви, и о судьбе,
И чтоб никто не догадался,
Что это песня о тебе.
Чтоб песня по свету летела,
Кого-то за сердце взяла,
Кого-то в рощу заманила,
Кого-то в поле увела.
И чтоб у клуба заводского,
И у далекого села,
И с этой песней, замирая,
Девчонка милая ждала.
А где мне взять такую тещу,
А чтоб купила «Жигули»,
И чтоб никто не догадался,
Что это деньги не мои.

О.М.Дудина, Л.Г.Тугарина,
В.С.Тихомирова, Р.Т.Кирющенко,
Н.И.Шевченко, с. Касаткино

4

Несет мати воду,
Коромысло гнется,
А сын на порозе
Стоит да смеется:
«Не носи ты воды,
Да дай же умыться,
Не сотрешь ты ножки,
И не надо дивится.
Не возьмешь бутылку –
Выгоню из хаты.

* Текст представляет собой переработку песни М.Агашиной на музыку Г.Пономаренко «А где мне взять такую песню».

Будешь за зозулю
В саду куковати».
«Детки ж, мои детки,
Детки ж вы хороши,
Что ж не выгоняли,
Як давала гроши?
Я ж давала гроши
В любую годину,
А за эти гроши
Купили машину».
«Теща ж, моя теща,
Звати тебе Настя,
Ой, пошли за торбой,
Не буду ховати.
А и с этой торбой
Не ходи круг хаты,
Чтоб люди не знали,
Что ты наша мати».
«Детки ж, мои детки,
Дайте ж хоть присести,
Я не буду прóсить
Ни пити, ни ести.
Дайте ж уголочек,
Пока ручки слóжу.
А я уже стара,
Роботать не можу».
«Теща ж, моя теща,
Пора тебе знати,
Что в дом престарелых
Пойдешь помирати».
Мамки ж, наши мамки,
Мамки ж вы хороши,
Не будьте дурные,
Як у вас есть гроши.*

Р.С.Кальченко, с. Могилёвка

КОЛЫБЕЛЬНЫЕ ПЕСНИ

1

Спи-усни, а я спою
Над твоей кроваткою.
Сон придет к тебе, мой мальчик
Маленький, украдкою.

Н.И.Высоцкая, с. Кухтерин Луг

2

Баю – баюшки – баю,
Не ложися на краю.
Придет серенький волчок,
Хватит Варьку за бочок.

Н.И.Высоцкая, с. Кухтерин Луг

* Данная песня исполняется на мотив украинской народной песни «Несе Галя воду».

ЧАСТУШКИ

Игровые частушки на гулянии

Товарищи дорогие,
Не смотрите вы на нас.
Не артисты выступают,
А простой рабочий класс.

Ты подгорна, ты подгорна,
Широкая улица,
По тебе никто не ходит
Ни петух, ни курица.

Вы послушайте, девчата,
Нескладушки вам спою.
Шуба рвана, воротник,
У меня душа болит.

На окошке два цветочка
Туда-сюда гнутся.
Мне еще не шестьдесят –
Женихи найдутся.

Я не знаю, как вам,
А мне хочется
Поспать, полежать,
Поворочаться.

Если б не было воды,
Не было бы кружки.
Если б не было меня,
Кто бы пел частушки?

Запевай, какую хошь,
Про любовь только не надо,
Мое сердце не тревожь,
Погулять сегодня надо.

Пойду плясать,
Ботиночки гнутся.
Сарафан короток,
Ребята смеются.

Милый и милая

Я любила по пяти,
Любила по пятнадцати,
Успевала целовать
В раз по девятнадцати.

Мама, мама, я пропала,
Меня любит, кто попало:
Мишка, Гришка, два Ивана
И четыре капитана.

Девочки-красоточки,
Попал я за решеточки,
Из-за вас, любезные,
Попал я за железные.

Говорят, любовь невредна,
Любовь очень вредная.
Посмотрите на меня,
Какая стала бледная.

Ой, спасибо тебе, мама,
Что веселу родила.
Хоть и горе, хоть беда,
А я веселая всегда.

Деревенские девчата
Модные-премодные,
Кудри гвоздиком наводят,
Говорят – природные.
Моя милочка с тоски
Проглотила две доски.
Через сорок три недели
С нее ящики летели.

Хорошо траву косить,
Которая зеленая.
Да хорошо тую любить,
Которая веселая.

Ой, приехали меня
Сватать на сивой кобыле,
Мое приданое забрали,
А меня забыли.

Во саду зелену
Да не топчи травыцы,
Коль не любят тебя девки,
Люби молодицу.

Я любила бедного,
Любила и богатого,
Признаюсь вам, девчата,
Любила и женатого.

Милый в армию уехал,
Я ходила провожать.
На прощанье говорила:
На границе не дремать.

Кто бы ведал, кто бы знал,
Как болит сердце мое.
Кто б милóму передал,
Как желаю я его.

Пойду плясать,
Дайте кругу шире.

Буду шофера любить,
Кататься на машине.

Ростов на Дону,
Саратов на Волге,
Я тебя не догоню,
Твои ноги долги.

Где мои семнадцать лет,
Где моя тужурочка,
Где моих три ухажера:
Петя, Ваня, Шуручка?

Ох, юбка моя,
Четыре волана,
Хочу дома заночую,
Хочу – у Ивана.
Разрешите познакомиться
Вот с этим пареньком,
Довести его до дела,
Чтоб качало ветерком.

Я иду, иду, иду,
Встану и подумаю.
У него жена и дети,
А я, дура, думаю.

Дайте с горочки спуститься,
Ручеек перейти,
Дайте с милым распроститься,
Мне другого не найти.

Как гармошка заиграет,
Балалайка загудит,
На меня миленок глянет –
У меня сердце заболит.

Ой, мил постыл
На печи застыл,
А я вокруг бегаю,
Ничего не делаю.

Черну курочку кормила,
Черна курочка не ест.
Чернобровенький мальчишка
Никогда не надоест.

Скоро-скоро Троица,
Земля травой покроется.
Скоро миленький приедет,
Сердце успокоится.

Тучка за тучку
Закучилась.
Вчера милого видала,
Седня соскучилась.

Внешность и характер милого

Люблю сани с-под Рязани,
А коня за быстроту.
Люблю милого за ласку,
А еще за красоту.

Завивай, товарищ, кудри,
Завивай повыше глаз,
Чтобы девушки любили
На чужой сторонке нас.
Все бы пела, все бы пела,
Все бы веселилася.
Но одно меня сгубило –
В ротана влюбилась.

Полюбила я его,
А он, девочки, косой,
Я иду прямой дорогой,
Он шурует полосой.

Голубые, голубые,
Голубые небеса.
Почему не голубые
У миленочка глаза?

Стоит милый у ворот,
Широко разинув рот.
Кто идет, не разберет,
Где ворота, а где рот.

А вы, ребята, трепачи,
Да хоть над вами хохочи.
Руки, ноги колесом,
И сосулька под носом.

Жених-гармонист

Гармониста я любила,
Не попала за него,
Не хватило капиталу
У папаши моего.

Гармонист такой красивый,
Как цветочек голубой.
Если б я была красива,
Познакомилась с тобой.

Гармониста я любила,
С ним на пару я ходила.
Гармонист-то не идет,
Он играет и поет.

Гармониста я любила,
Гармониста тешила,
Гармонисту на плечо
Сама гармошку вешала.

Гармонист-красавец,
А что тебя касается:
Сердце беспокоится,
Хочу познакомиться.
Гармонист, гармонист,
Познакомиться хочу,
Если я тебе не стою,
То деньгами доплачу.

Гармонист, гармонист,
Рубаха зеленая.
Не в тебя ли, гармонист,
Я была влюбленная?

Гармонист, гармонист,
Хорошо играете.
Почему вы, гармонист,
С нами не гуляете?

Я у Толи в коридоре
Подметала лесенку.
Я под Толину гармошку
Подпевала песенку.

Соперница

Брось ее, брось ее,
Брось ее, трепачку.
Я куплю тебе за это
«Беломору» пачку.

Подружка моя,
Ну, кому я мила?
Я любила, ты отбила,
Ну, вот так все это было.

Отвела подруга друга,
Все равно не завладеть.
На твои колени сядет,
На мои будет смотреть.

Как у нас говорят:
«Утка с утинятами».
Не гуляй, какá попало,
С нашими ребятами.

Ой-ё, ой-ё,
Что же ты наделала.
Я любила, ты отбила.
Я бы так не сделала.

Измена

А мне милый изменил,
На коне уехал в Крым,
А я маху не дала –

На собаке догнала.
А мне милый изменил
На середине мостика,
Я взяла да и сказала:
«Обезьяна с хвостиком».

А мне милый изменил,
А я топнула ногой.
Через двадцать две минуты
Появляется другой.

А мне милый изменил,
А я встала да стою.
Его розова рубашка
Разрывает грудь мою.

А мне милый изменил,
Сам пошел горой, горой.
Зарастай его дороженька
Зеленою травой.

Я страдала и не знала,
Что в любви есть обман,
Своим беленьким платочком
Разгоню в поле туман.

А мне милый изменил,
Я истосковалась:
Была сорок килограмм,
Шестьдесят осталось.

Пойду в лебеду,
Поймаю лебеденочка.
У какой-нибудь разини
Отобью миленочка.

Я с крутого бережка
В воду бросила дружка.
А ну, давай, пошел ко дну,
Если любишь не одну.

Посмотри, милый, на небо.
После неба на меня.
Как на небе тучи ходят,
Так на сердце у меня.

Семейная жизнь

У меня жёнка некрасива,
Знаю, не красавица,
Как приду пьяный домой,
Как собака, лается.
Не ходите, девки, замуж,
Замужем не весело.
Одна девка вышла замуж,
Голову повесила.

Не ходите, девки, замуж,
Замужем не весело.
Муж на улице не пустит,
Скажет, делать нечего.

Не ходите, девки, замуж,
Замуж – горе да печаль.
Через год будет ребенок,
Только байкай да качай.

Быт и повседневная жизнь

Сидит дед на печи
И считает кирпичи,
Насчитал он сорок шесть,
До сих пор не может слезть.

Дед с печки упал
Прямо на бабусяю,
А бабуся родила
Да девочку Марусю.

Песни радостные льются,
Гости за столом сидят,
А хозяева трясутся:
«Неужели все съедят».

Я плясала, топнула,
Мать поленом грохнула.
Я пошла захохотала –
Ничего себе попала.

Я доил корову Машку,
Сиська оторвалась.
Я хотел ее пришить,
Мамка заругалась.

Ох, на горке я была,
Да я Егорке дала,
Не подумайте плохого,
Я махорки дала.

Я сижу, она плывет,
Зеленая лодочка,
С каждым днем все дорожает
В России водочка.
Поговорка устарела:
«Денег куры не клюют».
Вот курочек сегодня
За валюту продают.

Война

Напрасно ходишь, Гитлер,
Напрасно танки бьешь:
СССР не завоюешь
И в Москву не попадешь.

Сидит Гитлер на осине,
Богу молится – болван:
«Помогите, все святые,
Победите партизан».

Сидит Гитлер за столом
Лопает картошку,
Гитлерята под столом
Собирают крошки.

ЗАГОВОРЫ

ЛЕЧЕБНЫЕ ЗАГОВОРЫ

От сглаза

1. Не сама иду, по воде бреду, Матерь Божью на помощь веду. Добродетельный колодец, дай мне воды от всякой беды.

Читать три раза.

2. Шел Иисус Христос через мост, а на встречу ему раба Божья (*имя*). Куда идешь, раба Божья (*свое имя*)? Иду лечить раба Божья (*имя*) с испугу, сглазу, от черных мыслей с завистей и наговоров. Аминь. Аминь. Аминь.

От испуга

3. Человечий, женский, ребячий, девичий, детский, собачий, скотский, подуманный, погаданный, примолвленный, приговоренный, подвейный – самый наймерзавейщный, тут тебе не стоять, желтой кости не ломать, белого тела не вялить. Я тебя выкликаю, вызываю из рук, из ног, из плечей, из карих очей. Аминь. Аминь. Аминь.

Читать три раза.

От порчи

4. Прочитать молитву «Отче наш». Налить в банку воды, всыпать щепотку соли, зажечь спичку. Крестить огнём воду три раза и говорить три раза: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь». Горелую часть спички обломить в банку. Читать девять раз:

Чистая кровь и небесная, спаси, сохрани раба Божьего (*имя*) от всякого зла, от худого глаза, от женского, от мужского, от детского, от радостного, от ненавистного, от наговорного, от переговорного.

Обрызгать больного наговоренной водой, три раза произнося: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа».

От испуга, заикания, сглаза, зубной боли, энуреза

5. Взять чашку правой рукой так, чтобы большой палец руки был сверху чашки и читать:

Ключевая вода, не мой, не полощи крутые берега. А смой, сполощи с раба Божьего (*имя*)* все уроки, все переполохи, чтобы не урочилось, чтобы не переполошилось. При утренней заре Марии, при вечерней заре Маремьяне, при красном солнышке, при злате месяце, при ясных звездочках смывай из всего сустава: из рук, из ног, из костей, из глаз, из печени, из крови горячей, из ретивого сердца, из лёгких, из почек, из больных мозгов, из карих глаз, из чёрных бровей. Чтобы не было щепоти тощей, чтобы не было никаких болей у раба Божьего (*имя*). Матушка, Пресвятая Богородица, пошли сна-угомона и доброго здоровья на раба Божьего (*имя*). Спать-почивать, ничего не знать, век до века, отныне да вовеки. Аминь.

От грыжи

6. Грыжа пуповая, грыжа едровая, грыжа жёлто́вая, грыжа костяная, грыжа суставная, грыжа, загорись, грыжа, закипись, будь крепче и лепче. Аминь.

Читать девять раз.

От кровотечения

7. Бежал петух по ниточке, а ниточка оборвалась, чтобы у рябого (*имя*) кровь не лилась. Аминь. Аминь. Аминь.

8. Два брата камень секут, две сестры в окошко глядят, две свекрови в воротах стоят. Ты, свёкор, воротись, а ты, кровь, утолись; ты, сестра, отворотись, а ты, кровь, уймись. Ты, брат, смирись, а ты, кровь, запрись. Брат бежит, сестра кричит, свёкор ворчит. А будь моё слово крепко на утихание крови у рабы Божьей (*имя*) по сей час, по сию минуту.

9. Шла баба по дороге, за ней руда-собака. Руда-собака упала-пропала. А ты, руда, не капь. А ты (*имя*) оставайся чиста, как Божья Пречиста. Аминь.

Читать девять раз, быть всегда чистой, когда читаешь.

От экземы

10. Сначала прочитать «Отче наш» десять раз, «Богородицу» три раза. Найти берёзовый сучок с тремя отростками и на него читать:

Экзема, экзема, красная девица, ты и мати, и царица, живая помощница. Людям помогала, спасала, защищала. Спаси и защити рабу Божью (*имя*). А ты, экзема неродная, не щенись, не живи, не цвети, не размножайся, не расселяйся, корни в тело не пускай, а ходи-помирай, засыхай, корни с собой забирай.

Бросить заговоренный сучок в печку в полночь, приговаривая:

Экзема, экзема, иди от рабы Божьей (*имя*) жить к свиньям. Свинья не мать, молока тебе не даст, а там тебе пропасть.

От боли в суставах

11. Лом, лом, выйди вон изо всех жил и полужил, изо всех пальчиков и суставчиков. Лом колючий, лом могучий, и стремлючий, и денной, и полуденной, и ночной, и полуночной, и часовой, и глазной, и куриный, и лом серединный. Ступай, лом, в чисто поле, в синее море, в тёмный лес, под гнилую колоду. Не я хожу, не я помогаю, ходит Мать Божья Пресвятая Богородица. Она помогает, ото всех скорбей избавляет, от серого глаза, чёрного, жёлтого

* Если ребенок до 3 лет, говорить «с младенца малого».

и лихого. Утренняя заря Дарья, вечерняя Мария, полуночная Анастасия, полуденная Маремьяна, Божья Матушка, отбей от всех скорбей рабу Божью (*имя*). Аминь.

12. Ломотица, щипатица, костный мозг, все суставы и полусуставы, голенища, спотыгалица, не скрипите, не болите и рабы Божьей (*имя*), чтоб ей больше не страдать, дайте спать. Аминь.

Читать в безлунную ночь.

От зубной боли

13. Вот месяц молодок – молодой. Ой, у тебя рог золотой? Золотой! На том свете был? Был! Мёртвых видел? Видел! У мертвых зубы не болят? Не болят! Ну, и пусть не болят у раба Божьего (*имя*).

14. Ты на том свете бывал? Бывал! Мертвых видал? Видал. У них зубы не болят? Не болят. Как замерли зубы у раба Божьего (*имя умершего человека*), так чтоб замерли зубы у раба Божьего (*имя*).

От тревоги

15. Нетленный червь по земле ходит, никто его не видит, никто не обидит: ни еретик, ни клеветник, ни судья, ни друг, ни начальник. Укрой, Господи, меня нетленной верой своей. Аминь. Аминь. Аминь.

От недержания мочи

16. *Найти доску с сучком. Сучок выбить так, чтобы получилось сквозное отверстие. В это отверстие больной должен пропустить свою мочу. Говорить три раза:*

Сучок, ты помочись, мочу с собой заberi, в реку отнеси, чертям подари. А вы, черти, сходите, ангела освободите. Не пойдете вы, я попрошу хозяйку воды, пусть она вас накажет, на лёгкий путь отправит. Аминь. Аминь. Аминь.

От болезней щитовидной железы

17. *Наговорить на мёд и смазывать зоб:*

Куриный зоб, выйди вон из раба Божьего (*имя*) на сухое дерево. Корни твои усушаются, куриный зоб раба Божьего (*имя*) уничтожается. Скорбящая Божья Мать, убери скорби, напасти раба Божьего (*имя*). Я проста, а ты, Господь, будь милостив к рабу Божьему (*имя*), помоги ему от куриного зоба.

От лишая

18. *Взять чашку со сливками и произнести три раза:*

Раб Божий (*имя*) вставал, благословясь, и пошёл, перекрестясь, из избы дверьми, со двора воротами, вышел в чистое поле. Есть в чистом поле сухая шалга, на той шалге трава не растёт и цветы не цветут, и также у раба Божьего (*имя*) не было бы ни чирья, ни вереда, ни больной нечисти. Очищается раб Божий (*имя*) во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

Трижды мазать больное место сливками.

От нечистой кожи

19. Ни от камня плоду, ни от чирья руды, ни от пупыша головы, умри, пропади!

Обведя три раза чирей углём или безымянным пальцем и крепко прижав его, произнести заговор. После этого уголь бросить за спину, приговаривая: «Откуда пришёл, туда и пойдё».

От всех болезней и темных сил

20. *Поставить воду и читать заговор, прикасаясь к телу больного там, где находятся больные органы, голова, позвоночник:*

Матушка речная вода, ты берега подмываешь, ты жёлтый песок смываешь, ты камень моешь, ты горы рушишь. Смой с раба Божьего (*имя*) все боли, все страдания, порчу, испуг, эпилепсику, заикание, рожу, грыжу, сглаз младенческий, а раба Божьего (*имя*), матушка река, оставь в покое. Аминь. Аминь. Аминь.

Читать три раза, дать выпить больному воды и тихо произнести:

Крест на мне, крест во мне, рабе Божьем (*имя*). Ни один зверь лесной, ни один колдун, ни колдунья, ни один бандит, ни бандитка, ни один злой человек, ни злой язык колдуньи, ни злой язык бандита не обидит раба Божьего (*имя*). Аминь.

ДЕТСКИЕ ЗАГОВОРЫ

От испуга

21. *Посадить ребенка на табурет в коридоре лицом в комнату. Брать восковую свечу, растапливать воск, читая молитву «Отче наш», затем выливать воск в сосуд с водой и произносить три раза заговор:*

В Тихом океане, на острове Буяне, лежит камень, на этом камне сидит Иисус Христос, он камень полою прикрывает, ребенка-младенца (*имя*) от испуга укрывает.

Табурет убрать в комнату, а воду вылить на столбик, к которому крепится калитка.

От младенческой

22. Шла раба Божья (*имя*) по дороге, мимо дороги схватила её младенческая. Ты не шути, не смотри, иди к куме Марии, кума Мария будет вычитывать, выговаривать из головы. Лопатую выкопает, граблями выгребет, веником выметет из головы, с-под головы, со лба, с-подо лба, с глаз, с-подо глаз, с носа, изо рта, с-подо рта, с бороды, с-под бороды, с груди, с-под груди, с сердца, с-под сердца, с печени, с-под печени, с живота, с-под живота, с пупа, с-под пупа, с ног, с-под ног, с колен, с-под колен, с подошев, с-под подошев, с ногтей, с-под ногтей и с костей, изо всех костей, изо всех ногтей. А ты, раба Божья (*имя*), оставайся чиста, как Божья Пречиста. Аминь.

Читать девять раз, всегда быть чистой.

От бессонницы

23. Солнце за стену, бессонница и плаксы в конско говно, а ты, раба Божья (*имя*), оставайся чиста, как божья пречиста. Аминь.

Читать три раза. Нужно быть чистой.

24. *Читать на заходе солнца, держать ребёнка на руках:*

Ты, Бессонница, не гуди, мне младенца не буди. Хочешь блудиться, иди к птице-сове, к соловью-соловухе или к хмельной головухе. С ними гуляй, игры играй, сон младенцу не порочь, прогоняю тебя прочь. Аминь. Аминь. Аминь.

На благополучие ребенка

25. Иди, дитя, гуляй, себя не потеряй. Господь тебя сбережёт, ко мне назад вернёт. Аминь.

ЗАГОВОРЫ НА КРАСОТУ

Чтобы волосы не выпадали и быстро росли

26. Поле к зёрнышку, свет к солнышку, темя к гребешку, а волос к волоску. Аминь.

Читать на молодой месяц у окна, расчесывая волосы.

На красоту груди

27. Ешь, ешь, всё в титеньках будет. Господь мне поможет. Аминь.

28. Как из цветка растёт яблочко, у телочки – вымечко, из семечка – подсолнушек, из девочки – женщина, как Господь ей повелел дитя родить, грудью кормить, чтобы у рабы Божьей (*имя*) грудь была бела, крепка, пышна. Аминь.

ЛЮБОВНЫЕ ЗАГОВОРЫ

29. *Чтобы позвать любимого, нужно капнуть каплю крови на лоб и читать:*

Ложусь спать, на мне крови печать. Это печаль по рабу Божьему (*имя*). Как я не могу без неё, так чтоб раб Божий (*имя*) не мог без меня. Аминь.

30. Читать на кровь:

Ложусь спать, на мне крови печать. Эта печать – печаль по рабу Божьему (*имя*). Чтоб как кровь моя во мне, так и раб Божий (*имя*) сох по мне. Аминь. Аминь. Аминь.

31. Чтобы заставить милого явиться, нужно встать ногами на порог, лицом в комнату, упереться руками в косяки и проговорить три раза:

Вызываю к себе на порог раба Божьего (*имя*). Как сей порог под моими ногами, косяки под моими руками, так и ты, раб Божий (*имя*) под моей волей. Раб Божий (*имя*), иди ко мне! Аминь.

32. Жечь свечу, срезая пламя ножницами, и говорить:

Как этот воск тает от огня жгучего, так и ты, раб Божий (*имя*) от моего наговора могучего придешь и предстанешь пред мои очи ясные. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь.

33. Чтоб любил пуще всего на свете, читать в открытую форточку на закате:

Как дитя не может без матери, овца без ягняти, так чтобы меня мой милый друг любил, раб Божий (*имя*), чтоб скучал и горевал, света бела не видал, не мог бы жить и часу быть без меня, рабы Божьей (*имя*). Аминь.

34. Если на улице ветер, выйти и читать:

Тринадцать ветлей, тринадцать вихрей, идите из-за гор, поднимите горе, наслите на раба Божьего (*имя*), чтоб он скучал, горевал, света бела не видал. Зовите его ко мне днем при солнце, вечером при луне. Нашлите ему муку Господню по мне, Божьей рабе (*имя*). Аминь.

35. Я зажгу свечу в ночной темени, поклонюсь ей трижды покорно я и скажу слова заговорные: «Ой, вы духи великие, светлые, зло-напасть от любви отводящие, вы услышите меня, вас молящую, не гасите свечу, мной зажженную, зажигала её с чистым помыслом, не чужого мужа приманивала, не чужого жениха приваживала. Но зажгла ради мужа (жениха) любимого, мне самую судьбою сулимого. И молю я вас, духи светлые, наделите огонь вашей силою, силой доброй, всепроникающей, от погибели любовь защищающей. Вы зажгите огонь в сердце милого, осветите в нём все излучины, посветите до самого доньшка – чую, там лежит льдинка стылая: ревность лютая злой разлучницы. Растопите ту льдинку колючую, ей слезой возверните горячею. И ещё молю, духи добрые, разожгите огонь в крови милого, чтоб в любви он был нежен-яростен, и, как глоток воды в самый злостный зной, поцелуй мой ему был бы сладостен. И в третий раз вас молю, духи светлые, защитите любовь мою чистую, сохраните мне мужа (жениха) любимого с сердцем верным, ни с кем не делимого».

36. Взять платочек, которым вытирала слёзы, и сжечь его на пламени свечи:

Ты сожги, огонь, мои слёзы горячие, прогони беду в леса дремучие, в тех лесах она пусть заплутается, никогда в мой дом не возвращается, пусть у мужа моего сердце сжалится, словом злым язык не оскверняется, чтобы в дом мне входить не с опаскою, чтобы век свой прожить с мужем ласковым.

Повторить эти слова трижды, а когда кормишь мужа, положить немного пепла в еду. В обувь мужа насыпать еловых иголок.

37. Сжечь двенадцать лучинок на свече и читать:

Дым в гору, раб Божий (*имя*) ко мне, ко двору. Как мне без тебя скучно, так чтоб тебе было тошно. Чёрная доска, чугунная доска, наведи на раба Божьего (*имя*) большую-большую тоску, чтоб он ел не заедал, пил не запивал. А меня, рабу Божью (*имя*) не забывал. Аминь.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАГОВОРЫ

От клопов

38. Заготовить траву пижму, попросить всех выйти. Прочитать тихо молитву «Отче наш» три раза и разложить пижму по тем местам, где водятся клопы, приговаривая:

Батюшка клопик, гость тебе на порог. У гостыюшки тело-серп вострющий, кровь у гостыюшки – смола липучая, не ешь гостыюшку, стерегись да подальше хоронись. Клоп клопа трескай, до единого заедай. Клоп клопу – сладко, гость клопу – горька осина. Аминь.

Читать три раза. Сплюнуть через левое плечо три раза.

Чтобы было молоко у коровы

39. Добрый день, колодец Левко, крыница Ульяна, корова серая Миланка. Как доливаешь воду в крыницу с камня, с-под кременя, так добавь молока серой Миланке. Аминь.

ЖИТЕЙСКИЕ ОБЕРЕГИ

Когда заходишь в дом

40. *Смотри вверх и говори три раза:*

Потолок – верх, будь всегда мой верх.

Когда идешь в дорогу

41. Волком еду, гадюкою обовьюсь. Волчьи зубы маю, всех от себя отгоняю, никто не может у батки очей взять, а мне никто не смеет слово сказать.

Читать три раза.

42. *Читать, выходя из дома:*

Перекрестясь, благословясь, пойду из дома за ворота в ту сторону, куда охота. С пути-дороги не собьюсь и с бедою не столкнусь. Зло подальше обойду, а добро везде найду. Не споткнусь, не расшибусь, в дом с удачею вернусь.

К деньгам

43. В наш кошель ваша деньга, ваша казна – моя казна. Аминь.

44. Вам ни фи́га, а мне полные короба, а мне полные закрома деньгами, злата с серебрями. Я князь и купец, мне счастья венец. Аминь.

45. Сколько много перьев на курице родится, столь много денег в кошеле не переводится.

Чтоб кошель не был пустой, читать в пятницу.

Чтоб свекровь любила

46. *Наговаривать на конфеты:*

Как сын тебе дорог, мил с крови, плоти твоей, так и я тебе буду кровью плотью по душе, по сердцу. Люби меня, как своё дитя, и больше своего сердца. Аминь.

Закрывать все шторы на окнах, постелить неношенный платок на стол, засветить свечу. Волосы распустить, читать у стола.

НАРОДНОЕ ВРАЧЕВАНИЕ

Как вывести бородавки

1. Я вот их выжигала уксусом. Ну, только осторожно: ведь это может сжечь. Прямо вот распаришь хорошенечко бородавку, срежешь, бывает. Если шипишка, то она как бородавка появляется, и тогда уксусом. Я вот выжигала так. Берешь главную (она же не одна, бородавка, а несколько), и вот её берешь, главную, которая самая первая была, и берешь вот это вот ниточку со старой ткани. И вот она прямо, где есть, ее завязываешь, раз узелок, два узелок. Три узелочка завязала, все завязываешь над этой бородавкой, и куда-нибудь в землю, в навоз. Ну, вот навоз, он же горит, и перепреет оно, и все бородавки уйдут.

А.С.Читайко, с.Красноярово

Как вылечить грыжу

2. Три дня лячить. У него, значить, в пяреднем углу на брявне такой сучок, и вот он, значить, чота (что-то) поговорит, поговорит, вокруг пупка пальцем поводит, по этому сучку опять, говорит на сучок он чота (что-то).

Е.А.Ващула, с.Михайловка

Как скулу (волос) лечить

3. А это так вот, скулу лечить вот. И там уже просишь: «Волос, волос, выйди наружу. Волос, волос, выйди наружу». И вот он так и уходит.

Е.А.Ващула, с.Михайловка

Как рожу лечить

4. Вот, рожа. Если краснота такая или синева появляется, на болячку похожая, – это рожа красная. Беру шерстяной лоскут, накрываю эту рану, зажигаю свечку церковную и молюсь Богу: «Отче наш» прочитаю. Один раз. А потом заговариваю: «Рожа, рожа, здесь тебе не стоять, и пора тебе выступать». А вторую, так тоже самое, прочитаешь «Отче наш» и говоришь: «Мать Святая Богородица, помоги нам». Три раза надо, три раза.

Е.Г.Букач, с.Красноярово

Как вывести щетинку у младенца

5. Вот кода рожают ребенка, у него волосики на спине, вот. У нас что делают: пякут хлеб, вот. Ну, ляпешку спякешь в печке. Потом возьмешь этой мякотью, вот так вот скатаешь, и рябёночку по етому, по спинке так катаешь, катаешь, катаешь. Ну, раз-два сделаешь, и он, этой хлеб, забирает эти волосики, да. Вот оно за это и забирает, и он у тебя спокойно спит. И ещё так: берешь из поддувала золу. Взял вот так вот и на сито. И сито так перевярунули: не так, как муку насыпаешь, а на обратную сторону вот так вот насыпешь немножко. Насыпешь, а потом пепел в узелки. И кода купаешь, вот узелки там положишь, два или три узелка, с этим пеплом в эту воду, да чтоб ребенку не повредить, вот так вот тряпочки вот положишь. Вот купаешь в этой воде, вынимаешь ребенка, а это вот просто для интереса развёртываешь эту золу – там и волосики, там и всякая всячина вся. Ну, мы ж то сеяли, была чистая, а так вот вся грязная, особенно волосики там, и даже и большие, и маленькие, там и котячие, и собачие, и всякие-всякие волосики. Вот их убирают, тогда рябёнок хорошо спит. А мылить и не надо там.

Е.А.Ващула, с.Михайловка

Чтобы ребенок не болел

6. Чтобы ребенок не болел, ему остричь ногти на руках и ногах, состричь немного волос на голове, обмерить ниткой талию, голову, рост. Нитки, ногти и волосы завернуть в бумажку. На дверном косяке сделать отверстие и эту бумажку в него положить, забить отверстие осиновым колышком. Когда ребенок перерастет свой рост, болеть перестанет. Все это делать на убывающую луну. Если есть больные зубы у того, кто лечит, взять в рот гладкий камешек.

А.С.Читайко, с.Красноярово

СОННИК

Алмаз – богатство и семейное благополучие.

Арбуз – мужчине – неприятность; женщине – беременность; девице – скорое замужество.

Баба – сплетни.

Бабушка или девушка – бессилие, слабость.

Блузу надевать – успех в любви и радость.

Больница – здоровье, счастье, прибыль, успех.

Больных посещать – неожиданное счастье.

Борьба – почесть и победа.

Беременная женщина – знак неожиданной прибыли.

Ванна – купаться в ней – успех в делах и любви; пустая ванна – неудача, болезнь и потеря.

Выстрел – важное известие.

Гроб – для старых – смерть; для семейных – прибыль; для молодых – свадьба и долгая жизнь.

Гром – гнев начальства.
Дама-незнакомка – для мужчины – неприятность по делу и по службе; для женщины – ссора с любимым человеком.
Дитя – успех и благополучие в делах.
Есть во сне – неудача.
Железная дорога – выгодное путешествие.
Замерзать – получение большого наследства.
Игрушки детские – бессмысленное увлечение ненужным делом, потеря времени и денег.
Качели – семейная радость.
Кот, кошка и котята – ласливые, хитрые и продажные друзья.
Крыса – враги, от которых трудно избавиться.
Конфеты – приезд гостей.
Лающая собака – ссора со злым и опасным врагом.
Ливень – опасность во время купания.
Лес – зелёный – здоровье, успех в делах и богатство; заблудиться в лесу – болезнь.
Мать – живая – заботы; мёртвая – благополучие; мать-покойница – перемена к лучшему.
Огонь – напрасные мечты.
Падение с высоты – почести и повышение.
Покойник – здоровье и долговечие.
Потерять какой-либо предмет – выгодная находка.
Пьяный – глупый друг.
Пьяным быть самому – потеря, унижение, бедность.
Рисовать – трудное объяснение.
Стирать бельё – болезнь и неприятность.
Сыр видеть или есть – неудача в любви, горькое разочарование.
Танцевать – напрасный труд.
Таракан – веселье и радость.
Увядший цветок – перемена к худшему.
Усы – измена в любви.
Фрукты – большое потомство.
Яйцо – прибыль, прирост в семье, довольствие и радость.

«ТВОЯ РОДОСЛОВНАЯ» ПРОГРАММА РАБОТЫ ШКОЛЬНОГО КРУЖКА

Изучая дедов, узнаем внуков. Изучая предков, узнаем самих себя.

В.Ключевский

Пояснительная записка

В условиях новой социокультурной ситуации в российском обществе актуализировалась проблема формирования личности, ее оптимального саморазвития и самореализации в окружающем мире. Самоопределение современной молодежи происходит в условиях кардинальной смены духовно-нравственной парадигмы жизни страны, характеризующейся снижением значимости традиционных нравственных ориентиров, внедрением в массовое сознание новых ценностей. Главными становятся такие качества человека, как предприимчивость, инициативность, умение решать проблемы и принимать нестандартные решения. Однако нельзя допустить, чтобы поколение нового тысячелетия утратило человечность, гражданственность, патриотизм. Уважение и любовь к стране начинается с любви к родному краю, городу, с которым связана судьба, к своей семье, к родной речи.

Кружок «Твоя родословная» помогает учащимся определить свое место в истории семьи и страны; пробуждает интерес к изучению родословной; воспитывает уважительное отношение к старшему поколению – хранителям мудрости предков и памяти о них; формирует умение определять на лингвистическом и культурологическом материале исторические корни семьи и рода.

На занятиях кружка учащиеся получают новые и обобщают уже имеющиеся знания по истории, культуре, особенностям языка жителей Амурской области, у школьников формируются необходимые навыки и умения поисковой работы, они учатся правилам составления генеалогического древа и анализа диалектного материала, основным способам презентации собранных сведений. Программа кружка предусматривает совместную работу родителей и детей, что способствует улучшению психологического климата в семье и развитию коммуникативных навыков ребенка в процессе общения со взрослыми.

Цель кружка – нравственно-патриотическое воспитание детей через приобщение их к изучению прошлого семьи.

Задачи:

1. Проанализировать и обобщить опыт имеющихся программ сходной тематики, сформировать материально-техническую базу для реализации программы, привлечь к совместному участию заинтересованных лиц.

2. Познакомить учащихся с основами генеалогии, базовыми принципами построения генеалогических таблиц и представления собранного материала, основными источниками получения данных по истории семьи.

3. Расширить и систематизировать имеющиеся у учащихся знания об историко-культурном наследии Амурской области, этапах заселения Приамурья, основных миграционных процессах.

4. Формировать и развивать навыки и умения работы со справочными материалами по истории края, семейными и государственными архивами, библиотеками, сетью Интернет.

5. Организовать и провести ряд досуговых мероприятий в виде творческих отчетов по проделанной работе, направленных на сплочение семьи, возрождение традиционных форм общения между поколениями.

6. Активизировать самостоятельную работу учащихся по поиску и обработке материалов по истории рода, привлечь к этой деятельности других членов семьи.

Программа построена с учетом возрастных особенностей учащихся, их занятости в учебном процессе. Занятия проводятся 1 раз в месяц в группе 20-25-и человек.

Программа рассчитана на 3 года обучения (6-8 классы) и включает в себя следующие тематические блоки:

I. Я и моя семья.

1. Познай самого себя (Что я знаю о себе? Что означают мои имя и фамилия?).
2. Моя семья (Самые близкие для меня люди. Что я знаю о своих родителях? Рождение семьи. Родственники).
3. История семьи (Профессиональные традиции. Династии. Участие в войнах. Репрессии).
4. Семейный архив (Семейные традиции и реликвии. Генеалогия семьи и личности. Семейный архив: фотоальбомы, дневники, письма. Карта расселения родственников. Символы семьи).

II. Край, где я живу.

1. Мой дом (История моего дома, моей улицы. Интересные люди моего двора).
2. Моя школа (История школы. Традиции класса и школы. Выпускники).
3. Мой город, мой край (История, экономика, культура, православные традиции города и края. Знаменитые земляки. Речь жителей Приамурья).

III. История моей семьи в истории страны.

Обобщение и систематизация полученных знаний; дальнейшее развитие практических навыков и умений учащихся; индивидуальные консультации в рамках проводимых работ; самостоятельная работа учащихся над составлением родословной.

В программе используются следующие формы работы:

- познавательные беседы;
- презентации книг и обзоры литературы по теме;
- встречи с интересными людьми (ветеранами Великой Отечественной войны, архивариусами, работниками музеев, преподавателями-филологами и т.д.);
- экскурсии в музеи, архивы, библиотеки, научные центры города и по его культурно-историческим местам;
- семейные вечера;
- индивидуальные занятия.

Разнообразие форм работы способствует поддержанию у учащихся положительной мотивации к занятиям, позволяет применять полученные знания на практике. Привлечение к участию в программе специалистов повышает качество проводимых исследований, стимулирует активность учащихся. Итоговым мероприятием в конце каждого учебного блока является творческий отчет, на котором подводятся предварительные итоги поисковой деятельности, проводится презентация родословных, организуются выставки семейных альбомов, карт расселения родственников и т.д.

Программа адресована работникам библиотек, педагогам общеобразовательных школ и внешкольных учреждений, интересующимся генеалогией; она может представлять интерес для родителей и любителей-генеалогов.

ПРИМЕРНЫЙ ПЛАН МЕРОПРИЯТИЙ

Первый год обучения

октябрь – Семейные посиделки «Давайте познакомимся!».

Домашнее задание: эскиз эмблемы кружка по родоведению, сочинения «Моя мама», «Моя семья», подбор материала о своем имени.

ноябрь – Беседа-игра «Что в имени тебе моем?..».

Домашнее задание: выяснение этимологии своего имени.

декабрь – Беседа «Фамилия – флаг семьи».

Домашнее задание: рассказ «Как произошла моя фамилия».

февраль – Путешествие по книжной выставке «В гостях у Пушкина».

Домашнее задание: поиск родственников – ветеранов войны и труда, сочинение «Война в жизни моей семьи».

апрель – Презентация третьего тома книги «Солдаты Победы: «Вспомним всех поименно...» (М., 2002-2005).

Домашнее задание: оформление накопленного за год материала для итогового отчета; участие в акции «Впиши фамилию деда в книгу памяти «Солдаты Победы».

май – Итоговое занятие «Как составить родословную».

Домашнее задание: составление схемы родословной, беседа с родными, организация переписки с дальними родственниками с целью накопления материала по изучению истории семьи.

Второй год обучения

октябрь – Семейные посиделки «Трудные поиски – интересные находки».

ноябрь – Беседа «История заселения Амурской области». Экскурсия в музей быта АмГУ. Беседа о причинах и путях в переселения Приамурье, волнах заселения Амурских земель, их влиянии на формирование языкового статуса потомков переселенцев. Рассказ о проблемах формирования говоров переходного типа, об источниках говоров.

декабрь – Беседа «Казачья жизнь на Амуре». Экскурсия в музей казачьего быта с. Волково. Беседа о первых казачьих поселениях, укладе жизни, особенностях быта и языка казаков.

январь – Беседа «Крестьянский быт Приамурья конца XIX – начала XX вв.». Экскурсия в областной краеведческий музей с посещением библиотеки. Беседа о первых крестьянских поселениях по рекам Амур и Зея, на станциях вдоль железных дорог; бытовом укладе крестьянской жизни конца XIX – начала XX вв.; о проблеме языкового взаимодействия на одной территории различных по происхождению говоров.

Домашнее задание: сочинение «Как мои предки попали в Амурскую область».

февраль – Экскурсия в Государственный архив Амурской области «За помощью – в архив».

март – Беседа «Старые фолианты». Экскурсия в отдел редкой книги областной научной библиотеки.

Домашнее задание: заполнение анкеты «Семейные традиции и реликвии»; просмотр краеведческой литературы по истории края.

апрель – Беседа «Составляем семейный герб».

Домашнее задание: создание семейного герба, поиск семейных реликвий.

май – Семейные посиделки «Семейные реликвии».

Домашнее задание: работа с семейными архивами с целью сбора материала для составления семейной родословной.

Третий год обучения

сентябрь – Семейные посиделки «Экскурсия в прошлое семей».

октябрь – Беседа «Хотелось бы всех поименно назвать...» (Ко Дню памяти жертв политических репрессий – 30 октября). День открытых дверей в Государственной архиве Амурской области.

Домашнее задание: работа с «Книгами памяти жертв политических репрессий в Амурской области» (Благовещенск, 2000-2003).

ноябрь – Посиделки «Семейный очаг».

Домашнее задание: составление «Карты расселения родственников».

декабрь – Беседа «Вероисповедание в Амурской области конца XIX – начала XX вв.».

Домашнее задание: заполнение анкеты «Что я приобрел, изучая родословную?».

январь – Семейные посиделки «Загляните в семейный альбом».

Домашнее задание: поиск материала о знаменитых родственниках в печатных изданиях (газетах, журналах, альманахах и др.).

февраль – Вечер-портрет «Людей неинтересных в мире нет».

Домашнее задание: подбор материала об истории города, об особенностях наименования улиц и принципах, положенных в основу их номинации.

март – Экскурсия по культурно-историческим местам г. Благовещенска.

апрель – Индивидуальные консультации по оформлению семейных альбомов, родословных таблиц (деревьев).

май – Итоговое занятие. Семейный вечер «Ты на свете не один – много у тебя родни».

ЛИТЕРАТУРА

Агеева Р.А. Какого мы роду – племени? Народы России: имена и судьбы: словарь-справочник. М.: «Academia», 2000.

Александрова Н. А. Твое родословие: как составить родословную. М., 1997.

Вардугин В. Русская одежда: история народного костюма от скифских до советских времен. Саратов: «Дет. книга», 2001.

Введенская Л.А. От названий к именам. Ростов-на-Дону: «Феникс», 1995.

Все о русских именах / Авт.-сост. Л.С.Конева. Минск: «Харвест», 2003.

Ермакова Л. Флаг семьи // Родина. 2005, № 7. С. 71.

Именины // Ромео и Джульетта. 2004, № 4. С. 32-33.

Кабачек О.А. История рода – история Отечества // Наше наследие: о проблемах гражданского и патриотического воспитания детей и подростков в библиотеке. М.: «Школьн. б-ка», 2004. С. 133-215.

Каменская Л. Изучаем родословные семей: создание Уральского генеалогического фонда // Библиотека. 2000, № 6. С.23-26.

Квакин М. Этикет наоборот. М.: «АСТ», 2000.

Короткова М.В. Путешествие в историю русского быта: книга для чтения в общеобразовательных учреждениях. М., 1998.

Кричман А. «Я и моя родословная...»: конкурс // Школьная библиотека. 2002, № 6. С. 50–51.

Мартышин В. С. Твоя родословная: учебное пособие по изучению истории семьи и составлению родословной. М., 2000.

Мосин А. «С Петром мой пращур ладил»: рассказ о своем роде // Родина, 2005. № 7. С. 72–74.

Никонов В.А. Словарь русских фамилий / Сост. Е.Л.Крушельницкий. М.: «Школа-Пресс», 1993.

Полякова Е.Н. Из истории русских имен и фамилий: книга для учащихся. М.: «Просвещение», 1975.

Полякова Е.Н. Из истории русских имен и фамилий: книга для учащихся. М.: «Монолит», 2002.

Розанов С. Судьба потомков Пушкина // Путеводная звезда. 2004, № 6. С. 12-13.

Руденко И.: Мой отец «вырастил» родовое древо Пушкина // Комс. правда. 1999, 5 июня. С. 8-9.

Русская изба. Энциклопедия народного быта. СПб.: «Иск-во», 1999.

Самсонов В. К. Твоя родословная: как составить родословную. М.: «СОЛОН – Пресс», 2001.

Сахаров И.П. Сказания русского народа, собранные И.П.Сахаровым. Тула: Приокское кн. изд-во, 2000.

Семенова М. Мы – славяне. СПб.: «Азбука-Тера», 1997.

Семкина Н. Н. Моя родословная: урок – лекция // Биология. 2001, № 32. С. 2-3.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имен. М.: «ЭКСМО», 2003.

Терещенко А. Быт русского народа: обрядовые праздники. М., 1999.

Терещенко А. Быт русского народа: игры, обряды. М., 1999.

Терещенко А. Быт русского народа: обряды свадеб, крещения, похорон. М., 1999.

Унбегаун Б.О. Русские фамилии. М.: «Прогресс», 1989.

Успенский Л.В. Ты и твое имя: рассказы об именах. М.: «Армада-пресс», 2002.

Федосюк Ю.М. Что означает Ваша фамилия. М.: «Дет. лит-ра», 1969.

Федосюк Ю.М. Русские фамилии: популяр. этимолог. словарь. М.: «Дет. лит-ра», 1972.

Харченко О. Книга в моем доме: рассказ о домашней библиотеке // Школьная библиотека. 2002, № 5. С. 65-68.

Черкашин А.А. Тысячелетнее древо А.С.Пушкина: корни и крона. М.: «Либрерия», 1999.

Я и моя родословная: условия конкурса // Школьная библиотека. 2002, № 1. С. 52-53.

Г.К.Алексеева

«ЭССЕ КАК ЖАНР ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ»
УРОК ПО КОМПЛЕКСНОМУ АНАЛИЗУ ТЕКСТА
О РОДНОМ ГОРОДЕ В 9 КЛАССЕ

Тип урока: аналитическая беседа с элементами практической групповой работы.

Цели урока:

1. Знакомить учащихся с жанром публицистической прозы – эссе.
2. Развивать у школьников навыки самостоятельной работы.
3. Воспитывать любовь к родному краю.

Ход урока

Вступительное слово учителя.

Тема сегодняшнего урока – «Эссе как жанр публицистической прозы». Продолжая работу по развитию речи, мы должны научиться выделять основные жанровые черты эссе и формировать умения создавать и анализировать данную разновидность сочинений.

– Дайте определение понятию «жанр» (*Вид произведения*).

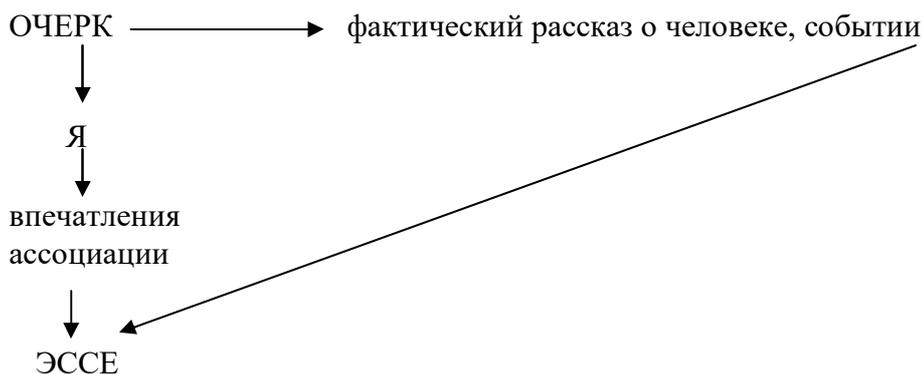
– Что такое публицистическая проза? (*Статьи, заметки, обзоры, рецензии, интервью, очерки и другие газетно-журнальные жанры, освещающие различные проблемы человеческой жизни и описывающие явления общественной деятельности*).

• Работа над понятием «эссе» начинается с изучения материала § 32 учебника русского языка для 9 класса общеобразовательных учреждений под ред. М.М.Разумовской, П.А.Леканта и др. (М.: «Дрофа», 2005) и составления схемы «От очерка к эссе». При чтении перевода термина «эссе» следует обратиться к таблице в учебнике.

Учитель: Из прочитанного мы узнаем, что жанр «эссе» относится к очерковой прозе.

- Начинается работа со схемой «От очерка к эссе».

«ОТ ОЧЕРКА К ЭССЕ»

Вопросы и задания к беседе по схеме.

1. Что такое очерк? Дайте определение этому жанру?
2. Какие элементы следует внести в стилизованный текст очерка, чтобы можно было бы говорить об эссе? (*Словарная работа – а с с о ц и а ц и я – от лат. Associatio – «соединение, связь представлений» // зрительная ассоциация, ассоциация со временем*).
3. Сформулируйте определение понятия «эссе» в соответствии со схемой.
4. Назовите русские классические произведения, в которых присутствуют жанровые элементы эссе.

Работа со стихотворением в прозе И.С.Тургенева «Русский язык».

Анализ предваряет чтение стихотворения.

Вопросы к учащимся.

1. Что является предметом описания? (*Национальный русский язык*).

При наличии реально существующего предмета описания можно говорить об очерковом характере данного произведения.

2. Как представлено авторское «я» в этом стихотворении в прозе? (*Предмет описания представлен через личностное восприятие автора, до такой степени сильное, что читатель чувствует огромную любовь И.С.Тургенева к родной земле, к родному слову, и сам начинает жить этой любовью, любовью к тому краю, где родился и вырос*).

Групповая работа над комплексным анализом текста о г. Благовещенске.

Учитель: Слушая текст, обратите внимание на иллюстративный материал: фотографии города, книги о нем, рисунки учащихся (в классе оформлены фото- и книжная выставки); на музыкальное оформление, сопровождающее чтение (во время чтения текста звучит вальс «Амурские волны» (слова народные, музыка М.Кюсе)).

- Тексты о городе имеются на каждой парте.

НАШ ГОРОД

Как хороша ты, родная земля! Город родной, Благовещенск, любим тебя, как дорогого человека.

Чувствуем ли мы, горожане, торжественность и величавость названия нашего города? Изредка. В минуты душевной сосредоточенности. Живем здесь – и все. Хотя величие духа первопоселенцев – основателей города, передавших и нам чувство гордости за свою малую родину, заметно во всем. В старинных постройках, созданных как будто на века. В прямых улицах, делящих город на аккуратные кварталы. Да и во всем его расположении.

Много ли еще найдется в России городов, где, выйдя на улицу и прошагав несколько кварталов, можно просто отдохнуть? А, постояв на берегу величавой реки и глядя на ее бесконечное движение, вдруг ощутить, что на сердце стало спокойнее и мысли обрели ровный, гармоничный ход? Здесь можно: он на редкость уютный и спокойный, наш город, один из множества российских городов.

И все-таки особенный. Даже имя его, прочитанное или произнесенное вслух, невольно заставляет откликнуться сердца людей. Западает он в душу, занимает в ней особое место.

Анализ текста.

Учитель: Перечислите аспекты анализа текста. (*На доске таблички: Стилистический анализ; Типологический анализ; Композиционно-содержательный анализ; Собственно языковой анализ; Орфографо-пунктуационный анализ. Работа ведется в творческих группах. Цель – сделать многоаспектный анализ по предложенному плану*).

Например,

1. Композиционно-содержательный анализ:

- определить тему, главную мысль (идею);
- выделить количество микротем (по количеству абзацев);
- объяснить структуру текста (построение).

2. Орфографо-пунктуационный анализ:

– объяснить правописание суффиксов в словах: *старинный, прочитанное, произнесенное*.

- объяснить правописание приставок в словах:

а) *передавших, постройки, прошагав;*

б) *бесконечное, изредка*.

Чем различаются правила правописания приставок первой и второй групп?

– найти в тексте предложения с обособленными определениями, выраженными причастными оборотами, объяснить постановку знаков препинания.

3. Собственно языковой анализ:

- фонетический (найти примеры полногласия, открытости слогов, охарактеризовать ассонансы, аллитерации, звучность текста, соответствие текста фонетическим нормам современного русского литературного языка);
- словообразовательный (выявить суффиксы с оценочным значением, наличие сложных слов, аббревиатур и т.д.);
- лексический (провести анализ лексики с точки зрения происхождения (исконная, заимствованная), сферы употребления (диалектизмы, профессионализмы, общеупотребительные слова и т.д.);
- морфологический (определить преобладание частей речи и их текстовое значение);
- синтаксический (определить преобладание особых синтаксических конструкций, охарактеризовать связь предложений в тексте и т.д.).

4. Стилистический анализ:

- определить стиль текста и обосновать свой вывод;
- выявить характерные для стиля языковые средства и приемы создания образности;
- проанализировать текст на наличие тропов (эпитетов, метафор, олицетворений, сравнений и др.) и стилистических фигур речи (эпифор, анафор, синтаксических параллелизмов, риторических вопросов и др.).

5. Типологический анализ:

- определить тип речи и обосновать свой выбор;
- проанализировать текст на предмет смешения типов речи.

С анализом каждого блока выступает представитель группы. Членами других групп дается рецензия на ответ, затем подводится итог, называется лучший ответ.

Итог урока.

Учитель: Сегодня на материале текста о родном городе мы изучали один из жанров публицистической прозы – эссе. Доказали, что основной стилистической чертой эссе является преломление очеркового содержания через личностное восприятие автора, позволяющее в полной мере выразить чувства, мысли, эмоции; в тексте, над которым работали на уроке, – любовь к родному краю, преданность любимому городу, гордость за историю родной земли.

Домашнее задание.

Повторив материалы § 32 учебника русского языка для 9 класса под ред. М.М.Разумовской, П.А.Леканта и др. (М.: «Дрофа», 2005), написать эссе-миниатюру на одну из тем: «Я и мой город» (задача – показать, что для человека значит родной город) и «Мой город и я» (задача – показать, как формируется и раскрывается личность человека под влиянием мира родного города).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБРАЗЦЫ ЭССЕ-МИНИАТЮР О РОДНОМ ГОРОДЕ

Я и мой город

У каждого человека есть родина – место, где он родился. Для меня родиной является город Благовещенск. Широкие светлые улицы, уютные скверики, красивые старинные дома. Мой город тихий и спокойный. Жители доброжелательно относятся друг к другу, радушно принимают гостей. К нам приезжают многие известные люди, и все они с теплотой отзываются о нашем городе.

Я очень люблю гулять по Благовещенску. Каждая улочка, каждая аллея напоминает мне о чем-то приятном или же, наоборот, печальном. Когда мне бывает грустно, я иду на набережную Амура. Вид на реку, улыбочивые лица прохожих поднимают настроение, и я забываю о плохом.

Жители нашего города любят в праздничные дни собираться на центральных площадях. Особенно весело и интересно проходит День рождения Благовещенска. Люди встречаются со своими друзьями, знакомыми, гуляют по набережной Амура, участвуют в различных кон-

курсах. И все радуются, поздравляют друг друга – ведь так хорошо быть жителями нашего светлого города. Для меня Благовещенск – самый лучший город на земле: он дал мне жизнь, подарил счастливое детство и юность, в нем я живу с надеждой на прекрасное будущее.

Николаев Андрей, 2005 г.

Мой город и я

*Я люблю эту землю, и в сиянье, и темную,
И покрытую снегом, и пургой заметенную;
Небо синюю кровлю уронило на землю,
Сердцем, всей своей кровью, я люблю эту землю.
Л.Завальнюк.*

Удобно расположился мой город у слияния двух рек – город Благовещенск, основанный 17 июля 1858 года по приказу генерал-губернатора графа Муравьева-Амурского, памятник которому, спустя более чем сто лет, встал в бронзе на цокольной, прямой, как стрела, набережной Амура. В руках у первого губернатора Айгунский договор, взор обращен к востоку, откуда весной повеет черемухой и полевыми цветами.

Вдоль всего города катит и катит свои воды Амур-батюшка, темный красавец, черная вода. Даже А.П.Чехову трудно было описать такие красоты, как амурские берега: «Я пасую перед ними и признаю себя нищим». А красавица Зея – это драгоценность нашего края!

Известно, что родина – это не только страна, но и дом, улица, река, город... А как же живется мне, девочке, выросшей в этом городе?

Жизнь бурлит, кипит страстями, несет и несет меня. В сумасшедшем водовороте одно спасение – город детства. Можно пройтись по улицам, любуясь домами, набережной, чтобы вдохнуть тонкого, пронизывающе чистого воздуха. Можно постоять перед золотыми куполами собора (душа всегда тоскует о таких соборах) и войти в его таинственную тишину, где так понятно величие Господа, где стоишь и просишь помощи Его... А улицы бурлят магазинами, рынками, машинами – мирской суетой... Жизнь продолжается.

Ноябрь... Выхожу на балкон. Летят и летят белые хлопья снега. Асфальт дороги темный и густой. Падают снежинки и сразу тают. Деревья в сказочном уборе. Вдруг зажегся фонарь, и искорки-снежинки загорелись красным и синим хрусталем. Мне радостно. Пройдет зима, наступит весна. Зеленым пламенем вспыхнут травы, расцветут нежные, как фарфоровые, желтые саранки с чудным запахом. Запоет, засвистает, заликует мир. На заре своей жизни я люблю эту землю и этот город на слиянии рек.

Игнатенко Анастасия, 2005 г.

Л.М.Альбеева

«ПОДСНЕЖНИК: СЛОВО, ПОНЯТИЕ, ОБРАЗ» УРОК РАЗВИТИЯ РЕЧИ В 6 КЛАССЕ

Сделать процесс обучения увлекательным, раскрыть возможности каждого учащегося и пробудить его инициативу – важная задача учителя. Одной из форм организации учебного процесса, предполагающей творческую деятельность учащихся по построению собственных знаний в рамках той или иной учебной темы, является педагогическая мастерская. Данная технология позволяет школьникам в коллективном поиске приходиться к «открытию» знаний. Темы для таких уроков выбираются из понятного и близкого для детей мира, окружающего их, – мира родного края, родной природы.

Тип урока – мастерская слова.

Цели урока:

1. Учить детей устанавливать связи между словом, понятием и образом.
2. Пополнять речевую память учащихся новыми способами создания художественного образа.

3. Формировать у школьников чувство прекрасного.

4. Развивать образное мышление, создавая условия для детского творчества.

Оборудование урока.

1. Фотоэтюды подснежника.
2. Музыкальный этюд П.И.Чайковского «Апрель. Подснежник» (цикл «Времена года»).
3. Краткий этимологический словарь русского языка / Под ред. Н.М.Шанского. М., 1989.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. 2003 (или др. издание).
5. Школьный словообразовательный словарь русского языка / Под ред. З.А.Потиха. М., 1990.

I. Подготовительный этап.

Задания для учащихся.

Учитель произносит слово «весна» и просит учащихся описать, какие ассоциации рождаются у них при произнесении этого слова. Предлагает записать пять слов-ассоциаций, связанных с этим словом.

Учитель: Слово – это великое чудо. Произносишь его, и душа откликается то радостью, то болью, то тревогой; возникают образы, связанные с этими чувствами. Вот почему эпиграфом к нашему уроку выбраны слова великого русского педагога и детского писателя Константина Андреевича Ушинского: *«Если в мире есть вещи, достойные названия «чудо», то слово, бесспорно, первая и самая чудесная из них».*

II. Постановка целей урока.

Учитель: Вспомним притчу-совет восточного мудреца: «Я сорвал цветок – и он увял. Я поймал мотылька – и он умер у меня на ладони. И тогда я понял, что к красоте нужно прикоснуться сердцем».

Следуя его совету, сегодня мы прикоснемся сердцем к весеннему слову «подснежник». Мы будем заниматься русским языком – исследуем значение слова; биологией – посмотрим, с какой стороны изучается подснежник в этой науке; литературой – попробуем проследить, какие образы подснежника возникают у поэтов и писателей; будем слушать музыку и творить сами.

Ушло в прошлое время, когда человек старался все разьединить, отделить и изучить метафизически. Теперь он пытается ощутить связь между словами, предметами, явлениями, объединив усилия многих наук.

Запись темы, эпиграфа.

III. Лабораторная работа.

Задания для учащихся.

1. Определить лексическое значение слова «подснежник» по толковому словарю (*запись в тетрадь*):

Подснежник – «травянистое растение с цветками светлой окраски, распускающимися сразу после таяния снега».

2. Определить способ образования слова «подснежник» (*запись в тетрадь*):

Подснежник, подснежник ← под + снег (г//ж) + ник (морфологический, приставочно-суффиксальный способ образования).

3. Подобрать однокоренные слова (*запись в тетрадь*): *заснеженный, снежный, снег, снеговик.*

4. Определить грамматические значения слова «подснежник» (*запись в тетрадь*): *м.р., II скл., ед. ч., Им. п. (В.п.).*

IV. Выступление учащегося «Слово «подснежник» в биологии». (*Индивидуальное задание*).

Подснежниками в России принято называть самые разнообразные растения, зацветающие весной первыми, сразу после схода снега. В Амурской области подснежником называют «прострел раскрытый», или «сон-траву». Ярко-фиолетовые цветки сон-травы раскрываются в весеннем лесу, когда еще там нет и тени. Он так торопится не упустить свое время весной, что бутоны набирает и раскрывает их еще до того, как появятся листья. Кажется, кто-то сорвал цветок, коротко обломил стебель и воткнул его в землю.

На каждом растении по одному цветку. Он крупный, мохнатый, и ножка, и лепестки снаружи, и листья одеты мягким, густым серебристым пушком.

И вообще цветок напоминает от этого маленькую мохнатую зверушку. В народе ласково называют его за это бобриком.

А появятся листья и травы – цветок потухнет. Вместо него появляется ершистая шишечка с семенами – будто крохотный ежик притаился среди листвы. (Более подробная информация в журнале «Юный натуралист», 1995, № 3).

V. Конкурс «Слово «подснежник» в легендах и мифах.

Учитель: Мы вспоминаем об этом слове весной, когда нами вдруг овладевает беспокойство, или необъяснимая радость, или неосознанная печаль. Мы пытаемся понять, откуда такое настроение. И нам невдомек порой бывает, что это весна, она виновница нашего непостоянства в настроении.

А человеку свойственно все объяснять словами. В привычном видеть необычное. Наблюдая за подснежником, человек создал множество легенд.

Послушайте их. Особенно поразившие вас слова, обороты речи, понятия запишите. (*Легенды учащиеся подбирают самостоятельно, после выступлений выбирается лучшая легенда*).

Примеры легенд.

1. Однажды охотник подсмотрел, как медведь выкопал траву, съел ее и тут же заснул. Охотник решил проверить, что случилось с медведем, сам попробовал эту травку и тоже заснул. Поэтому и называют этот цветок сон-траву.

2. В народе так еще объясняют название «сон-траву». Голубовато-лиловые колокольчики всегда имеют вид склоненного, будто дремлющего цветка, будто спящего.

3. Однажды нечистая сила попробовала спрятаться в цветке. Это ей понравилось, и она стала использовать цветок в своих темных целях. Но какой-то архангел возмутился и метнул в цветок огненное копьё. С тех пор нечистая сила как огня стала бояться цветка, а сам цветок стал называться прострелом.

4. Когда Адам и Ева были изгнаны из рая, шел сильный снег. Еве было холодно. Тогда, желая согреть ее своим участием, несколько снежинок превратилось в цветы. Увидев эту красоту, Ева повеселела. У нее появилась надежда. Подснежник стал символом надежды.

5. Богиня Флора раздавала цветам костюмы для карнавала и подарила подснежнику белый костюм. Снег тоже захотел принять участие в празднике, но наряда у него не было. Он стал упрашивать цветы поделиться одеянием с ним. Однако цветы, боясь холода, не откликнулись на просьбу, и только подснежник укрыл его своим хитомом. Вместе они кружились на празднике в хороводе и прониклись друг к другу такой симпатией, что остались неразлучны и по сей день.

6. Уверяют, что однажды старуха Зима со спутниками Стужей и Ветром решила не пустить на землю Весну. Все цветы испугались Зимы и поникли. Но подснежник выпрямил стебелек и смело расправил лепестки. Солнце заметило подснежник, согрело землю и открыло дорогу Весне.

7. В старину верили: если с утра сходить в лес за сон-травой, принести домой и до ночи продержать в воде, а когда взойдет луна, положить под подушку, то во сне приснится будущее человека. Оттуда и название – «сон-траву».

8. Еще говорили, что если носить с собой цветок подснежника, то никакая нечистая сила не подступится; если подложить цветок под угол строящего дома, то в доме всегда будут мир и согласие.

Учитель: К слову этому обращались поэты и писатели. Поэт творит, учась у природы ее шепоту и грому, ее ласке и гневу, ее терпению. Художник создает свой образ, он учит нас не быть равнодушными.

Не привыкайте к чудесам, –
Дивитесь им, дивитесь!
Не привыкайте к небесам, –
Глазами к ним тянитесь!
Приглядывайтесь к облакам,
Прислушивайтесь птицам,
Прикладывайтесь к родникам, –
Ничто не повторится.
За мигом миг, за шагом шаг
Впадайте в удивленье.
Все будет так и все не так
Через одно мгновенье.

Что же чудесного увидели поэты в подснежнике, какой образ и как создавал каждый из них? Интересные поэтические символы, речевые обороты запишите. (*Подготовленное заранее учащимися чтение стихов о подснежнике*).

VI. Выступление учащегося «Слово «подснежник» в музыке».

Учитель: Послушав стихи, вы, наверное, поняли, сколько поэтических образов создано поэтами. Удивительное, чудесное слово «подснежник» подарило вдохновение и композитору Петру Ильичу Чайковскому. Гармонией звуков он создал образ этого цветка. (*Короткую справку о жизни Чайковского дает ученик, получивший заранее индивидуальное задание*).

Ученик: Петр Ильич Чайковский, великий русский композитор, жил во II половине XIX в. Родился он в провинции, в семье, далекой от музыки. С детства рос «стеклянным ребенком»: необычайно чутким, хрупким, ранимым. Родители вовремя заметили талант ребенка, его музыкальные способности и все сделали, чтобы развивать талант сына. П.И.Чайковский создал величайшие произведения: оперы «Евгений Онегин», «Пиковая дама», балеты «Лебединое озеро», «Щелкунчик», множество пьес, симфоний, этюдов.

Слава его росла не по дням, а по часам, однако в кошельке, как правило, было пусто. Он был нерасчетлив, подчас бездумно расточителен. Правда, на себя тратил совсем немного, зато любил щедро угощать друзей, к празднику посылал отцу и любимым братьям дорогие подарки, помогал тем, кому была необходима помощь. Дал стипендию своему талантливому ученику Литвинову Семе, когда тот из-за безденежья чуть не бросил учебу. Узнав о крайней нужде своей первой учительницы музыки Пальчиковой, Чайковский установил ей ежемесячную пенсию, которую выплачивал вплоть до ее смерти. Умолкала музыка в душе, когда рядом страдали.

Иногда из-за безденежья приходилось писать по заказу. Так родился цикл фортепьянных пьес «Времена года», сочиненный для музыкального журнала «Нувеллист». Издание выходило ежемесячно первого числа каждого месяца. Каждая из 12 пьес появлялась как сюрприз в том месяце, название которого она имела. И только потом все они были объединены в альбом «Времена года». Получился музыкальный календарь природы. Кроме названия месяца все пьесы имели подзаголовки.

• Прослушивание музыкального этюда «Апрель. Подснежник».

Вопросы к беседе по музыкальному произведению.

1. Какие картины возникают у вас в воображении, когда слушаете эту мелодию?
2. С какими явлениями природы можно сравнить звучание музыки?
3. Каким вы представляете себе подснежник, первый цветок весны?

Учитель: Итак, мы познакомились с русским словом «подснежник», с тем, какие образы созданы на основе понятия «подснежник» и слова «подснежник». Настало время попытаться создать собственный образ этого цветка.

VII. Речетворческая мастерская.

Работа учащихся над собственными текстами о подснежнике (*работа идет в сопровождении музыки*).

Темы творческих работ:

1. Подснежник – весеннее чудо.
3. Под вечным небом.
4. Любовь земли.
5. Спасибо, музыка, за то...
6. Волшебный цветок.

Учитель: Если будете испытывать затруднение, обратитесь к раздаточному материалу (*Приложения №№ 1, 2*).

VIII. Проверка выполнения творческих работ.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

ЗАДАННЫЕ РИФМЫ К ЧЕТВЕРОСТИШИЯМ О ПОДСНЕЖНИКЕ

- 1) (веселая) капель – чудо-апрель,
(хрустальный) звон – вот он;
- 2) на мохнатой ножке – в ладошке,
красиво – на диво;
- 3) тронь – динь-дон,
весны глаза – (как) бирюза.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

ТЕМАТИЧЕСКИЕ БЛОКИ ДЛЯ МИНИ-СОЧИНЕНИЙ

Времена года – Апрель – Подснежник – Музыка

С ЧЕГО НАЧАТЬ?

Легкая, чудесная, воздушная, похожая на вальс музыка. Хочется покружиться, закрыть глаза, помечтать. Мелодия стремится то вверх, то вниз, то замирает, как бы потеряв дар звука перед этим чудом.

На тоненькой зеленой ножке; качает хрупкой головой; резные фарфоровые лепестки; застывшее удивление. Маленькая поэтическая сказка. Отчаянно-храбрый. Подарок весеннего солнца.

С чего начинается весна? С капли? С прилета грачей? С трели жаворонка? С первоцвета? С твоего сердца – оно всему начало.

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СЕЛАХ*

АМУРСКАЯ ОБЛАСТЬ СВОБОДНЕНСКИЙ РАЙОН

Село Черновка

Село основано в 1911 г. Первоначально – разъезд Черновский. Название дано в честь инженера Чернова, руководившего строительством железной дороги на этом участке Транссиба.

По данным «Топонимического словаря Амурской области» (автор Е.В.Сутурин), село названо по имени первых поселенцев – Черновых.

Село располагается в 30 км от г.Свободный на правом берегу реки Большая Пёра. В селе имеется действующий керамический завод, железнодорожная станция.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии (семьи Кабановых, Пчельниковых, Андрияшко).

В Черновке родилась Герой Советского Союза Н.М.Распопова.

Село Чембары

Первые поселенцы появились в 1904-05 гг., но само село было основано в 1909 г.

Первоначальное название села – Степановка – по имени одного из первых переселенцев Степана Алексеенко. Название «Чембары» село получило позднее – в честь геолога Чембарова, который занимался поисками железной руды и железного колчедана на месте расположения села. Чембаров был влиятельным человеком в г.Алексеевск (ныне г.Свободный) и настоял на переименовании села в свою честь. Это вызвало недовольство у жителей села, тем не менее, название Чембары было утверждено официально.

По данным «Топонимического словаря Амурской области» (автор Е.В.Сутурин), село основано в 1910 г. Название происходит от эвенкийского «чэмбэрэ» – «прилипшая глина» (почвы в окрестностях села являются глинистыми).

Село располагается в 32 км от г.Свободный, на левом берегу реки Большая Пёра.

Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии.

Поселок Юхта

Поселок основан в 1926 г. Располагается в 17 км от г.Свободный.

Название эвенкийского происхождения – от слова «юктэ» со значением «ручей, источник».

Село Москвитино

Село основано в 1864 г. Расположено в 40 км от г.Свободный по обоим берегам реки Голубая. Село названо именем землепроходца И.Ю.Москвитина.

По данным А.Кириллова, село основано в 1862 г. старообрядцами из Восточной Сибири. В 80-е гг. XIX в. к ним приселились выходцы из Полтавской губернии.

* Использованы данные «Топонимического словаря Амурской области» Е.В.Сутурина (Благовещенск, 2000), книги «Амурская область. Опыт энциклопедического словаря» Н.К.Шульмана (Благовещенск, 1989), репринтного издания «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей» А.Кириллова (Благовещенск, 1894), книги «Наш район. Страницы истории» В.Давыдова (Свободный, 1991), а также материалы научных экспедиций в села.

Село Гашенка

Село расположено в 28 км от г.Свободный, в долине реки Зея. Название получило по реке Гашуха. Основано в 1906 г. выходцами из Украины. Население около 160 человек.

Село Заган

Село расположено в 40 км от г.Свободный, на правом берегу реки Зея. Основано в 1906 г. старообрядцами (семейскими) из Забайкалья. Первоначальное название – Майориха, в основу второго, закрепившегося за селом, было положено название населенного пункта, из которого шло переселение на Амур (село Новый Заган Тарбагатайской волости Забайкалья, названное по Заганскому хребту).

ШИМАНОВСКИЙ РАЙОН

Село Ураловка

Село образовано в 1912 г. Располагается в 90 км от г.Шимановск на левом берегу реки Зея. В советское время в селе находился лесопункт Зейского леспромхоза.

Первыми поселенцами были семьи Пискуновых, Власовых, Соколовых, Иванниковых, Бушмакиных, Дмитрюк, Сидорюк. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, центральная Россия. Название, согласно одной из версий, дано по имени речного судна «Урал», которое простояло около села две недели из-за убытия воды в реке.

Село Чагоян

Село основано в 1910 г. на месте стойбища манегров (тунгусо-язычного племени). Раннее название – Михайловское; современное – Чагоян – дано селу в 1912 г. (монгольское «цаган» – «белый»; в том месте, где расположено село, берега Зеи сложены белым известняком). По другим версиям, название села происходит от китайских слов «чага» (известь) и «ян» (есть) или от имени китайского купца-промышленника Ча Го Яна. Расположено в 45 км от г.Шимановск на берегу реки Зея, где находится каменный карьер по разработке известняка. Первые поселенцы – семьи Кухлиных, Нетунаевых, Мищенко.

Село Кухтерин Луг

Село основано в 1909 г. Расположено на правом берегу реки Зея в 86 км от г.Шимановск. В советское время в селе располагался лесозаготовительный участок Зейского леспромхоза, завод по изготовлению шпал. Неофициальные названия: Кухтерино, Кухтерин. По данным «Топонимического словаря Амурской области» (автор Е.В.Сутурин), название дано в честь главы г.Благовещенск того времени, когда было образовано село. По данным старожилов села, оно так названо в честь купца Кухтерина. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, Центральная Россия.

АРХАРИНСКИЙ РАЙОН

Село Иннокентьевка

Основано в 1857 г. Расположено на левом берегу реки Амур в 35 км от п.Архара. Первоначально названо станицей Нижнебуреинской. Название Иннокентьевская станица получила в честь Иннокентия Вениаминова – архиепископа Камчатской епархии, который, спускаясь по Амуру летом 1862 г., освятил построенную здесь церковь. Первые поселенцы (семьи Масич, Муромцевых, Чеушевых) – забайкальские казаки, прибывшие на Амур с целью охраны и освоения дальневосточных земель. Вторая волна переселенцев – жители западных

областей России, белорусы, украинцы. В настоящее время в селе проживает около 500 человек.

Село Красный Луч

Основано в 1926 г. переселенцами из Брянской области. Расположено в долине реки Амур в 47 км к юго-западу от п.Архара. В настоящее время в селе проживает около 200 человек.

Село Грибовка

Основано в 1898 г. переселенцами из Могилёвской губернии и названо в честь землеустроителя Грибского. Расположено в 26 км к северо-востоку от п.Архара на правом берегу реки Архара. В настоящее время в селе проживает около 360 человек. Сохранилась здесь и небольшая община староверов, прадеды которых в числе первых осваивали эту территорию в конце XIX в.

Село Могилёвка

Основано в 1899 г. Расположено в долине реки Архара в 31 км к северо-востоку от п.Архара. Большинство первопоселенцев, приехавших по решению правительства в конце XIX в. на плодородные земли Дальнего Востока, были родом из Могилёвской губернии. Первыми в Могилёвку переселились семьи Куриловских, Кирсановых, Мурашкиных, Исайкиных, Хортовых. Позже сюда приезжали из Воронежской, Калужской областей, из соседних распавшихся деревень – Дыдóв и Гилёвки.

Село Касаткино

Образовано в 1852 г. как село Халтан (Халтанская станица) казаками-переселенцами. В 1857 г. переименовано по фамилии доктора И.А.Касаткина, участника экспедиции, организованной Н.А.Муравьёвым-Амурским в 1854 г. По рассказам старожилов, тонувший в Амуре доктор был спасён казаками. В благодарность он воздвиг на берегу реки часовню, названную Касаткинской. Такое же название получила и станица.

В числе первых поселенцев – семьи Вырупаевых, Рукавишниковых.

Село Касаткино расположено на левом берегу реки Амур в 70 км от п.Архара. В настоящее время здесь проживает 558 человек около 19 национальностей: русские, белорусы, украинцы, мордовцы, татары и др. Среди старожилов села есть потомки гуранов, первопоселенцев из Забайкалья.

Село Сагибово

Основано в 1859 г. Расположено в 95 км к юго-востоку от п.Архара на левом берегу реки Амур. Среди старожилов села есть потомки гуранов, первопоселенцев из Забайкалья.

МАЗАНОВСКИЙ РАЙОН

Село Михайловка

Село расположено в 40 км от п.Новокиевский Увал, на правом берегу реки Бирма. Основано в 1906 г. Село названо в честь одного из первопоселенцев Михайлова. Национальный состав: русские, украинцы, белорусы, поляки.

Село Красноярово

Село расположено в 46 км от п.Новокиевский Увал, на левом берегу реки Зeya. Бывшая центральная усадьба колхоза «Краснояровский», объединявшего сёла Красноярово, Петров-

ку, Антоновку, Леонтьевку и Михайловку Мазановского района. Основано в 1884 г. Название село, по одной из версий, получило по красноватому цвету прибрежного песка, по другой версии, было названо в честь первопроходца Красноярова. Национальный состав жителей разнороден: русские, белорусы, украинцы, поляки. Первопоселенцы приехали их центральных и южных областей России – Ростовской, Брянской, Калужской, Воронежской, а также из Винницкой, Житомирской и Черниговской областей Украины. Население примерно 1000 человек.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Агафонова Таисия Семеновна, 1928 г.р. *Проживает в с. Ураловка Шимановского района.*

Борисова Неонилла Максимовна, 1931 г.р. *Родилась в с. Татакан Архаринского района. С 1981 г. проживает в с. Грибовка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток из Белоруссии.*

Букач Елена Григорьевна, 1932 г.р. *Родилась в Мордовии. В 1939 г. переселилась в Амурскую область, с 1942 г. проживает в с. Гащенко Свободненского района.*

Василец Наталья Ивановна, 1937 г.р. *Проживает в с. Черновка Свободненского района.*

Вашула Евгения Александровна, 1928 г.р. *Родилась в Белоруссии. С 1983 г. проживает в с. Михайловка Мазановского района.*

Волобуева Любовь Даниловна, 1927 г.р. *Родилась и проживает в с. Черновка Свободненского района. Мать родом из Забайкалья, отец – из Украины.*

Высоцкая Надежда Ильинична, 1933 г.р. *Родилась в д. Малиновка Шимановского района. Проживает в с. Кухтерин Луг Шимановского района.*

Вячеславова Полина Степановна, 1928 г.р. *Родилась и проживает в с. Иннокентьевка Архаринского района. Родители переселились на Дальний Восток из Черниговской области в 1910 г.*

Гольшева Зинаида Яковлевна, 1932 г.р. *Проживает в с. Чагоян Шимановского района.*

Горев Алексей Макарович, 1918 (?) г.р. *Родился в Новгородской области. С 1936 г. проживает на Дальнем Востоке, с 1940 г. – в п. Юхта Свободненского района.*

Грачева Нина Федоровна, 1937 г.р. *Родилась в с. Буколь Шимановского района Амурской области. С 1966 г. проживает в с. Ураловка Шимановского района.*

Демидов Николай Павлович, 1937 г.р. *Родился в с. Среднеорск Свободненского района. Проживает в с. Чембары Свободненского района.*

Деникина Федосья Прокофьевна, 1930 г.р. *Проживает в с. Ураловка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Украины.*

Дудина Ольга Матвеевна, 1925 г.р. *Проживает в с. Касаткино Архаринского района.*

Ельчанинова Галина Петровна, 1932 г.р. Родилась в с.Овсянка Зейского района Амурской области. Проживает в с.Ураловка Шимановского района. Мать родом из Молдавии, отец – из Сибири.

Ерофеева Фёкла Гурьяновна, 1925 г.р. Родилась и проживает в с.Заган Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Забайкалья (деревня Куналей).

Загрудная Мария Григорьевна, 1932 г.р. Родилась на Украине. С 1936 г. проживала в с.Борзя Читинской области, с 1940 г. – в с.Иннокентьевка Архаринского района.

Кальченко Раиса Сергеевна, 1930 г.р. Родилась в Воронежской области, с 1961 г. проживает в с.Могилёвка Архаринского района.

Кизилова Анна Васильевна, 1917 г.р. Родилась на Алтае. С 1961 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Кирющенко Раиса Терентьевна, 1928 г.р. Родилась в с.Верино Лазовского района Хабаровского края. С 1961 г. проживает в с.Касаткино Архаринского района. Отец – коренной житель села, мать приехала из Белгорода.

Колесникова Вера Ивановна, 1921 г.р. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Косицын Василий Владимирович, 1923 г.р. Родился в Ивановском районе. С 1947 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Косицына Антонина Сергеевна, 1925 г.р. Родилась в Тамбовском районе. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Кузина Татьяна Ивановна, 1938 г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Ледовская Мария Ивановна, 1918 г.р. Родилась в с.Мазаново Мазановского района. Проживает в с.Чагоян Шимановского района.

Мурашкина Нина Григорьевна, 1928 г.р. Родилась и проживает в с.Могилёвка Архаринского района. Отец приехал на Дальний Восток из Украины (Херсонская область), мать – из Белоруссии.

Непомящая Валентина Андреевна, 1937 г.р. Проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Новикова Валентина Емельяновна, 1931 г.р. Родилась в Челябинской области. В 1940 г. переехала в г.Свободный. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Ноншакова Раиса Сидоровна, 1924 г.р. Родилась в Серышевском районе. Проживает в с.Черновка Свободненского района. Мать – из Воронежской области.

Пинтусова Мария Алексеевна, 1926 г.р. Родилась в с.Святое Рогачевского района (Белоруссия). С 1929 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Пичуева Наталья Ильинична, 1940 г.р. Родилась в с.Белоногово Серышевского района. С 1954 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Позднякова Любовь Григорьевна, 1921 г.р. Родилась в Брянской области. С 1926 г. проживает в с.Красный Луч Архаринского района.

Редькин Василий Григорьевич, 1924 г.р. Родился в Белоруссии, вскоре вместе с родителями переехал в с.Михайловка Благовещенского района. С 1959 г. проживает в с.Чембары Свободненского района.

Репешко Лидия Николаевна, 1918 г.р. Родилась в с.Украинка Серышевского района. Проживает в с.Черновка Свободненского района. Мать родом из Киева, отец – из Молдавии.

Ромолова Евгения Дмитриевна, 1929 г.р. Родилась на Украине. С 1961 г. проживает в с.Ураловка Шимановского района.

Свинкин Устин Исаакович, 1930 г.р. Родился и проживает в с.Заган Свободненского района Амурской области. Родители переселились из Забайкалья.

Свинкина Улиана Ивановна, 1936 г.р. Родилась и проживает в с.Заган Свободненского района. Мать родилась в с.Бирма Свободненского района, отец – в с.Заган Свободненского района.

Смолкина Елена Кузьминична, 1941 г.р. Родилась в Курской области. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Сухоносик Варвара Гавриловна, 1922 г.р. Родилась и проживает в с.Гаиценка Свободненского района. Родители переселились на Дальний Восток из Белоруссии в 1911 году.

Тихомирова Вера Степановна, 1929 г.р. Родилась и проживает в с.Касаткино Архаринского района. Родители приехали на Дальний Восток из Татарии в 1928 г.

Тихонова Клавдия Ивановна. Родилась в с.Улемкан Зейского района. С 1988 г. проживает в с.Черновка Свободненского района. Родители приехали в Амурскую область из Украины.

Тугарина Людмила Георгиевна, 1931 г.р. Родилась в г.Хабаровске. Мать родом из г.Ульяновска, отец – из г.Омска. В 1937 г. семью сослали в Мазановский район. С 1955 г. Л.Г.Тугарина проживает в с.Касаткино Архаринского района.

Тюмин Аркадий Иванович, 1918 г.р. Родился в Пермской области. С 1954 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Тюмина Надежда Петровна, 1921 г.р. Родилась в Белоруссии. Проживает в с.Черновка Свободненского района.

Черногор Антонина Андреевна, 1938 г.р. Родилась в Амурской области. С 1960 г. проживает в с.Черновка Свободненского района.

Читайко Анна Сергеевна, 1944 г.р. Родилась в с.Автономовка Серышевского района Амурской области. С 1973 г. проживает в с.Красноярово Мазановского района. Родители переселились на Дальний Восток из Украины.

Шевченко Надежда Иосифовна, 1926 г.р. Родилась в г.Могилеве. С 1942 по 1952 гг. жила с родителями в с.Журавлевка Архаринского района Амурской области, потом уехала в

г.Ворошиловоград (Украина). Вернулась на Дальний Восток в 70-е гг. Проживает в с.Касаткино Архаринского района.

Шелепов Иван Михеевич, 1929 г.р. Родился и проживает в с.Красноярово Мазановского района.

Шишкина Евдокия Кузьминична, 1914 г.р. Родилась в г.Воронеже. С 1939 г. проживает в с.Москвитино Свободненского района.

СОБИРАТЕЛИ ДИАЛЕКТНОГО И ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА

2000

Руководитель:

Оглезнева Елена Александровна

Преподаватели и студенты:

Акуленко Ольга

Дементьева Олеся

Дьяченко Наталья

Иванова Наталья Владимировна

Капустина Лариса

Моргунова Людмила

Попович Раиса

Старновская Татьяна

Тахаева Зинаида Ивановна

Туякова Анастасия

Ющенко Делина

Хорош Наталья

2002

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Аркатова Татьяна

Волегов Сергей Владимирович

Галимова Дарья Николаевна

Зверева Оксана

Игнатенко Светлана

Ляшенко Мария

Пасемина Екатерина

Поздняк Елена

Полищук Татьяна

Полякова Яна

Радкевич Наталья

Степанова Ирина

Суховой Екатерина

Фомичева Татьяна

2001

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Белуха Наталья

Гирько Ирина

Грибкова Елена Викторовна

Зайцева Диана

Зенкова Оксана

Иванова Оксана Сергеевна

Кузнецова Ирина

Мальцева Елена

Мельникова Оксана

Назаренко Ольга

Назарова Татьяна

Нифонтова Евгения

Оглых Ирина

Федотова Марина

Хакимова Лариса

2003

Руководители:

Оглезнева Елена Александровна

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Базарова Светлана

Волгузова Татьяна

Волошина Екатерина

Галимова Дарья Николаевна

Земерс Нелли

Калачева Александра

Лоцилина Юлия

Павлова Анастасия

Семенов Максим

Сиротина Евгения
Шакун Татьяна
Шейна Надежда

Гордеева Светлана
Гребенникова Екатерина
Краснощёка Ольга
Павлова Анастасия
Пушкарёва Ксения
Русанова Ольги
Смбаева Наталья
Собка Вероника
Степанова Юлия
Филина Анастасия
Хромов Максим
Шакун Татьяна

2004

Руководитель:

Архипова Нина Геннадьевна

Преподаватели и студенты:

Абрамкина Анна

Алферова Ирина

Галимова Дарья Николаевна

АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВА ГАЛИНА КУЗЬМИНИЧНА, учитель русского языка и литературы МОУ СПОШ № 2 г.Благовещенск. Имеет высшую квалификационную категорию, звания «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель школы Российской Федерации», является победителем конкурса грантов Президента Российской Федерации.

Алексеева Г.К. воспитывает художественный вкус, любовь к родному слову не только на уроках, но и через внеурочную работу, осваивая на практике новые учебные программы и комплексы развивающего обучения. Она руководит научной работой школьников, является автором более десяти научно-методических публикаций по проблемам преподавания русского языка и литературы. Ведёт большую просветительскую работу среди населения.

E-mail: charli71@mail.ru

АЛЬБЕЕВА ЛЮБОВЬ МИХАЙЛОВНА, учитель русского языка и литературы МОУ СПОШ № 6 г.Благовещенск, учитель высшей категории, Отличник народного просвещения, Заслуженный учитель школы Российской Федерации, победитель конкурса грантов Президента Российской Федерации.

Альбеева Л.М. стремится сделать процесс обучения увлекательным, раскрыть возможности каждого учащегося и пробудить его инициативу.

АРХИПОВА НИНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии АмГУ, старший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Окончила филологический факультет Благовещенского государственного педагогического института, защитила кандидатскую диссертацию в Московском педагогическом государственном университете на тему «Сочетаемость слова в лексикографическом описании». Сфера научных интересов – региональная лексикология и лексикография, лексическая семантика, лингвофольклористика, этнолингвистика. Архипова Н.Г. – автор более 45 научных и учебно-методических публикаций.

E-mail: charli71@mail.ru

БОРОДАТОВ АРТЁМ ВАСИЛЬЕВИЧ, преподаватель культурологии и философии, сотрудник лаборатории региональной лингвистики, осуществляет разработку сайта лаборатории и подготовку электронных приложений к альманаху «Слово».

E-mail: artem_borodatov@mail.ru

ГАЛИМОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, ассистент кафедры русской филологии АмГУ, младший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

В 2001 г. окончила Благовещенский государственный педагогический университет. С этого же года работает на кафедре русской филологии. В 2004 г. Дарья Николаевна поступила в аспирантуру Томского госуниверситета. Область ее научных интересов – русская метафора, а именно метафорическая картина мира в русских говорах Приамурья.

E-mail: darja_galimova@mail.ru

ГЛУЩЕНКО ОЛЕСЯ АЛЕКСАНДРОВНА, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Камчатского государственного университета. Сфера научных интересов связана с проблемой сопоставления систем литературного языка и народных говоров.

E-mail: oag.kam@mail.ru

ЕРЕМЕНКО ГАЛИНА НИКОЛАЕВНА, зав. отделом работы с периодикой Амурской областной детской библиотеки, накопила богатый опыт исследования по теме «Моя родословная». Еременко Г.Н. плодотворно сотрудничает с педагогическим коллективом МОУ СОШ № 2 г.Благовещенска, организуя работу кружка по изучению истории семьи. Под ее руководством неоднократно организовывались выставки книг, детских работ, посвященные родословной.

ЛАГУТА НИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

В 1997 г. окончила Благовещенский государственный педагогический университет. В 2000 г. поступила в аспирантуру Томского госуниверситета, по окончании которой успешно защитила кандидатскую диссертацию на тему «Бытийные предложения в русских говорах Приамурья: структура, семантика функционирование».

E-mail: nlaguta@mail.ru

ОГЛЕЗНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, кандидат филологических наук, завкафедрой русской филологии АмГУ, руководитель лаборатории региональной лингвистики.

Окончила Томский государственный университет и аспирантуру при нем. В 1996 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему «Номинативное поле производного имени существительного конкретной семантики в русских говорах Приамурья». Автор более 50 научных и учебно-методических публикаций, 22 из которых посвящены изучению диалектного словообразования и отражению народной картины мира в лексике говоров.

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

РАЧКО ЕЛЕНА ЕВГЕНЬЕВНА, старший преподаватель кафедры русской филологии АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

В 1985 г. окончила филологический факультет Благовещенского государственного пединститута.

Сфера научных интересов связана с диалектной лексикографией. Ею проводится техническая обработка картотеки Словаря русских говоров Амурской области.

СОСИНА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, ассистент кафедры русской филологии АмГУ, сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

В 1997 г. окончила филологический факультет Благовещенского государственного педагогического университета.

Сфера научных интересов – описание отдельных фрагментов лексической системы русских говоров Приамурья. Является техническим редактором всех выпусков фольклорно-диалектологического альманаха «Слово» и других кафедральных изданий.

СТАРЫГИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии АмГУ, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики.

Окончила Благовещенский государственный пединститут в 1988 г.

В 2004 г. защитила в Учёном совете Томского государственного университета кандидатскую диссертацию, в которой исследовалась «История Сибири» Г.Ф.Миллера как лингвистический источник.

Старыгина Г.М. – участник фольклорно-диалектологических экспедиций, активный исследователь русских говоров Приамурья.

E-mail: starygina36@mail.ru

ТУБАЛОВА ИННА ВИТАЛЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. Область ее научных интересов связана с проблемами языковой картины мира, диалектологии, лингвофольклористики и этнолингвистики. С 1988 г. работает над темой «Язык фольклора Сибири», разрабатывая проблемы концептуальной организации фольклорного дискурса, в эстетически переработанной форме выражающего особенности мифологической стороны сознания человека.

ЭМЕР ЮЛИЯ АНТОНОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Томского государственного университета. Эмер Ю.А. плодотворно работает в области исследования языка фольклора. Она является автором многочисленных статей, посвященных изучению языковой картины мира фольклорного текста различных жанров: лирической песни, частушки, заговора и др. Ею разрабатывается тема «Миромоделирующая функция жанров фольклора», рассматривается проблематика, связанная с динамическим изменением архаического сознания, фиксируемым фольклорным текстом.

СТУДЕНТЫ 4 и 5 курсов филологического факультета Филина Анастасия, Мисак Анна, Пушкарева Ксения, Краснощека Ольга, Крыжанская Ксения, Русанова Ольга. Все они активно занимаются исследовательской работой в лингвистических научных семинарах, являются участниками фольклорно-диалектологических экспедиций. Темы их курсовых и дипломных работ связаны с изучением говоров и фольклора Приамурья.

СОДЕРЖАНИЕ

От авторов	3
<i>Современные исследования русских говоров и фольклора</i>	
<i>Глуценко О.А.</i> Наречия образа действия в литературном и народном языке.....	6
<i>Губалова И.В.</i> Социально-ролевая структура среднеобского фольклорного мира (лингвокультурологический аспект)	18
<i>Эмер Ю.А.</i> Фольклорный коллектив и его мир в среднеобской лирической песне (лингвокультурологический портрет)	22
<i>Архипова Н.Г.</i> Рукописные девичьи альбомы: жанрово-тематическое своеобразие.....	26
<i>Галимова Д.Н.</i> Метафорические существительные, представляющие понятийные сферы «артефакты» и «натурфакты» в русских говорах Приамурья.....	32
<i>Материалы студенческих конференций и семинаров</i>	
<i>Архипова Н.Г., Филина А.</i> Особенности языка фольклора в условиях говоров переходного типа (на материале лирических песен, записанных в Приамурье).....	40
<i>Архипова Н.Г., Мисак А.</i> Наименования лиц мужского пола в русских говорах Приамурья.....	43
<i>Пушкарева К.</i> Устные воспоминания старожилов амурских сел о Великой Отечественной войне: структурно-типологический анализ	47
<i>Краснощека О.</i> Свадебный обряд в воспоминаниях старожилов Амурской области.....	51
<i>Крыжанская К.</i> Русская печка как символ крестьянского мироустройства	54
<i>Амурское старообрядчество</i>	
<i>Архипова Н.Г.</i> Амурское старообрядчество: языковой аспект	57
Из истории изучения старообрядческого движения в Приамурье: А.А.Кауфман.....	67
<i>Кауфман А.А.</i> Амурские староверы.....	68
Села Амурской области, основанные старообрядцами	73
<i>Архипова Н.Г.</i> Речевой портрет амурского старообрядца	79
Тексты.....	81
<i>Фекла Гурьяновна Ерофеева</i>	81
<i>Устин Исаакович Свинкин, Улиана Ивановна Свинкина</i>	83
<i>Неонилла Максимовна Борисова</i>	92
Комментарий	99
<i>Речевые жанры</i>	
<i>Лагута Н.В.</i> Жанр «Объяснение» в речи амурских старожилов	105
Тексты.....	109
Жанр «Воспоминание» в речи амурских старожилов	116
Рассказы-воспоминания.....	116
«Судьба у меня печальная, очень печальная».....	116
«Там, в Манчжурии, встретили войну».....	117
«Я много где работала».....	117
«Работы много было».....	118
«Тут жених прибежал, ревет, как бык...»	119
«Вот и весь замуж!»	120
«Чё у тебя есть? Девка? Вот и свадьба!».....	120
«Раньше, знаешь, за килограмм пшеницы давали срок»	121
<i>Словарь</i>	
Д.....	123
Е-Ё.....	128

Ж	128
---------	-----

Язык фольклора

Лирические песни.....	132
Частушки	144
Заговоры	148
Народное врачевание	153
Сонник	154

Школа

<i>Еременко Г.Н.</i> «Твоя родословная». Программа работы школьного кружка	155
<i>Алексеева Г.К.</i> Эссе как жанр публицистической прозы. Урок по комплексному анализу текста о родном городе в 9 классе	159
<i>Альбеева Л.М.</i> Подснежник: слово, понятие, образ. Урок развития речи в 6 классе	162
Историческая справка о сёлах	167
Краткие сведения об информантах.....	170
Собиратели диалектного и фольклорного материала.....	173
Авторы	174

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Выпуск 4.

Изд-во АмГУ. Подписано к печати 26.12.06. Формат 60x84/8. Усл.-печ.л. 21,39.

Тираж 250. Заказ 88.

Отпечатано в типографии АмГУ.

